

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. В. Рубанов

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию
в качестве учебно-методического пособия
для студентов учреждений высшего образования
по специальности «социология»*

МИНСК
БГУ
2023

УДК 316(075.8)

ББК 60.5я73

P82

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра экономической социологии и психологии
предпринимательской деятельности
Белорусского государственного экономического университета
(заведующий кафедрой кандидат социологических наук,
доцент *И. В. Лашук*);
кандидат социологических наук, доцент *Е. В. Шкурова*

Рубанов, А. В.

P82 Современная социология : учеб.-метод. пособие / А. В. Рубанов. – Минск : БГУ, 2023. – 399 с.
ISBN 978-985-881-542-4.

Рассмотрены основные тематические поля и категории социологической науки. Особый акцент сделан на актуальных проблемах и оценках современности, созидательной деятельности человека и перспективах развития общества.

Для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по специальности «социология».

УДК 316(075.8)
ББК 60.5я73

ISBN 978-985-881-542-4

© Рубанов А. В., 2023
© БГУ, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Представленное учебно-методическое пособие написано в соответствии с новым образовательным стандартом, учебным планом и обновленными учебными программами для студентов, обучающихся по специальности «социология». Оно включает три раздела, в которых рассматриваются особо актуальные проблемы состояния и развития современной общественной жизни и социологической науки: теоретическую социологию, социологию творчества и социологию девиантного поведения.

Первый раздел посвящен анализу предмета и структуры социологической науки. В нем раскрыто содержание ее основных категорий, таких как общество и его основные типы, социальный порядок, социальная структура, институты и мобильность, социальное взаимодействие, организации и движения. Проанализированы основные парадигмы социологической науки, объясняющие причины, движущие силы и тенденции развития общества, предпосылки, ход и основные закономерности социальных революций. Дано социологическое понимание личности и механизмов ее социализации. Особое внимание уделено анализу актуальных проблем, тенденций и перспектив развития современного общества.

Второй раздел знакомит с ведущими концепциями, объясняющими суть, механизмы и особенность творческого процесса; разъясняет методы творческой деятельности, сопутствующие ей условия и технологии; раскрывает мотивацию творчества, характерные черты творческих личностей, биографические особенности их творческого и жизненного пути; показывает специфику индивидуального и коллективного творчества. Особое внимание акцентируется на сущности, предпосылках, механизмах и субъектах социальных преобразований, которые охватывают общество в целом и его отдельные подсистемы: основы социальной организации, экономику, политику, культуру, духовную жизнь человека.

При подготовке третьего раздела автор исходил из того, что девиантное (отклоняющееся) поведение как действия и поступки людей, которые отклоняются от социально признанных норм поведения, может рассматриваться двояким образом. Во-первых, как поведение конкретного человека, не отвечающее официально установленным или фактически сложившимся социальным нормам. Во-вторых, как явление в массовом поведении людей, противоречащее узаконенным и признанным образцам. В первом значении девиантное поведение

является главным образом объектом психиатрии, психологии, педагогики; во втором – предметом преимущественно социологического изучения.

При разъяснении особенностей социологического подхода к изучению девиантного поведения раскрываются предметная область и функции социологии девиантного поведения; анализируются основные объяснительные модели предпосылок, формирования и распространения девиаций; показаны примеры их конкретных проявлений в поведении людей и жизни общества. Особое внимание обращается на личные и социальные последствия девиантного поведения, практический опыт исследования различных видов девиаций, методы их профилактики.

Данное учебно-методическое пособие имеет некоторые особенности. Во-первых, при изложении учебного материала автор исходит из понимания социологии как полипарадигмальной науки, которая предполагает разнообразие подходов при объяснении различных явлений и процессов общественной жизни. В издании приведена интерпретация основных категорий понятийного аппарата социологии и ее методологических принципов ведущими представителями классической и современной социальной мысли. Во-вторых, объяснение теоретико-методологических основ представленных социологических дисциплин сочетается с активным привлечением эмпирических данных, в том числе полученных в результате исследований, проведенных автором.

Раздел I
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Самое краткое и одновременно точное определение социологии напрямую связано с происхождением данного термина. *Социология* (от лат. *societas* – социум, общество и *logos* – мудрость, знание) – это наука об обществе.

Первым слово «социология» использовал в 1780 г. французский политический деятель и публицист аббат Э.-Ж. Сийес в рукописи, которая не была опубликована при его жизни. В научный оборот термин «социология» в 1839 г. ввел О. Конт.

Социология как наука об обществе имеет трехуровневую структуру:

1) *прикладная (эмпирическая) социология*. Ее предмет – сбор с помощью специфических социологических и статистических методов информации об общественном мнении и массовом поведении людей в различных сферах жизни общества;

2) *теории среднего уровня* (специальные, частные, отраслевые). Предмет – разработка категориального аппарата, объясняющего механизм и закономерности функционирования и развития отдельных сфер общественной жизни (структурных частей, подсистем общества);

3) *теоретическая социология*. Предмет – разработка категориального аппарата, позволяющего объяснить механизм и закономерности функционирования и развития общества.

Исследование общества социология ведет на макро- и микроуровнях. *Макросоциология* изучает в первую очередь общество как единое целое, его типы, развитие, структуру, социальные институты, их влияние на поведение человека. *Микросоциология* отдает предпочтение выяснению типов и мотивов поведения людей, социальному взаимодействию и групповым формам деятельности. Основными объектами микросоциологии являются личность, ее поведение в повседневной жизни, межличностное и межгрупповое взаимодействие, семья, дружеская компания, община, организация, социальное движение и т. п.

Тематическое поле теоретической социологии включает следующие основные блоки: общество и социальный порядок; личность и социализация; повседневность и социальное взаимодействие; малые группы, организации и движения; социальная структура и мо-

бильность, социальные институты; социальные изменения и развитие; конфликты и революции.

Так, О. Конт выделял в социологии два основных направления теоретических исследований: социальную статику и социальную динамику. *Социальная статика* рассматривает общество с точки зрения сохранения его целостности и стабильности. Ее главная проблема – это социальный порядок или социальная организация. Социальная статика предполагает поиск ответа на вопрос: как возможно существование общества, совместной организованной жизни людей? *Социальная динамика* интересуется изменениями, происходящими в обществе: их причинами, характером, движущими силами и направленностью общественного развития.

Современный польский социолог П. Штомпка уточнял, что обращение к проблеме общества и его развития требует ответа на три онтологических вопроса об устройении социальной реальности: что является основой социального порядка? что составляет природу человеческой деятельности? каковы механизм и направление социальных изменений? «Такие вопросы, – писал он, – задавали все классики, основатели социологии»¹.

Следует также различать такие взаимосвязанные между собой понятия, как «общество» и «культура». Понятие «общество» охватывает основы социальной организации людей на разных уровнях совместной жизни, а понятие «культура» характеризует способ жизнедеятельности и образ повседневной жизни людей. Так, можно дать следующее социологическое определение культуры – это представления о мире, ценностях и нормах, которые являются общими для людей, принадлежащих к одной социокультурной общности, и определяют особенности их поведения.

Наряду с понятиями «общество», «общественная жизнь» выделяют родственные им понятия «социальность», «социальный», «социальная реальность», «социетальность». Понятие «социальность» охватывает все, что относится к совместной жизни людей, а понятие «социальный» характеризует личностные качества людей и внешних условий, способствующих организации их совместной жизни. Понятие «социальная реальность» – это реально (действительно) существующие социальные факты, явления и процессы. Понятие «социетальность» Т. Парсонс рассматривал как систему социальных

---

¹ Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социол. исслед. 2005. № 10. С. 68.

ролей, которые люди могут и должны на себя принимать в рамках дифференцированного общества. Часто данный термин употребляют для описания явлений и процессов на уровне общества в целом.

Социология – полипарадигмальная наука. Т. Кун, который ввел в научный дискурс понятие «парадигма», так объяснял ее сущность: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения»¹.

Автор монографии «Структура социологической теории» Дж. Тернер справедливо рассматривал в качестве основных социальных парадигм функциональные теории (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и Р. Мертон), теории конфликта (К. Маркс, Г. Зиммель, Р. Даррендорф и Л. Козер), теории взаимодействия (теория ролей и символический интеракционизм), теории обмена (Дж. Хоманс и П. Блау), а в качестве возможной альтернативной теоретической парадигмы – этнометодологию. Есть и другие, несколько отличные от данной, классификации социальных парадигм.

---

¹ Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова ; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского, Л. А. Марковой. М. : Прогресс, 1977. С. 11.

2. ОБЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

2.1. Понятие «общество»

Общество, или *социум* (лат. *socium* – общее), – это представленная на макро- и микроуровнях сложноорганизованная, саморазвивающаяся целостная система, структурные элементы (подсистемы) которой тесно взаимосвязаны и имеют многогранный характер.

Основные системные характеристики общества:

- интегративность – целостный характер элементов и их взаимосвязей;
- эмерджентность – несводимость свойств элементов к их простому суммированию, возникновение на основе их взаимодействия в результате синергетического эффекта качественно нового образования;
- функциональность – каждый элемент выполняет строго определенные функции, направленные на обеспечение эффективного функционирования общества как единого целого;
- открытость – ориентированность на разнообразное взаимодействие с окружающей средой;
- саморазвитие – способность к самоизменениям, обеспечивающим адаптацию к динамическим внутренним процессам и переменам в окружающей среде.

Общество как сложноорганизованная система состоит из относительно независимых и взаимосвязанных подсистем. Ими являются пять сфер общественной жизни: экономическая, политическая, социальная, духовная, а также сфера повседневной жизни.

Экономическая сфера охватывает деятельность и взаимодействия людей, касающиеся производства, обмена, распределения и потребления материальных благ.

Политическая сфера включает деятельность и взаимодействия людей, касающиеся власти и государственного управления.

Социальная сфера охватывает деятельность и взаимодействия людей, направленные на удовлетворение индивидуальных и групповых потребностей.

Духовная сфера включает деятельность и взаимодействия людей, касающиеся производства, передачи и усвоения духовных ценностей.

Сфера повседневной жизни охватывает каждодневную обыденную жизнь людей, их первичные действия и взаимодействия.

Существуют основные *теоретико-методологические подходы* к определению понятия «общество»:

- духовная реальность, основанная на коллективных представлениях (по Э. Дюркгейму);
- осмысленные действия людей, ориентированные на других (по М. Веберу);
- система отношений между людьми, основанная на нормах и ценностях (по Т. Парсонсу);
- совокупность общественных отношений, складывающаяся в процессе совместной производственной деятельности людей (по К. Марксу);
- системы коммуникаций (по Н. Луману).

На макроуровне выделяют следующие основные *типы общества*:

- глобальное общество – человечество с момента его возникновения до современного состояния;
- исторические типы общества – первобытное, древнее, феодальное, капиталистическое, социалистическое, а также переходное общество; по другому критерию – традиционное, индустриальное и постиндустриальное общества;
- культурно-религиозные – христианское, мусульманское, буддистское и др.;
- региональные – западноевропейское, восточноевропейское, ближневосточное, латиноамериканское и др.;
- общества, выделенные на основе государственно-национального критерия (белорусское, российское, немецкое и др.). Они являются приоритетным объектом изучения социологии.

Приведем наиболее известные подходы к определению отличительных признаков понятия «общество», выделенных на основе государственно-национального критерия.

Так, социолог Э. Шилз считал, что понятие «общество» применимо к любой исторической эпохе, к любому по численности объединению (группе) людей, если данное объединение обладает следующими признаками:

- не является частью какой-либо более крупной системы (общества);
- между его представителями заключаются браки;
- пополняется преимущественно за счет людей, которые уже являются его признанными представителями;
- обладает территорией, которую считает своей;
- имеет собственное название и свою историю;

- обладает собственной системой управления;
- существует дольше средней продолжительности жизни отдельного индивида;

- имеет общую систему ценностей (обычаев, традиций, норм, законов, правил, нравов), которую называют культурой¹.

Другой подход, близкий к предыдущему, связан с именем Р. Марша. Он приводит следующие признаки общества:

- территория, постоянная в своих государственных границах;
- пополнение общества главным образом за счет деторождения (иммиграция также играет некоторую роль в данном процессе);

- развитая культура – модели культуры могут быть достаточно многообразными, чтобы удовлетворить все потребности общественной жизни;

- политическая независимость – общество не является подсистемой (элементом) какой-то другой системы².

Общество возникло в период распада первобытного строя, когда стали доминировать социальные связи. Ф. Теннис конкретизировал представления о феномене общества, когда ввел разграничения понятий «общество» (*gesellschaft*) и «община» (*gemeinschaft*) и провел их сравнительный анализ по пяти *параметрам*:

1) индивидуальная мотивация: в общине – ориентация на принципы взаимопомощи; в обществе – рациональная (по принципу «минимум затрат – максимум результатов») реализация личных интересов;

2) социальный контроль: в общине – традиционные обычаи и неписанные законы; в обществе – формальное право;

3) разделение труда: в общине – ограниченная специализация; в обществе – узкая профессиональная специализация;

4) доминирующие ценности: в общине – религиозные, в своей основе общечеловеческие ценности; в обществе – светские;

5) основные социальные институты: в общине – семья, друзья, соседи; в обществе – правительства, политические партии, общественные объединения, ассоциации деловых кругов и т. п.³

---

¹ *Shils E.* The Constitution of Society. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1982. 383 p.

² *Marsh R. M.* Comparative sociology. N. Y. : Harcourt, Brage & World, 1967. URL: <https://archive.org/details/comparativesocio00mars/mode/2up> (date of access: 10.12.2021).

³ *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Владимир Даль, 2002. 448 с.

Отдельно выделяют понятие «общественно-экономическая формация», разработанное К. Марксом. В качестве ее структурных элементов философ выделял способ производства, производительные силы, производственные отношения (в первую очередь отношение к собственности), экономический базис, политико-правовую и идеологическую надстройку. Развитие общества, согласно марксистской теории, последовательно проходит следующие общественно-экономические формации: первобытно-общинный строй, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и коммунистическое (социалистическое) общество.

От К. А. Сен-Симона, О. Конта и Э. Дюркгейма берет начало периодизация общественного развития, основанная на делении общества на доиндустриальное (докапиталистическое) и индустриальное (капиталистическое, современное). А. Турен и Д. Белл дополнили данную периодизацию понятием «постиндустриальное общество».

Создателем классической теории индустриального общества чаще всего называют У. Ростоу, имея в виду его теорию перехода к «самоподдерживающемуся росту» (теория стадий экономического роста). Согласно данной теории, общество в процессе своего формирования проходит пять стадий экономического роста, которые различаются преимущественно уровнем технико-экономического развития и соответствующим ему характером социальных отношений.

Первая стадия экономического роста – традиционное общество (*the traditional society*). В нем господствует сельскохозяйственное производство, где занято более 75 % трудоспособного населения. Социальная структура имеет отчетливо выраженный иерархический характер, политическая власть сосредоточена в руках земельных собственников. *Вторая стадия* – период создания предпосылок для взлета (*the preconditions for take-off*) – является переходной к следующей стадии и характеризуется приоритетным развитием трех непромышленных сфер экономики: сельского хозяйства, транспорта и внешней торговли. *Третья стадия, или «взлет»* (*the take-off*), – это период промышленной революции, во время которой происходит резкое увеличение доли производственных инвестиций, быстрое внедрение новой техники и ускоренное развитие одного или нескольких базовых секторов промышленности. Стадия охватывает сравнительно небольшой промежуток времени (20–30 лет). В Англии она приходится на конец XVIII в., во Франции и Северной Америке – середину XIX в., в России – на 1890–1914 гг., в Китае и Индии – на начало второй половины XX в. *Четвертая стадия* – «движение к зрелости»

(*the drive to matur-ity*) – представляет собой этап длительного технического прогресса и доминирования промышленности, который сопровождается существенным повышением доли высококвалифицированного труда и активными процессами урбанизации. *Пятая стадия* экономического роста – «эпоха высокого массового потребления» (*the age of high mass consumption*). Ей соответствует сдвиг от производства к потреблению, когда промышленность начинает концентрироваться на производстве товаров массового потребления и резко возрастает значимость сферы услуг¹.

Для постиндустриального общества характерны следующие основополагающие *тенденции*:

1) переход от доминирования производства товаров к главной роли сектора услуг, включающего науку, образование, финансы, торговлю, медицину, транспорт, отдых, управление и т. п.;

2) доминирование в социальной структуре работников, занятых в сфере услуг, так называемого обслуживающего класса, над ролью профессиональных групп, работающих в науке и образовании;

3) центральная роль теоретического знания и самоподдерживающегося технологического роста;

4) формирование наукоемких технологий, применяемых прежде всего для обработки информации и ресурсосбережения;

5) доминирование в системе жизненных ценностей ориентации на получение знаний с помощью различных форм систематического образования².

Особое системообразующее значение в современных условиях имеет гражданское общество как сфера самопроявления, выражения интересов свободных граждан и их добровольно сформировавшихся объединений. Оно основано на приоритете личности, ее прав и свобод и возникло в ходе антифеодальной борьбы третьего сословия за представительство в структурах власти своих интересов. Сочетание гражданского общества и правового государства, в котором свобода реализации личных и групповых интересов регламентируется правовыми нормами, равными для всех, составляет основу социального порядка в современном обществе.

---

¹ *Rostow W. W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifest, 1960. N. Y. : Cambridge at the University Press, 1962. 196 p. URL: <https://archive.org/details/stagesofeconomic00rost/mode/2up> (date of access: 12.12.2021).

² *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. 788 с.

2.2. Социальный порядок

В поисках ответа на базовый вопрос организации общественной жизни: «Как возможно существование общества и государства?» – сложились различные, несовпадающие, а порой и весьма противоречивые теоретико-методологические подходы, по-разному объясняющие возникновение и сохранение социального и государственного порядка как основы организованной общественной жизни людей.

Конфуций, Платон и Аристотель о социальном порядке

В истории социальной мысли идея определенной формы порядка, лежащей в основе существования государства и общества, впервые достаточно отчетливо была выражена в конфуцианстве и философии Античности.

У *Конфуция* представление о социальном порядке основывается на сочетании двух принципов: строгой социальной иерархии и неукоснительном соблюдении ритуалов. Необходимость строгого иерархического устройства общественной жизни на всех ее уровнях философ выразил словами: «Государь должен быть государем, слуга – слугой, сын – сыном, отец – отцом»¹. Взаимоотношения между разными социальными группами должны быть основаны на строгом повиновении: младших – старшим, детей – родителям, подчиненных и подданных – чиновникам и государю.

Для обоснования указанного принципа Конфуций разработал учение о сыновней почтительности, сформулировав его следующим образом: «Молодые люди должны выказывать почтительность к родителям, а вне дома – уважительность к старшим»². Данный принцип лежит в основе нравственных отношений. По словам Конфуция: «Мораль, добродетель всегда будут укреплены, если с достоинством мы будем относиться к памяти умерших предков и с достоинством будем припоминать их деяния»³. Соблюдение принципа сыновней почтительности крайне важно для сохранения порядка в государстве и успешного управления им. Ведь редко бывает, что человек, уважающий и почитающий старших, родителей, может выступать против правителя.

---

¹ Конфуций: жизнь, учение, мысли, изречения, афоризмы / сост. В. В. Юрчук. 3-е изд., с изм. Минск : Соврем. слово, 2003. С. 90.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 21.

Другой базовый стержень социального порядка – ритуал – означает строгое следование нормам и правилам поведения, которые восходят к культуре предков и выражаются в соблюдении традиций, обычаев, обрядов и церемониала. Атрибутами ритуала являются строго установленная форма и демонстративный характер исполнения. Согласно Конфуцию, ритуал необходим для того, чтобы приводить людей к миру, согласию. Гармония ритуала является прекрасным дао многих царей. А им необходимо следовать и в малом, и в большом, так как они совершали все свои дела в соответствии с ритуалами. Нельзя делать то, что не соответствует ритуалу, потому что разрушение гармонии ритуала будет ограничивать само деяние. Чрезвычайно важна организующая социальная роль ритуала. Следование ритуалу – залог успешного управления государством. Отсюда происходит и совет Конфуция государям: «Руководи народом так, как будто ты осуществляешь важный жертвенный ритуал; не пытайся людям делать то, что не желаешь самому себе, тогда в государстве и семье не будет мятежей и вражды»¹. Более того, в строгом соблюдении ритуалов заложена основа духовно-нравственных отношений, по выражению китайского мыслителя, – добродетели. Если «порядок удерживать с помощью наказаний, то народ будет склонен уклоняться от наказаний и вряд ли будет испытывать стыд. Если же руководить народом, беря за основу добродетель, и сохранять мир, порядок при помощи ритуалов, то сам народ будет выражать покорность, стыд и исправляться»².

В учении *Платона* проблема социального порядка представлена в контексте его идей о государстве. Основу государства, а соответственно, и общества, согласно его мысли, составляет разделение труда. Объясняя возникновение государства, Платон исходил из того, что его создают потребности людей. Каждый человек не может удовлетворить их сам. По данной причине многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получило название государства.

Так, согласно Платону, самая большая потребность людей – это добыча пищи для существования. Вторая потребность – жилье, третья – одежда и т. п. Производители указанных благ, первыми из которых являются земледelec, строитель и ткач, составляют первое сословие государства. Удовлетворение растущих потребностей людей

---

¹ Конфуций: жизнь, учение, мысли, изречения, афоризмы. 2003. С. 88.

² Там же. С. 22.

начинает требовать, с одной стороны, расширения территории государства, прежде всего за счет соседей, с другой – защиты от подобных притязаний с их стороны. Межгосударственные конфликты ведут к формированию второго сословия, состоящего из воинов (стражей). Управлять государством призваны представители третьего сословия – мудрецы-философы, которые не потакают мнению толпы, отличаются стремлением к познанию истины, способностью охватить мыслью «целокупность времени и бытия». Их главное назначение – устанавливать и оберегать разумные и справедливые законы.

Социальный отбор в то или иное сословие осуществляется правителями на основе преобладания в душе человека одного из трех начал: «разумного» (способность рассуждать); «яростного» (мужественного, когда соблюдаются указания рассудка); «вождедеющего» (влюбчивость, голод, жажда, другие наслаждения). Преобладание «разумной» основы свойственно философам, «яростной» – стражам, «вождеделенной» – земледельцам и ремесленникам¹.

Очевидно, что в идеальном государстве Платона социальный порядок, стабильность общества основываются на строгой иерархичности социальной структуры, которая образуется в соответствии с характером разделения труда. Следует также учитывать, что выполнение людьми своих социальных обязанностей будет эффективным при учете их личных интересов. По этой причине при росте и благоустройстве государства надо предоставить всем сословиям возможность иметь свою долю в общем процветании соответственно их природным данным и не допускать проникновения в государство двух социальных зол: богатства и бедности, поскольку первое ведет к роскоши и лени, вторая – к низостям и злодеяниям.

Особое внимание Платон обращает на духовно-нравственные основы идеального государственного устройства. По его мнению, социальный порядок держится на следующих основных добродетелях: мудрость (здоровые решения), мужество как гражданское свойство, рассудительность, подобная некоей гармонии, и справедливость, которая состоит в том, что каждый занимается своим делом. Справедливый человек, согласно Платону, несколько не отличается от справедливого государства, где три различных по своей природе сословия выполняют свои социальные обязанности.

---

¹ Платон. Государство // Собр. соч. : в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.] ; примеч. А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1990–1994. Т. 3. С. 212–219.

Аристотель отождествляет общество с городом-государством (полисом). В качестве основополагающих элементов социальной системы он рассматривает человека, семью, селение и государство. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершённое государство, достигшее самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни.

Основополагающим структурным признаком государства, согласно Аристотелю, является «общение», которое организуется ради какого-либо блага. Все «общения» стремятся к тому или иному благу, но больше других к высшему из благ стремится то «общение», которое является наиболее важным и «обнимает» собой все остальные «общения». Оно называется государством или общением политическим. Государство, таким образом, есть «общение» свободных людей¹.

Государство, по мысли Аристотеля, имеет естественное происхождение. Его возникновение вызвано тем, что, во-первых, человек по природе своей есть существо политическое, в силу чего даже те люди, которые нисколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству. Во-вторых, к государству людей побуждает сознание общей пользы. В-третьих, люди объединяются ради самой жизни, так как в ней самой заключается некое «благоденствие» и естественная «сладость».

Подчеркивая основополагающее значение социального порядка в общественной жизни, Аристотель вводит понятие государственного устройства и определяет его как организацию обитателей государства. Он уточняет также понятие государственного устройства – это распорядок в области организации государственных должностей и в первую очередь верховной власти.

Аристотель выделяет шесть видов государственного устройства. Три рассматриваются им как правильные. Каждому из них соответствуют свои отклоняющиеся формы. Правильные виды государственного устройства: монархическое правление (царская власть), которое имеет в виду общую пользу; аристократия, т. е. власть немногих, но более чем одного, когда правят лучшие; предполагается высшее благо государства и тех, кто в него входит; полития, когда ради общей пользы правит большинство. Отклонениями в государственном устройстве он считает: 1) тиранию, т. е. монархическую власть,

---

¹ *Аристотель*. Политика // Соч. : в 4 т. / пер. и ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–456.

подразумевающую выгоды одного правителя; 2) олигархию, которая следует выгодам состоятельных граждан; 3) демократию, представляющую собой правление неимущего большинства, осуществляемое в его же интересах. Ни одна из трех последних форм правления, согласно выводам философа, не дает общей пользы.

Аристотель считал политику лучшим из названных государственных устройств, но исходил из положения, что в целом ни одно из них не удовлетворяет своему назначению. Высказав намерение определить идеальный государственный строй, он начал с установления принципа, который мог бы послужить исходной точкой его поисков: должны ли все граждане принимать участие во всем, касающемся жизни государства, или ни в чем, или в одних делах принимать участие, а в других – нет?

Основу организации социальной жизни, по его убеждению, составляют законы. Он задает риторический вопрос: под какой властью полезнее находиться – под властью лучшего мужа или под властью лучших законов? И отвечает: поскольку закон беспристрастен, предпочтительнее, чтобы властвовал он, а не кто-либо один из среды граждан. А на контраргумент, что закон не в состоянии предусмотреть все возможные случаи, возражает, что и человек не в силах их предугадать. Зато в закон можно вносить поправки, если опыт покажет их необходимость. Главное преимущество закона состоит в том, что он представляет собой, по выражению Аристотеля, «свободный от безотчетных позывов разум»¹.

Наряду с законодательными основами государства Аристотель выделяет его нравственные основы и делает это, когда, во-первых, ведет рассуждения о добродетели гражданина; во-вторых, раскрывает содержание понятия «справедливость». Добродетель гражданина, на его взгляд, заключается в умении властвовать и быть подвластным. Справедливость Аристотель определял как государственное благо, т. е. то, что служит общей пользе.

Отдельно Аристотель рассматривает вопрос о том, каким образом должна быть организована собственность у тех, кто стремится иметь наилучшее государственное устройство: быть общей или необщей? Согласно его точке зрения, лучше, чтобы собственность была частной, а пользование ею – общим. Ведь когда забота о собственности будет поделена между разными людьми, исчезнут взаимные нарека-

---

¹ *Аристотель*. Политика. Т. 4. С. 477, 481–482.

ния и появится большая выгода, поскольку каждый будет с усердием относиться к тому, что ему принадлежит. Благодаря же добродетели в использовании собственности получится соответственно пословице «У друзей все общее»¹.

Формирование стабильного и справедливого государства Аристотель связывает со средним классом. Обосновывая такую позицию, он выделяет в социальной структуре государства три группы населения: очень состоятельные, крайне неимущие и стоящие посередине между теми и другими. Исходя из основополагающего тезиса, что для каждого человека наилучшее – это умеренность и средняя жизнь, Аристотель считает, что «средний достаток из всех благ всего лучше». При наличии среднего достатка, аргументирует он свою позицию, легче всего повиноваться доводам разума. Напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Таким образом, делает вывод философ, неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй. Формирование такого государства предполагает, на его взгляд, два важнейших условия. Во-первых, средний класс численно должен быть представлен в большем количестве, быть сильнее обеих крайностей или, по крайней мере, каждой из них в отдельности. Во-вторых, государство должно содействовать тому, чтобы «его граждане обладали собственностью средней, но достаточной»².

Теория общественного договора

Первая развернутая концептуальная трактовка проблемы социального порядка возникла в эпоху Просвещения в теории общественного договора, разработка которой связана с именами Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо.

Т. Гоббс первым дал определение проблемы социального порядка, впоследствии ставшее классическим. Он представил ее в форме парадокса: как возможно общество, если «человек человеку – волк»? Отвечая на него, Т. Гоббс исходил из того, что жизнь людей без общей власти порождает такое состояние общественной жизни, которое он назвал «войной всех против всех». Безопасность и порядок в обществе могут быть достигнуты только посредством договора, согласно ко-

---

¹ *Аристотель*. Политика. Т. 4. С. 410.

² Там же. С. 507–508.

торому каждый гражданин уступает часть своих естественных прав в пользу верховного суверена (в его понимании – монархической власти), получая взамен гарантии защиты жизни и собственности. Из указанной позиции исходит гоббсовское определение государства как единого лица, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, чтобы это лицо могло использовать их силу и средства так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты.

Раскрывая основания и механизм заключения общественного договора, Т. Гоббс писал: «Страсти, делающие людей склонными к миру, есть страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, и надежда приобрести их своим трудолюбием. А разум подсказывает подходящие условия мира, на основе которых люди могут прийти к согласию. Эти условия суть то, что иначе называется естественными законами»¹.

В числе естественных законов, т. е. принципов поведения людей, соответствующих условиям общественного договора и лежащих в основании права и государства, Т. Гоббс указывал следующие *положения*:

- люди должны искать мира и следовать ему, защищая себя всеми возможными средствами;
- человек обязан довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим, какую он допускает в других по отношению к себе;
- люди должны выполнять заключенные ими соглашения;
- человек, получивший благодеяние от другого лишь из милости, должен стремиться к тому, чтобы тот, кто оказал это благодеяние, не имел разумного основания раскаиваться в своей доброте;
- каждый человек должен приспособливаться ко всем остальным;
- человек должен прощать прошлые обиды тем, кто, проявляя раскаяние, желает этого;
- при отмщении люди должны сообразовываться не с размерами совершенного зла, а с размерами того блага, которое должно последовать за отмщением;
- ни один человек не должен делом, словом, выражением лица или жестом выказывать неприязнь к другому;

---

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. : в 2 т. / пер. с англ. А. Гутермана. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 155.

- каждый человек должен признавать других равными себе от природы;
- при вступлении в договор ни один человек не должен требовать себе предоставления какого-либо преимущественного права, на предоставление которого другому человеку он не согласился бы;
- если человек уполномочен быть судьей в споре между двумя другими, то естественный закон предписывает ему беспристрастно их рассудить;
- неделимые вещи должны использоваться, если это возможно, сообща, при этом если количество вещей позволяет, то без ограничений, а в противном случае – пропорционально числу тех, кто имеет на них право;
- при равном праве владения либо устанавливается поочередное пользование, либо же первоочередное владение и пользование предоставляется по жребию;
- жребий может быть двоякого рода: первый – установленный, т. е. тот, который устанавливается соглашением сторон, второй – неустановленный, или естественный, например, возникающий в результате первородства;
- тем, кто является посредниками мира, должны быть даны гарантии неприкосновенности;
- никто не может быть судьей самого себя;
- в случае спора стороны должны подчиниться решению арбитра;
- никто не имеет права быть судьей в деле, в котором в силу естественных причин он имеет пристрастие;
- в судебном разбирательстве судья должен выслушать аргументы всех сторон¹.

Дж. Локк в рамках своей интерпретации идей общественного договора делает акцент на проблемах политической власти (государства) и собственности. «Политической властью, – пишет он, – я считаю право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне – и все это только для общественного блага»².

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя ... Т. 2. С. 156–182.

² Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. / ред. и примеч. И. С. Нарского, А. Л. Субботина ; пер. с англ. А. Н. Савина. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 263.

Политическому (правовому) существованию людей предшествует их естественное состояние. Дж. Локк описывает его как «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не спрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли. Это также состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше другого»¹. В рамках данного состояния естественный закон природы, который опирается на силу человеческого разума, учит всех людей тому, что поскольку все они равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого.

В естественном состоянии люди находятся до тех пор, пока по собственному согласию не становятся членами какого-либо политического общества. Раскрывая структуру политической власти, Дж. Локк указывает на необходимость четкого разделения ее законодательной и исполнительной ветвей, поскольку «те же лица, которые обладают властью создавать законы, могут также захотеть сосредоточить в своих руках и право на их исполнение, чтобы, таким образом, сделать для себя исключение и не подчиняться созданным ими законам и использовать закон... для своей личной выгоды»².

Ж.-Ж. Руссо в теории общественного договора исходил из ключевого тезиса, что основой власти является соглашение, а государство возникает на договорной основе. «Поскольку ни один человек, – писал он, – не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то в качестве основы всякой законной власти среди людей остается соглашение. <...> Каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли... Вместо отдельной личности каждого договаривающегося этот акт ассоциации немедленно создает... общее Я, жизнь и волю. Эта общественная личность, составленная путем соединения всех остальных личностей, получала в прежние времена название гражданской общины, а теперь называется республикой или политическим телом, которое именуется своими членами государством»³.

---

¹ Локк Дж. Два трактата о правлении. Т. 3. С. 264.

² Там же. С. 347.

³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права // Антология мировой философии : в 4 т. М. : Мысль, 1969–1972. Т. 2. С. 568.

В историческом плане Ж.-Ж. Руссо выделял естественное состояние, гражданское общество и государственное состояние. В естественном состоянии люди «жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько могли быть таковыми по своей природе, и продолжали наслаждаться всей прелестью независимых отношений»¹. Истинным основателем гражданского общества, по его образному выражению, был тот, кому первому пришла мысль, огородив участок земли, сказать: «Это мое», – а также нашел людей, достаточно простодушных, чтобы ему поверить. Прямое следствие частной собственности на землю – имущественное неравенство. С образованием государства оно дополнилось политическим неравенством.

Установление справедливого социального порядка Ж.-Ж. Руссо связывал с реализацией народного суверенитета, или, по его словам, «общей воли», который предполагает заключение общественного договора свободными и равными людьми. Идею народного суверенитета он конкретизирует, когда утверждает, что всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно, недействителен; это вообще не закон.

Классики социологической науки о социальном порядке

Свои объяснения проблемы порядка в том виде, в каком ее сформулировал Т. Гоббс, т. е. почему возможно существование общества, организованной общественной жизни, представили основоположники социологической науки.

Социальная статика и социальная динамика – две главные категории социологии *О. Конта*. Девиз позитивизма – «Порядок и прогресс»². Определяя содержание контовского понятия социальной статике, Р. Арон отмечал: «Статика, в сущности, сводится к изучению того, что он называет общественным консенсусом. Общество сравнимо с живым организмом. Подобно тому, как нельзя изучать функционирование любого органа в отрыве от целостного живого организма, точно так же нельзя изучать политику и государство вне рамок всего общества, взятого в данный момент. Социальная статика предполагает, таким образом, с одной стороны, анатомический анализ структуры общества на конкретный момент, а с другой – анализ элемента или элементов, определяющих консенсус, т. е. превраща-

---

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права. Т. 2. С. 564.

² Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро ; под общ. ред. Э. Л. Радлова. М. : Книж. дом «Либроком», 2012. С. 121.

ющих совокупность индивидов или семейств в коллектив, делающих из множества институтов единство»¹.

Особую роль в установлении порядка играет «рост социального чувства» (также названа и одна из глав «Духа позитивной философии» О. Конта). Говоря о данном процессе, философ выделял эгоистические, семейные и социальные инстинкты (чувства) поведения человека. В «эпоху детства человеческой жизни» основную роль, по его словам, играли инстинкты, относящиеся к поддержанию материальной жизни. Уменьшение влияния эгоистических инстинктов и пробуждение социальных чувств происходило по мере возрастания значения разума, вырабатывающего определенные правила поведения, хотя личные инстинкты преобладали. В связи с этим О. Конт задает риторический вопрос: каким образом тот, кто не любил себя, мог бы любить другого? Развитие ума равносильно возрастанию инстинктов доброжелательства, потому что оно усиливает власть человека над страстями и делает более отчетливым и живым сознание зависимости от общества. Оно же дает перевес чувствам симпатии, устраняя эгоистические мотивы и внушая любовь к порядку, способную содействовать сохранению социальной гармонии².

Посредником между индивидом и родом выступает семья. Именно здесь человек начинает выходить за пределы своей личности и приучается жить для других. Особую роль О. Конт отводил женщинам, которые, отличаясь развитостью чувства симпатии и общительностью, призваны изменять слишком холодное и грубое направление мужского ума, вызывать смягчающие социальные инстинкты. Для детей семья является школой социальной жизни, вырабатывающей способность к повиновению и управлению. Привычка к кооперативной деятельности также развивает социальные инстинкты, вызывая чувство зависимости от других и сознание своего личного значения. Это происходит более интенсивно, когда работа распределена таким образом, что каждый занимается тем, к чему имеет склонность и лучше подготовлен. Вместе с выгодами специализации возрастают ее неудобства. В результате деления людей по профессиональному признаку социальные чувства распространяются лишь на лиц одинаковой профессии. Вызванные разделением труда умственные

---

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М. : Издат. группа «Прогресс» – «Политика», 1992. С. 100.

² Социология Конта в изложении Ригولاжа / пер. с фр. Н. Лосского. СПб. : Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1898. С. 81–82.

и нравственные различия между людьми требуют постоянной дисциплины, способной предупредить или сдержать разлад между ними. Обеспечение дисциплины – это функция государства.

Г. Спенсер рассматривал проблему социального порядка в контексте своих эволюционных идей, означающих переход от состояния относительной неопределенности, несвязности, однородности к состоянию относительной определенности, связности, многогранности, и объяснял их как «самые ранние изменения, которые, как предполагается, испытала вселенная в целом... так и те последние изменения, которые прослеживаются в обществе и в продуктах социальной жизни»¹.

Эволюция общественной жизни идет в направлении роста масштаба социальных образований, усложнения их структуры и дифференциации функций. С увеличением дифференциации возрастает потребность во взаимозависимости и взаимосогласованности частей социального целого и выполняемых ими функций, а как следствие, необходимость создания регулирующей системы, которая контролировала бы действия составляющих частей и обеспечивала их координацию. «В государстве, как и в живом теле, – пишет Г. Спенсер, – неизбежно возникает регулирующая система... При формировании более прочного сообщества... появляются высшие центры регулирования и подчиненные центры, высшие центры начинают расширяться и усложняться»². Таким образом формируется социальный порядок.

Исходя из особенностей механизма внутренней регуляции общественной жизни, Г. Спенсер выделял военные и индустриальные общества: «Характерной чертой военных обществ является принуждение... Сотрудничество, за счет которого поддерживается жизнь в военном обществе, является принудительным сотрудничеством... так же как и в организме человека внешние органы полностью зависят от центральной нервной системы»³. Общество индустриального типа, напротив, характеризуется «индивидуальной свободой, которую подразумевает любая коммерческая сделка. Сотрудничество, за счет которого существует многообразная активность общества, становится добровольным. И поскольку развитая стабильная система, склоняющаяся к социальному организму индустриального типа, создает

---

¹ *Spencer H. Social statics. L., 1851. P. 337.*

² *Spencer H. First principles. N. Y., 1896. P. 46.*

³ Там же. С. 58–59.

себе, как и развитая стабильная система животного, регулирующий аппарат рассеянного и нецентрализованного вида, она стремится также децентрализовать первичный регулирующий аппарат за счет привлечения от различных классов их оспариваемой власти»¹.

Ф. Теннис рассматривал проблему социального порядка в тесной связи с выделением общинных (*gemeinschaftliche*) и общественных (*gesellschaftliche*) связей и отношений.

Основу социальной организации при общинных (общностных) отношениях составляют общие эмоциональные переживания, личная привязанность и душевная склонность. К таким отношениям Ф. Теннис относит собственно родовые или кровно-родовые отношения; отношения соседства, характеризующиеся совместным проживанием, свойственные брачной и в узком смысле слова семейной жизни, однако в понятии имеющие более широкий смысл; отношения дружбы, основывающиеся на сознании духовной близости или родства, поскольку такое сознание постулировано или положено в основу какого-либо рода совместной жизни².

Сущностью общественных отношений является рациональная реализация личных интересов. В такого рода отношения могут вступать не только отдельные индивиды, но и формальные лица, т. е. разного рода группы, сообщества, даже государства. Согласно философу, «сущность всех этих отношений и связей заключается в сознании полезности или ценности, которой обладает, может обладать или будет обладать один человек для другого и которую этот другой обнаруживает, воспринимает и осознает. Отношения такого рода имеют, следовательно, рациональную структуру»³.

Э. Дюркгейм связывал существование общества с социальной солидарностью, которую считал универсальной ценностью, лежащей в основе организованной общественной жизни. Он проводил различие между механической и органической солидарностью. Механическая солидарность господствует в неразвитых, архаических обществах. Она определяется сходством, подобием составляющих их индивидов, одинаковостью исполняемых ими общественных функ-

---

¹ *Spencer H.* The principles of ethics. N. Y., 1904. Vol. 1. 597 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.84300> (date of access: 17.12.2021). P. 569.

² *Tönnies F.* Gemeinschaft und Gesellschaft: Grundbegriffe der reinen Sociologie. Berlin : Karl Gurtius, 1922. 270 s. URL: <https://archive.org/details/gemeinschaftundg00tn/page/n3/mode/2up> (date of access: 16.12.2021). P. 464.

³ Там же.

ций, неразвитостью индивидуальных черт. Возникновение органической солидарности Э. Дюркгейм связывал с разделением труда, под которым понимал профессиональную специализацию. Разделение труда все в большей степени исполняет роль, которую «некогда исполняло общее сознание; оно главным образом удерживает вместе социальные агрегаты высших типов»¹.

Важный элемент социальной солидарности – коллективные представления, образующие в совокупности коллективное, или общее, сознание. Оно существует независимо от индивидов и способно оказывать на них внешнее принуждение. По данному вопросу Э. Дюркгейм писал: «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать коллективным или общим сознанием... Оно нечто совершенно иное, чем частные сознания, хотя и осуществляется только в индивидах. Оно – психический тип общества»². Выражая те или иные состояния общественной жизни, коллективные представления зависят от ее состава и способа организации, ее морфологии, институтов – религиозных, моральных, экономических и т. п.

Организирующая роль коллективного сознания особенно сильно проявляется в архаических обществах, где объем коллективного сознания совпадает с объемом индивидуальных сознаний, а по своему характеру оно религиозно. Неслучайно наиболее полное представление о коллективном сознании содержится в дюркгеймовской концепции религии. Отрицая идею сверхъестественного, божественного как атрибута религии, Э. Дюркгейм называл бога обществом. Главное назначение церкви, согласно его точке зрения, – отправление коллективных обрядов и культов, увеличивающих солидарную силу группы и укрепляющих общее сознание. С интенсивным социальным общением во время первобытных культовых действий, обрядов, церемоний и празднеств, когда трудное повседневное существование сменялось состоянием крайней экзальтации и подъема, пробуждающих веру в великую идею коллективности общества, связано само появление религиозной идеи. При органической солидарности коллективное сознание уменьшается в объеме, становится слабее и неопределеннее, принимает новые формы и изменяет свое содержание. Оно все более

---

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. С. 181.

² Там же. С. 87.

превращается в светское, рационалистическое, ориентированное на индивида. В то же время, по утверждению Э. Дюркгейма, общему сознанию не угрожает опасность исчезнуть совсем. Развивается новая религия, объектом которой становится индивид.

М. Вебер рассматривал конституирование социального порядка через социальное действие и взаимодействие. Определяя социальное действие, он выделял два основных момента: субъективную мотивацию индивида или группы и ориентацию действующего лица на другого или других. «Действием мы называем, – писал М. Вебер, – действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. “Социальным” мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»¹.

По М. Веберу, социальное действие может быть определено следующим образом: 1) целерационально – через ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и при использовании указанного ожидания как условия или средства для рационально направленных и регулируемых целей (критерием рациональности является успех); 2) ценностно-рационально – через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную или как-либо иначе понимаемую безусловную собственную ценность (самоценность) определенного поведения, взятого как таковое и независимо от успеха; 3) аффективно, особенно эмоционально, – через актуальные аффекты и чувства; 4) традиционно – через привычку.

Ведущая тенденция социально-исторического процесса – это рационализация социального действия. Согласно М. Веберу, одна из существенных компонент рационализации действия – замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса. Конечно, данный процесс не исчерпывает понятия «рационализация действия», поскольку данный процесс может протекать позитивно (в направлении сознательной ценностной рационализации) и негативно (не только за счет разрушения нравов, но также за счет вытеснения аффективного

---

¹ *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избр. произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. С. 602–603.

действия и за счет вытеснения ценностно-рационального поведения в пользу целерационального, при котором уже не верят в ценности). Предел рационализации, характерный для капитализма, – это формальная рациональность, которую воплощает калькулируемость, когда все без остатка поддается количественному учету, исчерпывается количественной характеристикой.

Существование организованной общественной жизни М. Вебер связывал с тем, что социальное поведение индивидов ориентировано на их представление о существовании легитимного порядка, т. е. власти, которая признается управляемыми или имеет шанс встретить повиновение определенному приказу. «Современное государство в значительной степени функционирует как комплекс специфических совместных действий людей потому, что определенные люди ориентируют свои действия на представление, что оно существует или должно существовать»¹.

Легитимные типы господства, на которых основывается социальный порядок, М. Вебер анализирует, исходя из мотивов повиновения власти. Трём таким мотивам соответствуют три типа господства. *Традиционный* тип господства обусловлен нравами, привычкой к определенному поведению. Основывается он на вере как в законность, так и священность издревле существующих порядков, личной преданности господину. Такому типу господства соответствует традиционное поведение. Аффективное действие лежит в основе *харизматического* господства. Харизма – качество личности, признаваемое необычайным, наделяющее ее сверхъестественной силой и способностью. Харизматический тип господства основывается на преданности и доверии к личности вождя. *Легальный* тип господства в качестве мотива уступчивости имеет соображения интереса. В его основе лежит целерациональное действие. Осуществляется легальное господство посредством реализации формально-правового начала, строгого соблюдения законов. Аппарат управления составляет бюрократия, т. е. специально обученные чиновники, к которым предъявляется требование действовать, «невзирая на лица»².

Первоначальный акцент на причинах происхождения социального порядка постепенно, начиная с социальной статистики О. Конта, сместился на факторы, способствующие сохранению его устойчивости и стабильности.

---

¹ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 614–615.

² Там же. С. 636–643.

Наиболее развернутое объяснение данных факторов содержится в синтетической теории социального порядка *Т. Парсонса*. Согласно его теории, равновесие и гармония в обществе достигаются двумя параллельными способами. С одной стороны, порядок в общественной жизни основывается на том, что в процессе социализации люди усваивают доминирующие в обществе ценности и нормы поведения и следуют им в повседневной жизни, выполняя свои социальные роли. Мотивацию поведения Т. Парсонс также рассматривал в контексте приспособления к существующему социальному порядку. Он отмечал, что мотивы – это то, что люди испытывают побуждение сделать или хотят сделать в соответствующих ситуациях и обстоятельствах. С другой стороны, система социального действия сохраняет стабильность благодаря совместным действиям подсистем общества, которые выполняют *основные функции* сохранения структуры. К ним он относит адаптацию (приспособление к изменяющейся окружающей среде – функция экономики), целенаправленность (выдвижение общесистемных целей – функция политики), интеграцию (обеспечение сплоченности, солидарности – функция социетальной общности) и сохранение латентной структуры (сдерживание внутренней напряженности – функция культуры).

Проблема социального порядка является предметом анализа и объяснения в других классических социологических теориях.

Так, в *теории обмена* социальный порядок представлен как состоящий из устойчивых структур обмена, которые формируются на основе поведения людей, во-первых, стремящихся к максимизации выгод и минимизации затрат в процессе материального и нематериального обмена друг с другом; во-вторых, следующих правилам социального обмена.

В *символическом интеракционизме* социальный порядок рассматривается как продукт ценностного консенсуса большинства членов общества. Сосредоточив особое внимание на общении людей и познании мира посредством широкого набора разнообразных значений и символов, интеракционисты рассматривают согласованное символическое взаимодействие в качестве важнейшего условия возникновения и поддержания социального порядка.

Современные трактовки проблемы социального порядка

Традиция анализа проблемы социального порядка в ее гоббсовской постановке: «Почему возможно существование общества?» – привела к тому, что акцент в классических социологических теориях сделан на равновесии, стабильности социального порядка. Про-

блема изменчивости основ социальной организации представлена преимущественно в виде процесса их формирования, сохранения и разрушения. Р. Нисбет в связи с этим справедливо отмечал, что практически все значимые идеи европейской социологии могут быть поняты как ответ на проблему порядка, созданную в начале XIX в. коллапсом старого режима под влиянием индустриализма и революционной демократии. Последствием явилось то, что в господствующей концептуальной парадигме из социально-исторического процесса стали исчезать действующие в нем люди. В определенной мере эта традиция была прервана только концепцией социального действия М. Вебера.

Парадигматический сдвиг в социальной теории от устойчивых органических систем к подвижным областям взаимодействия социальных сил, когда социальный порядок видится как воспроизводимый и конструируемый в результате человеческих действий, связан с представителями «теории социальных агентов» (Н. Элиас, П. Бурдьё, А. Гидденс, П. Бергер, Т. Лукман и др.). Они отделились от дюркгеймовской традиции отдавать приоритет структурным детерминантам социальных процессов и стали подчеркивать активную роль членов общества, индивидуально и коллективно участвующих в общественной жизни и влияющих тем самым на ее протекание и развитие. В результате их совместных интеллектуальных усилий функционирование и развитие общества стало рассматриваться как общий итог действий всех социальных агентов (субъектов). Суть их взглядов может быть выражена следующими *тезисами*: 1) общество – это процесс, подвергаемый постоянным изменениям; 2) данные преобразования преимущественно эндогенные, способные к саморазвитию; 3) главная движущая сила – активность отдельных личностей и групп; 4) действие совершается в контексте перемещающихся структур, которые оно создает и под влиянием которых находится само, результатом чего является двойственность структур (формирующих и формируемых) и двойственность действующих лиц (производящих и производных); 5) взаимовлияние действий и структур происходит посредством сменяющих друг друга периодов созидательной активности действующих агентов и строгой предопределенности структур.

Так, создатель фигуративной социологии *Н. Элиас* связывает основы социальной организации с наличием множества фигураций, под которыми он понимает различным образом структурированные взаимозависимости индивидов, связывающие их между собой. Взаи-

мозависимости, в которые включены индивиды, не только действуют как внешние принуждения, но также участвуют в формировании внутренних структур личности, ее чувств и мышления. Фигурации отличаются одна от другой длительностью и сложностью цепочек взаимосвязей. Они не ограничиваются теми зависимостями, которые люди познают на основе своего опыта или благодаря осознанию. Их разнообразие, приводит Н. Элиас пример, распространяется от «четырех человек, играющих в карты, до нации или международных отношений». Фигурации устанавливают рамки действий, которые определяют как возможности индивидуального выбора, так и его пределы¹.

Конфигурация многих взаимных зависимостей отмечена неравенством, доминированием и властью. Власть Н. Элиас понимает не как нечто, чем кто-то обладает, а согласно формуле «Если мы в большей степени зависим от других, нежели эти другие зависят от нас, они имеют над нами власть». Означает, что каждая сторона по-своему испытывает принуждение. Н. Элиас показывает также, что король Людовик XIV, обладая большей свободой, чем другие представители французского общества той эпохи, не мог делать всего, что пожелает, поскольку был включен в сеть взаимозависимостей, присущих придворному обществу.

В изменениях социальной конфигурации Н. Элиас видит причину решающих исторических перемен. Так, возникновение абсолютной монархии он объясняет действием так называемого королевского механизма, состоящего в том, что короли появляются при наличии особой конфигурации, когда соперничающие функциональные группы амбивалентны, т. е. одновременно зависимы друга от друга и враждебны по отношению друг к другу, а власть оказывается поровну распределенной между ними, что препятствует возникновению серьезного конфликта или итогового компромисса.

Основоположник структуралистского конструктивизма *П. Бурдьё*, объясняя свой подход к формированию основ общественной жизни, писал: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире... существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем

---

¹ Элиас Н. Понятие конфигурации // Журн. социологии и соц. антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 62–65.

восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями»¹.

Исследовательская позиция П. Бурдьё основывается на таких ключевых понятиях, как «габитус» и «поле». *Габитус*, согласно П. Бурдьё, – это система мотивационных и когнитивных структур, являющихся продуктом условий существования и управляющих поведением и восприятием индивида в обыденных ситуациях. Габитус формируется первоначально через первые жизненные опыты человека (первичный габитус), а затем через опыт его взрослой жизни (вторичный габитус). Составляющие его диспозиции устойчивы и пытаются сопротивляться изменению, но тем не менее они способны изменяться в процессе жизни. Содержание габитуса формируется в тесной связи с социальным положением человека. Люди с аналогичным положением обычно обладают схожими габитусами. Габитус порождает индивидуальные и коллективные практики, которые позволяют справляться с непредвиденными и постоянно меняющимися ситуациями, но полностью положиться на него в критических, опасных ситуациях невозможно. Воспроизводится габитус, когда сталкивается с привычными ситуациями, однако он способен к инновациям в случае, если оказывается лицом к лицу с неизвестными ситуациями.

Поле – это определенная сфера (пространство) социальной жизни, обладающая своей структурой, логикой и набором ценностей, которые сформировались и существуют независимо от индивидуального сознания и воли. Существует ряд полуавтономных полей (экономическое, религиозное, художественное, высшего образования и др.), каждое из которых обладает собственной логикой и значениями. Полю присуще неравномерное распределение свойственных ему легитимных средств и, как следствие, конкурентная борьба за их капитализацию, включая экономический, политический, социальный, культурный, символический и другой капитал. Особую социальную роль играют поле власти (политики) и символическое насилие как главный механизм утверждения господства. Агенты, занимающие определенные позиции в рамках того или иного поля, используют разнообразные стратегии действия, хотя в своей основе они следуют правилам поля.

---

¹ Бурдьё П. Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994. С. 181–182.

Взаимоотношения габитуса и поля П. Бурдьё характеризует следующим образом: поле обуславливает габитус, габитус образует поле как нечто, обладающее смыслом и заслуживающее затрат жизненной энергии людей.

Для описания взаимодействия структур и социальных действий *Э. Гидденс* ввел понятие «структуризация», понимая под ней двусторонний процесс, с помощью которого мы сами как формируем свой социальный мир через собственные действия, так и меняемся благодаря обществу. Разъясняя, что такое структуризация, он писал, что «условия социальной среды, в которой мы живем, не состоят всего лишь из случайно образовавшихся цепочек событий или действий – они структурированы, или смоделированы, неодинаковым образом. В наших формах поведения и в отношениях друг с другом есть упорядоченность. Однако социальная структура не похожа на материальную, как у строения, существующего независимо от действий человека. Сообщества людей всегда находятся в процессе структуризации. В любой момент времени они подвержены реконструкции, осуществляемой «строительными блоками», из которых построены, т. е. реконструкции, и производимой человеческими существами»¹. Свой социальный оптимизм он связывал с возрастающим объемом социальной рефлексивности, когда многие аспекты жизни, которые прежними поколениями принимались как само собой разумеющиеся, связаны с необходимостью открытого принятия решения.

Основатели социального конструкционизма *П. Бергер* и *Т. Лукман* подчеркивали, что социальный порядок – это человеческий продукт и в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности). В основе социального порядка лежит типизация повторяющихся успешных человеческих действий. Любая институционализация, т. е. формированию социальных институтов и усвоению людьми своих социальных ролей, предшествует хабитуализация, т. е. опривычивание человеческой деятельности. Живучесть и сила привычки коренятся в том, что часто повторяемое действие воспроизводится с экономией усилий и освобождает человека от бремени принятия решений в ситуации неопределенности, принося ему психологическое облегчение и освобождая энергию для инноваций².

---

¹ *Гидденс Э.* Социология : пер. с англ. / при участии К. Бердсолл ; изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2005.

² *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с нем. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995. С. 89–91.

2.3. Оценки современного общества

Современное общество оценивается социальными мыслителями неоднозначно, порой противоречиво. Наиболее значимые оценки современного мира отражены в теориях постиндустриального общества (А. Турен, Д. Белл) и третьей волны (Э. Тоффлер), организующих принципах современности (К. Кумар), концепциях общества риска (У. Бек, Э. Гидденс), информационного и сетевого общества, общества символического обмена (Ж. Бодрийяр), макдональдизации (Дж. Ритцер), общества постмодерна (Ф. Джеймсон, З. Бауман и др.), мобильной социологии Дж. Урри.

Близкий к идеям постиндустриального общества, *Э. Тоффлер* говорит о том, что «список потенциальных опасностей XXI в. становится бесконечным»¹. Однако если вторая (индустриальная) волна привела к экономоцентризму, с характерной для него идеей о вторичности культуры, религии, искусства, то революционное богатство третьей (постиндустриальной) волны призвано восстановить приоритет знания и рефлексивных формообразований культуры. Экономика будет поставлена на место как органическая часть всеобъемлющей социальной системы, в которой на передний план выйдут культурная идентичность, религия и мораль.

Согласно *К. Кумару*, в основе современности можно выделить следующие организующие принципы:

1) *индивидуализм* – окончательное утверждение в обществе центральной роли индивида вместо роли племени, группы, нации. Человек освобождается от обязательных групповых связей, по своему усмотрению выбирает социальный коллектив, самостоятельно определяет свои действия и несет личную ответственность за собственные поступки, успехи и неудачи;

2) *дифференциация* – наиболее значима в сфере труда, где появляется огромное количество специализированных, «узкой направленности» занятий и профессий, требующих высокого уровня мастерства, компетенции и опыта, а также в сфере потребления с ее разнообразием возможностей и жизненных шансов;

3) *рациональность* – расчет и деперсонализация управления; составляет лейтмотив теории бюрократии М. Вебера. Важнейшей чер-

---

¹ *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. Как оно будет создано и как изменит нашу жизнь / пер. с англ. М. Султановой, Н. Цыркун ; под общ. ред. А. Александровой. М. : АСТ, 2008. С. 43.

той современности является также роль науки, признаваемая как средства познания;

4) *экономизм* – доминирование над всей социальной жизнью экономической активности, экономических целей и экономических критериев. Современное общество в первую очередь озабочено товаром, его производством, распределением и потреблением, а также деньгами как единой мерой и средством обмена;

5) *экспансия* – расширение зоны охвата, в первую очередь в пространстве. Имеется в виду тенденция охватывать все более широкие географические районы и в конечном счете весь земной шар. Современность распространяется и вглубь, касаясь самых частных, интимных сфер повседневной жизни (например, религиозных убеждений, сексуального поведения, вкусов потребителя, сферы досуга и т. д.)¹.

По мнению создателя теории «общества риска» *У. Бека*, классическая фаза современности ассоциируется с индустриальным обществом, тогда как возникающая новая современность и ее технологии связаны с обществом риска. В то время как в индустриальном обществе логика производства богатства доминирует над логикой производства риска, в обществе риска данное соотношение изменяется на противоположное: «В центре стоят модернизационные риски и их последствия, которые проявляются в непоправимом ущербе для жизни растений, животных и людей. Их нельзя... локализовать... в них присутствует тенденция к глобализации»².

Социальную архитектуру новой реальности У. Бек сформулировал в пяти *тезисах*.

1. Доминируют риски, возникающие на самой высокой ступени развития производительных сил: например, недоступная для непосредственного восприятия органами чувств радиоактивность, вредные вещества, содержащиеся в воздухе, воде, продуктах питания, и связанные с ними кратковременные и долговременные последствия у растений, животных и человека. Они высвобождают системно обусловленные, часто необратимые разрушительные силы, которые проявляются в научном или антинаучном знании о них, могут благодаря ему изменяться, уменьшаться или увеличиваться, драматизироваться или недооцениваться.

---

¹ *Kumar K.* The Rise of Modern Society: Aspects of the Social and Political Development of the West. Oxford : Basil Blackwell, 1988. 360 p. URL: <https://archive.org/details/riseofmodernsoci0000kuma> (date of access: 07.12.2021).

² *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 14.

2. С нарастанием рисков возникают социально опасные ситуации. В определенном смысле они являются следствием неравенства классов и социальных слоев, однако рано или поздно затрагивают тех, кто их производит или извлекает из них выгоду. Им присущ эффект бумеранга, взрывающий схему классового построения общества. Имеются в виду опасности, угрожающие не только здоровью, но и легитимизации состояний и доходов.

3. Распространение и умножение рисков не нарушает логику развития капитализма, а скорее поднимает ее на новую ступень. Риски модернизации – это большой бизнес (*big business*). Цивилизационные риски можно сравнить с «бездонной бочкой потребностей, которая постоянно самообновляется». Индустриальное общество извлекает, благодаря выпущенным на свободу рискам, экономическую выгоду и одновременно создает опасный политический потенциал общества риска.

4. Богатствами можно владеть, риски нас настигают. Нас наделает ими само развитие цивилизации. Знание приобретает новое политическое значение. Соответственно, политический потенциал общества риска должен раскрываться и анализироваться в социологии и теории возникновения и распространения знания о рисках.

5. Социально признанные риски несут в себе своеобразный политический детонатор: то, что до сих пор считалось аполитичным, становится политикой, а именно политикой устранения самих причин процесса индустриализации. Общественность и политика начинают вторгаться в заповедную сферу производственного менеджмента – в планирование, техническое оснащение производства и т. д. В обществе риска возникает политический потенциал катастроф. Защита от него, овладение им могут привести к реорганизации власти и компетенции¹.

Новую современность У. Бек называл рефлексивной современностью. Суть ее состоит в процессе индивидуализации. Люди, будучи предоставлены самим себе, оказались вынуждены быть более рефлексивными. Центральным вопросом в классической современности было богатство и способы его более справедливого распределения. В эпоху развитой современности центральным вопросом является риск и способы его предотвращения, минимизации и управления им. Идеалом классической современности было равенство, тогда как в эпоху развитой современности им становится безопасность.

---

¹ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. С. 25–27.

Э. Гидденс определяет наше время термином «высокая современность» и представляет ее черты четырьмя блоками: первый определяет понятие веры, второй – риска, третий – непрозрачности, четвертый – глобализации.

Особое значение веры определяется повсеместным распространением так называемых абстрактных систем, действия которых не совсем ясны, но от их надежности зависит повседневная жизнь, поскольку мы вынуждены ими постоянно пользоваться (например, транспорт, телекоммуникации, финансовые рынки, атомные электростанции, военные силы, транснациональные корпорации и др.).

В ситуации повсеместного доминирования абстрактных систем риски могут существенно усиливаться, а именно:

- универсализироваться – глобальные бедствия угрожают всем независимо от класса, этнической принадлежности, отношения к власти и т. д. (например, ядерная война, экологическая катастрофа);

- глобализоваться – приобретать необычайный размах, затрагивая большие массы людей (например, финансовые рынки, реагирующие на изменения политической ситуации в мировом масштабе; военные конфликты; повышение цен на нефть; соперничество корпораций и т. д.);

- институционализироваться – возникают организации, принимающие риски в качестве принципа собственного действия (например, рынки инвестиций, фондовые биржи, страхование, азартные игры, спорт);

- продуцироваться в результате непреднамеренного побочного эффекта, или эффекта бумеранга, человеческих действий (например, экологическая опасность как следствие индустриализации; преступность и правонарушения как продукт порочной социализации; новые «болезни» цивилизации, которые связаны с профессиями или стилем жизни, типичными для современного общества)¹.

Восприятие риска в обществе «высокой современности» становится гораздо более острым, чем в прежние времена. Субъективное ощущение риска усиливают: обострение чувствительности к угрозам из-за ослабления магической и религиозной защиты; более четкое осознание опасности вследствие более высокого уровня образования; понимание ограниченных возможностей экспертизы и неизбежности сбоев в функционировании «абстрактных систем».

---

¹ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge : Polity Press, 1990. 188 p. URL: <https://archive.org/details/consequencesofmo00anth> (date of access: 14.12.2021).

Следствием вышесказанного становится «непрозрачность» (неопределенность) социальной жизни. Ее истоки коренятся в ошибках конструирования, которые появляются в основном в комплексных «абстрактных системах»; в ошибках оператора, которые естественны, поскольку люди вовлечены в процесс управления и действия «абстрактных систем»; неизбежности неумышленных и нераспознанных (скрытых) эффектов; способности социальных знаний, объясняя общество, влиять на ход социального процесса непредсказуемым образом; крайней дифференциации власти, ценностей и интересов среди членов общества и различных социальных групп, что размывает простые, понятные определения социальных ситуаций.

Глобализация означает общепланетарный характер экономических, политических, социальных и культурных отношений.

Ответом на обстановку риска и «непрозрачности» стало, согласно Э. Гидденсу, распространение следующих наиболее типичных *форм поведения*:

- концентрация на повседневных, сиюминутных проблемах, которые не дают человеку сосредоточиться на тревожных мыслях;
- оптимистический взгляд на вещи, вера в то, что благодаря судьбе, развитию науки и техники удастся избежать опасности;
- циничный пессимизм в отношении будущего и вытекающая из него гедонистическая тенденция наслаждения жизнью здесь и сейчас;
- участие в социальных движениях¹.

Согласно **Ж. Бодрийяру**, современный мир вступил в стадию потребительского общества. Мощнейшим механизмом возникновения и функционирования такого общества является широкое распространение покупок в кредит, что долгое время воспринималось буржуазным сознанием как некая нравственная опасность, тогда как оплата на месте относилась к числу добродетелей. Экспансия кредита привела к рождению новой морали – опережающего потребления по отношению к накоплению, когда вещь сначала приобретают, а затем уже выкупают своим трудом. Философ оценивает это как возвращение к системе закрепощенного труда, когда временный потребитель принимает обязанность покупать, чтобы общество продолжало производить, а сам он мог работать дальше и смог заплатить за уже купленное².

---

¹ Giddens A. The Consequences of Modernity. URL: <https://archive.org/details/consequencesofmo00anth> (date of access: 14.12.2021).

² Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и сопровод. ст. С. Зенкина. М. : Рудомино, 1995. С. 130–133.

Особенность современного потребительского общества состоит в том, что предметы потребления начинают восприниматься не в соответствии с их прямой полезностью, а через призму кода сигнификации (смысла). Иными словами, их потребительская стоимость заменяется символической стоимостью, и товары приобретаются людьми в первую очередь потому, что являются знаками престижа, власти и благополучия.

Символический обмен становится основополагающим признаком современного потребительского общества и приводит к утверждению гиперреальности. Под гиперреальностью Ж. Бодрийяр понимает феномен, замещающий реальность. Гиперреальность представлена симулякрами, под которыми он понимает знаки, или образы, отрывающиеся по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились, и выступающие как «копии копий», которые не соответствуют оригиналу. В качестве примера гиперреальности он приводит «Диснейленд», который для многих становится более привлекательным, чем реальный мир. Одно из важнейших последствий доминирования символического обмена состоит в том, что люди перестают дифференцироваться по своему социальному происхождению или положению. Основой их группирования становится сходство потребляемых символов. Это дает основания говорить о том, что социальное, в его классическом понимании, отмирает.

В соответствии с теорией макдональдизации общества, разработанной *Дж. Ритцером*, современную парадигму формальной рациональности представляет собой ресторан быстрого питания. Философ исходит из того, что существует четыре измерения формальной рациональности: эффективность, предсказуемость, упор на количество, а не на качество, осуществление контроля посредством замены человеческих технологий унификацией операций. Так, в условиях ресторана быстрого питания *эффективность* означает поиск наилучших средств для достижения цели (например, окошко обслуживания для клиентов за рулем). *Предсказуемость* означает существование мира без неожиданностей (например, бигмак в Лос-Анджелесе неотличим от нью-йоркского, аналогично бигмаку, съеденному завтра или в следующем году, и будет точно таким, как тот, что мы едим сегодня). Рациональные системы, как правило, делают упор на количество, обычно на большое количество, а не на качество. Бигмак – хороший тому пример. Вместо человеческих качеств шеф-повара рестораны быстрого питания опираются на такие *унифицированные технологии*,

как следование неквалифицированных поваров подробным указаниям и поточные методы приготовления и подачи пищи. Наконец, такая формально-рациональная система привносит различные моменты иррациональности, из которых наиболее значимые – это демистификация и дегуманизация процесса приема пищи.

Кредитные карточки также «макдональдизировали» получение и расход кредита. Взамен быстрого питания современный банк раздает «быстрые» деньги. Предсказуемость лучше всего иллюстрирует тот факт, что кредитная карточка способствует большей предсказуемости потребления: можно что-либо приобрести, не имея при себе наличных денег¹.

По *Ф. Джеймсону*, капитализм, продолжая быть преобладающей чертой сегодняшнего мира, породил новую культурную логику – постмодернизм. Вызвано это тем, что экономическая необходимость производства новой волны товаров, которые представляются большими новинками (от одежды до самолетов) с возрастающей нормой оборота, в настоящее время закрепляет за эстетическими новшествами и экспериментами все более значимую структурную функцию.

Ключ к пониманию современного капитализма *Ф. Джеймсон* видит в его многонациональном характере и в том, что он существенно расширил сферу коммодификации, т. е. процесса, в ходе которого все большее число различных видов деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами.

Характеризуя постсовременное общество, философ говорит о том, что, во-первых, оно отличается поверхностностью и недостатком глубины. Постмодернистские произведения культуры довольствуются неглубокими образами и не делают глубоких изысканий фундаментальных значений. Во-вторых, постмодернизм характеризуется ослаблением эмоций или аффектов. В-третьих, утрачена историчность. Выражается это в том, что мы не можем знать прошлого, а все, что нам доступно, – это тексты о прошлом, и мы можем лишь производить вдобавок к ним другие тексты на эту же тему. Отсюда широкое распространение попури, т. е. смеси идей, порой противоречивой и бессвязной. В-четвертых, с обществом постмодерна связаны новые технологии, особенно электронные (например, телевизор и компьютер).

Для описания поведения людей больше всего подходит выражение «Плывут по течению». В такой ситуации, как считает *Ф. Джеймсон*,

---

¹ *Ритцер Дж.* Современные социологические теории / пер. с англ. А. Бойкова, А. Лисицкой. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002. С. 497–498.

людям нужны карты познания, которые помогут им ориентироваться. Однако ими не могут быть карты прежней эпохи. Новые когнитивные карты могут происходить из различных источников: от социальных теоретиков, писателей и т. п., а также обычных людей со своими линиями поведения в их повседневной жизни.

В концепции постмодернизма развитие общества представляется как движение от традиционного к современному и далее к постсовременному. В традиционном обществе регуляция поведения осуществлялась по принципу «Делай так, как делали до тебя». В современном обществе поведение человека регулируется с позиции рациональности и эффективности. Предполагается, что индивид по преимуществу функционален, его действия обуславливаются экономической целесообразностью, существующими законами, государством, разнообразными социальными организациями. Имеет место секуляризация, т. е. религия перестает быть регулятивным фактором, ее функции становятся естественными.

В центре внимания постсовременной концепции находятся процессы, происходящие в культуре. Современный культурный мир – это место, где сосуществуют различные культуры, которые не поддаются аксиологическому или темпоральному упорядочению. Постсовременное общество отличается плюральностью, отсутствием авторитетов и властных универсалий, уравнивание иерархий, интерпретативная поливалентность, непрерывная изменчивость, замена реальности символическим миром. В обстановке моральной амбивалентности особую значимость приобретает потребность – «быть для другого».

Постсовременный взгляд на мир как расколотый на большое количество суверенных единиц, не организованных ни в горизонтальном, ни в вертикальном порядке, ведет к идее субъективизации всех социальных процессов, движению в сторону признания большей свободы любого социального субъекта, в первую очередь самой личности.

Для известного теоретика постсовремена **З. Баумана** постсовремен – это прежде всего определенное состояние ментальности. Постсовременная ментальность дает индивидам возможность выйти за пределы влияния социальных структур и лучше реализовать свой интеллектуальный потенциал. Интеллектуалы с постсовременным мышлением делают доступными идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом, они не ориентированы на выбор луч-

ших идей, их цель – обеспечить коммуникацию между автономными сообществами¹.

Своеобразная оценка современной реальности вызвана исследованиями *Р. Инглхарта* и других социологов. Исходя из иерархической модели мотивов А. Маслоу, но несколько ее упрощая, они объединили все человеческие мотивы в две большие группы: *материалистические* и *постматериалистические*. К первым были отнесены мотивы, связанные с пищей, одеждой, владением домом, автомобилем и т. п.; ко вторым – мотивы любви и самоактуализации. Исследования, проводимые Р. Инглхартом начиная с 1960-х гг., позволили ему сделать вывод о повороте молодежи к постматериалистическим ценностям. Данные, полученные в 1990-е гг., дали основание говорить о том, что в глобальном масштабе наметилась тенденция к доминированию постматериалистических мотивов. Правда, критики обвиняют Р. Инглхарта в упрощении ситуации и излишнем оптимизме. Сам он признает, что около половины и даже более опрошенных не могут быть отнесены ни к материалистам, ни к постматериалистам, так как ориентированы на обе группы мотивов².

Согласно общему выводу Дж. Ритцера, изображений постсовременности существует столько же, сколько и социальных теоретиков постсовременности. Он суммирует некоторые из ключевых описаний постсовременности, предложенных Ф. Джеймсоном, следующим образом: 1) постсовременность – это бездонный, поверхностный мир, мир имитации (например, круиз по джунглям в «Диснейленде» вряд ли можно назвать настоящим приключением); 2) это мир, который испытывает недостаток в аффектах и эмоциях; 3) потеряно чувство своего места в истории, трудно провести грань между прошлым, настоящим и будущим; 4) вместо бурно развивающихся производственных технологий современности (например, конвейеры по сборке автомобилей) в постмодернистском обществе господствуют импловивные, «отупляющие» производственные технологии (например, телевидение)³.

---

¹ *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. об-ва Свободная мысль. М. : Логос, 2002. 390 с. ; *Его же.* Текущая современность / пер. с англ. С. А. Комарова. СПб. : Питер Пресс, 2008. 240 с.

² *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия / пер. с англ. М. Коробочкина. М. : Новое изд-во, 2011. 462 [1] с.

³ *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. С. 105–106.

В процессе описания, изучения и объяснения тех изменений в жизни общества, которые стали проявляться с наступлением последней трети прошлого века, но особенно отчетливо дали о себе знать на рубеже XX и XXI вв., возникло понятие «информационное общество». В основе произошедших изменений лежало растущее доминирование информации и знаний в функционировании и развитии различных сфер общественной жизни.

Первопричиной возникновения информационного общества являются три взаимосвязанных процесса. Во-первых, лавинообразный рост объема производимой информации, особенно научной. Во-вторых, создание на базе широкого внедрения компьютеров и интернета современной информационно-коммуникативной инфраструктуры, открывающей принципиально новые возможности для оперативного и общедоступного получения информации и развития современных форм коммуникации. В-третьих, активное использование информации (особенно теоретических знаний) и электронных информационно-коммуникативных технологий в производственной, технической, управленческой и других видах деятельности, а также при организации общественной жизни.

Впервые термин «информационное общество» использовал профессор Токийского технологического института Ю. Хаяши в 1969 г. Для акцентирования ключевой роли информации и знаний в современном мире П. Дракер использовал термин «общество знания», а М. Порат описывал общество, основанное на «информационной экономике», или «экономике знания». Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий, их возрастающее использование в различных сферах экономики и общественной жизни также дали основания говорить о компьютерной, телекоммуникационной или микроэлектронной революции (Д. Е. Сайчел и Т. Форестер).

Характерная черта информационного общества – его сетевая структура. Сетевой характер социальной коммуникации имеет длительную историю развития. Однако с появлением интернета впервые была создана глобальная виртуальная информационно-коммуникативная сеть. Виртуальная сетевая коммуникация имеет ряд принципиальных отличий: 1) сетевые коммуникации вышли далеко за рамки прямого физического контакта; 2) при их образовании потеряли значение пространственные, социальные, отчасти временные и другие ограничения; 3) многократно возросли размеры социальных групп, вовлеченных в совместное общение и взаимодействие; 4) индивид приобрел практически неограниченную свободу самовыра-

жения и установления своих виртуальных социальных контактов; 5) развитие сетей такого рода создало принципиально новые возможности для разноплановой (идеологической, организационной, морально-психологической и др.) мобилизации участников разного рода социальных движений и инициатив.

Развитие глобальной виртуальной коммуникации имеет свои позитивные и негативные последствия. Ее позитивной стороной можно назвать существенное расширение возможностей для самопрезентации и самоактуализации личности, свободы ее ценностно-смыслового выбора; значительно большую открытость каналов профессиональной, социальной, пространственной и других видов мобильности, с помощью которой люди находят новые места учебы, работы, включая ее дистанционную разновидность, проживания, создают семьи и т. п.; доступность информации самого широкого диапазона (образовательной, научной, культурно-исторической, политической, новостной и т. д.), что позволяет знакомиться с различными, в том числе дискуссионными, точками зрения, обсуждать их на интернет-форумах и в онлайн-режиме, а в итоге – учиться выработать собственную позицию, развивать творческое и критическое мышление; возросшую роль самостоятельности в установлении разного рода контактов, в формировании широких разноплановых взаимосвязей и сотрудничества в рамках профессиональных и других сообществ, повышение межличностного и межгруппового доверия. Важнейшее достоинство коммуникации посредством интернета состоит в ее преимущественно неиерархическом (горизонтальном) характере, возможности общения на равных.

Обратной (негативной) стороной цифровизации является сужение прямых межчеловеческих контактов, что имеет ряд неблагоприятных последствий: доминирование дистанционных форм в образовательном процессе ведет к потере обучающего и особенно воспитательного эффекта воздействия педагога, которое достигается при его общении с учеником в ситуации лицом к лицу; в трудовой деятельности происходят сбои в наиболее оптимальном для ее продуктивности чередовании фаз индивидуального и коллективного творчества, само коллективное творчество на расстоянии снижает эффективность таких его форм, как мозговой штурм и т. п.; ограничение живого человеческого общения цифровыми контактами усиливает инструментализацию коммуникационных процессов и вызывает общее обеднение эмоциональной составляющей человеческой жизни; изоляция в виртуальной реальности и «свободное плавание»

человека во фрагментарном ценностном контенте интернета, в том числе под воздействием новых технологий манипуляции общественным мнением, ведет к деформациям в личностном самоопределении и формировании идентичности; свойственный цифровизации общий уклон в сторону доминирования технократических ценностей осуществляется в ущерб гуманитарной проблематике.

К проблемным вопросам, возникшим в сфере виртуальной коммуникации, следует также отнести сохранение цифрового неравенства, т. е. разных возможностей доступа к интернету и навыков работы онлайн; значительную анонимность новых форм коммуникации, подразумевающую замену реальной идентичности личностей, которые представляют себя в интернете, их виртуальными (нередко надуманными) образами и др.

М. Кастельс дал следующее определение информационной (глобальной) экономики – это капиталистическая, фактически более капиталистическая, чем любая другая экономика в истории. Законом по-прежнему является производство ради прибыли и для частного присвоения прибыли на основании прав собственности. Продуктивность, производительность, материальный прогресс остаются фундаментальным принципом современного общества. В информационную эпоху, согласно рассуждениям социолога, логика глобальных сетей такая повсеместная и всепроникающая, что вырваться из-под их господства можно, только выйдя из этих сетей и реконструируя смыслы на основании совершенно другой системы ценностей и убеждений. Вызовы со стороны альтернативных форм общественной организации уже стали реальностью общества информационной эпохи. Такие организации возникли вне институтов гражданского общества и имеют форму «социальных и культурных автономных идентичностей».

Важнейшая особенность глобальных сетей состоит в том, что они вводят альтернативную социальную логику, отличную от принципов функциональности, на которых построены институты гражданского общества. В качестве примеров М. Кастельс называет такое направленное на коренное изменение отношений между людьми и природой движение, как инвайронментализм и концепцию устойчивого развития, включающую в новую модель экономического роста межпоколенческую солидарность. Выдвижению этих и других альтернатив способствует то, что человек глобального информационного общества представляет собой гибкую личность, способную в большей степени быть нескончаемо вовлеченной в процесс самореконструк-

ции, нежели определять себя через адаптацию к принятым когда-то социальным ролям¹.

Схожим образом Дж. Нэсбит и П. Абурдэн связывали с информационным обществом наступление новой эры индивидуальности, где высоко ценятся именно уникальные способности личности, а распространение современных средств информатики, вычислительной техники и телекоммуникаций обеспечивает резкое расширение возможностей индивидуального общения и неконтролируемого восприятия информации.

О том, что происходит движение к обществу, для которого будут характерны множественность жизненных стилей и которое будет состоять из личностей, обладающих ярко выраженной индивидуальностью, говорил Э. Тоффлер. Такое движение он связывал с наступлением «третьей волны» в развитии технического прогресса и порождаемыми ею процессами демассовизации, дестандартизации, десинхронизации, демаксимизации, децентрализации, деспециализации.

Во многом схожим образом оценивают новые перспективы оппоненты экономизма (т. е. доминирования экономических ценностей, интересов и активности) и утилитаристской парадигмы в целом, суть которой состоит в утверждении, что главным регулятором человеческой деятельности выступает интерес, или полезность, сводимый часто к экономической калькуляции. Основной довод, опровергающий утилитаризм, они видят в признании множественности принципов, лежащих в основе человеческой активности, способности человека самоконструировать смысл своего бытия.

Становление сетевой структуры организации общественной жизни стало основой для разработки *Дж. Урри* так называемой мобильной социологии. Предметом «мобильной социологии» являются перемещения (мобильности) людей, символических и материальных ресурсов.

Дж. Урри выделяет пять взаимозависимых *мобильностей*, которые организуют социальную жизнь на расстоянии и формируют (реформируют) ее контуры:

1) телесные перемещения людей ради работы, досуга, семейной жизни, удовольствий, миграции или бегства, по-разному организованные по отношению к контрастным пространственно-временным модальностям (от ежедневных поездок на работу до единственного в жизни изгнания с родины);

---

¹ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под общ. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 458 с.

2) физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами, равно как и посылок, подарков и сувениров;

3) воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, осуществляемые через различные печатные или визуальные носители информации;

4) виртуальные путешествия, часто в реальном времени, в процессе которых преодолеваются географические и социальные расстояния;

5) коммуникационные путешествия посредством обмена СМС, текстами, письмами и телеграммами, через факс, телефон или мобильный телефон¹.

«Мобильности» в большей степени носят горизонтальный, а не вертикальный характер и вызваны желанием людей найти работу, жилье, развлечения, религию, семью за пределами своих национальных государств. Они многократно расширяются и ускоряются в условиях глобализации, пересекая географические и культурные пространства. «Мобильности» осуществляются в рамках сетей, для обозначения которых Дж. Урри использовал термин «русло» (англ. *scarp*). В месте пересечения «русел» образуются взаимосвязанные «узлы». Следовательно, новую структуру организации общественной жизни образуют социальные сети. Разная степень близости к основным «руслам» и «узлам» становится новым основанием социального неравенства, а системы мобильности все сильнее полагаются на экспертные формы знания. «То, как компьютерам удалось просочиться в автомобили, хорошо иллюстрирует прогрессирующую экспертизацию систем, делающую машины все менее понятными»².

Новая парадигма мобильностей, согласно Дж. Урри, «призвана трансформировать социальные науки, предложить альтернативную теоретическую и методологическую перспективу. Она позволяет осмыслять “социальный мир” как широкий набор экономических, социальных и политических практик, инфраструктур и идеологий, которые включают, вызывают или ограничивают различные виды движения людей, идей, информации или объектов»³.

---

¹ Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева ; вступ. ст. Н. А. Харламова. М. : Праксис, 2012. С. 135–136.

² Там же. С.144–145.

³ Там же. С. 129.

3. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ

3.1. Личностные детерминанты человеческой деятельности

При изучении человека, его сознания и поведения базовыми являются три понятия: индивид, личность и индивидуальность. *Индивид* – это конкретный человек с характерными для него биологическими и психическими свойствами, доставшимися ему по генотипу (по наследству). *Личность* – формирующаяся под влиянием общения с другими людьми и жизни в обществе совокупность жизненно значимых черт, которая определяет мышление и поведение человека. *Индивидуальность* – сочетание индивидных и личностных свойств конкретного человека, которое отличает его от других людей.

Личность – понятие многогранное и поэтому является объектом изучения разных наук, но прежде всего психологии и социологии. В ходе исследований сложились знаковые психологические, социально-психологические и социологические теории личности.

Психологические (психоаналитические) теории изучают особенности человеческой психики и ее развития, индивидуальное поведение (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, А. Маслоу, К. Роджерс и др.). Социально-психологические теории изучают предрасположенность людей к тому или иному типу поведения в определенных социальных условиях и само это поведение (Э. Фромм, Г. Маркузе, Д. Рисмен, А. Бандура и др.). Социологические теории личности изучают социальные роли и типы людей, образующиеся в связи с принадлежностью человека к той или иной социальной группе.

Для объяснения внутренних побуждающих источников (личностных детерминант) человеческого поведения чаще всего используют понятия «инстинкт», «потребность», «мотив», «ценность», «смысл», «социальная установка».

Одним из первых весьма распространенных объяснений источников целенаправленного поведения является теория инстинктов. Согласно данной теории, существует врожденный базовый набор инстинктоподобных эмоциональных импульсов, названных У. Мак-Дугаллом склонностями. Инстинкт, будучи актуализированным, порождает стремление, импульс или влечение к некоторой цели. Такая тенденция, направленная на предвосхищающую цель, представляет

собой желание. Несколько склонностей могут синтезироваться в так называемые чувства, т. е. когнитивно-эмоциональные оценки, обусловленные опытом и научением. Окончательный вариант постулируемых склонностей составили пищедобывание, отвращение, сексуальность, страх, любознательность, покровительство и родительская опека, общение, самоутверждение, подчинение, гнев, призыв о помощи, создание, приобретательство, смех, комфорт, отдых и сон, бродяжничество, группа примитивных склонностей, обслуживающих телесные нужды.

Постепенно на доминирующую роль при объяснении источников жизненной активности на смену инстинкту с его жесткой наследственной заданностью стало выходить более свободное в истолковании понятие потребности. *Потребность* – это функциональная или психологическая нужда, необходимость человека. Разработан ряд развернутых классификаций потребностей. Активно прорабатывалась тема разумных потребностей и их формирования.

Выделяют три группы базовых, самостоятельных по происхождению потребностей:

1) *витальные (биологические)* – потребности в пище, воде, сне, температурном комфорте, защите от внешних вредностей и т. д., которые призваны обеспечить индивидуальное и видовое существование человека, принадлежащего живой природе. Они порождают множество материальных квазипотребностей в одежде, жилище, технике, необходимой для производства материальных благ, средствах защиты от внешних воздействий и т. п.;

2) *социальные* – потребности в узком и собственном смысле слова, включающие потребность принадлежать к социальной группе (общности) и занимать в ней определенное (не обязательно лидирующее), но соответствующее представлениям индивида о справедливости место, пользоваться привязанностью и вниманием окружающих, быть объектом их уважения и любви. Сюда же относится потребность следовать нормам, принятым в обществе;

3) *идеальные (познавательные)* – потребности познания окружающего мира и своего места в нем, смысла существования.

В свою очередь, данные три группы потребностей делятся на две разновидности: сохранения и развития. Потребности сохранения удовлетворяются в пределах существующих норм, а потребности развития превышают данные нормы.

Однако постепенно распространилось мнение, что употребление понятия «нужда» является вполне обоснованным, когда речь идет

о потребностях организма, существующего и развивающегося за счет присваиваемых извне энергии и вещества. При попытках распространить понятие «нужда» на человеческие потребности и действия более высокого уровня возникают серьезные сомнения в их правомерности.

По данной причине в научном и повседневном общении использование понятия «потребность» было ограничено и заменено более широким по смысловой нагрузке понятием «мотив» (от франц. *motif* – побуждение). **Мотив** означает субъективное побуждение к осознанным активным действиям, непосредственную причину которого составляет эмоционально переживаемое желание чего-то достичь, добиться в жизни. Побуждающие переживания, которые также обозначаются словами «хотение», «стремление», «влечение» и т. п., относят к эмоциональным явлениям и выделяют наряду с двумя другими их группами: переживаниями удовольствия (радость, веселье, наслаждение и т. п.) или неудовольствия (страдание, горе и др.) и ситуативными эмоциями (страх, гнев, стыд, обида, зависть и др.).

Говоря о мотивах и лежащих в их основе побуждающих переживаниях, надо иметь в виду, что каждый имеет конкретный вызывающий их объект (предмет), находящийся в определенном социальном и культурно-историческом контексте, который придает им четкую предметную направленность или в котором они, если использовать несколько иную терминологию, опредмечиваются. По данной причине доминирующие мотивы не носят постоянного характера, а изменяются в различные исторические периоды, носят своеобразный характер в разных социальных условиях и культурных регионах. Таким же образом можно охарактеризовать и разные периоды, особенно возрастные, в жизни человека.

Другая традиция объяснения базовых оснований жизни и деятельности людей имеет в качестве своей основы понятие жизненных ценностей как того, что особо значимо для человека, с особым выделением смысла жизни как основополагающей ценности. Тесную взаимосвязь смыслов с мотивами подчеркивают, говоря о смыслообразующей функции мотивов.

Смысл жизни – это то, что определяет конечную цель, предназначение человеческого существования, придает очертания цельности жизненному пути. Смыслов в жизни человека может быть несколько. Тогда они могут выстраиваться в определенную ценностную иерархию. Объективно жизнь любого человека имеет смысл, поскольку она к чему-то устремлена. Однако он может не осознаваться человеком до тех пор, пока жизненная ситуация не поставит перед ним такую задачу.

Согласно логотерапии В. Франкла, борьба за смысл жизни является основной движущей силой человека. Смысл жизни для каждого уникален, у любого индивида свое призвание. Однако, в соответствии с его концепцией, есть смыслы, присущие людям определенного общества, и даже более того – смыслы, которые разделяются множеством людей на протяжении истории. Данные смыслы относятся скорее к человеческому положению вообще, чем к уникальным ситуациям.

Следует различать и сопоставлять, во-первых, механизмы личностного смыслообразования, касающиеся отдельного индивидуума; во-вторых, пути накопления универсальных жизненных смыслов человеческим сообществом в целом. Объясняя происхождение индивидуальных смыслов, В. Франкл полагает, что они обнаруживаются, а не придумываются. Он выделяет также три основных пути, благодаря которым человек может сделать свою жизнь осмысленной: 1) то, что он может создать (творчество); 2) новые встречи и переживания, новый опыт; 3) нахождение смысла даже в самом тяжелом положении, в котором человек может оказаться¹.

Мотивы, ценности и смыслы жизни – результат жизнедеятельности людей, их бытия в мире. Конкретными проявлениями бытия – источниками мотивов, ценностей и смыслов, детерминантами деятельности – являются социальное положение индивидов, их принадлежность к культурной традиции, развитие человека, его саморефлексии. Динамичность указанных факторов обуславливает изменчивый характер мотивационно-смысловой сферы и порождаемых ею типичных форм деятельности людей.

На детерминирующей роли в поведении индивида его социального положения, статуса акцентировал внимание К. Маркс, когда писал в «Тезисах о Фейербахе», что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»². Роль социальной детерминации поведения достаточно очевидна на примере буржуа, чье стремление к максимальной прибыли часто вызвано не какой-либо внутренней предрасположенностью к ней, а тем, что без деятельности, направленной на самовозрастание капитала, он

---

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем., общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева ; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. С. 300.

² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Соч. : в 50 т / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955–1981. Т. 3. 1955. С. 3.

лишится своего социального статуса. Классовая и другая групповая принадлежность людей является основой их общих интересов, идей и коллективных социальных действий.

Место в мотивации культурной принадлежности человека вполне отчетливо иллюстрируется особенностями поведения представителей западной и восточной культурных традиций, основанных на своеобразии характерного им видения мира, трактовок основ мироустройства.

В восточной традиции, где порядок в природе и обществе связывается с действием сверхъестественного космического закона, вечного и неизменного, судьба человека традиционно ставится в зависимость от признания данного закона и повиновения ему. В такой обстановке активность людей направляется преимущественно не на внешний мир, а на самих себя, и ее основными формами, привнесенными культурой, стали самовоспитание и психическая саморегуляция. Так, в конфуцианстве, которое можно определить как учение об управлении людьми, теорию для будущих губернаторов, во главу ставится тезис, что нельзя научиться управлять другими людьми, а тем более целым государством, не научившись управлять собой, своей психикой.

В западной традиции отказ от присущих античной цивилизации представлений об универсальности космического закона – логоса, т. е. развитии мира как круговом движении с его бесконечными повторами, связан с христианством, хотя подготовлен предшествующим развитием этого культурного региона. Решающая христианская догма о конечном спасении вызвала к жизни взгляд на развитие мира как на линейный, целенаправленный процесс. Эсхатологическое ожидание второго пришествия Христа, которое нужно встретить, имея как можно больше свидетельств, подтверждающих избранность к спасению, породило более деятельное отношение к миру, стремление усовершенствовать его в соответствии с божественными заповедями. Нацеленность на то, чтобы утвердить Царство Божие на земле, находилась в резком диссонансе с ситуацией на Востоке, где общественные усилия свелись к воспроизводству традиционного уклада социальной жизни.

Несомненна значимость роли религиозно-культурного фактора в обретении обогащением функции ведущего мотива. Способствовало этому превращение пуританизмом обогащения, приобретательства в призвание, религиозно-этическую миссию. Своеобразие культурной традиции некоторых обществ Восточной Азии привело

к возникновению там модели «коммунального капитализма», показав тем самым что «капитализм и община вполне совместимы».

Особо следует выделить антропологические основания мотивации. Из всего многообразия постулируемых сейчас внутренних источников деятельности вполне определенно к ним можно отнести только мотивы, возникающие на основе первичных биологически обусловленных потребностей: в воздухе, пище, воде, поддержании определенной температуры тела, безопасности, следовательно, в одежде, жилище и т. п. Хотя их конкретное наполнение, место в мотивационной иерархии личности, способы реализации могут весьма существенно различаться как в разные времена, так и у представителей различных культур. Этнографы отмечают, что даже такие, казалось бы, чисто биологические явления, как половой акт или роды, осуществляются разными приемами, в которых имеются определенные, и очень существенные, этнические различия. Данные различия проявляются и в том, во что люди одеваются, что и как они едят и т. п.

Универсальный характер других мотивов (потребностей) весьма спорен. Особенно это касается ведущих оснований человеческой активности. Как о неотъемлемых свойствах природы человека с полной уверенностью сегодня можно говорить только о таких на первый взгляд банальных вещах, как индивидуальная принадлежность мотивов и – на определенной стадии развития личности – стремление к их свободному, осмысленному выбору.

Есть также основания предположить, что осознанно определять свои жизненные ориентиры, поступки человек начал, когда было преодолено архаическое мышление, отличавшееся высокой степенью слияния индивида с окружающим его миром и тем социальным сообществом, к которому он принадлежал. Сформировавшаяся способность абстрактного мышления позволила индивиду предвидеть и планировать свою жизнь, мысленно перебирать возможные ее варианты, совершать ценностно-смысловой выбор.

Указанный принципиально новый способ жизни был открыт уже в эпоху древних цивилизаций. Его суть заключается в свободном выборе человеком основных жизненных ценностей, мотивов деятельности и в основанном на этом выборе образе жизни. Однако в древних обществах, в так называемое осевое время, по К. Ясперсу, это было под силу одиночкам или небольшим группам людей. В эпоху Возрождения принцип суверенитета личности лег в основу нового способа жизни. Бесспорно, этому способствовал синтез на заре Возрождения двух великих культурных традиций: античной

философской саморефлексии, открывшей самостоятельную силу человеческого разума, и средневековой христианской традиции с ее пониманием разума человека как созданного по образцу и подобию божественного, а потому способного к рациональному постижению смысла бытия.

Развитие мысли о таком новом способе жизни находим у П. Бергера. Ставя под сомнение тезис «капитализм стал причиной индивидуализма», он писал, что западная история – это непрерывный процесс «выхода за пределы коллективных уз», а «корни индивидуальной автономии в западной культуре возникли задолго до современного капитализма»¹.

Понять психологические основания прорыва человека к осмыслению своего бытия в определенной степени помогает теория развития интеллекта Ж. Пиаже. Процесс когнитивного развития философ выражал в терминах «центрация» и «децентрация». Согласно его теории, субъект первоначально центрирован на собственных действиях и на точке зрения. Такой своеобразный эгоцентризм можно наблюдать у ребенка, для которого центром вселенной является его личный мир. Смешивая субъективное и объективное, он приписывает свои мотивы физическим вещам, переносит собственные внутренние побуждения на причинную взаимосвязь явлений окружающего мира. Он не способен критически со стороны взглянуть на себя, стать на позицию другого, понять, что возможны иные, отличные от его собственных, оценки окружающих предметов и явлений. Постепенно реальность жизненного мира ведет к удалению человека из эгоцентрической перспективы. Процесс познавательной децентрации дает субъекту возможность понять позицию других людей, посмотреть на мир с их точки зрения, иначе взглянуть на себя, переоценить свою жизнь в границах более широкого смыслового контекста².

В конечном счете можно сказать, что материальные аспекты социального положения человека не обязательно являются жесткими, тем более единственными, детерминантами его деятельности. В значительной мере эти детерминанты сконструированы смыслообразующей деятельностью и социокультурным творчеством человека.

---

¹ *Бергер П.* Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе / пер. с англ. Г. П. Бляблина. М. : Прогресс : Универс, 1994. С. 124.

² *Пиаже Ж.* Теория Пиаже // История зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы XX века / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 245–247.

Представление о смысле жизни – важнейший элемент любого религиозного мировоззрения. Для христианина жизненный смысл состоит в следовании заповедям Бога, которое ведет к спасению и вечной жизни. В иудаизме он заключается в том, чтобы жить в соответствии с Торой, исполняя 613 ее заповедей (мицвот). Для мусульманина это сознательное поклонение Аллаху, которое достигается через следование Корану и Сунне. Для буддиста – освобождение от страданий и достижение нирваны, следуя указанному Буддой восьмеричному пути.

В процессе накопления человеческим сообществом универсальных жизненных смыслов, можно выделить три главные исторические линии смыслообразования. Во-первых, поиск высших смыслов, который в основном ассоциируется с ценностями «осевого времени». Во-вторых, определение основополагающих смысловых ценностей устройства общества, наиболее ярко воплощенных в понятиях свободы и справедливости, конкретное наполнение которых существенно отличалось в различные исторические эпохи. В-третьих, выявление смысла обыденного, повседневного человеческого существования, синонимом которого стало понятие «мудрость жизни».

Своя исследовательская традиция сложилась в использовании понятия «установка» для изучения поведения людей. Разрабатывая данное понятие на базе широкого круга экспериментальных психологических исследований, Д. Н. Узнадзе сделал следующий обобщающий вывод: «Возникновению сознательных психических процессов предшествует состояние, которое ни в какой степени нельзя считать непсихическим, только физиологическим состоянием. Это состояние мы называем установкой – готовностью к определенной активности, возникновение которой зависит от наличия следующих условий: от потребности, актуально действующей в данном организме, и от объективной ситуации удовлетворения этой потребности»¹.

Социальная установка, или аттитюд (от англ. *attitude*, т. е. отношение), – это предрасположенность (готовность) индивида или группы к определенному типу социального поведения. Она включает эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты, взаимосвязанные между собой.

---

¹ Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки / Акад. наук Груз. ССР ; Ин-т психологии им. Д. Н. Узнадзе. Тбилиси : Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. 210 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A3/uznadze-dmitrij-nikolaevich/psihologiya-ustanovki/> (дата обращения: 11.12.2021).

В качестве примера изучения социальных установок можно привести исследования, проведенные в конце 1980-х гг. в Беларуси, целью которых было изучение дифференциации населения по предрасположенности (готовности) к действиям, соответствующим требованиям зарождающейся рыночной экономики. При разработке его теоретико-методологических оснований были использованы идеи М. Вебера о существовании двух типов экономического поведения: докапиталистического и капиталистического. Согласно М. Веберу, докапиталистическое отношение к труду характеризовалось тем, что работник не стремился заработать больше обычного, увеличив до максимума производительность труда. Ситуация коренным образом изменилась в процессе становления капитализма, когда работник уже стремился больше зарабатывать и ради этого больше работать.

Для определения критериев дифференциации населения по предрасположенности к действиям, соответствующим рыночным отношениям, использовались два основания. Первое из них – это соответствие экономического поведения людей дорыночному (установка: работать так, чтобы жить не хуже, чем обычно) или исходному рыночному типу (установка: больше работать и больше зарабатывать). В ходе анкетного опроса использовался вопрос «Что Вы предпочитаете: работать так, чтобы жить не хуже, чем обычно, или больше работать и больше зарабатывать?». Второе основание – степень развитости у людей установки на предпринимательство, т. е. наличие одной, двух или всех трех ее составляющих: эмоциональной (готовность к инициативе и риску в хозяйственной деятельности); когнитивной (знание ситуации рынка и умение действовать в рыночных условиях); поведенческой (реальное занятие предпринимательской деятельностью).

Для выявления эмоциональной составляющей установки использовался вопрос «Ради того, чтобы иметь больший доход, Вы готовы рисковать, вкладывая имеющиеся деньги?». Варианты ответов: 1) «да»; 2) «нет». Для выявления когнитивной составляющей установки использовался вопрос «Вы знаете, как вести хозяйственную, предпринимательскую деятельность в складывающихся рыночных условиях?». Варианты ответов: 1) «знаю»; 2) «не знаю». Наличие поведенческого компонента установки определялось самим фактом участия в предпринимательской деятельности.

В результате подобной классификации было выделено пять групп населения. Одна группа предрасположена к дорыночному типу поведения (ДТП), четыре – с различными вариантами рыночной ориентации.

В их числе были группа с исходным рыночным типом поведения (ИРТП) и три другие, отличающиеся разной степенью сформированности установки на предпринимательство. Группа предприимчивых людей (ПЛ) характеризовалась наличием одного из компонентов установки на предпринимательство – эмоционального. Группе наиболее вероятных предпринимателей (НВП) был присущ также и ее когнитивный компонент. И только группу собственно предпринимателей (П) отличало наличие всех трех компонентов: эмоционального – ориентация на риск и инициативу; когнитивного – осознание ситуации рынка и предполагаемого ею способа действия; поведенческого – реальное занятие предпринимательской деятельностью.

Численное распределение населения по типам экономической ориентации носило следующий характер: дорыночный тип поведения – 23,9 %; исходный рыночный тип поведения – 30; предприимчивые люди – 31,9; наиболее вероятные предприниматели – 9,2; лица, занимавшиеся на тот момент предпринимательской деятельностью, – 4,6 %. При этом 0,4 % опрошенных остались неидентифицированными.

3.2. Историческая эволюция мотивов, смыслов и способа жизни людей

Первые социальные нормы, или правила поведения, служили средством обуздания биологических инстинктов первобытных индивидов (прежде всего пищевого и полового), организации их совместного проживания и деятельности. К таким нормам в первую очередь относилась заповедь «не убий», а также требования экзогамии и агамии, т. е. обязанности вступать в половые отношения вне своего рода и запрет половых связей между его членами.

Содержание человеческих мотивов было подвергнуто жесткой, уравнивающей регламентации со стороны общины, стоявшего за ней обычая. Господствовал коллективный путь их достижения. Однако постепенно начали проявляться индивидуальные интересы людей. Первоначально первобытному коллективу в наследство от животного стада досталось доминирование физически наиболее сильных особей, их приоритет при распределении продуктов питания, что лишало стимулов к эффективной производственной деятельности тех, кто имел к ней больше способностей, которые не обязательно включали особую физическую силу и агрессивность.

Необходимость учитывать личные интересы всех групп, стимулируя их социально-полезную деятельность, привела к тому, что охот-

ничья добыча стала общей и каждый получил к ней одинаковый доступ. В дальнейшем та же потребность в реализации индивидуальных интересов вызвала отказ от равнообеспечивающего распределения. Ему на смену стал приходиться порядок, по которому обязательному разделу подлежала лишь часть продукции от коллективной охоты. Позднее плоды даже коллективной охоты делились в первую очередь между ее участниками и только в особых случаях – между всеми членами общины¹.

Различие мотивов на первых порах было связано прежде всего с личными качествами, запросами, притязаниями. При наличии высокоспециализированного присваивающего хозяйства подавляющее большинство людей было вполне удовлетворено обеспечением пищи, а большее материальное благополучие их не привлекало. В такой ситуации у них отсутствовал стимул наращивать производство. Неслучайно М. Салинс назвал общины охотников и собирателей «природными обществами изобилия».

В результате переход к производящему хозяйству (неолитическая революция, по Г. Чайлду) произошел намного позже, чем стали известны технологические навыки, необходимые для земледелия. Он был связан не с открывающимися перспективами нового типа хозяйствования, а с началом продовольственного кризиса, участившимися голодовками. Именно острый дефицит продовольствия заставил первобытных людей заимствовать земледелие и скотоводство у соседних народов или развивать их самостоятельно при условии зачаточного состояния².

С неолитической революцией появился регулярный избыточный продукт и возможность его накопления, что вызвало к жизни престижную экономику, костяк которой составили престижные пиры и развитый дарообмен. Однако понятие «богатство» первоначально ассоциировалось не с объемом материальных благ, а с жизнью в многолюдном доме под защитой сильного лидера. Производство материальных благ приобретало самодовлеющее значение по мере того, как владение ими стало определять престиж человека, его участие в управлении. Поскольку престижная экономика открывала доступ к социальным привилегиям, постепенно происходила ее персонификация в лице отдельных лидеров. Отсюда и широкое рас-

---

¹ История первобытного общества : в 3 т. / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М. : Наука, 1983. Т. 1 : Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. С. 302–306.

² Там же. Т. 2 : Эпоха первобытной родовой общины. С. 270–272.

пространение дарообмена в эпоху позднеродовой общины, который получил престижное, символическое значение, доказывая могущество вождя.

С превращением семьи в главную хозяйственную ячейку с индивидуальным ведением хозяйства и имущественной дифференциацией на смену общинным связям, основанным на принципе взаимопомощи, стали приходить общественные отношения, фундаментальным основанием которых явился частный (личный) интерес.

Первобытно-общинный строй распался, когда общественные отношения стали доминировать над общинными связями. Путь к их преобладанию был открыт изменением способа жизнедеятельности людей, выразившимся в утверждении права индивида на свободную, преимущественно индивидуальную по форме реализацию своих интересов. Данное право человека было четко зафиксировано в крупнейших памятниках правовой мысли древности – Законах Хаммурапи, Законах Ману, Законах XII таблиц. По сравнению с первобытными нормами особенно существенное развитие в них претерпела та часть, которую можно определить как «гражданское предправо» (нормы владения, пользования, наследования, договорных обязательств, отношений в семье и т. п.).

Эволюция способа жизнедеятельности человека древних цивилизаций шла в направлении выделения «индивидуальных жизненных рядов» (терминология М. М. Бахтина). Еще довольно тесно вплетенные в общую жизнь ближайшей социальной группы на ранней стадии древнего общества, они окончательно выделились в условиях интенсивного развития товарно-денежных отношений.

Исторические исследования позволяют получить достаточно определенные представления о духовном мире, ценностных ориентациях, мотивах людей данной эпохи.

Высшие ценности Древнего царства Египта, которые продолжали котироваться на всем протяжении египетской истории, – наследуемая собственность и успех, достигнутый в жизни человека и заметный для всех. Идеал периода Древнего царства – преуспевающий чиновник, приспособившийся к административной и общественной системе и собственными усилиями делающий карьеру. Распад Древнего царства, крушение социальной организации и прежних идеалов привели египтянина Среднего царства к ослаблению в его жизненной позиции акцента на том, что высшие блага – это положение в обществе, материальное благосостояние и сдвиг в сторону представле-

ния, что благом является правильное социальное поведение, честное выполнение общественных обязанностей, соблюдение законности¹.

Схожими с главными египетскими ценностями были высшие жизненные ценности человека в других регионах Древнего Ближнего Востока – это здоровье, долголетие, обилие сыновей, почетное положение в общине, богатство. Последнее ценилось как за то, что открывало доступ к наслаждениям, так и потому, что имущество, например в Древней Месопотамии, являлось одной из важнейших величин, конституирующих человеческую личность, своеобразным продолжением человека за пределами его тела. С обладанием тем или иным имуществом связывалась судьба индивида, а со сменой имущества человек как бы перерождался, становился кем-то другим.

Путь к высшим ценностям связывался с послушанием семье, правителям, богам, а государство (в месопотамской цивилизации вся вселенная рассматривалась в качестве государства), как считалось, было построено на послушании, безоговорочном принятии власти. Уже с течением времени древневосточный человек более отчетливо осознавал, что сама человеческая сущность предполагает возможность непокорности, и что именно этим послушание свободных людей отличается от абсолютного и безусловного повиновения рабов. Однако и тогда все случаи непослушания носили временный и частичный характер, поскольку оно воспринималось как средство проверки и углубления послушания.

Сложность, противоречивость процесса и последствий выделения «индивидуальных жизненных рядов», достижения приоритета частного интереса над интересом общины хорошо видны на примере древнегреческой и древнеримской истории.

Как известно, основу социального устройства древнегреческой цивилизации составляла гражданская община – полис. Основные черты полиса: взаимообусловленность права собственности на землю и гражданского статуса, совпадение политической и военной организации, т. е. гражданин-собственник являлся одновременно и воином. В представлениях древних греков полис – высшее благо. Существование человека вне его рамок невозможно, благополучие отдельного человека находится в прямой зависимости от благополучия полиса. Другие основополагающие ценности греческого общества: идея превосходства земледельческого труда над всеми

---

¹ В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт [и др.] ; пер. с англ. Т. Н. Толстой ; отв. ред. и авт. вступ. ст. В. В. Иванов. М. : Наука, 1984. С. 153.

остальными видами деятельности, осуждение стремления к прибыли, приоритет традиций.

Древнегреческая аристократия в решающей степени определяла своим обликом характерные черты полисной морали. Ее ценностной ориентации был присущ агональный (соревновательный) тип: каждый аристократ стремился повсюду быть первым: на поле боя, в спортивных состязаниях, в политике. Забота о чести, стремление к славе, отличию – главная черта персонажей гомеровских поэм. Славу они чаще всего добывали в сражении с оружием в руках. Подвиги и доблесть героев песнь за песней воспевают «Илиада». Получила распространение готовность ради большей славы идти на дополнительные трудности. Добровольное унижение было такой огромной жертвой, что общепринятым являлось правило: пощади попросившего пощаду.

Соединение чувства коллективизма и агонистического начала – основание всей древнегреческой системы ценностей. По мере того как рядовые граждане приближались к уровню аристократии, традиционная этика последней распространялась среди народных масс, хотя уже в преобразованной форме. На первое место вышел принцип «Кто лучше послужит полису».

Начиная с VII в. до н. э. с развитием товарно-денежных отношений у аристократии наряду с воинскими званиями и влиянием в религиозной сфере важнейшим средством демонстрации престижа своего рода, его превосходства над соперниками стало богатство. Его новый вид – деньги – начал противопоставляться старому – земельной собственности. Прежние полисные принципы препятствовали предпринимательской деятельности. В итоге традиционная коллективистская система ценностей начала уступать место индивидуализму. Деньги стали определять положение человека в обществе.

Реакция на перемены со стороны социальных слоев, непосредственно не связанных с новым жизненным укладом, выразилась в решительном осуждении стремления к обогащению, объявлению происходящего беззаконием, желании вернуться к уравнительным принципам полиса. Именно к этому времени относятся изречения Солона: «Нет предела богатству», «От богатства рождается пресыщение, а от пресыщения – спесь» и высказывания поэта Феогида из Мегар: «Деньги в почете всеобщем», «Имеющий самое большое богатство желает его удвоения», «Богатство – безумие человека». Особой ценности богатства древнегреческие мудрецы противопоставляли идеал благоразумия, призывавший к воздержанности, чувству меры, золотой середине. «Ничего слишком!» – таков был идеал новой мудрости.

Среди ценностных ориентаций граждан Древнего Рима основополагающим также являлось представление о приоритете общей пользы общины и ее совпадении с пользой каждого ее члена. Пожертвовать собой для общины означало принесение жертвы во имя правильно понятого интереса. Римский патриотизм усиливался идеей провиденциальной миссии римского народа, самой судьбой предназначенного к победам. Долг гражданина – служить Риму всеми силами, не щадя жизни, на том месте, в той роли, которая выпала на его долю. Наградой был почет, даруемый гражданам за заслуги перед общиной, всенародное одобрение. Те люди, кого считали образцом римской добродетели, никогда не стремились ни к власти, ни к богатству¹.

Изменения стали намечаться со времени Пунических войн, особенно второй, когда в связи с заморскими завоеваниями умножились возможности как приобретать деньги, так и тратить их. Открылись разнообразные пути приобретения крупных и средних состояний. Выросла ценность денег и одновременно ослабло чувство причастности к делам общины.

Путь к феодализму был проложен возникновением колоссальных автаркических (самодостаточных) имений земельных магнатов из числа преуспевающих рабовладельцев и чиновников. В условиях автаркичности резко снизился товарооборот и товарность производства, стала приходить в упадок монетно-денежная система, что существенно уменьшило социальную роль жалования.

В такой ситуации на всех ступенях иерархии, как отмечал М. Блок, приходилось прибегать к форме вознаграждения, не основанной на периодической выплате некоей денежной суммы. Из данной ситуации существовало два возможных выхода: взять человека к себе, кормить его, одевать, давать ему, как говорилось, «харчи» или же предоставить ему в качестве компенсации за труд участок земли, который позволял самостоятельно обеспечивать свое существование. В конечном счете преобладающим стал особый вид земельной собственности – феодал, связанный с личной службой, обычно военной, феодала (вассала) вышестоящему феодалу (сеньору). Чувство привязанности вассала к своему сеньору, писал М. Блок, было куда более интимным, чем впоследствии у рабочего к своему хозяину. С другой стороны, возникали ситуации, когда вассал, только обосновавшись на земельном наделе, сразу начинал считать его собственным и ста-

---

¹ *Штаерман К. Е.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима : в 2 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова. Акад. наук СССР ; Ин-т всеобщ. истории. М. : Наука, 1985. Т. 1.

рался облегчить бремя своей службы, а в итоге основать независимую династию¹.

Человек в феодальном обществе – это сословная личность. Отказываясь от индивидуальности, он искал интеграции с группой, так как именно принадлежность к ней являлась гарантом его безопасности, условием реализации жизненных устремлений, пусть и ограниченных статусом группы. Занимая с самого рождения определенное, неизменное и бесспорное место в социальном мире, человек самоотождествлялся со своей ролью в обществе. Он мог быть крестьянином, ремесленником или рыцарем, но не индивидом, который по своему усмотрению занимался тем или иным делом. Он почти не имел шансов переместиться по социальной лестнице и едва мог перемещаться географически. Однако в пределах своего социального пространства имел достаточную свободу самовыражения в труде и жизни. В то время не существовало индивидуализма в смысле свободного выбора жизненного пути, зато конкретный индивидуализм достаточно ярко проявлялся в реальной жизни.

В такой обстановке ведущим мотивом человеческой деятельности не мог не стать сословно-корпоративный статус: его подтверждение, а по возможности, и некоторое повышение. Однако статус был, так сказать, «земным» мотивом. Не в меньшей мере человек средневековья – приверженец христианской веры – был захвачен идеей спасения души. Человек сознавал, что грешному «посюстороннему» миру, из объятий которого он не в состоянии вырваться, противопоставит высшее царство святости. Расплачиваться за это ему приходилось муками душевной раздвоенности, неполноценности. В этом заключался источник многочисленных случаев самобичеваний, массовых паломничеств к святым местам, раздачи имущества и т. д.

Господствовавшими идеалами средневековья, особенно раннего, были святой и рыцарь. Были случаи, когда в рыцари посвящали за исключительные военные подвиги, а по мере усиления городов это звание можно было купить. От рыцаря ждали, что он будет постоянно заботиться о своей славе. Слава требовала неустанных подтверждений, все новых и новых испытаний. Гордость, если она только не была преувеличена, считалась совершенно оправданной. Стремясь использовать рыцарство в своих интересах, церковь спокойно относилась к тому, что рыцари жили в двух, казалось бы, несогласуемых

---

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. Е. М. Лысенко ; примеч. и ст. А. Я. Гуревича ; АН СССР. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1986.

одна с другой системах ценностных координат, когда место смирения занимала гордость, место прощения – месть, а к чужой жизни проявляли полное неуважение. Греховные поступки можно было легко замолить, уйдя на склоне лет в монастырь. Существовал и еще менее обременительный путь спасения – одеть умершего рыцаря в монашескую рясу.

Догматы христианства в значительной мере обусловили утвердившееся в средневековой Европе отношение к труду. В оценке труда позиция христианской церкви являлась двойственной. Вследствие грехопадения человека труд оценивался как наказание, но он же воспринимался и как средство поддержания земного существования. Провозгласив принцип «Не трудящийся да не ест», раннее христианство причислило праздность к тягчайшему из грехов. В труде, поскольку он предотвращает падение в грех, ценили прежде всего воспитательное значение. Труд не должен отвлекать от молитвы, поэтому не следует превращать его в самоцель, а тем более в средство обогащения.

Для средневекового человека трудовая деятельность служила также средством утверждения социального статуса, права на членство в корпорации, личного достоинства. В продукте труда в первую очередь обращали внимание на его качественную сторону. Из проклятия труд становился призванием. Однако это была лишь тенденция. Получить полную реабилитацию в феодальном обществе труд не мог. Что касается отношения самих крестьян к труду, то, как отмечает А. Я. Гуревич, памятники раннего средневековья молчат на эту тему. Исключение составляют лишь скандинавские источники, содержащие довольно много указаний на то, что люди «эпохи саг» не гнушались физической работы. Ею занимались даже зажиточные и знатные лица, владевшие зависимыми и рабами¹.

Под влиянием церкви труд считался единственным нравственно оправданным источником собственности. Преобладание данной точки зрения породило длительную практику недопущения ростовщичества и установления справедливых цен. Позиция церкви отчетливо выразилась в формуле: купец может действовать безупречно, но не может быть угодным богу. Поскольку собственность происходит не от бога, а является результатом людского корыстолюбия, то она препятствует любви к богу и людям. Осуждение богатства, отличавшее отцов церкви в III–V вв., было несколько приглушено позже, когда сама церковь стала крупнейшей собственницей.

---

¹ Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М. : Искусство, 1990. 396 с.

Постепенно раннехристианский идеал верующих, отрешившихся от всякого владения, был заменен идеалом мелкой собственности, требовавшейся для удовлетворения необходимых потребностей. Накопление сверх минимума по-прежнему считалось греховным. Активно прославлялась бедность. В бедняках видели божьих избранников. «Избранничество» должно было служить им моральной компенсацией за земные невзгоды. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство божие» – эта евангельская истина была популярна в средние века. Однако духовенство никогда не настаивало на том, что эти слова нужно понимать буквально и, следуя им, отказываться от богатства. Хотя никому не возбранялось раздать свое имущество и принять обет добровольной бедности.

В качестве главных грехов раннего и позднего средневековья можно противопоставить друг другу гордыню и корыстолюбие. Гордыня, высокомерие считались источником всякого зла, когда владения и богатство еще не обладали заметной подвижностью, а ощущение власти не основывалось исключительно на богатстве. Однако в Библии, помимо слов «в гордыне погибель», имеются и другие – «корень бо всех зол есть сребролюбие». И, похоже, делает вывод Й. Хейзинга, что, преимущественно начиная с XIII в. укрепляется убеждение в том, что именно необузданная алчность ведет к гибели мира. Это убеждение вытесняет представление о гордыне как первейшем и пагубнейшем из пороков. Алчность, продолжает он, – порок того времени, когда денежное обращение перемещает, высвобождает предпосылки обретения власти. Человеческое достоинство оценивается теперь путем прямого расчета. Открываются невиданные ранее возможности накопления сокровищ и удовлетворения неукротимых желаний. Удовлетворение ищут в неистовых крайностях скупости и расточительства. В литературе того времени (в хрониках, поговорках и благочестивых трактатах) повсюду обнаруживается жгучая ненависть к богачам, жалобы на алчность великих мира сего¹.

Освобождение человека от сословной ограниченности, утверждение его права на свободный выбор жизненных целей и ценностей связаны с эпохой Возрождения. Стихийное самоутверждение человеческого субъекта составило суть Возрождения. Самоутверждался, по

---

¹ *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. Исследования форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах // Соч. : в 3 т. / пер. с нидерланд., сост. и пер. Д. В. Сильвестрова ; вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой ; заключ. ст. и науч. коммент. Д. Э. Харитоновича. М. : Наука, 1988. Т. 1. С. 29–30.

выражению А. Ф. Лосева, крупный, сильный и независимый человек, который, «не будучи связан ни с чем другим, утверждал себя стихийно, а будучи единственным и окончательным создателем своего собственного продукта, утверждал себя еще и артистически»¹. Однако у такого свободного, ничем не ограниченного самоутверждения была и обратная сторона. Пороки и преступления существовали во все эпохи, но теперь в них не каялись. Основа этой обратной стороны та же – стихийно-индивидуалистическая ориентация человека, мечтавшего освободиться от всего объективно значащего и признававшего только свои внутренние нужды и потребности.

Утверждение новых жизненных установок находилось в тесной связи с ростом индивидуальной экономической инициативы в период становления буржуазного общества. Отныне собственные усилия человека могли привести его к материальному успеху и богатству. Деньги доказали, что они сильнее происхождения, и тем самым превратились в великого уравнилителя людей. В наивысшую ценность превращался труд. Роль одной из главных ценностей приобретала производительность.

Коренное изменение мотивов человеческой деятельности во многом было обусловлено распространением учения Кальвина о предопределении, согласно которому, бог заранее предрешает, кому будет дарована благодать, а кто обречен на вечное проклятие. Человек не в силах повлиять на предначертанное ему свыше, но он в состоянии выяснить свое будущее.

У самого Кальвина свидетельством принадлежности к спасенным являлись моральные усилия, добродетельная жизнь. Постепенно под давлением развивающегося капитализма акцент сместился в сторону мирской деятельности и ее результатов. Знаком божьей милости стал успех, а неуспех превратился в знак проклятия. Пуританизм возвел обогащение, приобретательство в ранг призвания, статус религиозно-этической миссии. Оценивая произошедшие перемены, М. Вебер писал, что «глубоко религиозные натуры, прежде бежавшие спасаться в монастыри, теперь должны были выполнять все заповеди в миру»².

Новую систему жизненных ценностей лучше других охарактеризовал Б. Франклин. Образец для него – это человек, который всем обязан самому себе. Первое условие обогащения – добродетель, всегда окупающая себя. Мерило добродетели – кредит. Идеал –

---

¹ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М. : Мысль, 1982. С. 136–137.

² Вебер М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Петроград : Наука и школа, 1923. С. 223.

человек, заслуживающий кредита. Б. Франклин любил повторять поговорку «Тот, кто точно отдает долги, является хозяином чужих кошельков». Богатство, писал он, «главным образом зависит от двух вещей: от трудолюбия и умеренности. Иначе говоря, не теряй ни времени, ни денег и используй и то, и другое наилучшим образом»¹.

Трудно дать однозначное объяснение того исторического факта, что обогащение стало в данный период времени ведущим мотивом человеческой деятельности. Наиболее близок к истине, вероятно, М. Фридман, связывающий, ссылаясь на А. Токвиля, превращение богатства в символ и свидетельство успеха с тем, что широкие слои общества не желали принимать в расчет такие традиционные критерии феодального и аристократического общества, как родословная и происхождение. Очевидной альтернативой данным критериям являлись результаты практической деятельности человека, а накопление богатств было наиболее простым и доступным их мерилем.

Тот факт, что мотив обогащения, а с ним и капиталистические порядки утвердились особенно быстро в европейском обществе, отчасти связан с особенностями его социального устройства. Еще в период феодализма здесь существовали достаточно благоприятные условия для накопления капиталов, предпринимательской деятельности. По мнению Ф. Броделя, к ним, помимо рыночной экономики и международного разделения труда, обеспечивавшего более высокие прибыли, следует отнести возможность создания долговечных генеалогических линий и постоянного накопления богатств, передачи наследства и увеличения наследуемого имущества. Не менее важно и то, что можно было свободно заключать выгодные союзы, общество разделялось на группы, из которых некоторые были господствующими. Само оно являлось ступенчатым, и социальное возвышение было если и не легким, то по крайней мере возможным.

Ситуация, совершенно отличная от европейской, сложилась в чиновничьем Китае, где существовал тотально организованный порядок, присутствовала вездесущая опека государственного аппарата. Государство, которое было крупнейшим предпринимателем, открыто враждебно относилось к любому обогатившемуся индивиду. В атмосфере, где чрезмерное богатство осуждалось как безнравственное, оно имело право на его конфискацию при первом признаке обогащения. Накопление было возможно только для государства

---

¹ *Поппер К.* Нищета историцизма : пер. с англ. М. : Прогресс-VIA, 1993. С. 83. URL: http://royallib.com/book/popper_karl/nishcheta_istorisizma.html (дата обращения: 12.01.2017).

и государственного аппарата. В свою очередь, путь к должности государственного чиновника (мандарина) открывался при наличии высокого уровня образования, а вступление в нее происходило на конкурсной основе. В результате сын мандарина нечасто становился мандарином. Семейное восхождение рисковало прерваться в один момент. В такой обстановке для мандарина не было особого смысла накапливать богатства.

В дальнейшем крупный капитал, заинтересованный в расширении спроса на потребительские товары, стимулировал развитие у широких масс ориентации на высокий уровень потребления. Новая ориентация пришла на смену предпринимательской установке человека, обязанного всем самому себе. Заметно снизился престиж индивидуального труда, личной инициативы и персональной ответственности. Постепенно стал забываться франклиновский идеал бережливости.

Ориентация на рост массового потребления и самовозрастание капитала продолжает оставаться доминирующей в современном мире. Проявления этой ориентации носят разнообразный характер.

3.3. Социологические теории личности

Наиболее известны следующие социологические теории личности: «ролевая теория», концепции «зеркального Я» и «социального характера», а также понятие «ментальность».

Разработка *ролевой теории* личности связана с именами Дж. Морено и Р. Линтона. Ключевыми в ней являются понятия «социальный статус» и «социальная роль». Социальный статус – это позиция человека в обществе, которой соответствует определенная совокупность прав и обязанностей. Люди могут иметь несколько статусов, но чаще лишь один из них, известный как главный, определяет положение человека в обществе. Реализуя права и выполняя обязанности, свойственные ее статусу, личность играет определенную роль.

Т. Парсонс классифицировал социальные роли по следующим критериям:

- 1) степень эмоциональности (например, отношения «родители – дети» или «продавцы – покупатели»);
- 2) способ получения (предписанные и достигнутые роли);
- 3) масштаб охватываемых взаимоотношений (например, отношения родственников или отношения пассажиров общественного транспорта);

4) степень формализации (например, дружеские или служебные отношения);

5) мотивация.

Совокупность ролей образует ролевые сети. Каждый человек выполняет множество ролей, между которыми часто возникают ролевые конфликты.

Определяющее значение в принятии индивидом на себя той или иной социальной роли отводится экспектациям (ожиданиям) в отношении поведения ее обладателя. Выделяют три класса экспектаций: экспектации, заложенные в «сценарии»; экспектации других «актеров»; экспектации «аудитории». Первые представлены нормами поведения, вторые – требованиями других лиц, третьи – оценками личностей, обладающих статусом референтных (авторитетных) групп. Принятие индивидом на себя той или иной роли находится в прямой связи с представлениями человека о себе и своей готовности к выполнению данной роли.

Другой, отчасти альтернативной предыдущей, теорией личности является *концепция «зеркального Я»*. Ее автор Ч. Кули исходил из того, что личность формируется на основе множества взаимодействий (интеракций) с другими людьми. В процессе интеракций формируется ее «зеркальное Я». Оно «имеет три основных элемента: образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике и определенное самоощущение, например гордость или унижение»¹.

Развивая данные идеи, Дж. Мид отвел решающее значение в формировании у индивида представлений о своем «Я» не мнению отдельных людей, а некоему «обобщенному другому», т. е. коллективной установке организованного сообщества или социальной группы². Процесс формирования личности он представил состоящим из трех стадий. На стадии имитации дети копируют поведение взрослых, не понимая его. На игровой стадии они понимают поведение как исполнение определенных ролей и сами в процессе игры воспроизводят эти роли. Так, на стадии коллективных игр дети учатся осознавать ожидания не только одного человека, но и всей группы, усваивая таким образом социальные нормы.

---

¹ Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль [тексты] / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 321.

² Мид Дж. Азия // Там же. С. 228–230.

Логическим продолжением концепции «зеркального Я» стала «Я-концепция», согласно которой «Я» человека имеет ряд измерений, которые чаще всего не соответствуют один другому. Наиболее известным различием образов «Я» является выделение «Я-реального» (как человек воспринимает себя в данный момент времени) и «Я-идеального» (каким человек хотел бы стать, ориентируясь на моральные ценности). Существуют и другие измерения: «Я-представляемое» (каким человек представляет себя другим людям); «Я-фантастическое» (каким человек хотел бы стать при особо благоприятных условиях); «Я-в прошлом» (каким человек видит и оценивает себя на прожитом этапе жизни); «Я-когнитивное» (как человек оценивает свои познавательные способности), а также самооценка своего здоровья и вытекающие из нее жизненные планы и образ своего тела.

С именем Э. Фромма связана разработка концепции *социально-го характера*. Под понятием «социальный характер» он понимал ту «совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни»¹. Э. Фромм выделил четыре типа социального характера: рецептивный (т. е. пассивный, требующий поддержки и руководства со стороны других), эксплуататорский, стяжательский и рыночный. У каждого из них философ констатировал наличие взаимосвязанных между собой положительных и отрицательных черт, которые являются своеобразным продолжением друг друга.

Особенности рыночного социального характера

<i>Положительные качества:</i>	<i>Отрицательные качества:</i>
целеустремленность;	пользоваться случаем;
готовность к обмену;	непоследовательность;
моложавость;	ребячливость;
устремленность вперед;	не считаться с будущим или прошлым;
свободомыслие;	отсутствие принципов и ценностей;
общительность;	неспособность к уединению;
экспериментальность;	бесцельность;

¹ Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. Г. Ф. Швейника ; общ. ред. и послесл. П. С. Гуревича. М. : Прогресс, 1990. С. 230.

недогматичность;	релятивизм;
действенность;	сверхактивность;
любопытность;	бестактность;
понятливость;	умничанье;
контактность;	неразборчивость;
терпимость;	безразличие;
остроумие;	глупость;
щедрость.	расточительность.

Другими наиболее известными примерами изображения социального характера являются концепции «авторитарной личности» Э. Фромма и «одномерного человека» Г. Маркузе, а также типологизация характеров, разработанная Д. Рисменом.

Концепция авторитарной личности была разработана Э. Фроммом при выяснении социально-психологических оснований распространения нацистской идеологии¹. Уход в авторитаризм рассматривался Э. Фроммом как наиболее распространенный механизм «бегства от свободы». Человек, стремящийся преодолеть возникающее в обстановке самоответственности чувство бессилия, находил для себя выход в слиянии с кем-то или чем-то более сильным, способным возместить недостающую ему уверенность в себе, взять ответственность за результаты его поступков. Характеризуя черты авторитарной личности, Э. Фромм отмечал, что она восхищается властью, но и сама хочет быть властью. Такая противоречивость ведет авторитарную личность к сопротивлению власти, даже когда она действует в ее интересах, но не представляется достаточно сильной. Борьба авторитарной личности против власти является, по словам Э. Фромма, «бравадой бунтовщика». Другие отличительные черты авторитарной личности: ненависть ко всем оппонентам и аутсайдерам, патологическое неприятие интеллигенции, подозрительно-враждебное отношение к миру, склонность к разрушительности и цинизм.

Если авторитарная личность стала основой тоталитарных режимов, то активное формирование потребительского общества в послевоенный период породило феномен одномерного человека, концепция которого была разработана Г. Маркузе. Одномерный человек –

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 230.

это конформист, поглощенный настоящим временем и лишенный взгляда в будущее, легко поддающийся манипулированию. Его отношение к миру поверхностно, некритично, не затрагивает глубинных закономерностей. Естественные влечения и потребности извращены у него принципом производительности, породившим однозначно потребительскую ориентацию. Одномерности человека Г. Маркузе противопоставлял его двумерность, т. е. наличие внутреннего мира, критичность в отношении к условиям своего существования, способность к личностному самосовершенствованию¹.

Рассматривая происхождение одномерного мышления и поведения, Г. Маркузе связывал его с изменением в индустриальном обществе форм существования и распространения идеологии, приобретением ею всепроникающего характера, внедрением непосредственно в процесс производства. Воздействие на сознание и поведение людей она начинает оказывать не только посредством информационных каналов, но и через новые блага и услуги, предлагаемые потребителям и порождающие у них соответствующую мотивацию. Согласно Г. Маркузе, личностное пространство захвачено технологической реальностью, товары поглощают людей и манипулируют ими. Покупая вещи, люди как бы приобретают и заключенные в них социальные символы, представления о жизненных ценностях и престиже, социальном статусе, образе жизни и т. п. Г. Маркузе пишет по этому поводу: «Средствам общественного транспорта и массовой коммуникации, предметам ширпотреба – жилью, питанию, одежде, достижениям индустрии развлечений и информации, перед которыми невозможно устоять, сопутствует целый арсенал предписываемых отношений и привычек, духовных и эмоциональных реакций, которые более или менее приемлемо связывают потребителей с производителями и “предлагают” (или внедряют) социальную систему как целое»².

Д. Рисмен называл социальным характером ту часть характера, которая разделяется значимыми социальными группами и является продуктом их жизненного опыта. Он выделил и охарактеризовал три

---

¹ *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; предисл. В. Ю. Кузнецова. М. : АСТ, 2002. 526 с.

² *Маркузе Г.* Одномерный человек // Американская социологическая мысль / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 133–135.

типа социального характера, соответствующих трем историческим типам устройства общества:

1) консервативный – ориентированный на традицию; присущ доиндустриальному обществу;

2) иннутри-ориентированная личность – динамичный, целеустремленный, предприимчивый, открытый к новациям; присущ раннеиндустриальному обществу;

3) извне-ориентированная личность – отличается обезличенностью и стандартизованностью, подвержен разного рода внешним влияниям со стороны бюрократии, моды, средств массовой информации. Поскольку такая личность хочет вновь обрести человеческое тепло, любить и быть любимой, внешняя зависимость препятствует этому. Тип извне-ориентированной личности появляется с возникновением потребительского общества.

Все типы социального характера, считает Д. Рисмен, сосуществуют в современном обществе, при том что «извне-ориентированная личность» рождает стремление к «автономной личности», целеустремленной и неконформной, свободной от манипулирующего воздействия потребительского общества¹.

Интересное объяснение мотивов и последствий преобразующей социальной активности людей содержит концепция инновационной личности, которую разработал Э. Хаген. Инновационную личность он противопоставляет авторитарной, которая типична для традиционного общества. Отличительные черты авторитарной личности – ориентация на согласие с господствующими социальными образцами жизни, которые диктуются традицией, земными и божественными авторитетами.

Формирование инновационной личности, отличающейся инициативой и активностью, ориентированной на перемены, произошло тогда, когда в обществе господство предписанных статусов сменилось приоритетом достигнутых статусов. Приведем типичные случаи имеющегося социального статуса и того, на который человек рассчитывает:

- целая группа теряет свой статус, и, следовательно, это происходит с каждым ее членом. Например, в период становления буржуазного общества в социальной структуре приоритет ремесленников был заменен доминированием фабричных рабочих, а старой земельной

---

¹ *Risman D., Glaser N., Danney R.* The Lonely crowd. The study of american character. N. Y., 1950. 368 p. URL: <https://archive.org/details/lonelycrowdstudy0000ries> (date of access: 05.12.2021).

аристократии – капиталистов. В итоге у целых социальных групп возникает разрыв между прежним и новым, более низким статусом;

- по мнению членов группы, ее достижения недооцениваются и к ней относятся не так, как она того заслуживает. Такой позиции может придерживаться определенный слой, этническая группа, корпорация, фирма и др. Налицо разрыв между предполагаемым статусом и тем, который человек имеет в действительности;

- существует несоответствие, нестыковка между различными измерениями статуса (например, уровнем образования и доходами);

- группа еще не заняла более высокий статус, на который рассчитывает (например, этнические меньшинства, иммигранты и т. п.). Появляется разрыв между желаемым статусом и тем, который она занимает на самом деле. Разрыв между наличным и предполагаемым статусом ведет к попыткам его преодоления в одном случае за счет повышенной личной активности, в другом – посредством изменения социальных условий жизни¹.

Один из теоретико-методологических подходов к выявлению и изучению социальных типов личности связан с использованием понятия *ментальность*, или *менталитет* (от лат. *mens* – ум, мышление, образ мыслей, склад ума). Разработка данного подхода связана с деятельностью основателей французской исторической школы «Анналы» Л. Февра и М. Блока² (этим непереводаемым однозначно на русский язык словом они первоначально обозначили умонастроение, умственные способности, психологию и склад ума средневекового человека).

По смыслу в большей степени понятие «ментальность» приближается к русскому слову «мировидение». Ментальность – источник жизненных установок человека, его готовности и способности мыслить, чувствовать, воспринимать, эмоционально переживать мир и действовать определенным образом. Выделяются ментальные формы, которые присущи людям, принадлежащим к одному обществу, историческому времени, той или иной социальной или национальной группе. Считается, что менталитет формируется на протяжении длительного периода и наследуется от поколения к поколению.

---

¹ *Hagen E.* Towards the theory of social change: how economic growth begins. London : Homewood : Dorsey Press, 1962. xvii + 557 p.

² *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. Е. М. Лысенко ; примеч. и ст. А. Я. Гуревича ; АН СССР. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1986 ; *Февр Л.* Бои за историю : сб. ст. / пер. с фр. А. А. Бобовича [и др.] ; ст. А. Я. Гуревича ; коммент. Д. Э. Харитоновича. М. : Наука, 1991. 635 с.

Преобразование ментальности связывается с изменением общественных структур и развитием культурной традиции, хотя полной ясности в вопросе об их взаимоотношениях нет. Особо подчеркивается инерционность ментальных форм, их сопротивляемость переменам.

По своему содержанию понятие «ментальность» является предельно широким, а потому и весьма неопределенным, слабо структурированным. В него включают такие разноплановые элементы духовной жизни, как представления о мире и личности, свободе, равенстве, добре и зле, чести, семье, сексуальных отношениях, душе, смерти и загробной жизни, пространстве и времени и т. п. Особое распространение понятие «ментальность» имеет среди историков и филологов.

Классическое исследование современного менталитета (модели современного человека) было проведено в 1970-х гг. под эгидой Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития. Сравнительное изучение таких развивающихся стран, как Аргентина, Чили, Индия, Израиль, Нигерия и Пакистан, позволило построить аналитическую модель современной личности. Приведем присущие ей черты:

1) открытость экспериментам, инновациям и изменениям. Это может выражаться в различных формах: готовности принять новое лекарство или прибегнуть к новому методу оздоровления, воспользоваться новым средством передвижения или средством информации, принять новую форму брачной церемонии или новый тип обучения молодежи;

2) готовность к плюрализму мнений и даже к его одобрению. Современный человек способен признавать существование разных точек зрения. Он не боится, что взгляды других изменят его собственное видение мира. Он также не считает, что общественное мнение должно формироваться сверху;

3) ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое, экономия времени, пунктуальность;

4) уверенность современного человека в том, что он способен организовать свою жизнь таким образом, чтобы преодолевать создаваемые ею препятствия. Относится это и к возможности покорения природы, и к контролю над политическими, экономическими и другими социальными проблемами;

5) планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей как в общественной, так и в личной жизни;

6) вера в регулируемость и предсказуемость социальной жизни (экономические законы, торговые правила, правительственная политика), позволяющие рассчитывать предпринимаемые действия;

7) чувство справедливости распределения, т. е. вера в то, что вознаграждение не зависит от случая, а по возможности соответствует мастерству и вкладу;

8) высокая ценность формального образования и обучения;

9) уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус, или тех, кто обладает меньшей властью.

3.4. Социализация, ее механизмы и этапы

Личность формируется в процессе социализации. *Социализация* – это процесс интериоризации (внутреннего усвоения) людьми ценностей и норм общества и (или) группы, в которых они живут. В отличие от воспитания социализация во многом стихийный и неосознаваемый процесс. Наряду с социализацией говорят об асоциализации как о приобщении к негативному социальному опыту и, как следствие, об отклонениях (девиациях) в поведении людей.

Социализация осуществляется на протяжении всего жизненного пути человека. Выделяют первичную и вторичную социализацию. *Первичная* социализация происходит в детском и юношеском возрасте, *вторичная* – в последующие годы жизни. Наиболее интенсивно социализация осуществляется в детские и юношеские годы, хотя продолжается в среднем и пожилом возрасте. Социализация в детском и юношеском возрасте существенно отличается от социализации взрослых. Во-первых, в ходе социализации детей происходит формирование основных ценностей, у взрослых главным образом изменяются их текущие жизненные цели и поведение. Во-вторых, дети усваивают нормы, а взрослые оценивают их. В-третьих, у детей прежде всего формируется мотивация поведения, а у взрослых происходит адаптация к новым жизненным условиям.

Особо выделяются десоциализация и ресоциализация. *Десоциализация* означает отказ личности от ранее усвоенных жизненных ценностей, норм поведения и принятых ролей (например, уход от преступной деятельности). *Ресоциализация* состоит в усвоении новых ценностных ориентиров, норм и ролей взамен утраченных (например, приобретение новой профессии в условиях безработицы).

Существуют агенты социализации (лица из ближайшего социального окружения) и институты социализации (семья, учреждения

образования и воспитания, средства массовой информации, включая интернет и др.).

Основные механизмы социализации: подражание, идентификация, эффект экзистенциальной (пограничной) ситуации, стыд, вина, самоанализ.

Подражание (имитация) – это преимущественно осознанное стремление копировать определенную модель поведения. Оценка подражания, т. е. воспроизведения одним субъектом черт и образцов действий и поведения другого субъекта в качестве способа научения, наиболее простого и доступного для большинства, стала весьма распространенной после классических работ Г. Тарда. Широко известна его формула: общество – это подражание. Подражают в первую очередь верованиям и хотениям. Подражают также новым приемам деятельности. Подражания нет без большей или меньшей известности, даже славы образца. Подражают на основе обычая, моды, симпатии, из повиновения. Подражание осваивают в процессе обучения и воспитания.

Существуют логические и внелогические причины подражания. Логические причины имеют место там, где люди считают нововведение более полезным и истинным, чем прежние способы действия. Внелогические причины подражания возникают, когда внутренние образцы вызывают подражание раньше внешних образцов (сначала подражают духу религии, а потом ее обрядам). Часто люди заимствуют новые средства достижения старых целей, а потом начинают принимать нововведения, порождаящие новые цели. Цели усваиваются легче, чем средства¹.

Дальнейшее развитие данные идеи получили главным образом в рамках социально-когнитивного направления изучения личности и ее поведения. Прежде всего в теории социального научения А. Бандуры, где делается акцент на научении через наблюдение. Суть этого подхода состоит в предположении, что люди наблюдают за поведением других, оценивают его последствия, а потом пытаются повторить успешные действия. Основное преимущество научения через наблюдение состоит в том, что, обучаясь на примере чужих успехов и ошибок, люди экономят время и энергию. Существует три возможных направления влияния модели обучения на наблюдателя: посредством наблюдения за поведением могут приобретаться новые реакции; через наблюдение за последствиями поведения усиливается или ослабляется сдерживание поведения, которому ранее научился

---

¹ Тард Г. Законы подражания / пер. с фр. Ф. Павленкова. М. : Кн. по требованию, 2012. 378 с.

наблюдатель; наблюдение за действиями других облегчает реализацию уже приобретенных реакций.

Научение посредством наблюдения т. е., по сути подражание, особенно эффективно в следующих случаях:

- при регулярном общении с моделью подражания и наличии возможности наиболее досконально изучить ее поведение. Лучше, если межличностное взаимодействие будет происходить в диаде (парнозависимое поведение), тем более когда модель осуществляет руководство обучением наблюдателей (копирующее поведение);

- когда наблюдение ведется за теми образцами поведения, которые значимы для достижения личных целей;

- если подражать пытаются тем способам и приемам действия, которые посылны для наблюдателя. Конечно, максимальный эффект достигается при совпадении как можно большего числа факторов, благоприятных для усвоения данного образца поведения;

- когда пример, которому подражают, ассоциируется с успехом, результативностью, социальным признанием, в несколько иной терминологии – с функциональной ценностью, поскольку способность добиваться успеха воспринимается как самостоятельное качество человека вне зависимости от конкретного вида деятельности, которой он занимается¹.

Идентификация – отождествление себя человеком с определенным образцом поведения и образом его носителя. Идентификация бывает двух видов:

1) личная – отождествление себя с другим человеком и его поведением;

2) групповая – отнесение себя к определенной социальной группе, усвоение присущих ей ценностей и норм поведения.

Э. Эриксон рассматривал идентичность как состоящую из Я-идентичности и социальной идентичности. Я-идентичность включает два компонента: органический (физический облик) и индивидуальный (подлинность и целостность личного бытия). Социальная идентичность состоит из групповой идентичности (ощущение единства с теми общностями, к которым человек принадлежит) и психосоциальной идентичности (ощущение значимости своего бытия с точки зрения общества).

Каждый из данных аспектов идентичности имеет два полюса: позитивный – то, каким человек хочет и должен быть; негативный –

---

¹ Бандура А. Теория социального научения / пер. с англ. под ред. Н. Н. Чубарь. СПб. : Евразия, 2000. 320 с.

то, каким человек не хочет и не должен быть. Для успешной социализации, безусловно, требуется перевес позитивной идентификации.

Эффект экзистенциальной (пограничной, согласно К. Ясперсу) ситуации состоит в радикальном изменении ценностно-смысловых ориентиров и поведения человека, который оказался в резко усложнившихся обстоятельствах, вплоть до угрозы жизни.

Возникновение стыда обусловлено разочарованием в себе и ощущением собственной неуместности, смущением и робостью, чувством, что сделал что-то неверное, ранящее других или неправильное с точки зрения закона либо нравственных норм. Именно благодаря стыду увеличивается чувствительность человека к мнениям и чувствам других, особенно если они имеют статус референтных групп, общепринятым правилам поведения и общения. Переживание стыда начинается с внезапного и интенсивного усиления осознания своего «Я». Стыд обычно возникает в присутствии других людей, на фоне которых твое «Я» выглядит маленьким, беспомощным и не соответствующим требованиям момента.

Вина, в отличие от стыда, который включает реальные или воображаемые наказания человека другими людьми, является главным образом результатом внутренних санкций, вызванных нарушением моральных или религиозных норм. Переживание вины состоит из мучающего чувства, что «Я» ошибся, не прав по отношению к другим или к себе. Чувство вины сопровождается раскаянием, осуждением себя и понижением самооценки.

Конкретные представления о поступках, влекущих за собой чувства вины и стыда, были весьма разнообразными в разные исторические времена и у представителей разных культур. Часто стыд и вина рассматриваются как своеобразные формы тревожности, связанные с самооценкой. Стыд вызван озабоченностью индивида по поводу своей компетентности, силы или могущества и выражает желание избежать видимости неудачи, слабости или зависимости. Вина порождается озабоченностью индивида своей правотой, выражает его желание чувствовать себя правым. Стыд ощущается, когда, определяя свое место на шкале «сильный – слабый», человек признает себя слабым; вина – когда индивид, оценивая себя по шкале «хороший – плохой», кажется самому себе плохим.

Противопоставление указанных эмоциональных явлений используется для типологизации культур. Культуры, в которых главным механизмом социального контроля является стыд, иными словами, люди ориентируются главным образом на оценку со стороны конкретных «других», этнографы иногда называют «культурами стыда».

Культуры, придающие решающее значение индивидуальной совести, которая предполагает интернализацию (внутреннее усвоение) каких-то универсальных норм, они называют «культурами вины». При этом этнографы отмечают, что содержание, вкладываемое в понятия «стыд» и «вина», в разные исторические времена и у разных народов является неодинаковым. Часто эти понятия взаимно перекрываются, переходят одно в другое. Так, историки древнегреческой цивилизации считают ее «культурой стыда» при той оговорке, что уже Демокрит включал в понятие стыда некое внутреннее измерение, когда писал, что «нужно, чтобы человек, сделавший нечто постыдное, чувствовал сначала стыд перед собой».

Христианскую этику часто называют классическим примером «культуры вины». Однако слова «вина» и «виновность» встречаются в Ветхом Завете лишь два раза, а в Новом Завете вообще отсутствуют. Зато слово «стыд» упоминается очень часто, особенно в противопоставлении «славе». Отмечается также качественное различие западного и японского понимания вины. Японец ощущает сильное чувство вины, которое нередко расценивается как стыд, когда он не выполняет свои обязанности на ожидаемом от него уровне.

Еще один механизм социализации – самоанализ (саморефлексия). Он включает социальное сравнение, т. е. сравнение себя с другими людьми, усвоение оценки ими своего «Я-образа» и поведения, а также самоатрибуцию (от лат. *attributio* – приписывание), т. е. объяснение причин своих действий.

В процессе социализации большую роль играет *место (локус) контроля* поведения человека – понятие, которое разработано и введено в научный оборот Дж. Роттером. Существует два крайних типа контроля: внутренний (интернальный) и внешний (экстернальный). При доминировании интернального локуса контроля человек считает, что его достижения и неудачи преимущественно зависят от него самого. В случае доминирования экстернального локуса контроля успехи и неудачи воспринимаются прежде всего как результат поддержки или, наоборот, противодействия внешних сил.

Интернальный локус контроля повышает активность человека, формирует у него оптимистический взгляд на перспективы его жизни. Экстернальный локус контроля, напротив, формирует пессимистические взгляды и ведет к формированию чувства беспомощности¹.

---

¹ *Rotter J. B. Social and clinical psychology. N. Y. : Johnson Reprint Corp. 1954. 466 p. URL: <https://archive.org/details/sociallearningcl0000rott/page/n7/mode/2up> (date of access: 11.12.2021).*

Способы преодоления чувства так называемой выученной беспомощности предлагает теория самоэффективности А. Бандуры. Она касается умения людей осознавать свою способность к эффективным действиям и учит способам преодоления данного чувства. Так, первый способ состоит в обращении к собственному положительному опыту решения схожих проблем. Второй способ состоит в использовании опыта других людей, которые успешно справляются с данной проблемой. Третий способ – это посланная со стороны вербальная поддержка, которая заключается в убеждении, что человек в состоянии решить данную проблему. Четвертый – снижение эмоционального возбуждения, преодоление стрессового состояния, поскольку люди с большей вероятностью добиваются успеха, если они не напряжены и эмоционально спокойны.

Существует ряд концепций, объясняющих характер, механизмы, возрастные и половые особенности, также выделяющих основные этапы социализации. Наиболее известными из них являются теория психосоциального развития Э. Эриксона, теории нравственного развития Л. Кольберга и К. Гиллиган.

Согласно теории психосоциального развития Э. Эриксона, человек на протяжении жизни переживает различные *психосоциальные кризисы*, характерные для определенного возраста. От их благоприятного или неблагоприятного исхода зависит последующее развитие личности.

Первый кризис (грудной возраст) связан с тем, удовлетворяются или нет основные физиологические потребности ребенка ухаживающим за ним человеком. Если они удовлетворяются, то развивается чувство доверия к окружающему миру, если нет – растет недоверие.

Второй кризис (второй год жизни) связан с первым опытом обучения, особенно приучения к чистоплотности. Если родители понимают ребенка и помогают ему контролировать естественные отправления, ребенок получает опыт автономии. Слишком строгий или непоследовательный внешний контроль приводит к развитию чувства стыда или сомнений, связанных главным образом со страхом потерять контроль над собственным организмом.

В период третьего кризиса (3–5 лет) происходит самоутверждение ребенка. Планы, которые он строит и которые ему позволяют осуществлять, способствуют развитию инициативы. Запреты, переживание неудач развивают покорность и чувство вины.

Четвертый кризис (школьный возраст) связан с атмосферой школы, методами обучения и воспитания. В зависимости от них у ре-

бенка развивается вкус к учебе и работе, растет уверенность в своих силах или, наоборот, формируется чувство неполноценности или беззаботности.

Пятый кризис подростки обоего пола переживают в поисках самоидентификации, прежде всего половой и профессиональной. Успешная самоидентификация ведет к становлению индивидуальности. Неспособность к ней – к ролевой диффузии (путанице ролей).

Шестой кризис свойственен взрослым молодым людям и связан с поиском любимого человека (ухаживание, брак и другие виды интимных отношений). Отсутствие положительного решения ведет к одиночеству. В дальнейшем отсутствие постоянной интимной связи может компенсироваться временными отношениями, которые, как правило, ведут к разочарованию и ощущению одиночества.

Седьмой кризис переживается в 40-летнем возрасте. Развивается чувство генеративности (сохранения рода), выражающееся главным образом в интересе к следующему поколению и его воспитанию. Профессиональная активность характеризуется наибольшей продуктивностью. Если супружеская жизнь складывается неблагоприятно, она может застыть в состоянии псевдоблизости, что обрекает супругов на существование лишь для самих себя¹.

В свою очередь, В. Пекк выделяет в кризисе 40-летних четыре подкризиса, успешное разрешение которых служит необходимым условием дальнейшего развития чувства генеративности. Во-первых, уважение к мудрости должно сменить примат физической храбрости; во-вторых, сексуализация социальных связей должна уступить место их социализации, что означает ослабление сексуальной озабоченности; в-третьих, необходимо противиться аффективному обеднению, связанному со смертью представителей старшего поколения и обособлением детей, искать источник эмоционального обогащения в иных формах деятельности; в-четвертых, важно продолжать поиск новых форм поведения, вместо того чтобы придерживаться старых привычек и пребывать в состоянии психической ригидности (оцепенелости).

Восьмой кризис – это время старения. Выхода два: умиротворение или отчаяние. Подводятся итоги жизни. Удовлетворенность прожитым, осознание своей жизни как единого целого ведет к умиротворению. Невозможность свести прошлые поступки в единое целое оборачивается отчаянием.

---

¹ Эриксон Э. Г. Детство и общество / пер. с англ., науч. ред. А. А. Алексеева. СПб. : Ленато : Унив. кн., 1996. 592 с.

В. Пекк выделяет в кризисе старения три подкризиса. Их успешное преодоление способствует возникновению чувства полноценности прожитой жизни и удовлетворенности. Эти подкризисы включают: 1) переоценку своего «Я», помимо профессиональной роли, которая часто вплоть до ухода на покой остается главной; 2) осознание факта старения тела и ухудшения здоровья и, как следствие, выработку в этом плане необходимого равнодушия; 3) исчезновение самозабоченности, что позволяет без ужаса принимать мысль о смерти.

Другим известным объяснением механизмов и основных этапов социализации личности является теория нравственного развития Л. Кольберга. Нравственное развитие человека включает три уровня, каждый из которых состоит из двух стадий.

Первый уровень – преднравственный (4–10 лет). Поступки определяются внешними обстоятельствами, и точка зрения других людей в расчет не принимается.

Первая стадия: поступок ориентирован на вознаграждение и наказание, которые он может повлечь за собой.

Вторая стадия: поступок соотносится с той пользой, которую из него можно извлечь.

Второй уровень – конвенциональный (10–13 лет). Человек придерживается условной роли, ориентируясь при этом на принципы других людей.

Третья стадия: поступок ориентирован на одобрение других.

Четвертая стадия: поступок соотносится с установленным порядком, совершается исходя из уважения к власти и предписанным ею законам.

Третий уровень – постконвенциональный (начинается с 13 лет). Истинная нравственность достигается только на этом уровне. Человек исходит в своих действиях из собственных критериев, что предполагает высокий уровень рассудочной деятельности.

Пятая стадия: действия людей основываются на уважении демократически принятого решения или на уважении прав человека.

Шестая стадия: поступок совершается на основе решений совета независимо от мнения других людей или требований закона¹.

---

¹ Kohlberg L. The Psychology of Moral Development. The Nature and Validity of Moral Stages. San Francisco : Harper & Row publishers, 1984. 776 p. URL: <https://archive.org/details/psychologyofmora0000kohl/mode/2up> (date of access: 09.12.2021).

Коллега Л. Кольберга К. Гиллиган упрекала его в том, что он разработал свою систему нравственного развития на основе мужских нравственных ценностей, базирующихся на самоутверждении и справедливости, и оставил без внимания женскую нравственность, ориентированную в большей мере на заботу о других людях и самоотречение. Оказалось, что, согласно его подходу, как считала К. Гиллиган, большинство женщин остается на третьей стадии нравственного развития.

Согласно К. Гиллиган, развитие нравственности у женщин проходит три уровня, которые также имеют переходные стадии.

Первый уровень – самоозабоченность. Женщину интересуют только те люди, кто в состоянии удовлетворить ее собственные потребности и обеспечить ее существование.

Первая переходная стадия: эгоизм начинает сменяться тенденцией к самоотречению. Женщина по-прежнему сосредоточена прежде всего на собственном благополучии, но при принятии решений все чаще учитывает также интересы других людей.

Второй уровень – самопожертвование. Социальные нормы, которым большей частью приходится следовать женщине, заставляют ее переходить к удовлетворению собственных желаний лишь после удовлетворения потребностей других (например, это роль хорошей матери).

Вторая переходная стадия: женщина поднимается с уровня самопожертвования на уровень самоуважения, начиная все больше принимать в расчет собственные потребности. Она пытается совместить удовлетворение собственных потребностей с потребностями других.

Третий уровень – самоуважение. Женщина понимает, что только она способна сделать выбор, касающийся ее собственной жизни, если она не причинит вреда людям, связанным с ней семейными или социальными узами и принадлежностью к человеческому роду¹.

---

¹ *Gilligan C.* In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development / Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London : England, 1993. 220 p. URL: <https://archive.org/details/indifferentvoic000gill/mode/2up> (date of access: 10.12.2021).

4. СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ГРУППЫ И ДВИЖЕНИЯ

4.1. Повседневность. Социальное действие и взаимодействие

Повседневность – это сфера общества, в которой происходит повседневная обыденная жизнь, осуществляются первичные действия и взаимодействия людей. С повседневными формами поведения мы имеем дело, когда люди, по известному выражению Ф. А. Хайека, «просто живут», действуя привычным для них способом. Повседневная жизнь в первую очередь охватывает семейную жизнь, трудовую деятельность, быт, досуг, каждодневное общение людей.

Повседневные формы поведения стали предметом исследования историков, в частности, создателей исторической школы «Аналлы» Л. Февра и М. Блока. Наиболее известный последователь этой научной школы Ф. Бродель, исследуя материальную цивилизацию, экономику и капитализм XV–XVIII вв., для обозначения сферы каждодневных рутинных действий людей использовал термин «нужды повседневной жизни», включая в их число пищу, напитки, жилище, строительные материалы, мебель, одежду, транспорт, источники энергии, предметы роскоши, деньги, орудия, технические изобретения, болезни и способы лечения, организацию поселенческой жизни, особенно в городах, и др.¹

Г. С. Кнабе, изучая повседневность Древнего Рима, включил в качестве предмета исследования ежедневного быта древних римлян одежду, еду, вещи, водоснабжение, атмосферу городских улиц, личные взаимоотношения и т. п.²

В социологии изучение повседневности было инициировано А. Шюцем, который писал: «Под термином “социальная реальность” я понимаю всю совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними

---

¹ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / пер. с фр. Л. Е. Куббель ; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : Прогресс, 1986. Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. 623 с.

² *Кнабе Г. С.* Древний Рим – история и повседневность : очерки. М. : Искусство, 1986. 206 с.

разнообразными отношениями интеракции. Исследование основных принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт и, в частности, опыт социального мира, является первостепенной задачей методологии общественных наук»¹.

М. Вебер, исследуя природу человеческой деятельности, ввел в категориальный аппарат социологической науки понятие *социальное действие*, которым он называл «такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»². Социальное действие «может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других... “Другие” могут быть отдельными лицами, знакомыми или неопределенным множеством совершенно незнакомых людей»³. Классифицируя социальные действия, М. Вебер выделял целерациональный, ценностно-рациональный, аффективный и традиционный типы действия.

Т. Парсонс, раскрывая в одноименной работе структуру социального действия, выделял действующее лицо (актера), конкретную ситуацию и условия действия, состоящие из цели и нормативных предписаний. «Действие – это некоторый процесс в системе “субъект действия – ситуация”, имеющий мотивационное значение для действующего индивида или – в случае коллектива – для составляющих его индивидов»⁴. Представляя собой самоорганизующуюся систему, социальное действие характеризуется символическими механизмами регуляции (язык, ценности и др.), нормативностью (зависимостью от принятых в обществе норм и ценностей), автономностью (независимостью от условий среды). Согласно социологу, «социальные системы – это системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами»⁵.

---

¹ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль [тексты] / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 485–491.

² Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. С. 603.

³ Там же. С. 625.

⁴ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль [тексты] / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 463.

⁵ Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; науч. ред. пер. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 18.

В своей стратификационной модели социального агента Э. Гидденс объяснял повседневные действия людей с помощью понятий «рефлексивный мониторинг действия» и «рационализация действий». Рефлексивный мониторинг действия состоит в том, что люди постоянно отслеживают ход своей деятельности, действия других, физические и социальные условия и ожидают, что другие поступают аналогично. Рационализация действий – это способность человека осознавать основания своей деятельности, а также его ожидание того, что и другие «в состоянии объяснить то, что они делают, если их спросить об этом»¹. Большинство повседневных рутинных действий напрямую не мотивировано. В повседневной жизни происходят первичные формы *социального взаимодействия*, которое, согласно социологу, можно определить как наше воздействие на других людей и их ответную реакцию.

Социологические объяснения социального взаимодействия даются с разных методологических позиций: взаимодействия как обмена, символического интеракционизма, драматургического подхода, этнометодологии и др.

Теория социального обмена Дж. Хоманса объясняет взаимодействие людей взаимно приобретаемой выгодой. В русле идей бихевиоризма он сформулировал пять базисных принципов, или законов, человеческого поведения, которые предназначены для объяснения образцов социальной организации людей:

1) если в прошлом та или иная ситуация-стимул оказывалась случаем, в котором деятельность индивида вознаграждалась, то чем в большей степени текущая ситуация похожа на прошедшую, тем с большей вероятностью индивид выполнит соответствующую или похожую деятельность;

2) чем чаще в пределах данного отрезка времени деятельность одного индивида вознаграждает деятельность другого, тем чаще второй индивид будет выполнять соответствующую деятельность;

3) чем более ценна для некоторого индивида единица определенной деятельности, единица, которую представляет ему другой индивид, тем чаще он будет выполнять деятельность, вознаграждаемую соответствующей деятельностью другого;

4) чем чаще индивид в недавнем прошлом получал некоторую вознаграждающую деятельность от другого, тем менее ценной ока-

---

¹ Гидденс Э. Элементы теории структурирования // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас / пер. с англ. и вступ. ст. А. В. Леденевой. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 44.

зывается для него любая последующая единица соответствующей деятельности другого;

5) чем чаще правило справедливости распределения оказывается нереализованным в ущерб некоторому индивиду, тем с большей вероятностью он обнаружит эмоциональное поведение, которое можно называть раздражением¹.

Альтернативное объяснение социального взаимодействия представлено *символическим интеракционизмом* (Дж. Мид, Г. Блумер и др.). Его исходная теоретико-методологическая позиция состоит в том, что поведение не является пассивной реакцией на вознаграждение и наказание, а основано на символической интеракции, т. е. на взаимодействии людей с помощью символов. Как утверждает Дж. Мид: «Сознательная коммуникация возникает тогда, когда жесты становятся знаками, т. е. когда они начинают нести для индивидов, производящих их, и индивидов, откликающихся на них, определенные смыслы или значения, касающиеся последующего поведения производящих их индивидов»².

Из символов особенно важны жест, письмо, речь. Специфический «голосовой жест» – это «фундаментальный жест, воздействующий на индивида так, как он воздействует на других»³. Согласно Дж. Миду: «Решающее значение языка для развития человеческого сознания заключается в том, что этот стимул обладает способностью воздействовать на говорящего индивида так, как он воздействует на другого»⁴. Символы – это также разнообразные действия, проступки, имеющие определенное значение, которое люди пытаются понять. Через содержание символов они выражают свое отношение к социальным ценностям и нормам. Для понимания смысловой нагрузки символов люди стараются поставить себя на место других, понять их мотивы и намерения, проанализировать свои действия в подобных ситуациях. Схожее понимание символов делает возможным социальное взаимодействие.

---

¹ *Homans G. C. Social Behavior: Its Elementary Forms.* Harvard University Harwart Brace Iovanovich, Inc, 1961. 408 p. URL: https://archive.org/details/socialbehaviorit0000homa_e3x9 (date of access: 08.12.2021).

² *Мид Дж.* От жеста к символу // Американская социологическая мысль [тексты] / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 217.

³ Там же. С. 216–217.

⁴ Там же. С. 217.

С позиций *драматургического подхода* (теория управления впечатлениями) И. Гофмана человек использует символические формы поведения для представления себя окружающим, чтобы произвести на других необходимое для него впечатление, оказав тем самым влияние на их поведение или отношение к нему. Это подход театрального представления, где «рассматриваются способы, какими индивид в самых обычных рабочих ситуациях представляет себя и свою деятельность другим людям, способы, какими он направляет и контролирует формирование у них впечатлений о себе, а также образцы того, что ему можно и что нельзя делать во время представления себя перед ними»¹.

Таким образом, социальное взаимодействие – это мини-спектакли, где люди действуют подобно артистам на сцене. Следуя театральной терминологии, здесь имеются ролевая партия, т. е. действия индивида (сценическое пространство житейских игр разделяется на заднюю (закулисную) зону, где готовится безупречное исполнение повседневных рутинных действий, и переднюю зону, где это исполнение представляют другим, аудитория (публика, присутствующие)), авансцена (непосредственное место взаимодействия), декорации (обстановка, окружающая индивида во время исполнения роли), средства воздействия на партнера (внешность, манеры поведения, звуковой ряд и др.). Аналог театральной труппы – команда исполнителей. Главная задача команды – контролировать впечатления от исполнения, в частности охраняя доступ в его закулисные зоны, чтобы помешать посторонним видеть не предназначенные им секреты представления. В отношениях членов команды обычно преобладает дружеская фамильярность, вероятно также развитие солидарности, а секреты, которые могли бы разоблачить и подвести спектакль, известны всем исполнителям и охраняются сообща.

По словам И. Гофмана, употребление аналогии с языком театральной сцены является «лишь риторикой и тактическим маневром». «Изречение “весь мир – театр” достаточно общее место для всех, чтобы читатели знали о его ограниченности и были терпимыми к нему, поскольку всякий в любое время может легко убедить себя, что такие броские афоризмы не следует воспринимать слишком серьезно»².

---

¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева ; Ин-т социологии РАН [и др.]. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2000. С. 29–30.

² Там же. С. 301.

Организацию повседневной жизни, или, по словам Г. Гарфинкеля, «вечное, обычное общество», также изучает *этнометодология*. Первостепенное значение в повседневном социальном взаимодействии имеют язык, разговорная речь. Исходя из этого положения, Г. Гарфинкель сделал центром исследовательского внимания этнометоды (народные, обыденные методы), которые люди используют для того, чтобы осмыслить речь и обыденные действия других. Используются этнометоды обычно неосознанно. Особую роль в понимании смысла разговора и последующих действий субъекта имеет знание контекста социальной ситуации, связанной с этим разговором. Непосредственным объектом исследования повседневного мира стали телефонные разговоры, инициирование смеха в процессе разговора, побуждение аудитории к аплодисментам во время доклада, неодобрительные возгласы в ходе публичного выступления, возникновение изречений в разговоре, упорядоченный характер разговоров, собеседования при приеме на работу, переговоры руководителей, поведение людей в суде, звонки в центры чрезвычайных ситуаций, общение в очереди, разрешение конфликтов при участии посредников, сочетание речевых средств и невербальных действий и т. д.

В контексте тематики социального взаимодействия Ю. Хабермас выдвинул идею о политически функционирующей общественности (нем. *öffentlichkeit*). Общественность, согласно Ю. Хабермасу, отражает те феномены общественной жизни, которые сформировались еще в Древней Греции и впоследствии, видоизменяясь, дошли до нашего времени. Их суть заключается в открытости, совместности жизнедеятельности людей. Главный принцип их возникновения и функционирования – спонтанность. В греческих полисах общая жизнь свободных граждан разыгрывалась на рыночной площади: общественность конституировалась в обсуждении, беседе, которые принимали совещательную форму и форму суда, а также совместных действий. Общественность гражданского общества, согласно философу, вклинивается в поле напряженных отношений между государством и конкретными индивидами. Если раньше легитимизация политического господства велась посредством ссылок на божественный авторитет или онтологическое обоснование естественного права, то начиная с Нового времени ее основу составил разумный дискурс. Эмансипированные граждане принялись самостоятельно устанавливать для себя законы с намерением следовать им и тем самым формировать свой жизненный уклад.

Идея самоорганизации общества, программируемой через законы, которые проистекают из процесса спонтанного, ненаправленного извне формирования общественного мнения и воли, конкурирует с самопрограммирующей замкнутой циркуляцией административной власти, где сфера управления программирует саму себя, руководя поведением избирателей, предопределяя деятельность правительств и законодательных органов. Отнесенное к самой себе, инициированное ее автономными образованиями, воспроизводство общественнойности означает тот пункт, к которому обращены его надежды на суверенную самоорганизацию общества¹.

С деятельностью общественности Ю. Хабермас также связывает достижение истинно рациональной коммуникации, которая представляет собой взаимопонимание, свободное от чьего-либо господства и осуществляемое посредством дискурса, т. е. аргументации, в которой тематизируются спорные вопросы при наличии общего посыла всех участвующих в нем сторон, что принципиальное согласие допустимо. Результатом такого истинно рационально-коммуникативного действия, подчиненного закону более сильного аргумента, является появление более рациональных социальных структур и власти, не вызывающей страха и не служащей эксплуатации, новых организационных форм, учитывающих интересы всех и имеющих консенсусную легитимность.

4.2. Малая группа, организация

Социальное взаимодействие осуществляется на двух основных уровнях: межличностном и межгрупповом. Согласно Р. Мертону, *группа* – это совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются ее членами с точки зрения других людей.

Выделяют *малые* и *большие* социальные группы. Численность малой социальной группы составляет от 2 до 20–30 человек. Различие первичных групп и вторичных общественных институтов (групп) ввел Ч. Кули: «Под первичными группами я подразумеваю группы, характеризующиеся тесными, непосредственными связями (*associations*) и сотрудничеством. Они первичны в нескольких смыслах, но

---

¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность // Московские лекции и интервью / Ин-т философии РАН. М. : КАМИ : Academia, 1992. С. 47–50.

главным образом из-за того, что являются фундаментом для формирования социальной природы и идеалов индивида»¹.

Первичная группа состоит из небольшого числа людей, между которыми устанавливаются взаимоотношения, основанные на их индивидуальных особенностях и непосредственных личных, обычно эмоционально окрашенных взаимосвязях между членами группы. *Вторичная* группа образуется из людей, между которыми почти отсутствуют личные эмоциональные отношения и взаимодействие которых обусловлено стремлением к достижению определенной цели. В ней четко определены роли и способы взаимодействия между ее членами.

Выделяют следующие основные функции малых групп: социализация ее членов; совместное достижение общей цели (инструментальная); удовлетворение стремления членов группы к эмоциональному контакту, социальному одобрению, уважению и доверию (экспрессивная); поддержка группой своих членов².

На функционирование и динамику группы могут оказывать влияние ее размеры. Рассмотрим основные виды групп:

1) *диада (пара)*. В ней существуют наиболее благоприятные возможности для тесного позитивного взаимодействия и эмоционального удовлетворения. Уникальная черта – хрупкость: если один член группы выбывает, то она распадается;

2) *триада*. Отличается сложностью взаимоотношений. Рано или поздно происходит сближение двух ее членов и исключение третьего («третий лишний»). Третий может играть одну из следующих ролей: безучастного посредника; оппортуниста, который использует других в своих целях; действовать по принципу «разделяй и властвуй»;

3) *пять человек*. Признается оптимальной по численности. Возможно разделение труда. В меньшей степени проявляются напряжение и непрочность, характерные для диад и триад, а также проблемы, которые присущи более крупным группам. Диссиденты получают поддержку некоторых членов, и им не угрожает полный разрыв с группой;

4) *больше пяти человек*. Такая группа более продуктивна в работе, в ней выдвигается больше ценных предложений. Характеризуется

---

¹ Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль [тексты] / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 330.

² Смелзер Н. Социология / пер. с англ. ; науч. ред. изд. на рус. яз. В. А. Ядов. М. : Феникс, 1994. 688 с.

меньшим согласием, но и меньшим напряжением. Возможны неравенство, разрыв между лидером и рядовыми членами группы, абсентеизм (неучастие). Сильнее внутригрупповое давление и больше конформизма.

Группы с четным числом членов отличаются от групп, нечетных по своему составу. Первые могут разделяться на фракции с равным числом членов, поэтому они менее устойчивы. В нечетных группах она из сторон всегда имеет численное преимущество.

Особым социально-психологическим статусом обладает референтная группа, т. е. группа, к которой человек относит себя психологически, ориентируясь на ее ценности и нормы как на эталон. Референтная группа может быть реальной и воображаемой. Она выполняет две основные функции:

1) нормативную – установление определенных стандартов поведения и принуждение индивидов к следованию им. Такими стандартами обычно являются нормы группы. Группа в состоянии выполнять данную функцию, если может вознаграждать за конформизм и наказывать за неконформизм;

2) сравнительно-оценочную – группа является эталоном, ориентируясь на который индивид сравнивает себя и других.

Основной тип вторичной (формальной) группы – **организация** – достаточно большая группа людей, сформированная для достижения общих целей, члены которой выполняют на основе соблюдения правил четко обозначенные ролевые функции, а личные взаимоотношения существенно ограничены.

Промежуточное положение между первичной и вторичной группами (организациями) занимает **харизматическая** группа. С организацией ее роднит направленность на достижение определенных целей, но по структуре эта группа напоминает первичную. Типичная харизматическая группа – Христос и его ученики. Во главе такой группы стоит лидер, отличающийся обаянием и огромной притягательной силой, т. е. харизмой. Эти группы зависимы от лидера и непостоянны в организационной структуре. Им несвойственна иерархия. Роли определяются в зависимости от отношения к лидеру и его расположения. Отсутствует понятие служебного продвижения, а также устойчивые внутригрупповые нормы. Харизматические группы сохраняются до тех пор, пока лидеры обладают притягательной силой. Так как лидеры не бессмертны, складываются правила, в соответствии с которыми избираются их преемники. По мере дальнейшего формирования правил и традиций группа приобретает черты

формальной организации. М. Вебер назвал данный процесс «рутинизация харизмы»¹.

Природу лидерства в группе можно объяснить с позиции следующих теоретико-методологических *подходов*:

- теория личностных черт – лидером человека делает набор личностных качеств, иногда харизматических, который необходим для управления любой группой в любых условиях;
- ситуационная теория – появление лидера связывается с полным совпадением особенностей человека и требований ситуации. Для каждой новой ситуации требуется новый лидер;
- синтетическая теория – лидером является член группы, который в своей деятельности наиболее полно воплощает групповые ценности.

Приведем основные *типы лидерства*: тип функционального, компетентного, лидера сосредоточенного на решении стоящей перед группой задачи; тип аффективного, всеми любимого лидера, сконцентрированного на взаимоотношениях между членами группы.

Функциональный лидер легче добивается доминирующего положения в очень благоприятных или крайне неблагоприятных ситуациях. Аффективный – в промежуточных случаях. Если в группе примерно равное соотношение полов, функциональным лидером чаще становится мужчина, а аффективным – женщина.

Формальный (по должности) и неформальный (признанный таковыми членами группы) лидеры могут использовать следующие *виды* социальной власти:

- власть вознаграждения – возможность вознаграждать за поведение, соответствующее ожидаемому;
- власть принуждения – практика угроз и наказаний, необходимость в постоянном контроле за подчиненными;
- власть эксперта – основывается на знаниях, владении информацией, практическом опыте;
- власть авторитета – возникает на основе уважения, даже преклонении перед авторитетом человека, поведение которого становится образцом для подражания;
- власть закона – имеется в распоряжении человека, представляющего узаконенный социальный порядок и чаще всего опирается на использование других видов властных ресурсов.

Особый интерес представляют организации, занятые производственной или иной практической деятельностью, характер их

---

¹ Смелзер Н. Социология. С. 170.

функционирования и управления ими, позволяющий достичь максимальной результативности. Первые принципы научного управления производственной организацией предложил Ф. У. Тейлор. При их разработке он стремился преодолеть сложившуюся ситуацию, когда, во-первых, рабочие боялись перевыполнять норму, считая, что администрация вскоре снизит расценки и заставит работать вдвое интенсивнее за ту же заработную плату. Во-вторых, давление малой группы, которая не была заинтересована в повышении эффективности, что принуждало передовиков опускаться по производительности труда до уровня середняков, а тех, в свою очередь, – до уровня отстающих.

В основе научного менеджмента Ф. У. Тейлора соержжится понятие о новой мотивации труда. Согласно его точке зрения, существует область научного исследования, на которую должно быть обращено специальное внимание, а именно точное определение мотивов, влияющих на поведение рабочих. Опыты показали, что является абсолютно необходимым, в случае если рабочим ежедневно задают задачи, требующие от них высокой степени быстроты в производстве работы. Для этого необходимо обеспечить им соответствующий высокий уровень оплаты в случае успешного выполнения задания¹.

Новый подход к мотивации труда Ф. У. Тейлор скомбинировал с новыми типами функций, осуществляемых администрацией предприятия: «Во-первых, администрация берет на себя выработку научного фундамента, заменяющего собой старые традиционные и грубо практические методы, для каждого отдельного действия во всех различных разновидностях труда, применяемых на предприятии. Во-вторых, администрация производит на основе научно установленных признаков тщательный отбор рабочих, а затем тренирует, обучает и развивает каждого отдельного рабочего, в то время как ранее рабочий сам выбирал себе специальность и сам на ней тренировался так хорошо, как умел. В-третьих, администрация осуществляет сердечное сотрудничество с рабочими в направлении достижения соответствия всех отдельных отраслей производства научным принципам, которые были ею ранее выработаны. В-четвертых, устанавливается почти равномерное распределение труда и ответственности между

---

¹ *Тейлор Ф. У.* Принципы научного менеджмента. С. 61. URL: <http://i.cons-systems.ru/u/83/8c5dde291e11e3b6145d44f3284aaa/-/Taylor.pdf> (дата обращения: 11.12.2021).

администрацией предприятия и рабочими. Администрация берет на себя все те отрасли труда, для которых она является лучше приспособленной, чем рабочие, тогда как в прошедшем почти весь труд целиком и большая часть ответственности были возложены на рабочих»¹. Он также разъясняет содержание четвертой функции: «Развитие научной организации труда предполагает выработку многочисленных правил, законов и формул, которые заменят собою личное суждение индивидуального рабочего и которые могут быть с пользой применяемы только после того, как был произведен систематический учет, измерение и т. д. их действия»².

Основы предложенной системы научного управления Ф. У. Тейлор резюмировал следующим образом: «...наука вместо традиционных навыков; гармония вместо противоречий; сотрудничество вместо индивидуальной работы; максимальная производительность вместо ограничения производительности; развитие каждого отдельного рабочего до максимальной доступной ему производительности и максимального благосостояния»³.

Автор *административной теории управления* А. Файоль положил начало структурно-функциональному подходу в управлении организацией, выделив пять управленческих функций, или административных операций. Управлять, по его определению, – значит предвидеть, организовывать, распоряжаться, координировать и контролировать. Содержание каждой из указанных функций он раскрывает следующим образом:

- 1) предвидеть – учитывать грядущее и вырабатывать программу действия;
- 2) организовывать – строить двойной (материальный и социальный) организм предприятия;
- 3) распоряжаться – заставлять персонал надлежаще работать;
- 4) координировать – связывать, объединять, гармонизировать все действия и усилия;
- 5) контролировать – заботиться о том, чтобы все совершалось согласно установленным правилам и отданным распоряжениям⁴.

---

¹ Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. С. 17.

² Там же. С. 18

³ Там же. С. 71.

⁴ Файоль А. Общее и промышленное управление / пер. с фр. Б. В. Бабина-Кореня, предисл. А. К. Гастева. М. : Центр. ин-т труда, 1923. С. 12.

Раскрывая суть общих принципов управления, А. Файоль пишет: «Здоровье и хорошее функционирование социального образования зависят от известного числа условий, которые почти безразлично обозначаются то именем принципов, то – законов или правил. Я предпочитаю термин *принципы*, не связывая, однако, с ним идеи суровой строгости. В административном начале нет ничего негибкого, и абсолютного; все в нем вопрос *меры*. Почти никогда не приходится применять один и тот же принцип в тождественных условиях: надо учитывать различные и меняющиеся обстоятельства, различие и смену людей и много других переменных элементов. Стало быть, принципы должны быть гибки и применимы при всяких запросах. Надо уметь ими оперировать. Это трудное искусство, требующее вдумчивости, опыта, решительности и чувства меры»¹.

А. Файоль выделил и детализировал следующие общие принципы управления: разделение труда; власть; дисциплина; единство распорядительства (командования); единство руководства; подчинение частных интересов общему; вознаграждение; централизация; иерархия; порядок; справедливость; постоянство состава персонала; инициатива и единение персонала.

Автор *теории человеческих отношений* в деятельности производственной организации Е. Мэйо пришел к разработке ее основных положений на основе результатов «хоторнских экспериментов», проведенных в 1924–1932 гг. под его руководством на крупном заводе в г. Хоторне, которым управляла компания *Western Electric*. Целью экспериментов было выявление факторов, действующих на производительность труда. Был сделан вывод, что важную роль в трудовой деятельности играет человеческий фактор (похвала, повышение в должности, внимание начальства, которому, в частности, можно высказать свои жалобы, влияние первичных групп работников). Однако больше всего на повышение производительности повлиял сам факт повышенного внимания к исследуемой группе, что получило название «хоторнский эффект».

Согласно основным положениям теории человеческих отношений, производительность труда зависит не столько от заработной платы, сколько от таких показателей, как хорошие отношения с начальством, включенность работника в важную для него социальную (неформальную) группу и т. д. Руководители должны в большей степени ориентироваться на людей, чем на продукцию, что обеспечивает кадровую стабильность и удовлетворенность индивида своей

---

¹ *Файоль А.* Общее и промышленное управление. С. 24.

работой, так как решение многих проблем производства находится в непроизводственной сфере¹.

Из новых теорий мотивации трудовой деятельности одной из самых известных является *мотивационно-гигиеническая теория* Ф. Херцберга. Проинтервьюировав 200 инженеров и бухгалтеров из 11 отраслей промышленности г. Питсбурга, Ф. Херцберг выделил две группы *факторов*, побуждающих человека к труду: мотивационные и гигиенические. Мотивационные факторы связаны с содержанием работы – это признание, успех, служебное продвижение, собственно процесс выполнения работы, возможности для профессионального роста, ответственность, самоактуализация. Данные факторы – главные источники удовлетворения трудом, вызывающие повышение его производительности и качества. Отсутствие этих факторов не обязательно приводит к неудовлетворенности своей трудовой деятельностью. Гигиенические факторы – это условия труда, которые являются внешними по отношению к процессу работы. К ним Ф. Херцберг отнес характеристики линейного руководства, межличностные отношения, физические условия труда, заработную плату, общую политику компании и административный стиль, программы льгот для работников, вопросы стабильности и надежности работы. Когда состояние этих факторов «может быть охарактеризовано как оптимальное, среди работников не будет наблюдаться разочарования в работе, но и о позитивном отношении к ней говорить не приходится»².

В современных условиях повышенное внимание уделяется деятельности *творчески ориентированных организаций* и групп. Примером могут служить упоминаемые Э. Тоффлером «временные межпрофессиональные группы», или, в более знакомой нам терминологии, «временные творческие коллективы», «временные научные коллективы», которые создаются для выполнения конкретных задач и где достигается совмещение в одних и тех же лицах авторов решений и их исполнителей. Для них характерно заинтересованное отношение к новым, оригинальным решениям, высокий должностной и моральный статус их авторов, совместное участие в разработке и реализации выдвинутых идей, равноправие в партнерстве.

---

¹ Mayo E. The social problems of an industrial civilization. Division of Research Graduate School of Business Administration Harvard University. Boston, 1945. 150 с. URL: https://archive.org/stream/socialproblemsof00mayo/socialproblemsof00mayo_djvu.txt (date of access: 10.12.2021).

² Мотивация к работе / Ф. Херцберг [и др.] ; пер. с англ. Д. А. Куликова ; под общ. ред. Е. А. Борисовой. М. ; СПб. : Вершина, 2007. С. 187.

В ситуации коллективного творчества особый интерес представляет поиск наиболее продуктивных *схем* работы:

- автономной – каждый работает отдельно над своей проблемой с последующим интегрированием результатов;
- полуавтономной – каждый работает над своей проблемой при постоянных контактах с коллегами и последующем интегрировании результатов;
- директивной – решение разрабатывает руководитель и передает его как руководство для детализации отдельным исполнителям;
- централизованной – общую схему решения разрабатывает руководитель, а последующую работу выполняют все члены группы при постоянном контакте с руководителем и другими ее членами;
- совместной – в разработке проблемы участвуют одновременно все члены группы: в одно время, в одном помещении, при возможности постоянных контактов между ними.

Исследования свидетельствуют, что из данных схем работы для достижения максимально продуктивного результата сами участники творческого процесса наиболее эффективными считают совместную и полуавтономную.

Другие важные элементы коллективного творчества касаются организационных процедур работы, в особенности методов принятия решений и путей создания морально-психологической атмосферы, благоприятной для совместного творческого процесса.

Результаты исследований о степени автономии, в которой нуждаются творческие коллективы на разных этапах своего функционирования, показывают, что на первом месте стоит самостоятельность при формировании коллектива (поддерживают более 80 % опрошенных), далее следуют (по степени некоторого снижения значимости) методы принятия решений, оценка результатов и поощрение работников, планирование работы, распределение заданий и выбор руководителя.

Приведем следующие методы принятия решений:

- руководителем единолично;
- руководителем после коллективного обсуждения с учетом его результатов;
- голосованием равноправных участников после коллективного обсуждения;
- на основе общего согласия.

Результаты интервью представителей творческой сферы говорят о том, что из данных методов наиболее результативным считается

принятие решений руководителем после коллективного обсуждения с учетом его результатов. Однако когда решения принимаются руководителем единолично, наиболее часто встречается точка зрения, что самыми эффективными являются альтернативные варианты, принятые на основе общего согласия или голосованием.

Приемы эффективного управления творческим коллективом с некоторой долей условности можно объединить в две группы. Первая касается мотивации творчества, вторая – организации творческого процесса. Несколько упрощенно представим их следующим образом.

Особенности группы по мотивации творческой деятельности:

- значение любых действий подчиненных должно быть ими хорошо осмыслено;
- каждый хочет выразить себя в конкретных результатах и готов брать больше ответственности за деятельность, результаты которой будут связаны с его именем;
- каждый стремится к успеху, поэтому перед сотрудниками должны быть поставлены цели, которые поддаются достижению по уровням и срокам выполнения;
- каждому работнику требуется оперативная оценка достигнутых результатов;
- успех без признания приводит к разочарованию, поэтому следует поощрять подчиненных материально и морально;
- сотрудники остро реагируют, если их старания и полученные лучшие результаты приводят к тому, что их еще больше нагружают работой. Особенно если это не компенсируется в денежном отношении или иным образом.

Особенности группы по организации творческого процесса:

- никто не хочет, чтобы в вопросах, в которых он компетентен, решения принимались без его участия;
- практически каждый имеет собственную точку зрения насчет того, как улучшить его работу, и рассчитывает на то, что к его мнению отнесутся с интересом;
- сотрудники негативно относятся к ситуации, когда решения относительно их работы, даже если они являются позитивными, принимаются без них;
- чтобы сотрудники чувствовали себя значимыми и причастными к общему делу, они должны иметь свободный и своевременный доступ к информации, касающейся дела;
- творческая работа часто выигрывает от самостоятельности подчиненных в определении путей достижения поставленных перед ними целей;

- большинство стремится приобрести в процессе работы новые знания, поэтому повышенные требования, дающие шанс дальнейшего развития, принимаются охотнее, чем заниженные.

4.3. Бюрократия и дебиюкратизация

Группа лиц, которые выполняют в государственной системе функции управления (властвования), занимая определенные должности, конституировалась с возникновением самого государства. Сложилась разные названия этой группы. Чаще ее представителей именовали чиновниками, государственными служащими. Бюрократическая форма организации и управления институционализировалась и стала доминирующей в период промышленной революции и утверждения капитализма. Появление термина *бюрократия* (от фр. *bureau* – бюро, канцелярия и греч. *κράτος* – господство, власть) применительно к группе лиц, обладающих властными полномочиями и участвующих в государственном управлении, связано с именем французского экономиста В. де Гурнэ, который впервые использовал его в 1745 г. В современном понимании бюрократия – это наиболее распространенная форма осуществления властных функций.

Исследуя бюрократию, М. Вебер связывал ее с рациональным типом легитимного господства, которое основано «на вере в легальность зафиксированных в формальных актах порядков и прав распоряжения, принадлежащих тем, кто призван к господству на основе этих порядков»¹. Бюрократическое управление, на его взгляд, самая эффективная форма управления: «...благодаря таким его качествам, как точность, стабильность, строгая дисциплина, надежность и предсказуемость как для господина, так и для всех, кого оно касается, возможность как интенсификации, так и расширения поля его действий, а также универсальная применимость для решения любых задач и неисчерпаемые возможности чисто технического совершенствования, – благодаря всем этим качествам – представляет собой, как показывает опыт, самую рациональную форму реализации господства»². Специфическая рациональная основа бюрократического управления заключается в том, что оно «означает господство через знание»³.

---

¹ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / пер. с нем. В. А. Брун-Цеховой [и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М. : Высш. шк. экономики, 2016. Т. 1 : Социология. С. 254–255.

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 263.

М. Вебер выделял следующие основные *черты* идеального типа бюрократического управления:

- непрерывный регулируемый правилами характер;
- наличие компетенций (сфер ответственности), что предполагает существование содержательно разграниченных на основе разделения труда сфер должностных обязанностей, предоставление приблизительно необходимых для выполнения этих обязанностей объемов распорядительной власти, четкое определение допустимых средств принуждения и предполагаемых обстоятельств их применения;
- принцип служебной иерархии, т. е. системы постоянных органов контроля и надзора по отношению к каждой инстанции с правом апелляции или жалобы подчиненных на начальников;
- правила, организующие административную деятельность и состоящие из технических правил и норм, для рационального применения которых необходимо профессиональное обучение чиновников;
- принцип полного отделения штаба управления от средств управления и производства, согласно которому чиновники, служащие, другие работники штаба не являются собственниками средств управления и производства, но получают их в натуральной или денежной форме и обязаны за них отчитываться;
- невозможность апроприации (личного присвоения) должности ее исполнителем;
- принцип документированности управления, реализующийся через письменные документы и непрерывное делопроизводство¹.

Положение чиновников в системе бюрократического управления М. Вебер характеризовал следующими *принципами*:

- лично свободны и подчиняются только в пределах служебных обязанностей;
- состоят в жесткой служебной иерархии;
- обладают четкими служебными компетенциями;
- служат по контракту, т. е. на основе свободного выбора;
- не избираются, а назначаются. Отбор происходит (в случае максимальной рациональности процесса) по критерию профессиональной квалификации, которая должна быть подтверждена экзаменом и удостоверена дипломом;
- имеют постоянное денежное содержание в большинстве случаев с правом на пенсию. Однако при определенных условиях (особенно на частных предприятиях) контракт может быть расторгнут со стороны

---

¹ Вебер М. Хозяйство и общество ... С. 263.

господина, сами чиновники всегда могут подать в отставку. Размер содержания определяется прежде всего иерархическим рангом, а также ответственностью позиции, в остальном же – сословной нормой;

- считают свою службу единственной или главной профессией;
- усматривают для себя возможность карьеры (продвижения) в зависимости от срока службы или успехов в работе либо того и другого вместе, а также от суждения начальства;
- работают на условиях полного отделения от средств управления и без апроприации служебного места;
- подчиняются строгой единообразной служебной дисциплине и контролю¹.

Однако постепенно в системе социального знания предметом осмысления также стали негативные проявления бюрократического типа организации и управления. Акцент начал делаться на том, что бюрократия может быть социально опасной, а становится она такой прежде всего тогда, когда, во-первых, в структурах управления форма (процедура) начинает главенствовать над назначением и содержанием деятельности. Во-вторых, главной целью функционирования бюрократических структур становится их собственное сохранение и укрепление. Патология бюрократии (бюрократизм) особенно очевидно проявляется в перманентном росте ее численного состава и увеличении объемов бумаготворчества.

С. Н. Паркинсон сформулировал закон, согласно которому в любом административном учреждении в мирное время прирост служащих вычисляется по формуле

$$x = (2k^m + p)/n,$$

где k – количество служащих, набирающих себе подчиненных, чтобы продвинуться по службе; m – количество человеко-часов, потраченных на обработку материалов; p – количество лет, проведенных на работе; n – количество служащих, выполняющих необходимую работу.

Согласно закону Паркинсона, любая контора, насчитывающая 1 тыс. служащих, может быть административно самодостаточной и работать главным образом на обеспечение собственного существования и развития. Количество ее сотрудников имеет тенденцию увеличиваться на 5,75 % в год².

---

¹ Вебер М. Хозяйство и общество ... С. 259.

² Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона / пер. с англ. Н. Трауберг. М. : Эксмо, 2007. С. 16.

Дальнейшие исследования позитивных и негативных сторон бюрократии связаны с именами Р. Мертона, А. Гоулднера, А. Тоффлера, М. Крозье и др.

Так, Р. Мертон, разделяя позицию М. Вебера, отмечает, что «главное достоинство бюрократии в ее технической эффективности, она вознаграждается за точное, быстрое и квалифицированное управление, последовательность и ответственность, а также оптимальный ответ на поступивший сигнал. Именно бюрократическая структура обращается к полной ликвидации личных взаимоотношений и нерациональных соображений (враждебности, страха, аффективных осложнений и т. д.)»¹. Одновременно он пишет, что «общество в целом явно подчеркивает несовершенство бюрократии, о чем говорит тот факт, что “мерзкий гибрид”, “бюрократ” стал эпитетом, бранным словом»².

Дисфункции бюрократии связаны с тем, что «строгое соблюдение правил, первоначально задуманное как средство, превращается в самоцель, происходит хорошо известный процесс замены цели»³. Согласно Р. Мертону, жизнь должностного лица предполагает его желание сделать карьеру. Подразумевается, что чиновник по большей части приспособливает свои мысли, чувства и действия к перспективам своей карьеры, что и происходит на самом деле. Однако именно эти механизмы, которые увеличивают вероятность конформизма, ведут также к преувеличению значения строгого выполнения инструкций, что вызывает робость, консерватизм и формализм. В свою очередь, дух группы и неформальная социальная организация, которая обычно формируется в такой ситуации, часто ведет персонал к защите своих укоренившихся интересов более, чем к содействию своим клиентам и избранным высшим должностным лицам. Сказывается и то, что структура личности бюрократа имеет своим ядром именно норму обезличенности, а стереотипное поведение не приспособлено к остроте индивидуальных проблем.

Из различия понятий «бюрократия» и «бюрократизм» исходит А. Гоулднер в своей известной работе «Модели индустриальной бюрократии». Бюрократия – это эффективный организационно-управленческий институт. Бюрократизм – патология практики управления, которая порождает бюрократический саботаж, т. е. действия бюрократии, препятствующие нормальному функционированию организации

---

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой [и др.]. М. : АСТ : Хранитель, 2006. С. 325.

² Там же. С. 326.

³ Там же. С. 321.

и направленные на сохранение собственного привилегированного места в социальной системе.

В современном обществе А. Гоулднер выделяет два типа бюрократии: авторитарную (репрессивно-централизованную) и представительную (экспертную). *Авторитарная* бюрократия основана на слепом выполнении установленных правил, строгом иерархическом подчинении и негативных санкциях, когда повиновение превращается в самоцель, а власть узаконивается самим фактом пребывания в должности. *Представительная* бюрократия опирается на знания и умения и предполагает убеждение в правильности требований и целесообразности их выполнения. Для нее характерны профессионализм, ответственность перед делом, а не вышестоящими уровнями иерархии, корпоративное сотрудничество.

Общество эволюционирует от авторитарной к представительной бюрократии. Представительная бюрократия порождена технической рациональностью, а ее носителем является слой технократов. Возможные негативные последствия данного типа бюрократии связаны со свойственным им технократическим видением мира. Противостоять этим последствиям призвана социогуманитарная интеллигенция, обладающая культурным капиталом¹.

Схожего отношения к бюрократии придерживается Э. Тоффлер. Его определенный оптимизм связан с тем, что, как он считает, общество находится на пути от бюрократии к *адхократии* (от лат. *ad hoc* – специальный и греч. *kratos* – власть), которая возникла в последней трети XX в. и стала порождением широкого распространения «проектного» («оперативного») менеджмента. Адхократия стала ответом на ускорение социальных процессов и появление большого числа перманентно возникающих задач, с которыми традиционные бюрократические структуры в силу их склонности работать в обстановке постоянства уже не в состоянии справляться. Основу новых организаций составляют временные межпрофессиональные группы, которые создаются для решения конкретных проблем. Они особенно типичны для современной науки. В итоге, по словам Э. Тоффлера, происходит подлинная революция в организационной структуре и человеческих отношениях. Бюрократические иерархии, отделяющие тех, кто принимает решения, от тех, кто их выполняет, находятся в процессе изменения или разрушения.

---

¹ Gouldner A. W. Patterns of Industrial Bureaucracy. N. Y. : The Free Press of Glencoe, 1954. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.461008/page/n9/mode/2up>. (date of access: 08.12.2021).

Адхократия характеризуется отсутствием строгого разделения труда и минимальной формализацией деятельности, гибкостью и адаптивностью по отношению к изменяющейся ситуации. Сотрудники, общающиеся друг с другом примерно на одном и том же уровне организации, ведут себя иначе, работают, испытывая совсем не то давление, чем те, кто находится внутри иерархической системы «верх – низ». Они все более понимают, что должны брать на себя ответственность за принятие решений¹.

М. Крозье, желая трансформировать громоздкое, всеведущее государство в скромное государство, стремящееся поставить себя на службу обществу, а не командовать им, пришел к фундаментальному противоречию: нельзя изменить общество, не изменив роль государства и роль чиновников. Однако последние, как и все сформировавшиеся корпорации, враждебны всякому изменению². Анализируя в связи с этим французскую бюрократическую модель, М. Крозье выделяет «бюрократические порочные круги», образующиеся в ходе сочетания и взаимодействия следующих фундаментальных характеристик: безличность, централизация, стратификация и отношение параллельной власти. При этом первые три выступают как проявление сущности официального иерархического типа власти.

Безличность бюрократической модели включает выработку правил, предопределяющих функции людей в различных ситуациях. Сущность данной модели состоит в стремлении к полной ликвидации произвола и инициативы индивидов через ликвидацию «неопределенностей». В этой системе роль руководителя сводится к формальному контролю за следование правилам. Следовательно, он теряет реальную власть над подчиненными. В свою очередь, последние лишены возможности влиять на руководство, так как его действия полностью определены предписаниями свыше. Централизация власти по принятию решений выражает тенденцию к удалению руководства от иерархического уровня, на котором решения и правила воплощаются в жизнь. Такая бюрократическая черта тесно связана с безличностью. Для того чтобы сохранить атмосферу безличности, необходимо все решения принимать на таком уровне, где ответственные за них защищены от влияния со стороны тех, на кого

---

¹ *Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. Е. Руднева [и др.] ; науч. ред., авт. предисл. П. С. Гуревич. М. : АСТ, 2002. С. 69–83.

² *Крозье М.* Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения // Свобод. мысль. 1993. № 11. С. 35–43.

эти решения воздействуют. Стратификация, т. е. изоляция иерархических категорий друг от друга, вытекает из ликвидации возможности взаимного давления руководства на подчиненных и наоборот. Однако умножение безличностных правил не может элиминировать все источники неопределенности. Всегда возникают зоны, вокруг которых складываются отношения параллельной власти. Наибольшую значимость параллельная власть приобретает именно там, где сильно развиты бюрократические черты. Повышение роли неформальных структур ведет к дальнейшему усилению бюрократии, появляется порочный круг¹.

В повседневном управлении бюрократизм, вызывая широкое социальное недовольство, чаще всего проявляется в таких прозаичных явлениях, как авторитаризм, некомпетентность, уход от решения проблем, коррупция, волокита, бумаготворчество, формализм, когда требование безусловного следования правилам заслоняет смысл выполняемой работы, высокомерие и безответственность чиновников, карьеризм и доминирование корпоративных интересов в их среде, негативное отношение к нововведениям, особенно к тем, которые ставят под угрозу их социальный статус. На преодоление этих и других негативных проявлений бюрократизма направлена дебюрократизация государственной власти.

Дебюрократизация властных структур требует общесистемных и специальных управленческо-технологических мер. Общесистемные меры касаются оптимизации властных полномочий и деятельности бюрократии, недопущения ее влияния как самостоятельной социально-политической силы. Управленческо-технологические меры предполагают новые подходы к менеджменту, совершенствование внутренней организации и стиля работы аппарата.

Социальные силы, способные осуществлять общесистемные меры, принципиально должны находиться вне бюрократической системы. Это институты гражданского общества: политические партии и движения, общественные организации, независимые средства массовой информации. Мировой исторический опыт свидетельствует, что других субъектов современной общественно-политической жизни, сопоставимых по влиянию с бюрократией, кроме политических партий, не существует. Демократия только тогда становится настоящей, а не «управляемой» демократией, когда в ее основе

---

¹ Спиридонова В. И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФРАН, 1997. С. 78–79.

лежит конкуренция различных общественных сил. Лучшей формой такой конкуренции является открытая конкурентная борьба между политическими партиями и движениями с понятными программами, достаточно стабильным электоратом и традициями политической деятельности. Публичная конкуренция партий более эффективна для устойчивого общественного развития, чем скрытая конкурентная борьба между отдельными кланами бюрократии.

Бюрократия в основном сосредоточена в органах исполнительной власти, являющихся более стабильными по своему составу, чем периодически переизбираемые структуры законодательной и представительной власти. По данной причине большое значение для процесса деbüroкратизации имеет усиление парламентаризма и местного самоуправления, укрепление контрольных полномочий законодательной ветви власти. Особо требуется преодоление пробелов в законодательстве, несогласованности правовых норм, включая разработку и внедрение четких регламентов управленческой деятельности, затрагивающих взаимодействие гражданина и чиновника. Важно существенное ограничение ведомственного нормотворчества, позволяющего аппарату плодить многочисленные и малодоступные гражданам инструкции, трактуя законодательные акты в своих интересах. Целесообразна децентрализация управления, т. е. передача части функций и полномочий на его низовые уровни, включая создание автономных организационных структур (коммун, общин, комитетов территориального самоуправления и т. д.), которые обладают финансовыми средствами, другими необходимыми ресурсами, имеют определенную самостоятельность в распоряжении ими, но одновременно несут ответственность за результаты своей деятельности.

Должен реализовываться принцип достаточного уровня управления, согласно которому никакая государственная структура не вправе принимать решения, кроме органа власти, к непосредственной компетенции которого оно относится, и отменять решения, которые приняты в соответствии с законодательством. Важной составной частью процесса деbüroкратизации является поддержка развития предпринимательской и инвестиционной деятельности, частно-государственного партнерства и, как следствие, уменьшение прямого вмешательства государственного аппарата в управление экономикой, коммунальными хозяйственными делами, особенно в финансирование их деятельности, которое открывает широкие возможности для создания разнообразных коррупционных схем, включая так называемые откаты и т. п. Наконец, существенную роль призвано сыграть повышение

эффективности механизма общественного контроля над деятельностью управленческого аппарата, использование в данных целях депутатского корпуса разного уровня власти, партий, общественных объединений, органов общественного самоуправления, средств массовой информации.

Реализация концепции так называемой прозрачной или отзывчивой бюрократии в ходе административных реформ последних десятилетий включает следующие важнейшие *элементы*:

- широкие консультации с гражданами на стадии подготовки решений;
- обязательное публичное обоснование принимаемых решений, рассмотрение альтернативных вариантов действия;
- доступность для граждан и общественных организаций материалов и процесса работы государственных органов;
- подотчетность чиновников, возможность видеть личность управленца, контролировать его действия и ответственность;
- наказание за отказ от предоставления запрашиваемой информации, ее ложное или искаженное содержание;
- прямая зависимость оценки и поощрения работы чиновников от удовлетворенности клиентов их работой и качеством услуг;
- организация работы государственных учреждений по принципу «одного окна», когда гражданину при заказе услуги не нужно собирать все необходимые документы и сведения, лично запрашивать их в разнообразных инстанциях и т. п.;
- переход на работу, особенно во взаимодействии с разными группами населения и налаживании обратной связи с ними на основе технологий электронного правительства.

Считается, что гражданин должен превращаться из пассивного плательщика налогов и просителя в активного клиента – потребителя услуг государственной службы. Главным критерием оценки эффективности государственного управления становится политическая поддержка, наиболее очевидно выявляющаяся в ходе выборов.

Управленческо-технологические меры дебюрократизации прежде всего касаются ухода от авторитарных методов управления, основанных на строгом иерархическом подчинении и использовании преимущественно негативных санкций. Современный менеджмент предполагает мотивацию творческой деятельности и стремления к успеху, опору на знания и инициативу людей, поддержку самостоятельности подчиненных в определении путей достижения поставленных перед ними целей.

Управленческо-технологический блок деbüroкратизации работы аппарата также включает снижение негативного эффекта следующих распространенных бюрократических явлений:

- размытое, недостаточно четкое определение служебных компетенций, должностных обязанностей и соразмерной с ними ответственности управленческих структур и отдельных лиц, что ведет к дублированию их действий и, главное, к обезличиванию ответственности за данные действия и полученные результаты;
- неконтролируемый рост объемов документооборота, особенно планирующих и отчетных материалов;
- затянутость во времени процедуры прохождения заданий от заказчика и (или) руководителя к непосредственному исполнителю из-за большого числа промежуточных звеньев;
- усложненная процедура согласования решений, в том числе из-за привлечения второстепенных участников;
- чрезмерное количество и продолжительность совещаний, часто с обязательным привлечением первых лиц;
- отсутствие эффективных механизмов обжалования действий или бездействия должностных лиц в сочетании с плохим знанием людьми своих прав, порядка обращения в те или иные инстанции и др.

4.4. Коллективное поведение и социальные движения

Согласно Г. Блумеру, выделяют следующие элементарные формы (или стадии развития) спонтанного **коллективного поведения**: толчея, коллективное возбуждение и социальная инфекция.

Толчея характеризуется тем, что люди бесцельно и беспорядочно кружатся друг возле друга, подобно, приводит сравнение Г. Блумер, «овцам в состоянии возбуждения». Их внимание все более фокусируется друг на друге и все меньше – на объектах и событиях, которые привлекли бы их в обычных условиях. Оказавшись занятыми исключительно друг другом, они склонны откликаться один на другого быстро, непосредственно и бессознательно. В подобном состоянии взаимной поглощенности люди гораздо более расположены действовать сообща, под влиянием общего настроения или побуждения, чем порознь.

Коллективное возбуждение – наиболее интенсивная форма толчеи. Его специфическими признаками являются, во-первых, особая сила, с которой возбужденное поведение захватывает, приковывает и подчиняет себе внимание людей, теряющих нормальный самоконтроль;

во-вторых, их чрезмерная эмоциональная восприимчивость, подверженность влиянию извне и безответственность.

Социальная инфекция возникает на основе интенсивного коллективного возбуждения и означает сравнительно быстрое и бессознательное распространение определенных настроений, побуждений или форм поведения (например, распространение военной истерии, увлечений, маний и т. п.). В социальной инфекции особенно ярко выражено углубление контакта и бездумной отзывчивости индивидов по отношению друг к другу. Она привлекает и заражает тех, кто сначала был безучастным зрителем¹.

Рассмотренные элементарные формы коллективного поведения отчетливо проявляются в обстановке социального беспокойства. Г. Блумер описывает его возникновение следующим образом: когда желания людей не могут быть удовлетворены наличными формами существования, они оказываются в состоянии беспокойства. Люди ощущают побуждение к действию, но одновременно и препятствие, мешающее его исполнению. В результате они испытывают дискомфорт, фрустрацию, неуверенность, как правило, отчуждение или одиночество. Такое внутреннее напряжение обычно выражается в беспорядочной и некоординированной деятельности. Внешне эта деятельность имеет лихорадочный характер, лишена последовательности. Внутренне она принимает форму расстроенного воображения и беспорядочных эмоций. В наиболее острых формах такая деятельность характерна для невротического поведения. Однако чувство беспокойства у множества индивидов не обязательно означает состояние социального беспокойства. Лишь когда чувство беспокойства вовлекается в круговую реакцию по типу толчеи или становится инфекционным, налицо социальное беспокойство.

Иначе говоря, по мере того как люди взаимодействуют друг с другом, возникает взаимное подкрепление беспокойства. В итоге социальное беспокойство обычно возникает там, где образуется повышенная взаимная чувствительность, существуют интенсивные межличностные контакты, а также там, где люди вместе переносят разрушение заведенного уклада жизни. Основными чертами социального беспокойства являются: 1) беспорядочный характер поведения из-за отсутствия четко понимаемых целей; 2) возбужденные чувства тревоги, страха, неуверенности, повышенная агрессия, что

---

¹ Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль [тексты] / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 171–174.

способствует распространению слухов и преувеличений; 3) раздражительность и повышенная внушаемость тех, кто недостаточно устойчив в настроениях и образе действий и легко откликается на новые стимулы и идеи¹.

Основа образования групповых социальных субъектов – типичность мотивов и сходство интересов большого числа людей. Общностно-групповая форма существования социального субъекта представлена разного рода общностями и группами людей, т. е. реально существующими, эмпирически фиксируемыми совокупностями индивидов с характерными для них пространственно-временными масштабами, достаточным сходством интересов и способов действия. Принято выделять следующие основные типы социальных общностей: массовые и групповые.

Массовые общности образуются на основе близости интересов и в рамках вполне конкретной, близкой по форме деятельности. К ним, например, можно отнести различные виды стихийного массового поведения аудитории средств массовой информации в условиях развития современного информационного общества – виртуальные социальные сети и сообщества. Массовое сознание, являясь совокупностью индивидуальных сознаний, весьма аморфно. Таким общностям не присуща строгая количественная, качественная и структурная определенность.

Отличительными особенностями групповых общностей являются достаточно устойчивое положение в социальной структуре, четкий механизм воспроизводства, надындивидуальный характер, нетождественность групповых интересов простой их сумме, способность осуществлять разнообразные виды совместной групповой деятельности.

Причиной формирования активных субъектов социальных действий на основе групповых общностей является неудовлетворенность их представителей своим текущим положением. Она связана с невозможностью реализовать свои мотивы и интересы в рамках узаконенных социальных норм, действующего законодательства. Неудовлетворенность ведет к широкому распространению социального беспокойства. Последнее проявляется в повседневных разговорах, сходстве эмоциональных переживаний, дискуссиях в неформальной и формальной обстановке, совместном поиске причин создавшегося положения и путей выхода из него. В результате такой спонтанной коммуникации возникают первые представления об общности положения

---

¹ *Блумер Г.* Коллективное поведение. С. 171–173.

и сходстве жизненных проблем, необходимости совместных действий по их решению.

Первичная форма групповой общности – общественность, по определению Г. Блумера, представляющая собой группу людей, которые сталкиваются с какой-либо проблемой, расходятся во мнениях относительно способа ее решения и вступают в дискуссию, посвященную данной проблеме. Общественность, таким образом, возникает не в результате сознательного замысла, а как естественный отклик на определенную ситуацию, и ее существование связано с наличием определенной проблемы, лежащей в основе ситуации.

Характерные черты общественности:

- отсутствие стандартных, нормативно установленных способов решения имеющейся проблемной ситуации;
- отсутствие достаточно выраженных организационных форм, статусных ролей, осознания своей идентичности (т. е. самосознания);
- аморфность состава, который меняется вместе с проблемой;
- взаимодействие на основе истолкования, дискуссии, спора, обостряющих способность к критическим суждениям;
- предпочтение, отдаваемое в ходе обсуждения рациональному анализу фактов.

Обычно общественность состоит из групп, склоняющихся к различным вариантам решения. В ходе их противоборства вырабатывается общественное мнение, которое складывается из нескольких мнений, имеющих центральную позицию в общественности. Наличие в ее структуре заинтересованных групп и корпуса схожих со зрителями индивидов, борьба за их голоса приводят к тому, что дискуссия, основанная на фактах и разумной аргументации, часто уступает место манипулированию мнениями людей.

Переход к организованным формам группового поведения связан с возникновением и развитием *социальных движений*. Говоря об их истоках, Г. Блумер пишет: «Их начало коренится в состоянии беспокойства, а движущая сила проистекает, с одной стороны, из неудовлетворенности настоящей формой жизни, а с другой – из желаний и надежд на какое-то новое устройство существования»¹. Также по смыслу существования «социальные движения можно рассматривать как коллективные предприятия, нацеленные на установление нового строя жизни»².

---

¹ Блумер. Г. Коллективное поведение. С. 195.

² Там же.

Организованные формы группового поведения представлены *общими* и *специфическими* социальными движениями. Основу общих социальных движений составляет нацеленность на последовательное и всеобъемлющее изменение человеческих ценностей (движения за мир и сохранение природы, женские и молодежные движения и т. п.). Они символизируют общие сдвиги в мышлении людей и особенно в их представлениях о себе, своих правах и привилегиях. В основе таких сдвигов лежат новые мотивы и надежды. Противоречие между новыми мотивами и реальными возможностями порождает беспокойство. Однако связанные с этим беспокойством взгляды, а тем более поведение, неопределенны. В итоге общие социальные движения приобретают форму нащупывания и некоординированных попыток. У них есть только какое-то общее направление, в котором они продвигаются медленно, спотыкаясь, но настойчиво. Их цель имеет общий, расплывчатый характер (всеобщее счастье, эмансипация женщин и т. п.).

Движение осуществляется множеством людей, которые борются в различных сферах. Появляется соответствующая литература, которая также разнообразна и неопределенна, как и само движение. Данная литература – выражение протеста с неким общим описанием какого-либо утопического существования. В таком виде она неясно набрасывает очертания философии, несущей новые ценности. Однако при всем этом она возбуждает недовольство, пробуждает надежды и внушает новые идеи. Лидеры данных движений – это «вопиющие в пустыне» без прочной группы последователей и ясного отчета в собственных действиях и целях. Важен их пример, который повышает восприимчивость и пробуждает надежды людей. Развиваются общие социальные движения главным образом неформально, неприметно, в значительной степени неофициально. Посредством чтения, бесед, разговоров, дискуссий и следования примерам. Являясь, особенно на ранней стадии, неким конгломератом индивидуальных линий поведения, они в значительной степени подчинены механизмам массового поведения.

Общие социальные движения – фундамент, на котором развиваются специфические социальные движения. Их главным отличием является наличие четко определенной цели. Постепенно выделяются лидеры, выполняющие идеологическую и организационную функции. Большое значение в процессе групповой самоидентификации имеет выработка общего сознания, или идеологии, содержащей обоснование групповых притязаний, программные цели, набор средств их достижения, представлений о новом социальном устройстве,

отвечающем интересам данного класса или группы. Движения имеют достаточно четкий членский состав, определенное разделение труда со статусными позициями отдельных индивидов, наработанные механизмы мобилизации новых членов.

Г. Блумер выделяет следующие механизмы развития специфических социальных движений: агитация, развитие корпоративного духа, развитие морали, формирование идеологии и развитие рабочей тактики.

Агитация особенно важна на ранних стадиях. Она возбуждает людей и тем самым делает из них возможных сторонников движения. Будучи направленной прежде всего на то, чтобы отвернуть людей от прежних желаний и привычных способов действия, она старается всячески дискредитировать их. Для того чтобы добиться успеха, агитация должна завоевать внимание людей, пробудить некие желания и эмоции, дать им определенное направление посредством идей, внушений, критики, обещаний. Различают две *тактики* ведения агитационной деятельности.

1. В ситуации злоупотреблений, дискриминации, несправедливости, которую люди воспринимают как некую заданность и не ставят под вопрос, задача агитатора – заставить их задуматься над своим положением. Он должен быть холоден, спокоен, величественен. Волновать людей не тем, что делает, а тем, что говорит. Может быть скупым на слова, но говорить едкие, острые, язвительные вещи, заставляя задуматься, взглянуть на свою жизнь по-новому.

2. В ситуации, когда люди охвачены беспокойством или недовольством, но не знают, что делать, или слишком робки, чтобы действовать, задача агитатора – высвободить, усилить и целенаправить то существующее напряжение. Для этого нужен возбужденный, беспокойный, агрессивный человек, который склонен действовать, прибегая к драматическим жестам и театральным эффектам. Его динамичное, энергичное поведение способно привлечь внимание людей, передать им его беспокойство, усилить их возбуждение.

Развитие корпоративного духа означает развитие чувства сопричастности движению и солидарности у его участников. Его основу составляют межличностные контакты. Развивая чувство близости, контакт заставляет людей почувствовать, что они разделяют какое-то общее переживание и образуют избранную группу. Создается обстановка взаимной симпатии и отзывчивости, возникает ощущение коллективной поддержки. Люди привязываются к движению. Корпоративный дух развивается главным образом тремя путями: развитием внутригруппового (внегруппового) отношения, формированием

неформальной товарищеской ассоциации, участием в неформальном церемониальном поведении.

Внутригрупповое (внегрупповое) отношение имеет место, когда своя группа представляется носителем высших ценностей и добродетелей, а другая – подвергает эти ценности злонамеренным и беспринципным нападкам. Члены группы перед лицом внешней угрозы чувствуют свою правоту и ответственность за защиту общих ценностей. По данной причине наличие общего врага особенно важно для сплочения группы.

Неформальное товарищество развивается посредством неформальных контактов, во время которых люди не только максимально быстро и тесно сближаются друг с другом, но и бессознательно перенимают установки, ценности, жизненную философию, даже жесты друг друга. Самые простые формы товарищеской ассоциации общеизвестны: например, коллективное пение, пляски, пикники, неформальная дружеская беседа, шутки, чае- и винопитие и т. п.

Назначение церемониального поведения состоит в создании психологии парада, позволяющей каждому участнику испытать чувство широкой поддержки, которое ведет к росту его самооценки, заряжает движение энтузиазмом и энергией масс. Основные формы церемониального поведения: массовые митинги, собрания, парады, демонстрации, юбилейные церемонии. Обязательно наличие специальной атрибутики, которая состоит из набора эмоциональных символов (например, песни, марши, гимны, лозунги, здравицы, стихи, выразительные жесты, значки, флаги, униформа и т. п.).

Для сохранения преданности движению при столкновении с серьезными трудностями одного энтузиазма недостаточно. Развитие морали – это то, что должно придать ему постоянство и определенность. Мораль движения основывается на следующих типах убеждения: убеждение в правильности и праведности цели, придающее уверенность в себе; убеждение в конечном достижении поставленной цели, подкрепляемое ссылками на божественный промысел, объективные законы истории и т. п.; убеждение в том, что на движение возложена некая священная миссия. Существует три способа построения морали движения. Во-первых, это создание культа главного «святого» и ряда менее важных «святых», выбранных среди лидеров движения, которые обожествляются и наделяются особой силой. Вслед за «святыми» идут «герои» и «мученики». Во-вторых, создание «вероучения» и «священного писания», включая их светские

варианты. В-третьих, разработка мифов о принадлежности к избранной группе или народу, о бесчеловечности оппонентов, об истории движения, будущем царстве всеобщего счастья и т. п. Эти мифы создаются как отклики на желания и надежды участников движения.

Развитие групповой идеологии включает пять основных направлений: 1) формулировка назначения, цели и предпосылок движения; 2) подготовка свода суждений, содержащих критику существующей системы и приговор этой системе; 3) создание оборонительного учения, которое служит в качестве оправдания движения и его целей; 4) разработка свода убеждений, касающихся политики, тактики и практической деятельности; 5) создание мифов движения. Идеология излагается на двух языках: на научном и наукообразном, но имеющем вид абстрактного и логически аргументированного, и на популярном – в виде эмоциональных символов, примеров, стереотипов, наглядных образов и простонародных аргументов, которые выражают страдания, желания, надежды людей и максимально понятны им.

Тактика движения развивается по трем направлениям: завоевание приверженцев, их удержание и определение способов достижения целей движения. Обязательным условием ее эффективности является соотнесение тактических действий с особенностями социальной ситуации, в которой развивается и функционирует движение.

Иницирующим движение фактором чаще всего выступает незначительное событие, которое является поводом, а не причиной. Однако, провоцируя открытое выражение протеста, такое событие становится переломным моментом в развитии движения. Оно поднимает уровень самосознания его участников, создает прецедент героического противодействия, раскрывает человеческий потенциал движения, выявляет его возможных союзников, наконец, служит проверкой решительности властей.

Структурно состав социального движения подобен луковице. Его ядро образуют участвующие в движении по убеждению. За ними следует слой сочувствующих. Далее те, кто просто ищет смысл в жизни. Наконец, карьеристы, примкнувшие к движению в надежде на выгоды, которые, как они предполагают, последуют за победой. При поражении верхний слой луковицы отпадает первым, а за ним и все последующие. Часто остается только ядро, убежденное в правоте и целях движения. Иногда ему удается возродить движение после его первоначального поражения.

Традиционная классификация движений на реформистские и революционные во второй половине XX в. стала дополняться их делением на «старые» и «новые» социальные движения.

Реформистские и революционные движения различаются прежде всего масштабами целей (изменить одну из сторон общественной жизни или общество в целом), стратегией действий (мирная – в рамках закона или насильственная – вопреки закону), социальной базой (средние или низшие социальные группы).

«Старые» социальные движения представлены прежде всего рабочими, профессиональными, крестьянскими и фермерскими движениями. Они формируются на базе отдельных классов и социальных групп, имеют достаточно жесткую организационную структуру и ориентированы на реализацию политических и экономических интересов. «Старые социальные движения» доминировали во второй половине XIX – первой половине XX в.

«Новые» социальные движения представлены экологическими и феминистскими движениями, движениями за мир и права человека, за решение культурных проблем и т. п. Им не свойственна жесткая организационная структура. Среди их участников преобладают представители среднего класса, в целом люди, отличающиеся более высоким уровнем образования. Активная деятельность «новых» социальных движений началась во второй половине XX в. и продолжилась в XXI в.

Объяснение коллективного поведения предложил Н. Смелзер, выделив шесть *элементов (условий)* становления социальных движений:

- 1) благоприятные структурные факторы, стимулирующие создание движения;
- 2) структурная напряженность как следствие групповых противоречий и социальных конфликтов;
- 3) распространение обобщенного верования, включающего определенный образ действия;
- 4) активизирующие факторы, включая события (инциденты), служащие поводом для начала активных действий;
- 5) мобилизация к действиям, предполагающая наличие лидера, организованной группы и разного рода ресурсов;
- 6) социальный контроль, означающий действия властей, которые способствуют или препятствуют развитию социального движения.

Акцентируя внимание на том, что каждый из данных элементов вносит свой вклад в общее развитие движения и служит основой для действия следующего элемента, Н. Смелзер назвал свой объяснительный подход теорией прирастающей ценности¹.

---

¹ Смелзер Н. Социология. С. 591–593.

5. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, МОБИЛЬНОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

5.1. Социальная структура и мобильность

Социальная структура представляет собой совокупность больших социальных групп и общностей людей, расположенных в системе социального неравенства (стратификации), а также взаимоотношений между ними, которые характеризуются определенным уровнем сотрудничества или конфликтности.

Большая социальная группа – это количественно неограниченная статистическая (условная) общность людей, выделяемая на основе демографических, социально-экономических, политических, профессиональных, образовательных, этнических, культурных, религиозных и других системообразующих признаков. В социальной структуре большие группы представлены в виде сословий, каст, страт, классов, других общностей.

Исторически первыми большими социальными группами были сословия и касты.

Сословие – это группа, члены которой имеют особый социальный и правовой статус, обычно передающийся по наследству. Классическое сословное деление общества было характерно для средневековой Европы. Так, в дореволюционной Франции социальную структуру образовывали три сословия: 1) «те, кто молятся» – священники; 2) «те, кто воюют» – аристократия (дворяне, включая членов королевской семьи, за исключением самого короля); 3) «те, кто работают», т. е. все остальные.

В период раннего европейского Средневековья при отсутствии сильных централизованных государств иерархическая система сословных и профессионально-корпоративных статусов образовала основу социальной организации. Данный порядок устройства общественной жизни отличала четкая заданность социальных функций, жесткая регламентация деятельности каждой группы и индивида, сословно-иерархическая гармония прав и обязанностей, стабильность социальных статусов. Конкретное место в иерархии, включая верховную власть, определялось главным образом отношением к земельной собственности. Взаимоотношения между различными по месту в иерархии группами и конкретными лицами уподоблялись отношениям отцов и детей.

Идея сословного разделения общества, отмечал Й. Хейзинга, насквозь пронизывает в Средневековье все теологические и политические рассуждения. Сословие есть состояние, порядок, и за этими терминами стоит мысль о богоустановленной действительности. В средневековом мышлении понятие «сословие» (состояние), или порядок, удерживается благодаря сознанию, что каждая из этих групп являет собой божественное установление, некий орган мироздания, столь же существенный и столь же иерархически почитаемый, как небесные Престолы и Власти. В той же картине, в виде которой представляли себе государство и общество, за каждым из сословий признавали не ту функцию, где оно проявляло свою полезность, а ту, где оно выступало своей священной обязанностью или своим сиятельным блеском¹.

Народы, заселившие Индию с 1500 по 1200 гг. до н. э., делились на четыре *касты* (санскр. – *варны*) – брахманы (священнослужители, жрецы), кшастрии (воины, раджи, цари), вайшьи (торговцы, ремесленники, земледельцы,) и шудры (наемные работники, слуги). Система четырех варн вместе с возникшими впоследствии на их основе многочисленными подкастами (санскр. – *джати*) составила фундамент социальной упорядоченности индийского общества. Отличительными признаками каст являются строгие ограничения по выбору профессиональной деятельности, эндогамия и наследственное закрепление. Не входят в систему четырех так называемые неприкасаемые. Конституция Индии 1950 г. установила юридическое равноправие каст и полноправие неприкасаемых.

Страта – термин, введенный социологической наукой для обозначения социальных групп, являющихся элементами социальной структуры. Страты объединяют людей с примерно равным социальным статусом. Признаками принадлежности к страте могут являться пол, возраст, профессия, образование, доход, власть, место проживания и т. п.

Большой социальной группой, играющей доминирующую роль в функционировании и развитии общества, являются *классы*. Основателями учения о классах и классовой борьбе как доминанте, лежащей

---

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследования форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах // Соч. : в 3 т. / сост. и пер. с нидерланд. Д. В. Сильвестрова ; вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой ; заключ. ст. и науч. коммент. Д. Э. Харитоновича. М. : Наука, 1988. Т. 1. С. 62–63.

в основе развития общества, являются историки А. Тюрго, Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Тьер, О. Тьерри и экономисты А. Смит и Д. Рикардо. Они, во-первых, выделяли в современном им обществе XIX в. в качестве основных классов собственников земли, владельцев капиталов и рабочих, во-вторых, видели источник классовой дифференциации в политическом насилии.

К. Маркс связывал основы классовой дифференциации с различным отношением к собственности на средства производства. Существование классов он соотносил с определенными фазами общественно-экономического развития, считая, что основу классовой структуры рабовладельческой общественно-экономической формации составляют рабы и рабовладельцы, феодальной формации – феодалы и крестьяне, капиталистической формации – рабочие и капиталисты. Уточняя свой вклад в теорию классов, он писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»¹.

Конкретизируя марксистское понимание класса как социального феномена, В. И. Ленин писал, что классы – это «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»².

Классовая борьба – фундаментальная величина в истории. В этом с К. Марксом соглашался В. Парето, но представления марксизма, с его точки зрения, неверны в двух отношениях. Во-первых, основания классовой борьбы находятся не только в отношении к собственности на средства производства. Как писал В. Парето «многие думают, что, если бы можно было найти рецепт устранения “конфликта между трудом и капиталом”, исчезла бы и классовая борьба... Классовая борьба – лишь форма борьбы за жизнь, а то, что именуется

---

¹ Маркс К. Письмо Иосифу Вейдемейеру 5 марта 1852 года // Соч. : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955–1981. Т. 28. 1962. С. 427.

² Ленин В. И. Великий почин // Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1967–1981. Т. 39. 1970. С. 15.

“конфликтом между трудом и капиталом”, лишь форма классовой борьбы. В Средние века можно было думать, будто с исчезновением религиозных конфликтов в обществе наступит мир... они исчезли, по крайней мере отчасти, и их заменили социальные конфликты. Представьте себе, что утвердился коллективизм, что “капитала” больше нет, ясно, что в таком случае больше не будет конфликта с трудом, но это будет означать, что исчезла только одна форма классовой борьбы; ее заменят другие. Возникнут конфликты между слоями трудящихся социалистического государства, между “интеллектуалами” и “неинтеллектуалами”, между разными типами политиков, между ними и их подчиненными, между новаторами и консерваторами»¹. Во-вторых, пролетарское движение не есть движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Победа пролетариата закончится не его диктатурой, а господством тех, кто говорит от имени пролетариата, т. е. привилегированного меньшинства, элиты, подобной элитам прошлого и тем, что придут за ними.

Высказывания В. Парето далеко не единственные страницы мировой социологической мысли, посвященные классовой дифференциации общества. Ее анализировал М. Вебер, выделивший три основных компонента неравенства, которые он считал взаимосвязанными и все же в существенных отношениях независимыми. Первый компонент – имущественное неравенство. Второй – статусная принадлежность к группам, которые в разной мере пользуются почетом, уважением, имеют неодинаковый престиж, ведут особый образ жизни. Статусные группы не обязательно состоят из богатых людей, в них входят лица разного достатка. На статус влияет не только богатство, но и престиж. Третий компонент неравенства – власть, имеющая политический характер и понимаемая как способность человека или группы проводить в жизнь планы, принимать меры или вести определенную политику даже вопреки возражениям других людей или групп. Хотя благодаря огромному богатству и высокому престижу человек может достичь вершин власти, обладание ими само по себе не идентично обладанию властью.

Иная трактовка классовой структуры общества присуща социологической концепции Р. Дарендорфа. В центре его доктрины – императивно координированные ассоциации (ИКА), т. е. социальные образования в диапазоне от малой группы до общества в целом, представляющие собой хорошо различимую организацию социальных

---

¹ *Парето В.* Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А. А. Зотова. 2-е изд. М. : Изд. дом ВШЭ, 2008. 511 с.

ролей. Характерный структурный признак ИКА – властные отношения (отношения господства – подчинения), отличающиеся явно выраженной неравномерностью распределения властных ресурсов, когда некоторые комплексы ролей обладают властью подчинять другие комплексы ролей. В любой ИКА можно выделить два основных типа ролей: правящие и управляемые. Носители правящих функций заинтересованы в сохранении существующего порядка. Управляемые стремятся к перераспределению власти или, в другой терминологии, авторитета. Конфликты между носителями разных групп ролей ведут к перераспределению власти и авторитета. За ними следуют институционализация нового комплекса правящих и управляемых ролей и новый виток борьбы между ними. Отношение к власти составляет основу социальной дифференциации общества. Классы, по определению Р. Дарендорфа, «суть конфликтующие социальные группы, основание определения которых (а вместе с тем *differentia specifica*) состоит в участии в господстве или исключении из него внутри любых сфер господства»¹.

В теории социальной стратификации У. Л. Уорнера классовая принадлежность людей определяется членами общества на основе оценки их статуса, в другой терминологии – репутации. Согласно У. Л. Уорнеру, выделяют шесть классов: 1) класс наиболее высокопоставленных, включая богатых людей, но главным здесь является знатное происхождение; 2) класс менее высокопоставленных – люди высокого достатка, но не выходцы из аристократических семей; 3) высший слой среднего класса, который состоит из высокообразованных людей интеллигентного труда и деловых людей, имеющих высокие доходы, – врачей, юристов, владельцев капиталов; 4) низший слой среднего класса – канцелярские работники и другие «белые воротнички» (секретари, банковские кассиры, делопроизводители); 5) высший слой низшего класса – «синие воротнички» т. е. заводские рабочие и прочие работники физического труда; 6) низший слой низшего класса – самые бедные и отверженные члены общества, весьма сходные с люмпен-пролетариатом, о котором писал К. Маркс².

Обобщая существующие подходы к определению понятия «класс», следует отметить, что индикаторами классовой принадлежности

---

¹ *Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt. Ferdinand Enke, Verlag Stuttgart, 1957.*

² *Уорнер Л. Социальный класс и социальная структура // Янки Сити. Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10–11. С. 139.*

являются профессия, образование, доход, властные полномочия, социальный престиж, но акцент делается на имущественных отношениях, владении собственностью, капиталом.

Одновременно речь идет о появлении нового социального класса – прекариата (от лат. *precarium* – неустойчивый, нестабильный, негарантированный и нем. *proletariat*, лат. *proletarius* – неимущие), формирующегося из разных слоев современного общества. Его главная характеристика – постоянная занятость на временной работе, которая сопровождается низкими и нестабильными доходами, ограниченностью социальных гарантий и жизненных перспектив. По различным оценкам, во многих странах, включая Россию, прекариат включает 30–40 % трудоспособного населения¹.

Для социального порядка особую роль играет проблема взаимоотношений (равенства – неравенства, а соответственно, степени конфликтности) классов и групп. Структуру социальной стратификации (неравенства) можно изобразить геометрически в виде пирамиды или ромба. Обе фигуры свидетельствуют о том, что в каждом обществе имеется социальное меньшинство, находящееся в его верхней части. Однако при пирамидальном строении стратификации оно весьма незначительно, зато подавляющее большинство населения находится в нижней части социальной пирамиды. Ромбовидная фигура указывает на то, что большинство людей сосредоточено в средней части социальной структуры.

Со строением стратификации напрямую связана устойчивость основ социальной организации. При ромбовидной форме стратификации доминирующим становится средний класс, об особой роли которого в стабилизации общественной жизни писал еще Аристотель.

Давая характеристику современного среднего класса, следует отметить следующие основные его признаки: социально-психологические черты, такие как законопослушность, рассудительность, обязательность; самодостаточность, т. е. способность самостоятельно решать свои жизненные проблемы; высокий профессионализм, который является источником материального достатка; наличие собственности, в том числе интеллектуальной.

Ряд исследований позволили выявить новейшие тенденции и перспективы социальной стратификации. Прежде всего они связаны

---

¹ См.: Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. ; Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // Социол. исслед. 2015. № 6. С. 3–13.

с работами Т. Пикетти «Капитал XXI века» и др. В них Т. Пикетти делает вывод, что неравенство в распределении материальных благ и богатств растет и будет продолжать свой рост до 2070-х гг. Такой прогноз он обосновывает тем, что прибыль на капитал стремится превышать уровень экономического роста. Богатства 1 %, а еще в большей степени – 0,1 % преуспевающей части населения растут в два-три раза быстрее экономики в целом. Другими словами, капитал и власть, которые получены по наследству (при рождении), становятся важнее трудовых усилий и таланта человека. Т. Пикетти советует тем, кто управляет государством, регулировать накопление капитала политическими средствами¹.

Строение стратификации тесно связано с характером социальной мобильности, присущей обществу. *Социальная мобильность* – это изменение индивидом или группой их позиции в системе социальной стратификации. Существует два основных типа социальной мобильности: горизонтальная и вертикальная.

Горизонтальная мобильность (социальное перемещение) состоит в переходе человека из одной социальной группы в другую, расположенную примерно на одном и том же социальном уровне (например, межотраслевые перемещения трудовых ресурсов и межрегиональное движение населения).

Вертикальная мобильность характеризуется перемещением в занимаемых социальных позициях вверх или вниз. В зависимости от направления движения это может быть социальный подъем или спуск.

Выделяют также индивидуальную и групповую (коллективную) мобильность. Индивидуальная мобильность – это изменение социального статуса отдельного индивида. Групповая мобильность – изменение социального положения класса или группы.

По другому критерию мобильность подразделяют на внутр поколенческую и межпоколенческую. Под внутр поколенческой мобильностью понимают изменение социального статуса конкретного индивида в процессе его жизни. Под межпоколенческой мобильностью – перемену социального статуса от поколения к поколению.

Важнейшими каналами («лифтами») вертикальной мобильности являются экономическая, политическая и профессиональная деятельность, рост образовательного уровня, воинская служба, движение в церковной иерархии, брак с лицами, которые занимают

---

¹ Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с англ. А. А. Дунаева. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

более высокое социальное положение. Существенное влияние на стабильность общества оказывает открытость каналов вертикальной мобильности, т. е. удовлетворение стремления больших групп людей повысить свой социальный статус, прежде всего экономический, профессиональный, образовательный.

Своеобразие эволюции современного общества состоит в переходе к преимущественно ромбовидному типу стратификации. Это происходит за счет существенного повышения образовательного и, следовательно, профессионального статуса людей. Опыт высокоразвитых стран показывает, что для всех ролей константой является возрастающее значение образования в процессах мобильности.

5.2. Социальные институты

Социальные институты (от лат. *institutum* – установление, учреждение) – это совокупность статусов и ролей, которые обеспечивают организованные усилия людей по удовлетворению различных потребностей общества, необходимых для его существования. В связи с этим можно сказать, что общество – это совокупность социальных институтов, а их эффективное функционирование является основой его целостности, стабильности и гармоничного, бесконфликтного развития.

Г. Ленски и Дж. Ленски составили перечень основных социальных *потребностей*, необходимых для поддержания целостности общества, которые требуют формирования соответствующих социальных институтов. В данный перечень входят следующие потребности: коммуникация между членами общества, рассматриваемая в самом широком диапазоне; производство товаров и услуг; их распределение; защита членов общества от физической опасности, биологических организмов и внешних врагов; замена убывающих членов общества путем биологического размножения и социализации; контроль за поведением членов общества¹.

Классификация институтов происходит в зависимости от их направленности на реализацию той или иной социальной потребности.

Ч. Миллс выделил *главные институты* (в его терминологии – институциональные порядки), формирующие основы социальной организации:

---

¹ *Lenski G., Lenski J.* Human societies: an introduction to macrosociology. N. Y. : McGraw-hill Book Company, 1974. 554 p. URL: <https://archive.org/details/humansocietiesin00lens/mode/2up> (date of access: 08.12.2021).

- экономические – институты, организующие хозяйственную деятельность;
- политические – институты власти;
- институты образования – дающие знания и обеспечивающие профессиональную подготовку;
- семейные – институты, регулирующие половые отношения, рождение и социализацию детей;
- военные – институты, осуществляющие защиту членов общества от физической опасности;
- религиозные – институты, организующие коллективное почитание богов¹.

Структура социальных институтов включает:

- совокупность статусов и ролей, которые обеспечивают организованные усилия людей по удовлетворению потребностей общества;
- учреждения, которые организуют выполнение статусов и ролей, обеспечивающих функционирование социального института;
- людские (профессиональные, компетентные кадры), информационные и материальные ресурсы, необходимые для выполнения статусных и ролевых функций;
- технологии, процедуры выполнения статусных и ролевых функций.

Ключевую роль в организации жизни общества играет государство. Как социальный институт оно представляет собой политическую форму властвования и организации общественной жизни на определенной территории в рамках государственной границы. Государство обладает аппаратом власти и управления, включая средства принуждения, и опирается в своей деятельности на правовую систему и традиции. Своей функциональной деятельностью оно охватывает как политическую, так и другие сферы общественной жизни: экономическую, социальную, духовную, а также сферу повседневности.

Государство как форма власти появилось в период распада первобытно-общинного строя с возникновением общества. Конкретные формы государственного правления были различными. Еще Платон, исходя из современного ему социального опыта, выделял аристократию, тимократию (власть привилегированного меньшинства), олигархию, демократию и тиранию. Главное назначение государства – организация социальной жизни – оставалось неизменным на

---

¹ *Миллс Ч. Р.* Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко ; под общ. ред. и предисл. Г. С. Батыгина. М. : Издат. дом Nota Bene, 2001. 264 с.

протяжении всей истории. Хотя вполне очевидно, что в обстановке общественного неравенства им выражались большей частью интересы господствующего класса, власть имущих.

Сочетание государства и объединений свободных граждан, представленных полисными, городскими, храмово-городскими и другими организациями общинного типа, было отличительным признаком социального устройства древних обществ. При феодализме в условиях отсутствия или слабости централизованного государства социально-регулятивные функции выполнял сословно-иерархический порядок организации общества. Во времена позднего Средневековья он часто сочетался с монархической, т. е. единоличной, формой правления, вплоть до абсолютной (неограниченной) монархии. При переходе к капиталистическому строю постепенно было образовано государство правового типа, основанное на верховенстве закона.

Основные *черты* правового государства:

- высшая юридическая сила закона, которому должны подчиняться все органы власти и должностные лица, а подзаконные правовые акты полностью соответствовать;
- равенство всех граждан перед законом;
- защита гражданских прав и свобод;
- разделение законодательной, исполнительной и судебной власти.

Особую роль в системе социальных институтов играет институт образования. Образование как социальный институт – это совокупность выполняемых людьми ролей и статусов, которые обеспечивают трансляцию знаний, формирование умений и навыков, участвуют в социализации личности.

Основными *элементами* данного социального института являются:

- статусы и роли, которые в первую очередь представлены теми, кто учит (педагогами) и кого учат (учащимися);
- сеть учреждений, охватывающих дошкольное, среднее, профессиональное, высшее и дополнительное образование, которые организуют выполнение статусов и ролей, обеспечивающих функционирование института образования;
- педагогические кадры, разнообразные информационные и материальные ресурсы, которые обеспечивают выполнение присущих институту образования статусных и ролевых функций;
- учебно-воспитательный процесс.

Особенностью современного института образования является создание мирового образовательного пространства, активное совмещение учебной и научной деятельности, коммерциализация ее результатов.

Неэффективное функционирование социального института, ведущее к неудовлетворению общественных потребностей, называют его дисфункцией. К ней ведет несовершенство статусно-ролевой структуры, дефицит ресурсов, неэффективность используемых социальных технологий. Ситуация усугубляется, с одной стороны, в связи с ростом потребностей, с другой – вследствие переориентации лиц, призванных выполнять институциональные функции, на реализацию собственных интересов, как это происходит, например, с бюрократией. Следствием дисфункции институтов является нарушение социальной стабильности и гармоничного развития общества.

В вопросе об иерархии и взаимоотношении институтов принципиальным, на наш взгляд, является положение, высказанное Ф. Броделем. Согласно его точке зрения, глобальное общество – это сумма живых реальностей, связанных или не связанных одни с другими, множество множеств, полная сумма всех фактов, каких мы касаемся в разных областях общественной жизни. Важно не воображать априори, будто один сектор может раз и навсегда приобрести превосходство над каким-то другим или всеми другими. В Европе экономика довольно часто начиная с XI или XII в. и все более определенно с XVI в. опережала другие секторы. Она заставляла их определяться в зависимости от нее. Перед нарастающей мощью экономики, чреватой многочисленными революционными переменами, прочие секторы, все общество в целом играли свою роль, ускоряя развитие и чаще всего чиня препоны, оказывая противодействие. На протяжении лет, предшествовавших 1789 г., именно экономика, трансформируясь сама, преобразовала структуры и образ мышления французского общества так, как раньше она это сделала в Англии и Голландии. Еще раньше – в торговых итальянских городах¹.

Если капиталистический строй отличает первенство экономических институтов, то в феодальной Европе, как и в ряде современных исламских государств, доминирующим институтом является церковь. Если быть более точным, то христианский мир европейского Средневековья – двуглавый. Его главами были папа и император. На протяжении всего средневекового периода короли и императоры пытались добиться признания религиозного, сакрального характера своей власти. Если король выступал в качестве защитника церкви, та освящала его власть, требовала от подданных слепого подчинения

---

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля ; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : Прогресс, 1986. Т. 2 : Игры обмена. С. 461–463, 481.

ей. Как только король переставал подчиняться, церковь тотчас напоминала о его ничтожестве, лишая королевскую власть желанного священного характера¹.

Доминирующее положение института зависит от того, какая форма социальной активности преобладает в данном обществе или, как при тоталитарном строе, какая из них является объектом первоочередного регулирования со стороны властей. В одном случае преобладание какой-либо из форм активности и соответствующего института является ответом на особую значимость для общности удовлетворения в данный исторический момент некоторой ее потребности (например, обеспечение основ социальной организации или защиты от нападения извне). В другом случае доминирование активности и института обусловлено своеобразием социокультурных оснований мотивации (например, господство мотивов обогащения и потребления и ориентированных на них форм деятельности, а в итоге при капитализме – экономических институтов).

5.3. Нации

Важнейшим коллективным участником социальных процессов являются большие этнические образования (этноты), прежде всего наиболее развитые из них – **нации**. Социальная роль национальных образований основана на том, что этноты – это, во-первых, очень устойчивая форма общности, нередко существующая тысячелетия; во-вторых, они создают устойчивое культурное наследие; в-третьих, формируют сильное чувство идентификации индивидов со своими общностями; в-четвертых, порождают мощное чувство солидарности членов общности по отношению друг к другу.

Обособленная групповая жизнь, совместная адаптация к особым природным условиям ведут к своеобразию материальной и духовной культуры этноса, характерным именно ему стереотипам поведения, традициям трудовой деятельности, специфике классово-социального и профессионального состава, форм государственности, бытовым и характерологическим отличиям. Важнейшим индикатором единой национальной принадлежности является этническое сознание – представление об общности происхождения и исторических судеб входящих в этнос людей.

---

¹ Гофф Ж. Л. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. ; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного ; послесл. А. Я. Гуревича. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

Поскольку развитие общества происходит в форме национальных или межнациональных сообществ, то их особенности, а главное исторические действия, оказывают существенное влияние на ход, содержание и направленность социальных процессов. Национальные (этнические) образования являются к тому же одним из важнейших источников пространственного многообразия исторического процесса и неравномерности социального развития разных народов. Сама социологическая теория, по мнению Э. Гидденса, пришла на порог постмодернизма в форме «ортодоксального консенсуса», сущность которой состоит в том, что в ее основе лежит стратегия рационального анализа общества, понимаемого как нация-государство.

По определению автора дуалистической теории этноса Ю. Б. Бромлея, этническая общность (этнос) в узком значении данного термина – исторически сложившаяся совокупность людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (этнонимом), отличая себя от других подобных общностей¹. Этнические общности нередко целиком входят в социальные организмы, в частности в государственно-политические образования. Такого рода симбиозы он именует этносоциальными организмами. В отличие от собственно этнических подразделений они имеют единую территорию и обладают не только этнической, но и социально-экономической общностью².

Оппонент Ю. Б. Бромлея Л. Н. Гумилев, считая этнос формой адаптации человеческого вида в биоценозе своего ландшафта, причем не столько в структуре, сколько в поведении, определяет его как естественно сложившийся на основе определенного стереотипа поведения коллектив людей, существующий как структура, противопоставляющая себя другим таким коллективам³.

Э. Геллнер дает предварительную дефиницию нации по двум принципам: культурной общности и добровольности. По первому принципу нация определяется как единая культура, под которой

---

¹ Бромлей Ю. Б. Человек в этнической (национальной) системе // Вопр. философии. 1988. № 7. С. 17.

² Бромлей Ю. Б. Этносоциальные процессы: теория, история, современность / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1987. С. 16–36.

³ Гумилев Л. Н. О термине «этнос» // Докл. геогр. о-ва СССР. 1967. Вып. 3. С. 3–17; *Его же*. Письмо в редакцию «Вопросов философии» // Вопр. философии. 1989. № 5. С. 157–160.

понимается система идей, условных обозначений, связей, способов поведения и общения. Согласно принципу добровольности люди принадлежат к одной нации, если признают принадлежность друг друга к этой нации, определяют общие права и обязанности¹.

К. Калхун исходит из положения о том, что для того чтобы говорить о признании в качестве нации, явно необходимы социальная солидарность – определенная степень сплоченности между членами предполагаемой нации и коллективной идентичности, признание целого его членами и осознание индивидом себя в качестве части этого целого. Кроме того, для того чтобы называть нацией население, обладающее социальной солидарностью и коллективной идентичностью, должны присутствовать следующие *черты*:

- границы территории, население или то и другое;
- неделимость – представление о целостности нации;
- суверенитет или, по крайней мере, стремление к суверенитету и, таким образом, к формальному равенству с другими нациями, как правило, в виде независимого и предположительно самодостаточного государства;

- «восходящее» представление о суверенитете, т. е. идея о том, что правление является справедливым только, когда оно опирается на волю народа или, по крайней мере, служит интересам народа или нации;

- участие народа в коллективных делах – народная мобилизация на основе принадлежности к нации (в военной или гражданской деятельности);

- прямое членство, когда каждый индивид считает себя непосредственно частью нации и в этом смысле категориально эквивалентным другим членам;

- культура, включая некое сочетание языка, общих убеждений и ценностей, освященных обычаями практик;

- глубина во времени – представление о том, что нация как таковая существует во времени, включая прошлые и будущие поколения, и обладает историей;

- общее происхождение или расовые черты;

- особая историческая или даже сакральная связь с определенной территорией.

Однако «полного перечня не существует: мы даем лишь общую схему, а не точное определение нации. Тем не менее можно заметить

---

¹ Геллнер Э. Нации и национализм // Вопр. философии. 1989. № 7. С. 124.

общую закономерность. Национальная идеология... может не обладать одной или несколькими из своих характерных черт или придавать большее или меньшее значение другим. Признание в качестве нации основывается не на строгом определении, а на преобладании этой общей закономерности»¹.

Национальное меньшинство – это представители национальной группы, являющиеся гражданами какого-либо государства, проживающие на его территории, но не принадлежащие к титульной нации. Им присущи осознание своей национальной идентичности и ощущение внутреннего единства, общий язык и культурные традиции, часто компактное проживание в одном из регионов страны, а в итоге – стремление к автономии в политической и культурной сферах.

Многонациональный характер населения разных стран породил мультикультурализм (лат. *multum* – много и *cultura* – культура) – концепцию и политику поддержки культурного многообразия, сосуществования в одном обществе и взаимообогащения различных культур. Мультикультурализм противопоставляется концепции «плавильного котла», которая предполагает смешивание, «сплавнение», всех культур в одну, например, в американскую, как это произошло в США.

Понятие «мультикультурализм» появилось в Канаде. Канадская хартия прав и свобод, образующая первую часть Конституционного акта 1982 г., в ст. 27 заявляет, что она должна толковаться образом, согласующимся с целями сохранения и приумножения многокультурного наследия. В 1988 г. Канада первой приняла специальный Закон о мультикультурализме. Современные западные политики относятся к мультикультурализму противоречиво, чаще критически, заявляя, что иммигрантам нужно больше делать для интеграции в новое общество, в том числе изучать язык принимающей стороны.

5.4. Массы и элиты

Категория «масса» хотя и подразумевает некоторое множество индивидов, относится к тем понятиям социальной науки, которые имеют достаточно большое число трактовок.

Так, Г. Лебон понимал массу как толпу. Толпа образуется при непосредственном взаимодействии группы индивидов, собравшихся в одном месте. Ее психологическое состояние подчиняется закону духовного единства, действие которого ведет к исчезновению со-

---

¹ *Калхун К.* Национализм / пер. с англ. А. Смирнова. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 9–10.

знательной личности и ориентации чувств и мыслей большого количества людей в одном направлении. Толпу отличает повышенная эмоциональность и особая восприимчивость к внушению, импульсивность, изменчивость, раздражительность, неспособность к рациональным рассуждениям, нетерпимость, консерватизм, легковерие, склонность к преувеличениям и односторонности, образность мышления и готовность бездумно идти за лидером. Положение индивида в толпе характеризуется потерей самоконтроля и критического восприятия происходящего, возрастанием ощущения своей значимости, силы, правоты, а одновременно и неуязвимости, безответственности¹.

Разделяя в целом характеристику толпы, данную Г. Лебоном, Г. Тард особо подчеркивал, что ее образование происходит в результате действия механизма подражания. Однако еще более существенное своеобразие его подхода состоит в разработке понятия *публики* как разновидности массы. В отличие от толпы, которая возникает на основе физического контакта людей, публика представляет собой духовную общность. Причем это не столько эмоциональная, сколько интеллектуальная общность, основу которой составляет общность мнений образующих ее индивидов. Публика – продукт нового времени. Она возникла из салонов и клубов XVIII в., но настоящая ее история началась с появлением газет. Подобно толпе публика характеризуется нетерпимостью, гордостью, тщеславием, утратой чувства меры, уверенностью в том, что все, включая истину, должно покоряться ее мнению. Тем не менее ее интеллект выше, а действия разумнее и просвещеннее. Ее нивелирующее воздействие слабее, чем у толпы, и возможностей для самовыражения у составляющих ее индивидов больше. Хотя для того чтобы думать, все равно нужно изолировать себя и от толпы, и от публики².

Как утверждал Х. Ортега-И-Гассет, масса – это «средний человек», не обязательно скопление людей. «Человек-масса – это тот, кто не может оценить самого себя как с плохой, так и с хорошей стороны, это тот, кто чувствует себя “таким, как все” и отнюдь не переживает из-за этого. Ему нравится чувствовать себя таким, как все»³.

---

¹ Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. СПб. : Макет, 1995. 314 с.

² Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с фр. под ред. П. С. Когана. М. : Кн. по требованию, 2012. 378 с.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства и другие работы : сборник / пер. с исп. С. Васильевой [и др.] ; послесл. Н. Матяш. М. : Радуга, 1991. С. 45.

Представители массы есть среди каждого класса. Даже в избранных группах преобладают так называемые люди-массы. Однако довольно часто среди рабочих можно встретить людей с высокой дисциплиной духа. Так, Х. Ортега-И-Гассет дает следующую характеристику психологического облика человека-массы: «Свободное распространение жизненных устремлений во времена так называемого изобилия породило в нем ощущение легкости существования. Оценка любой своей деятельности как положительной и полноценной с моральной и интеллектуальной точки зрения привела человека-массу к признанию себя образцом совершенства. В результате он утерял способность внимать чужому мнению и прислушиваться к авторитетам, выносить на обсуждение свою точку зрения и вообще стремиться к чему-либо в интеллектуальном плане. Он желает господства и действует так, как если бы в мире существовал он один и ему подобные, бесцеремонно вмешивается абсолютно во все, не считаясь с суждениями окружающих и навязывая свой банальный образ жизни. Утратив способность внимать авторитетам, подчиняться, что было свойственно толпе, масса начала действовать сама, на свой страх и риск, восстав тем самым против своей судьбы»¹. По мнению философа, это дает основание говорить о восстании масс.

К. Ясперс учит проводить четкое отличие массы от народа: «Народ – это нечто субстанциональное и качественное (качественное. – *А. Р.*), в его сообществе есть некая атмосфера, человек из народа обладает личными чертами характера также благодаря силе народа, которая служит ему основой. Масса, напротив, не структурирована, не обладает самосознанием, однородна и количественна (количественна. – *А. Р.*), она лишена каких-либо отличительных свойств, традиций, почвы – она пуста»².

Образование массы К. Ясперс связывает с возникновением технической цивилизации, которая, усиливая однородность общества, превращает людей в управляемые, взаимозаменяемые, используемые количественно, по исчисляемым признакам песчинки. Эти песчинки отрываются от своих традиционных корней, исторических воспоминаний. Их чувства девальвируются, жизненный горизонт сужается. Бессмысленный принудительный труд и заполняемый развлечениями досуг вызывает у них постоянную нервную взвинченность. Будучи

---

¹ *Ортега-И-Гассет Х.* Восстание масс ... С. 84–85, 93–143.

² *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левиной ; вступ. ст. П. П. Гайденко ; сост. М. И. Левиной. М. : Полит. лит., 1991. С. 142–143.

более беспомощен, чем когда-либо, отдельный человек в качестве члена массы как будто приобретает волю. Однако эта воля не может возникнуть внутри анонимной массы. Ее пробуждают и направляют пропаганда и внушение. Массам нужны представления и лозунги, и они ждут, что им будет сказано, чего они хотят, поэтому они становятся орудием тех, кто дает им это, льстит их влечениям и страстям. Отдельный человек олицетворяет собой одновременно и массу, и народ. Если ситуация заставляет его быть массой, то сам человек прилагает все усилия, чтобы сохранить свою связь с народом, стремится быть незаменимой личностью, ориентирующейся на ценности, а не числа, способной на глубокие интимные переживания.

Согласно Х. Аренд, *масса* – это продукт социальной дестратификации, утраты людьми социальной идентификации. Не имея отчетливой классовой принадлежности, люди лишены возможности объединяться на основе общности порождаемых ею интересов, определенных, ограниченных и достижимых целей. «Термин “массы” применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых по причине их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе: в политические партии либо в органы местного самоуправления или различные профессиональные организации или тред-юнионы»¹.

Потенциально массы существуют в любом обществе. Их образует большинство из того огромного числа нейтральных, политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии и едва ли вообще ходят голосовать. В основе психологии представителей массы лежит недовольство и отчаяние, ощущение себя преходящей, ничего не значащей вещью, преобладание в отношении к миру обиды на особую несправедливость своей судьбы. Ощущение безнадежности и безысходности текущей жизни ведет к утрате интереса к собственному благополучию и повседневным проблемам и переориентации на великую задачу. Там, где эти люди приобретали вкус к политической организации, они становились основой тоталитарных режимов.

Из существующих концепций массы, точнее всего сущность и характерные признаки данного социально-психологического феномена отражены в теоретической конструкции американского

---

¹ Аренд Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой [и др.] ; послесл. Ю. Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М. : ЦентрКом, 1996. С. 414–415.

социолога и социального психолога Г. Блумера, который выделяет следующие отличительные *черты* массы:

- ее члены могут занимать различное общественное положение, различаться по классовой позиции, профессиональному признаку, культурному уровню и материальному состоянию;
- состоит из анонимных индивидов, которые действуют обособленно друг от друга; между членами массы почти нет взаимодействия и обмена переживаниями;
- имеет очень рыхлую организацию и неспособна действовать с той согласованностью и единством, которые отличают толпу¹.

Антипод массы – *элита*. Возникновение теории элит связано прежде всего с именем В. Парето, согласно которому все известные общества разделены на массу управляемых индивидов и властвующую элиту. У него есть два определения элиты: широкое, охватывающее всю общественную элиту, и узкое, прилагаемое к правящей элите.

По широкому определению, в элиту входят индивиды, которые достигли максимальных успехов в своей сфере деятельности. Небольшой круг людей, который прямо или косвенно играет заметную роль в правительстве, В. Парето относит к правящей элите. Элиты формируются, борются за власть и влияние, достигают власти, пользуются ею и приходят в упадок, чтобы быть замененными другими. Общества различаются природой своих элит, в особенности правящих. Так, одни элиты управляют хитростью, убеждая большинство, будто их интересы, долг, честь требуют послушания меньшинству. Другая разновидность элит правит, прибегая к насилию.

Главная причина гибели элит состоит в том, что в ее среде невозможно длительное соответствие дарований индивидов занимаемым ими социальным позициям. Одно из действенных средств поддержания жизнеспособности правящей элиты – абсорбация (поглощение) наиболее одаренных индивидов из числа тех, кто по происхождению не принадлежит к привилегированным группам. Если этого не делается, происходит революция, в процессе которой состав элиты обновляется насильственно. История, согласно знаменитой формуле В. Парето, – это «кладбище аристократии».

Существует целый ряд разновидностей теории элит. Так, разъясняя действие закона «вызова и ответа», А. Дж. Тойнби отмечал, что адекватный ответ на вызов исторической ситуации, т. е. акты

---

¹ *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль [тексты] / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 184.

социального творчества, – это прерогатива либо творцов-одиночек, либо творческих групп. «Творческие личности при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь»¹. Подтягивание нетворческого большинства до уровня «творческих пионеров» осуществляется благодаря свободному мимесису – подражанию.

Творческому акту предшествует своего рода уход творческой личности или группы из повседневной жизни. Стадия относительной изоляции и творчества распадается на две фазы, одну из которых Дж. Тойнби назвал начальной, другую – конструктивной. Первая фаза – это время поэзии, романтики, эмоциональных взрывов, интеллектуальных находок; вторая – время здравого смысла и систематики. Возвращение творческого меньшинства в обычную жизнь общества, от которой был совершен уход ради акта творения, ведет его к конфликту с большинством, которое оказывается перед выбором: принять творческое решение общей проблемы или довольствоваться беспомощным ожиданием последствий нерешенных проблем.

Обычно одно и то же меньшинство и индивидуумы, согласно Дж. Тойнби, не в состоянии дать творческий ответ на два и более последовательных вызова. Одна из причин этого – самоуспокоенность, другая – утрата душевного и умственного равновесия вследствие опьянения первым успехом. Отличительная особенность творческого меньшинства в развивающемся обществе – его постоянное обновление не только по составу, но также в идейных, духовных устремлениях. Рекрутирование творческого меньшинства из разных слоев объясняется двумя причинами: положительной и отрицательной. Первая заключается в том, что в последовательной череде вызовов и ответов каждый вызов является для общества новым. Решение новой проблемы требует задействования скрытых, невостребованных до сих пор талантов. Вторая причина выражается в том, что меньшинство, однажды победоносно отразившее вызов, воздерживается от повторения своей борьбы и подвигов, всячески сопротивляется тому, что в какой-то степени означает отход от проверенного пути, имеет склонность становиться замкнутой группой, идеи и идеалы которой приобретают ригидность неизменных.

Одна из разновидностей элит – политическая – представлена партиями, т. е. политическими организациями, в иной терминологии, –

---

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории : пер. с англ. / сост. А. П. Огурцов ; вступ. сл. В. И. Уколовой ; закл. сл. Е. Б. Рашковского ; авт. коммент. Д. Э. Хаританович, Н. И. Колышкина. М. : Прогресс, 1991. С. 260.

авангардом различных классов и групп. В функции партий входит выражение интересов и формулирование групповых требований, организация масс на коллективную защиту своих прав, руководство ими в политической борьбе. С приходом к власти партии начинают реализовывать заявленную ими программу социально-экономических и политических преобразований.

В гражданском обществе партии играют роль посредников между его членами и государственной властью. Своевременная, благодаря их деятельности, легализация групповых интересов и их вовлечение в сферу политики позволяют перенести борьбу классов в установленные законом правовые процедуры, избежать бескомпромиссности, разрушительных последствий столкновения различных социальных сил, совместить интересы отдельных субъектов между собой и по отношению к обществу как единому целому.

Современными особенностями классических партийных систем является, с одной стороны, превращение в институт мобилизации голосов избирателей за своего кандидата на выборах в органы власти; с другой – трансформация их в элитарные организации, управляемые олигархиями высших партийных чиновников и бюрократические по характеру деятельности при формальном соблюдении демократических процедур (обсуждение партийных программ и других документов, выборы руководителей и т. п.).

В данной ситуации возрастает позитивная роль социальных движений и независимых кандидатов, не связанных своим выдвижением с селективной работой партийной бюрократии, а потому способных непосредственно выражать интересы стоящих за ними заинтересованных групп, что повышает значение непосредственной демократии. Многие исследователи динамики политических процессов отмечают определенное перемещение центра власти от больших организаций и их аппарата в небольшие группы активистов – первоначально неформальных организаторов социально-политической мобилизации населения. Способствуют этому современные информационно-коммуникативные технологии, возникшие с развитием интернета и приведшие к созданию развитой системы социальных сетей и интернет-сообществ.

Особого внимания в контексте проблемы активных субъектов общественной жизни заслуживает вопрос о роли интеллигенции (интеллектуалов) – группы, занятой разными видами интеллектуальной (умственной) деятельности и обладающей специальными знаниями в сфере образования, науки, техники и культуры.

Интеллектуалы всегда играли заметную роль в управлении социальными процессами. «Не надо думать, – писал, в частности, М. Блок, о феодализме, – будто это общество даже в самые мрачные времена сознательно противилось всякой интеллектуальной пище. Для тех, кто повелевал людьми, считалось полезным иметь доступ к сокровищнице мыслей и воспоминаний. Выразителями мыслей государей были духовные лица. Люди эти по воспитанию принадлежали к обществу, по своей природе универалистскому и основанному на духовном начале. Поэтому, подсказывая сильным мира решения и выражая их, они не могли не напоминать властителям, поглощенным суетой мелких конфликтов, о более широких горизонтах»¹.

Становление интеллигенции как самостоятельной социальной силы, которая вырабатывает новые цели и знания, берет на себя роль носителя критического разума, исторического и нравственного самосознания, в новоевропейской истории восходит к итальянским гуманистам XIV–XV вв.²

Практика социальных преобразований свидетельствует о трех основных сценариях включения людей интеллектуального труда в процессы социально-экономической модернизации. Первый сценарий состоит в активизации усилий в традиционных для них видах деятельности, в особой степени – в борьбе за сохранение накопленных веками духовных и культурных ценностей в противовес распространению прагматических и утилитаристских установок. Второй сценарий состоит во включении людей интеллектуального труда в частное предпринимательство. Третий связан с приходом представителей данной социальной группы в сферу политической жизни и государственной деятельности.

Таким образом, социальная структура представляет собой совокупность больших социальных групп и общностей людей, расположенных в системе социального неравенства (стратификации), а также взаимоотношений между ними, которые характеризуются определенным уровнем сотрудничества или конфликтности. Большой социальной группой, играющей доминирующую роль в функционировании и развитии общества, являются классы. Обобщая существующие подходы к определению понятия «класс», следует отметить,

---

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. Е. М. Лысенко ; примеч. и ст. А. Я. Гуревича. АН СССР. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1986. С. 142–143.

² Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М. : Наука, 1978. 200 с.

что в качестве индикаторов классовой принадлежности выделяются профессия, образование, доход, властные полномочия, социальный престиж, но акцент делается на имущественных отношениях, владении собственностью, капиталом.

В социальном порядке особую роль играет проблема взаимоотношений (равенства – неравенства, а соответственно, степени конфликтности) классов и групп. Структуру социальной стратификации (неравенства) можно изобразить геометрически в виде пирамиды или ромба. При ромбовидной форме стратификации доминирующим становится средний класс, играющий особую роль в стабилизации общественной жизни. Ромбовидное строение стратификации тесно связано с открытыми каналами для вертикальной социальной мобильности.

Целостность, стабильность бесконфликтное развитие общества обеспечивают эффективное функционирование социальных институтов – это совокупности ролей и статусов, которые обеспечивают организованные усилия людей по удовлетворению различных потребностей общества, необходимых для его существования. Доминирующее положение того или иного института зависит в первую очередь от того, какая форма социальной активности преобладает в данном обществе.

Важнейшим коллективным участником социальных процессов являются большие этнические образования (этносы), прежде всего наиболее развитые из них – нации. Для устойчивого существования этносы имеют тенденцию к созданию своих социально-территориальных организаций – прежде всего национально-государственных образований. Многонациональный характер государств требует проведения взвешенной национальной политики, основанной на равноправии и поддержке культурного многообразия.

6. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

6.1. Социальный эволюционизм

В социальной науке существует два основных теоретико-методологических подхода к объяснению развития общества: эволюционный, включая формационный подход, и теория исторических циклов (цивилизационный подход).

К первой социальной *эволюционной теории* следует отнести *теорию прогресса* Ж.-А. Кондорсе. Суть своей главной идеи он выразил словами: «Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но он никогда не пойдет вспять»¹.

В истории человечества Ж.-А. Кондорсе выделяет десять эпох: 1) образование племенных сообществ, 2) переход к оседлому образу жизни, пастушеству и земледелию, 3) развитие оседлого земледелия и изобретение письменности, 4) расцвет науки и искусства в Древней Греции, 5) развитие наук в Греции и Риме до их упадка и утверждения христианства, 6) от упадка просвещения в Позднем Риме до его возрождения во времена крестовых походов, 7) начало возрождения наук в Европе, завершающееся изобретением книгопечатания, 8) духовный переворот, обусловленный изобретением книгопечатания, но подготовленный подспудно многими столетиями, 9) от Р. Декарта до образования Французской республики, наконец, 10) это эпоха будущего, когда благодаря развитию науки и просвещения в умах утвердилось идея «естественного права», будут достигнуты равенство, справедливость и гуманизм в отношениях между людьми, начнется действительное совершенствование человека и т. п.

Основой общественного прогресса Ж.-А. Кондорсе считал прогресс разума, такие творческие акты которого, как переход к земледелию, изобретение письменности, книгопечатания и т. п., определяли возникновение новой исторической эпохи. Неслучайно свой основной труд, в котором Ж.-А. Кондорсе излагает идеи, касающиеся социального прогресса, он назвал «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». «Природа, – пишет он в ней, – неразрывно связала прогресс просвещения с прогрессом свободы, добродетели, уважения к естественным правам человека»².

---

¹ Кондорсе Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. с фр. И. А. Шапино. М. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. С. 5–6.

² Там же. С. 12.

О. Конт в своей социальной динамике пытается объяснить историю человеческого рода на основе знаменитого *закона трех стадий*. «Согласно моей основной доктрине, – раскрывал он суть этого закона в книге “Дух позитивной философии”, – все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти последовательно три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями – теологическая, метафизическая и научная... Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая – представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение – постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным»¹.

Интеллектуальная эволюция человечества влечет изменения организации общественной жизни.

Теологическая стадия отличается верой в действия сверхъестественных сил и проходит через три периода: фетишизм, анимизм (вера в духов или душ, имеющих у вещей, растений и животных), политеизм (многобожие), монотеизм (вера в единого бога). В исторической хронологии эта стадия охватывает древность и раннее Средневековье.

На метафизической стадии ссылки на сверхъестественные силы заменяются абстракциями, по своей природе способными, по словам О. Конта, лишь проявлять критическую или разрушительную деятельность даже в области теории и, в еще большей степени, в области социальных вопросов. В исторической практике эта стадия характеризовалась разрушением старых верований и авторитетов во времена Реформации, Просвещения, социальных революций. Позитивная стадия развития начинается тогда, когда наш ум «отказывается от абсолютных исследований, уместных только в его младенческом состоянии, и сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающей с этого момента все более и более широкие размеры и являющейся единственно возможным основанием

---

¹ *Конт О.* Дух позитивной философии [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/kont_ogyust/duh_pozitivnoy_filosofii.html (дата обращения: 15.12.2021).

доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям»¹. Наступает эпоха науки и промышленности.

Социальная динамика рассматривается О. Контом в тесной взаимосвязи с социальной статикой. «Социальная статика, – пишет по этому поводу Р. Арон, – поставила в повестку дня основной порядок любого общества, социальная же динамика воспроизводит метаморфозы, которые испытал этот фундаментальный порядок, прежде чем он вышел на конечную стадию позитивизма. Динамика подчинена статике. Ведь понимание того, что есть история, начинается с постижения порядка любого общества. Статика и динамика соотносятся с терминами порядка и прогресса»². Словами О. Конта, «прогресс есть только развитие порядка»³.

Согласно Г. Спенсеру, в основе механизма *социальной эволюции*, подобно эволюции природы, лежит принцип структурной и функциональной дифференциации. В развитии общества он проявляется тройким образом. Во-первых, однообразному, гомогенному населению присуща нестабильность, люди в основе своей неравны с точки зрения приобретенного наследства, индивидуального опыта, условий, в которых они живут, случайностей, лишений, с которыми сталкиваются. Таким образом, обязательно возникает дифференциация ролей, функций, власти, престижа и собственности. Во-вторых, существует тенденция к усилению неравенства, углублению специализации ролей, росту неравенства власти и достатка. В-третьих, поскольку люди, занимающие одинаковое положение (относительно ролей, функций, престижа, достатка), как правило, стремятся объединиться, постольку общество начинает делиться на фракции, классы, группы по классовым, национальным или профессиональным различиям. Появляются границы, охраняющие эти объединения, поэтому сегрегация населения усиливается и возвращение к гомогенности становится невозможным.

Указывая направленность социальной эволюции, Г. Спенсер на основе дихотомического подхода противопоставил военное

---

¹ *Конт О.* Дух позитивной философии [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/kont_ogyust/duh_pozitivnoy_filosofii.html (дата обращения: 15.12.2021).

² *Арнасон Й.* Переосмысление восточноазиатского модерна / пер. с англ. Л. Г. Титаренко, А. А. Широконова // Социол. исслед. 2016. № 1. С. 191–200. С. 100.

³ *Конт О.* Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро ; под общ. ред. Э. Л. Радлова. М. : Книж. дом «Либроком», 2012. С. 122.

и промышленное общества. Их сравнение он провел по восьми параметрам. В интерпретации Н. Дж. Смелзера и П. Штомпки оно выглядит следующим образом:

1) доминирующая активность: в военном обществе – защита и завоевание территорий; в промышленном – мирное производство и обмен товарами и услугами;

2) интегративный (объединяющий) принцип: в военном обществе – напряженность, жесткие санкции; в промышленном – свободная кооперация, договоренности;

3) отношения между индивидами и государствами: в военном обществе – доминирование государства, ограничение свободы; в промышленном – государство обслуживает потребности индивидов;

4) отношения между государствами и другими организациями: в военном обществе – доминирование государства; в промышленном – доминирование частных организаций;

5) политическая структура: в военном обществе – централизация, автократия; в промышленном – децентрализация, демократия;

6) стратификация: в военном обществе – предписание статуса, низкая мобильность, закрытое общество; в промышленном – достигнутый статус, высокая мобильность, открытое общество;

7) экономическая активность: в военном обществе – автаркия, протекционизм, самодостаточность; в промышленном – экономическая взаимозависимость, свободная торговля;

8) доминирующие ценности: в военном обществе – смелость, дисциплина, подчинение, лояльность, патриотизм; в промышленном – инициативность, изобретательность, независимость, плодотворность.

Ф. Теннис, не отождествлявший эволюцию с прогрессом, видел механизм социального развития в том, что рассудочная, рациональная воля, составляющая основу общественных отношений, стала преобладать над естественной, инстинктивной волей, лежащей в основе общинных связей. «Становление рациональности, – писал он, – есть становление общества, которое развивается в согласии с общиной, как изначальной, или, по крайней мере, более старой формой совместного жительства, частично в вопиющем противоречии с ней»¹.

---

¹ *Tönnies F. Soziologischche Studien und Kritiken. Jena, 1923. 397 s. URL: <https://archive.org/details/SoziologischeStudienUndKritikenFerdinandToennies> (date of access: 19.12.2021). P. 465.*

Э. Дюркгейм рассматривал социальную эволюцию как переход от «механической солидарности» к «органической солидарности». Основу данного перехода составляет углубляющееся общественное разделение труда. В свою очередь «причину, объясняющую прогресс разделения труда, следует искать в определенных изменениях социальной среды»¹. Раскрывая указанные изменения, он поясняет, что прогресс разделения труда прямо пропорционален моральной или динамической плотности общества, которая состоит в том, что увеличивается число индивидов, которые находятся в достаточном соприкосновении, чтобы иметь возможность взаимодействовать и реагировать друг на друга. Моральная плотность увеличивается на основе роста материальной плотности в том случае, когда действительное расстояние между индивидами каким-либо образом уменьшается. Таким образом, происходит уменьшение расстояния вследствие территориальной концентрации населения, образования и развития городов, появления быстрых путей сообщения и связи.

Согласно Т. Парсонсу, в основе социальной эволюции лежат следующие основные механизмы:

- дифференциация – разделение единой структуры или системы на две или более единицы, которые различаются своими характеристиками и функциональным назначением. Таким образом, происходит разделение крестьянского хозяйства на домашнее хозяйство и современную организацию наемного труда;

- возрастание адаптивности – увеличение эффективности каждой новой единицы по сравнению с прежней, благодаря чему ей становится доступен более широкий диапазон ресурсов и повышается эффективность функционирования. Так, современная фабрика выпускает больше разнообразной продукции и делает это более эффективно, чем ремесленное производство;

- включение – интеграция в общество новых единиц (норм, ценностей, правил и т. п.) с учетом сохранения их слаженной работы в новых условиях (например, возрождение на постсоветском пространстве многообразия форм собственности);

- ценностная генерализация – формирование общих нормативных стандартов путем включения разнообразных новых единиц

---

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. С. 262.

и гарантии их поддержки и легитимности (например, развитие индивидуализма в сочетании с сохранением коллективистских основ общественной жизни).

В эволюционистской традиции особо следует выделить *формационный подход*, трактующий развитие общества как смену «общественно-экономических формаций», которая объясняется действием закона соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил. Развитие общества оценивается как идущее по пути прогресса, поскольку каждая последующая общественно-экономическая формация считается более прогрессивной, чем предыдущая. Ведущая роль в определении траектории общественного развития отводится объективным социальным законам, в рамках которых действуют большие социальные группы, прежде всего классы, посредством действий которых, в первую очередь классово-борьбы, на практике реализуются социально-исторические закономерности. В качестве силы, побуждающей к социальному действию, рассматриваются интересы людей. Они берутся как производные от социального положения индивидов, прежде всего отношения к собственности и уровня жизни, и выражают их стремление к сохранению или изменению этого положения, а в итоге – социального строя целиком.

Критика формационного подхода сосредоточена главным образом в трех тематических полях. Она касается, во-первых, чрезмерного акцента на доминировании в общественном развитии объективных законов в противовес роли человеческого фактора. Во-вторых, преувеличения значения экономической доминанты функционирования и развития общества. В-третьих, недостаточного отражения всего многообразия реальной социокультурной динамики исторического развития. Как известно, сам К. Маркс для корректировки пятичленной теории общественно-экономических формаций вынужден был ввести понятие «азиатский способ производства».

Переход от аграрно-традиционного к индустриально-капиталистическому обществу часто называют модернизацией (от англ. *modern* – современный, передовой, обновленный). Сущность и основные черты модернизации позволяют понять данные табл. 1 и 2. В них представлены сравнительные характеристики традиционно-аграрного и капиталистического типов общества, по М. Веберу, и паттерн-переменные (т. е. повторяющиеся черты) традиционного и современного общества, согласно Т. Парсонсу.

Таблица 1

Сравнительные характеристики традиционно-аграрного и капиталистического типов общества (по М. Веберу в реконструкции Р. Коллинза)

Признак	Традиционно-аграрное общество	Капиталистическое общество
Характер собственности	Привязана к наследственному социальному статусу (земельная аристократия)	Частная собственность на все средства производства и их концентрация под контролем предпринимателей (земля, строения, оборудование, сырье находятся под контролем одного агента и свободно обмениваются как частные средства рынка)
Механизация работы	Практически не существует	Механизация труда как доминирующая технология, позволяющая точно рассчитывать и учитывать капитал. Эффективность, производительность, рациональная организация как ведущие принципы производства
Природа рабочей силы	В основном подневольная (личное рабство или крепостничество, т. е. закрепление на земле)	Труд свободен в перемещении между отраслями и регионами соответственно появляющейся потребности в нем. Непосредственные производители продают свой труд за заработную плату как товар на открытом рынке
Рынок	Очень ограниченный (налоговыми барьерами, опасностью грабежей, слабо развитым денежным обращением, недостаточностью средств транспортировки). В результате возникают либо местные рынки, либо ограниченные дальние рынки предметов роскоши	Торговля на открытом рынке не ограничена традиционными рамками (классовые монополии, ограничения собственности, протекционизм и т. д.). Рынок как организующий принцип распределения и потребления

Признак	Традиционно-аграрное общество	Капиталистическое общество
Преобладающие законы	Частные, различным образом применяемые к разным социальным группам, патримониальное внесение решений и поддержка	Универсальные, повсюду четко сформулированные законы, позволяющие заключать соглашения и подтверждать права
Доминирующие мотивации	Концентрируются вокруг удовлетворения нужд на привычном уровне. Восприятие традиционного стиля жизни и уровня прибыли, согласно формулировке М. Вебера: «Возможность больше зарабатывать была менее привлекательна, чем меньше трудиться»	Неограниченное приобретение (постоянно растущая прибыль) как конечная мотивация экономического поведения

Таблица 2

Паттерн-переменные традиционного и современного общества (по Т. Парсонсу)

Паттерн-переменные	Традиционное общество	Современное общество
Уровень отчетливости социальной структуры	Диффузность, т. е. неотчетливый, незакрепленный, сам собой разумеющийся характер ролей, групп, социальных отношений	Спецификация, т. е. сформировавшаяся специализация ролей и отношений, четкое разделение труда, обеспечивающее взаимодействие в группах
Основание статуса	Предписание, т. е. отнесение к ролям, статусам, группам, отношениям, основанное на наследовании по рождению или родству	Достижение, т. е. отнесение к ролям, статусам, группам, отношениям, основанное на личных усилиях и заслугах
Критерий оценки	Коллективизм, т. е. оценка и восприятие людей, связанные с их членством в группах, коллективах, сообществах, племенах. Наиболее важно то, к каким группам принадлежат люди, а не то, кем они являются в действительности	Индивидуализм, т. е. оценка и восприятие людей, сосредоточенные на их индивидуальных действиях. Наиболее важно то, что люди делают

Паттерн-переменные	Традиционное общество	Современное общество
Критерий рекрутирования	Партикуляризм, т. е. выбор и отношение к партнерам по социальным отношениям, равно как и доступ к ролям и группам, основанный на уникальных личных чертах потенциальных кандидатов, не относящихся непосредственно к выполняемой работе, или по характеру групп и взаимоотношений	Универсализм, т. е. выбор и отношение к партнерам по социальным отношениям, равно как и доступ к ролям и группам, базирующийся на общих, категориальных чертах, непосредственно относящихся к задачам и характеру групп или отношений
Роль эмоций	Эмоциональность, т. е. вторжение эмоций в социальную жизнь	Нейтральность, т. е. подавление эмоциональных проявлений, деловая, рациональная атмосфера в социальной жизни

Говоря о модернизации, выделяют «первичную модернизацию» (классический тип), которая охватывает социальные изменения в эпоху промышленных революций, и «вторичную» («догоняющую») модернизацию, под которой понимается запаздывающее формирование индустриального общества в развивающихся странах «третьего мира».

Рассмотрим общие черты эволюционной традиции. Человеческая история имеет единую форму и направленность развития, которая отождествляется с прогрессом. Различия отдельных сообществ связаны с неодинаковой скоростью их развития. Эволюционные изменения являются строго линейными, носят predetermined характер. Они направлены от простых состояний к более сложным, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации. В основе эволюции общества лежит универсальный и единообразный причинный механизм, выражающий его потребность в самотрансформации и действующий независимо от сознания и воли людей.

Переоценка идей социального эволюционизма, включая концепцию общественно-экономических формаций, стала отправным пунктом дальнейшего развития теории социальных изменений. В частности, под вопрос была поставлена сама правомерность поиска каких-либо закономерностей общественного развития.

Так, К. Поппер исходил из того, что вера в историческую необходимость, которую он называл историцизмом, является явным предрассудком и что невозможно предсказывать ход человеческой истории научными или какими-либо другими рациональными методами. В доказательство своей позиции К. Поппер приводит пять основных *принципов* опровержения историцизма:

1) значительное воздействие на человеческую историю оказывает развитие человеческого знания;

2) рациональные, или научные, способы не позволяют нам предсказать развитие научного знания;

3) ход человеческой истории предсказать невозможно; это означает, что теоретическая история невозможна;

4) невозможна историческая социальная наука, похожая на теоретическую физику. Невозможна теория исторического развития, основываясь на которой можно было бы заниматься историческим предсказанием;

5) свою главную задачу историцизм формулирует неправильно и поэтому он несостоятелен.

Историцизму К. Поппер противопоставил поэтапную социальную инженерию (*the piecemeal social engineering*), т. е. постепенное, поэтапное применение научных методов к проблемам социальных реформ.

Р. Будон руководствуется тезисом, что «законы изменения – абсолютные, универсальные или причинно-следственные – представляют собой практически пустую конструкцию»¹, а также приходит к выводу, что «единственное, что имеет место быть, – это историческое становление во всей его сложности»².

6.2. Теория исторических циклов

Оппоненты классического эволюционизма поставили под сомнение существование единой формы и направленности исторического процесса. Представлению о строго линейном, однообразном характере социального развития было противопоставлено положение о многообразии мира, своеобразии исторического пути различных сообществ людей. Под сомнение была поставлена идея прогресса.

---

¹ Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / пер. с фр. М. М. Кириченко ; науч. ред. М. Ф. Черныш. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 218.

² Там же. С. 274.

Получила распространение точка зрения, что причины социальных изменений нельзя свести к действию одного, пусть и очень важного, фактора. Обычно эти изменения – итог своеобразного взаимодействия группы факторов, а доминирование одного из них носит временный характер. Наконец, постепенно усиливалось убеждение, что многие социальные изменения – результат вполне осознанной, преднамеренной деятельности людей.

Наиболее успешной из альтернатив социальному эволюционизму стала *теория исторических циклов*, или круговоротов, включая цивилизационную теоретико-методологическую традицию объяснения исторического развития.

Впервые идея исторического круговорота, или циклического развития, согласно которой каждая нация в своей истории проходит три этапа: от зарождения через расцвет к упадку, была выдвинута в XVIII в. Дж. Вико в труде «Основания новой науки об общей природе наций». Каждая нация проходит «через три века: век богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением... и что все решительно им приказывается... оракулами; век героев, когда последние повсюду царствовали в аристократических республиках на основе, как они полагали, превосходства своей природы, отличающейся от природы их плебеев; и, наконец, век людей, когда все признали, что они равны по человеческой природе»¹.

Особо Дж. Вико выделяет социально-культурные признаки, которые присущи всем нациям и поэтому позволяют говорить о них как таковых. По данному поводу он пишет: «Наблюдая все нации, как варварские, так и культурные, отделенные друг от друга огромнейшими промежутками места и времени, различно основанные, мы видим, что все они соблюдают три следующих человеческих обычая: все они имеют какую-нибудь религию; все они заключают торжественные браки; все они погребают своих покойников... у всех наций именно с этих трех вещей должна была начаться культура... Поэтому мы и приняли эти три вечных и всеобщих обычая за три основания нашей нации»². Однако, будучи человеком религиозным и отдавая должное божественному провидению, Дж. Вико заявляет, что мир наций был, безусловно, создан людьми и потому способ его возникновения нужно найти в модификациях нашего собственного человеческого сознания.

---

¹ *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций // Философия истории : антология / Ю. А. Кимелев. М. : Аспект Пресс, 1995. С. 31.

² Там же. С. 37.

Оценивая дальнейшее развитие цивилизационной традиции, следует исходить из того, что она включает в себя целый ряд оригинальных объяснительных конструкций, часто существенно различающихся между собой. С известной долей условности объединить их можно в две группы, первая из которых – теория локальных цивилизаций.

Родоначальником *теории локальных цивилизаций* можно считать Н. Я. Данилевского. Он исходил из того, что история человечества не имеет единой линии развития, или, следуя его выражению, «деление истории на древнюю, среднюю и новую, хотя бы и с прибавлением древнейшей и новейшей, или вообще деление по степеням развития не исчерпывает всего богатого содержания ее»¹, а также, что «естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений»².

Н. Я. Данилевский выделяет следующие культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, располагая их в хронологическом порядке: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирийско-вавилонно-финикийский, халдейский, или древнесемитический; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) ново-семитический, или арабийский; 10) германо-романский, или европейский. «Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, – писал он, – были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены»³. Особое место он отводил славянскому культурно-историческому типу, с которым связывал перспективы социального прогресса.

Характеризуя культурно-исторические типы, Н. Я. Данилевский говорил о них как о самостоятельных, своеобразных планах религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития. Каждый культурно-исторический тип проходит стадии, типичные для любого живого организма: рождение, возмужание, дряхление, смерть. Н. Я. Данилевский соотносил их с определенными периодами в раз-

---

¹ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / сост. и коммент. Ю. А. Белова ; отв. ред. О. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 106.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 110.

витии каждого культурно-исторического типа: этнографическим, государственным, цивилизационным, периодом конца культуры. Во время первого периода создается запас сил для будущей активной деятельности народа, складывается национальный характер. Второй период состоит в строительстве сильного государства как условия независимого самобытного развития. Третий, самый короткий период, заключается в культурном творчестве в рамках цивилизации и постепенных растратах накопленного запаса. Наконец, четвертый период означает возникновение неразрешимых противоречий и гибель культурно-исторического типа.

Другим представителем теории локальных цивилизаций является О. Шпенглер. Линеарной (линейной) картине всемирной истории он противопоставлял «настоящий спектакль множества мощных культур... чеканящих каждая на своем материале – человечестве – собственную форму и имеющих каждая собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь, воления, чувствования, собственную смерть»¹. Он выделил восемь «высших культур»: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, классическую (греко-римскую), арабскую, мексиканскую и западную (возникла примерно в 1000 г. н. э.).

Основу культуры составляет «идея души». Историю культур нельзя объяснить каузально, т. е. с точки зрения причинности. У каждой души культуры есть своя «идея судьбы». «Культура рождается в тот миг, – пишет О. Шпенглер, – когда из прадушевного состояния вечно-младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа... Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, верований, искусств, государств, наук и таким образом снова возвратилась в прадушевную стихию»². Говоря об отдельных культурах, он отмечал, что, например, душе античной культуры присущ «покой в сиюминутности, замыкающейся перед всем далеким и грядущим»; фаустовской – «энергия направления, взор которой устремлен лишь в отдаленнейшие горизонты»; китайской – «самоуглубленное скитание, приводящее-таки однажды к цели»; египетской – «полная решимости поступь по однажды выбранному пути»³.

---

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина ; вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Мысль, 1993. Т. 1 : Гештальт и действительность. С. 151.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 336.

Согласно О. Шпенглеру, культуры представляют собой организмы. Каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой есть свои детство, юность, возмужалость и старость. Также он отличает идею культуры, совокупность ее внутренних возможностей от ее чувственного проявления в картине истории как уже достигнутого осуществления, а также считает историю культуры поступательным осуществлением ее возможностей, где завершение равносильно концу. Завершение и исход культуры О. Шпенглер называет цивилизацией, что является неизбежной судьбой культуры. Ее отличительным признаком становится замена местной перспективы космополитизмом, кровных уз – городскими связями, естественной религиозной чувственности – научным и абстрактным подходом, народных ценностей – массовыми, истинных ценностей – деньгами, материнства – сексом, консенсуса – политикой грубой силы. В конечном счете всемирная история становится общей биографией культур. «В судьбе отдельных, сменяющих друг друга, вырастающих друг возле друга, соприкасающихся, отгесняющих и подавляющих друг друга культур исчерпывается содержание всей человеческой истории»¹.

Наиболее завершенный вариант теории локальных цивилизаций представлен идеями А. Дж. Тойнби, который считал цивилизацией устойчивую общность людей, объединенных духовными традициями, сходным образом жизни, географическими и историческими рамками. В труде «Постижение истории» он выделил 21 цивилизацию, что во многом совпадает со списками Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера. Так, А. Дж. Тойнби выделяет следующие цивилизации: египетская, андская (инки), древнекитайская, минойская, шумерская, майянская (уровень каменного века, в VII в. распалась на юкатанскую и мексиканскую цивилизации), сирийская, индская, хеттская, эллинская (греко-римская культура), западная, дальневосточная (в Корею и Японию), православная христианская (в Византии и на Балканах), православная христианская в России, дальневосточная (основная – в Китае), иранская, арабская, индуистская, мексиканская (тольтеки и ацтеки), юкатанская (поздняя цивилизация майя), вавилонская. Он выделяет также неродившиеся цивилизации: дальнезападная христианская, дальневосточная христианская, скандинавская, неродившаяся сирийская «эпохи гиксосов» (середина II тыс. до н. э.), а также особый класс «задержанных» цивилизаций, которые родились, но были остановлены в своем развитии (эскимосы, кочевники Великой степи, османы, спартанцы, полинезийцы).

---

¹ Шпенглер О. Закат Европы ... С. 262.

Успешно развивающиеся цивилизации проходят стадии возникновения, роста, надлома и разложения. Механизм развития цивилизаций А. Дж. Тойнби основывал на действии закона «вызова и ответа». «Общество, – пишет он, – в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов»¹. «Вызов, – продолжает он, – побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию»².

Вызовы данному обществу А. Дж. Тойнби связывал с действием внешних по отношению к нему факторов: природной среды (климатических и географических условий) и человеческого окружения (давление «иноземной социальной силы»). Выработка адекватного ответа на вызовы – дело всей человеческой общности, но особо ответственная роль выпадает на долю творческих личностей и групп. Вариативный характер возможных ответов на разного рода внешние и внутренние вызовы – одна из базовых причин социокультурного своеобразия различных регионов, формирования локальных культур и цивилизаций.

Одной из разновидностей цивилизационной исследовательской традиции является рассмотрение цивилизации как единого процесса развития человеческого сообщества, в основе которого лежит преимущественно изменение комплекса социально-культурных факторов. Такой подход характерен прежде всего для *циклической теории динамики культурных суперсистем* П. Сорокина.

П. Сорокин выделяет три типа культурных суперсистем, которые, циклически сменяя одна другую, в разные периоды доминируют в общечеловеческой истории. Два противоположных типа культурных суперсистем: идеациональная и чувственная; промежуточная между ними – идеалистическая. Своеобразие культурных суперсистем основывается на различии представлений о природе реальности.

Идеациональная суперсистема имеет сверхчувственную природу, божественное начало. «Унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности, – пишет П. Сорокин, – может быть названа идеациональной»³. Высшей идеациональной истиной

---

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 108.

² Там же. С. 119–120.

³ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. М. : Политиздат, 1992. С. 430.

является «истина веры». Она «непогрешима и дает адекватное знание о подлинно реальных ценностях». Идеациональная истина постигается с помощью мистического опыта, божественной интуиции и вдохновения. Черты идеациональной культуры отчетливо проявляются в культуре брахманской Индии, Древнего Китая (VIII–VI вв. до н. э.), Древней Греции (IX–VI вв. до н. э.) и в западноевропейском Средневековье V–XII вв.

Чувственная (сенситивная) суперсистема культуры основывается на принципе, что объективная действительность реальна и может адекватно восприниматься нашими органами чувств. «Только то, что мы видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспринимаем через наши органы чувств, реально и имеет смысл. Вне этой чувственной реальности или нет ничего, или есть что-либо такое, чего мы не можем прочувствовать, а это – эквивалент нереального, несуществующего. Как таковым им можно пренебречь»¹ – так определяет суть этой социокультурной суперсистемы П. Сорокин.

Данная культурная суперсистема существовала во времена палеолита, в древней Ассирии, в античной Греции и Риме. Начиная с XV в. указанный тип культуры стал доминирующим в Западной Европе. Как отмечал П. Сорокин, в период своего восхождения и расцвета чувственная суперсистема культуры создала наиболее великолепные культурные образцы во всех секторах западной культуры. В течение этих веков она представила наиболее яркие страницы человеческой истории. Однако ни одна из конечных форм – ни идеациональная, ни чувственная – не вечна. Рано или поздно ей суждено исчерпать свой созидательный потенциал. Когда наступает такой момент, она начинает постепенно разрушаться и исчезает. Так случалось несколько раз в истории основных культур прошлого, то же происходит и сейчас с нашей чувственной формой, вступившей в период своего заката.

П. Штомпка, в свою очередь, дает обобщенную характеристику культурных суперсистем, представляя их как идеальные типы. Так, он выделяет умозрительную культуру, которая характеризуется следующими признаками: 1) реальность по своей природе духовна, нематериальна, скрыта за чувственными проявлениями (например, Бог, нирвана, дао, Брахма) вечна и неизменна; 2) потребности и цели людей в основном духовны (спасение души, служение Господу, исполнение священного долга, моральные обязанности); 3) для удовлетворения этих целей предпринимаются усилия по освобождению

---

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 430.

личности от чувственных соблазнов, повседневных земных забот. Отсюда можно сделать два вывода: истина постигается лишь посредством внутреннего опыта (откровение, медитация, экстаз, божественное вдохновение), и потому она абсолютна и вечна; идея добра коренится в нематериальном, внутреннем, духовном, в сверхчувственных ценностях (вечная жизнь, Град Господень, слияние с Брахмой).

Основные идеи второго типа («чувственной культуры») прямо противоположны: 1) реальность по своей природе материальна, доступна чувствам, она перемещается и постоянно изменяется; 2) потребности и цели людей чисто плотские, или чувственные (голод и жажда, секс, убежище, комфорт); 3) для удовлетворения этих целей необходимо использовать внешнее окружение. Отсюда также вытекают два вывода: истина может быть найдена лишь в чувственном опыте, и потому она имеет временный и относительный характер; добро коренится в чувственных, эмпирических, материальных ценностях (удовольствие, наслаждение, счастье, полезность), и потому моральные принципы гибки, относительны и зависят от обстоятельств.

Промежуточной между сверхчувственной и сверхрациональной суперсистемами является идеалистическая культура. Она, как пишет П. Сорокин, «частично сверхчувственна и частично чувственна; она охватывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты, плюс рациональный и, наконец, сенсорный, образуя собой единство этого бесконечного многообразия. Культурная система, воплощающая эту посылку, может быть названа идеалистической»¹. Ее расцвет приходится на золотой век античной культуры (V–IV вв. до н. э.) и раннее европейское Возрождение (XII–XIV вв.).

Оценивая данный вариант цивилизационной традиции, следует отметить, что постулируемые ею единообразие, а в значительной мере и предзаданность, однонаправленность общественного развития делают ее отчасти схожей с формационным или – шире – эволюционным подходом.

Своеобразным современным вариантом цивилизационного подхода объяснения истории стал мир-системный подход, который рассматривает развитие не отдельных обществ и цивилизаций, а их групп, точнее, в формулировке авторов, систем. Пожалуй, наиболее известным представителем мир-системного подхода является И. Валлерстайн. Так, он исходит из того, что определяющей характеристикой

---

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 431.

социальной системы является «существование внутри нее разделения труда, так что различные секторы либо географические зоны внутри нее зависимы от экономического обмена с другими для беспрепятственного и непрерывного обеспечения потребностей зоны. Ясно, что такой экономический обмен может существовать без общей политической структуры и даже, что еще более очевидно, без общей разделяемой всеми культуры»¹.

Социальные (исторические) системы И. Валлерстайн подразделяет на два типа: мини-системы и миры-системы (миры-экономики и миры-империи). Мини-система, по его определению, – это объект, содержащий внутри себя полное разделение труда и единые культурные рамки. Такого рода системы можно найти только в очень простых аграрных или охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах. Миросистема – это общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда, продолжает он свои рассуждения, логически следует, что могут существовать две разновидности такой миросистемы – с общей политической системой и без нее. Их он описывает, соответственно, как мир-империю и как мир-экономику.

Миры-экономики исторически были нестабильными структурами, которые приходили либо к дезинтеграции, либо к завоеванию одной группой и тем самым к трансформации в мир-империю. Примерами таких миров-империй, возникших из миров-экономик, являются великие цивилизации в период до Нового времени: Китай, Египет, Рим. В свою очередь, так называемые империи XIX в. (Великобритания или Франция) были вовсе не мирами-империями, а национальными государствами с колониальными придатками, действующими в рамках единой мироэкономики.

Миры-империи по своей экономической форме в основе были перераспределительными. Согласно И. Валлерстайну, они включали группы купцов, вовлеченных в экономический обмен, прежде всего в торговлю на большие расстояния. Однако такие группы, пусть и значительные, составляли лишь небольшую часть всей экономики и не играли определяющей роли в ее судьбе. Такая торговля на большие расстояния имела тенденцию быть не рыночной «администрируемой торговлей», использующей «вольные торговые города». «Лишь с возникновением современного мира-экономики в Европе

---

¹ *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Унив. кн, 2001. С. 23.

XVI в. произошло полное развитие и преобладание рыночной торговли. Это была система, которую называют капитализмом. Капитализм и мироэкономика (то есть единая система разделения труда при политическом и культурном многообразии), – подводит он итог, – являются двумя сторонами монеты»¹.

Современный мир представляет собой мир-систему, которая состоит из ядра, полупериферии и периферии. Ядро в настоящее время представлено наиболее высокоразвитыми странами Запада, состав полупериферии текуч, поскольку одни страны переходят в состав ядра, другие уходят в периферию. Периферия – это географический сектор, который отличается низкокачественной и менее оплачиваемой продукцией и является главным образом источником сырьевых и энергетических ресурсов. В силу неэквивалентного характера обмена периферия теряет в той мере, в какой ядро приобретает. Изменения, происходящие на периферии, вызваны не их собственной историей, а развитием мира-системы в целом.

Общемировые тенденции и перспективы весьма многопланово обозначены в концепции устойчивого развития. Термин «устойчивое развитие» впервые был использован в 1987 г. в докладе «Наше общее будущее» Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, где сказано, что «человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности»².

Обязательства государств по достижению устойчивого развития были сформулированы в декларации «Повестка дня на XXI век», принятой на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.). В декларации указаны пять основных противоречий устойчивого развития, которые предлагается решить с использованием разнообразных *подходов*:

1) противоречие между реальной жизнью и жизнью в гармонии с природой: в центре внимания должны находиться люди, которые имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой;

---

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 24–25.

² Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

2) противоречие между реальным развитием и окружающей средой: экологическая составляющая должна стать неотъемлемой частью процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него;

3) противоречие интересов современного и будущего поколений: удовлетворение потребностей человека и сохранение окружающей среды должны присутствовать в интересах каждого поколения;

4) противоречие между богатыми и бедными странами и людьми: необходимо уменьшать разрыв в уровне жизни между странами и людьми, искоренять голод и нищету;

5) внутриэкономические противоречия: устойчивое развитие предполагает исключение или уменьшение не способствующих его реализации моделей производства и потребления.

Показатели (индикаторы) устойчивого развития ориентированы на гармоничное развитие трех основных составляющих: экономического роста, социальной ответственности и экологического баланса. Итоговый документ Генеральной Ассамблеи ООН 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» конкретизирует показатели устойчивого развития в следующих 17 глобальных целях:

1) повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах;

2) ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства;

3) обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте;

4) обеспечение всеохватывающего и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех;

5) обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей для представительниц женского пола;

6) обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех;

7) обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех;

8) содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех;

9) создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям;

10) сокращение неравенства внутри стран и между ними;

11) обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов;

12) обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства;

13) принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями;

14) сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития;

15) защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия;

16) содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях;

17) укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития¹.

На 26-й Конференции ООН по вопросам изменения климата (Глазго, 2021 г.) было подтверждено стремление удержать рост глобальной среднегодовой температуры на отметке в 1,5 °С к концу XXI в.

Реализация целей устойчивого развития происходит в условиях глобализации. *Глобализация* (от фр. *global* всеобщий, лат. *globus* шар) – это процесс объединения в мировом масштабе экономической, политической, культурной, информационной, коммуникационной, экологической, потребительской и других сфер жизни общества, существенное усиление взаимосвязей и взаимозависимости национальных государств и регионов. Ее экономической основой является транснационализация международного разделения труда и финансовых рынков; политико-управленческой основой – мировые, наднациональные структуры власти и управления, стандартизация правовых систем; информационно-коммуникативной – интернет и возникшее на его основе виртуальное информационно-коммуникативное сообщество; культурной – сближение и взаимовлияние культур разных стран; экологической основой – совместные действия разных стран в рамках концепции устойчивого развития.

---

¹ Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 10.12.2021).

При оценке итогов и последствий глобализации выделяют их неоднозначность. Так, глобализация экономики, с одной стороны, активизирует мировую торговлю, облегчает доступ к передовым технологиям и финансовым ресурсам, а с другой – усиливает экономическое неравенство стран богатого Севера и бедного Юга. Вестернизация (американизация) культурных ценностей воспринимается как удар по национальным культурным традициям и вызывает в качестве противовеса активизацию движений за возрождение национальных культур. Параллельно с процессом глобализации на внутри- и межгосударственном уровнях происходит регионализация, в основе которой лежит перераспределение властных полномочий в пользу регионов. Возникает антиглобализм как общественное и политическое движение, направленное против некоторых проявлений современных глобализационных процессов, в особенности против доминирования транснациональных корпораций и представляющих их интересы правительств. Говоря о роли социологической науки в новых условиях, Н. Элиас выдвинул тезис, согласно которому социология возможна лишь как социология мирового сообщества.

6.3. Новые подходы к объяснению социального развития

В современной социальной мысли доминирующими в объяснении механизма развития общества являются два подхода: акцент на особой социально-преобразующей роли человека, социальных групп и движений, их смыслопорождающей деятельности; внимание на множественности, своеобразии путей развития различных человеческих сообществ.

Формирование первого из данных подходов связано прежде всего с группой социологов (А. Турен, Н. Элиас, П. Бурдьё, А. Гидденс, П. Бергер, Т. Лукман и др.), которые отошли от так называемой дюркгеймовской традиции отдавать приоритет структурным детерминантам социальных процессов и начали подчеркивать активную роль членов общества, индивидуально и коллективно участвующих в общественной жизни и влияющих тем самым на ее протекание и развитие.

Результат классической социологии, как считает, например, А. Турен, состоит в том, «что она оставляет очень мало места для идеи социального действия». Говоря в своей одноименной книге о «возвращении человека действующего», он исходит из того, что

«общественная жизнь вовсе не управляется естественными или историческими законами, а направляется действием тех, кто борется и договаривается о том, чтобы придать некую общественную форму значимым для них культурным ориентациям»¹. Культура, которая является «смыслом, совокупностью средств и моделей», образует зону центрального общественного конфликта, который «разделяет сообщество на тех, кто является агентом и хозяином этих культурных моделей, и тех, кто принимает в них зависимое участие и стремится освободить их от влияния общественной власти»².

Идею социального действия А. Турен связывает с образом общественного движения как коллективного действующего лица, включенного в конфликт за общественное управление главными культурными ресурсами. «Общественное движение, – по его словам, – это конфликтное действие, с помощью которого культурные ориентации, поле историчности трансформируются в формы общественной организации, определенные одновременно общими культурными нормами и отношениями социального господства»³. «Общественное движение, коллективное поведение, включенные в конфликт в целях управления историчностью, – развивает он свою мысль, – существуют лишь в том случае, если действующее лицо обладает способностью подняться выше простых требований и даже политических переговоров, чтобы осознать себя и утвердиться скорее в качестве производителя, чем потребителя общественной ситуации. Оно должно быть способно поставить последнюю под вопрос, вместо того чтобы только соответствовать ей. Социальная жизнь может быть, прежде всего, охарактеризована как деятельность самопроизводства и самотрансформации, которые она осуществляет посредством своих инвестиций, если дать этому понятию более широкий, а не чисто экономический смысл»⁴.

С позиции креативной контингентности (творческой ситуативности) рассматривает социальные изменения Х. Йоас. Согласно этой позиции, люди принимают социально значимые решения и совершают социально ответственные действия в соответствии с условиями конкретной ситуации, каждый раз осмысливая и оценивая их.

---

¹ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е. А. Самарской ; ред. пер. М. Н. Грецкий. М. : Науч. мир, 1998. С. 22.

² Там же. С. 14–15.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 17.

«В результате упразднения метасоциальных гарантий при создании социального порядка мы приходим, – пишет он, – к пониманию креативности самого человеческого действия»¹. Рассматривая креативность как «измерение всего человеческого действия», социальные последствия ее проявления Х. Йоас оценивает неоднозначно. Креативность как таковая, по его словам, «не является чем-то хорошим (или плохим); существует много причин для похвалы в адрес рутины, а картины перманентной эстетической или политической креативности порой являются картинами ужаса и превышения человеческих возможностей. Является ли определенное креативное действие хорошим или плохим, может быть решено только в рамках дискурса»².

Фактически параллельно Ш. Эйзенштадт разработал теорию «множественности форм модерна» (*multiple modernities*), где сформулировал тезис, согласно которому модерн первоначально появился на Западе (первичная модернизация), но далее распространился во всем мире сначала путем экономического империализма и колониализма, а затем – как результат глобализации (вторичная, или догоняющая, модернизация). Расширяющаяся модернизация в отдельных областях подвергается определенным модификациям, которые Ш. Эйзенштадт объясняет результатами взаимопроникновения и комбинирования универсальных трендов модернизации, традиций, разных ценностных систем, культурных предпосылок и исторического опыта. Дивергентные формы модерна, возникшие за пределами Запада на базе иных глубинных цивилизационных структур, Ш. Эйзенштадт находит в России, Китае, Индии.

Как отмечает ученый, в молодых социумах фиксируется изменение ключевых социально-экономических индексов, свидетельствующих о процессе модернизации: среди них показатели урбанизации, грамотности, развития средств массовой информации, диверсификации занятости. В том же русле меняются и структурные индексы, говорящие об ослаблении традиционных общественных связей, углублении социальной дифференциации, становлении некоторых современных форм политической организации – таких, например, как партии и группы интересов. Вместе с тем, несмотря на перечисленные сдвиги, во многих развивающихся странах так и не сложились, особенно в политической области, устойчивые и современные институциональные системы, способные справляться с постоянно

---

¹ Йоас Х. Креативность действия : пер. с нем. СПб. : Алетей, 2005. С. 288.

² Там же.

изменяющимся и расширяющимся спектром общественных проблем и запросов. Ключевая проблема молодых наций, делает он вывод, всегда заключалась не в узком диапазоне модернизационных усилий, а в медленном становлении новых институтов и нехватке регулирующих и нормативных механизмов, которые внедрялись бы в стратегические области общественной структуры и позволяли бы справляться с различными вызовами, возникающими в этих областях. Используя терминологию Э. Дюркгейма, он приходит к заключению, что во всех этих случаях имела место неспособность утвердить новые уровни солидарности, т. е. совершить переход от солидарности механической к солидарности органической или от слаборазвитой органической солидарности к более укорененным ее формам¹.

Другой современный представитель сравнительных исследований цивилизаций Й. Арнасон объясняет развитие общества на основе двух важных противоречивых измерений: случайность/детерминированность и культурное разнообразие / универсальность человеческой истории. История, по его мнению, не может быть полностью детерминирована, она складывается из множества случайностей, поэтому невозможно выделить один универсальный, общий для всех образец модерна. Случайность означает, что рациональной логикой невозможно объяснить, почему в той или другой стране сложились факторы, приведшие к формированию определенного типа модерна, хотя в каждом его варианте просматриваются некоторые инвариантные черты, характеризующие взаимодействие власти и общества, а также культуру.

Говоря о «культуральном и плюралистическом повороте» в изучении модерна, Й. Арнасон изучает особенности его китайского, японского, других восточноазиатских типов, а также советского проекта модерна. В данном контексте он проводит «обсуждение феномена коммунизма», посвятив ему статью «Коммунизм и модерн»².

Культуральный поворот в социологической теории не ограничился изучением модерна. В начале XXI в. он привел к возникновению культуральной социологии (культурсоциологии), в значительной

---

¹ *Эйзенштадт Ш.* Срывы модернизации. Неприкосновенный запас. 2010. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/e4.html> (дата обращения: 10.01.2017).

² *Арнасон Й.* Переосмысление восточноазиатского модерна / пер. с англ. Л. Г. Титаренко, А. А. Широкаковой // Социол. исслед. 2016. № 1 ; *Арнасон Й.* Коммунизм и модерн / пер. с англ. М. В. Масловского // Социол. журн. 2011. № 1. С. 10–36.

степени связанной с именем Дж. Александера. Он позиционировал себя в качестве сторонника «сильной программы» в социологии культуры. Ее суть состоит в том, что культура рассматривается не как производная от каких-либо внешних детерминант («слабая программа»), а в качестве «независимой переменной», которая порождает смыслы человеческой деятельности и оказывает тем самым решающее воздействие на ход социальных процессов. Задача культуральной социологии состоит в раскрытии этих часто неосознаваемых смыслов деятельности. «Мы утверждаем, – пишет он, – что сильная программа пытается укоренить причинность в непосредственных акторах и способах действия (*agencies*) и детально устанавливает, как именно культура влияет на то, что реально происходит»¹.

Определяя новые тенденции в оценке механизма и перспектив общественного развития, П. Штомпка говорит об особом парадигматическом смещении (сдвиге) в современной социальной теории; переход от образа эволюции или социального развития к социальному становлению (*social becoming*), когда акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям².

При данной интерпретации механизма социальных изменений вполне естественными являются следующие вопросы: на чем основываются и чем определяются те или иные сценарии развития; что лежит в основе принимаемых решений и сделанного выбора; когда они эффективны и в чем состоит сам критерий эффективности; кто является автором исторического выбора; какое направление дальнейшего развития наиболее оптимально?

Несколько неожиданно, но вполне объяснимо, что подобное парадигматическое понимание механизма социальных изменений впервые возникло не в русле социальной философии и социологии, а в исторической науке. Очевидно, что попытки теоретической интерпретации конкретного исторического материала в данном случае оказались более продуктивными, чем акцент на построении обычно несколько умозрительных, пусть и весьма оригинальных, объяснительных конструкций.

---

¹ *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова ; под ред. Д. Ю. Куракина. М. : Праксис, 2013. С. 64.

² *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социол. исслед. 2005. № 10. С. 69.

Так, у известного английского историка и философа истории Р. Дж. Коллингвуда можно найти объяснение истории общества как итога усилий человека, действующего в соответствии с запросами своей жизненной практики. Отмечая данную особенность механизма социального развития, Р. Дж. Коллингвуд писал, что деятельность, в процессе которой человек создает свой постоянно изменяющийся мир, свободна. Помимо самой этой деятельности, нет иных сил, которые управляли бы ею, модифицировали ее или же заставляли принять то или иное направление, создать мир одного типа, а не другого. Но это отнюдь не означает, что человек волен поступать, как ему заблагорассудится, делать все по своему желанию. Он вынужден смотреть в лицо фактам в той ситуации, в которой оказался. Для человека, собирающегося действовать, ситуация оказывается господином, оракулом, богом. Окажутся его действия успешными или нет, зависит от правильности понимания им той ситуации, в которую он поставлен. Свобода в истории заключается в том, что цепи принуждения накладываются на деятельность человеческого разума не кем-то посторонним, а им самим¹.

Однако что означает «правильное понимание ситуации» и в чем состоят «цепи принуждения»?

Первое объяснение данного феномена находим у известного английского историка А. Тойнби в связи с его законом «вызова и ответа». Само возникновение цивилизации, как и ее дальнейшее развитие, определяется, согласно А. Тойнби, способностью людей дать адекватный ответ на вызов исторической ситуации. Ответы на хронологически более ранние вызовы являются источниками новых вызовов.

Идея развития общества через решение разного рода проблем, прежде всего системообразующих, была реализована при разработке концепции постиндустриального общества Д. Беллом. Так, он отмечал, что любые значимые социальные перемены создают новые управленческие проблемы для общества, подчеркивал резкие отличия характера структурных проблем, с которыми сталкиваются общества разного типа. «В индустриальном обществе, – пишет он, – главной экономической проблемой была проблема капитала: как институционализировать процесс накопления достаточных сбережений и превратить их в инвестиции? Ее решили с помощью фондового рынка, инвестиционных банков, самофинансирования и государственного налогообложения. Ячейкой социальных отношений являлись предприятие

---

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: автобиография / пер. с англ., коммент. Ю. А. Асеева ; ст. М. А. Киссель. М. : Наука, 1980. 491 с.

или фирма, а основной социальной проблемой – проблема конфликта между работодателем и рабочим. В той мере, в какой инвестиционные процессы приобрели рутинный порядок, а “классовые конфликты” были изолированы таким образом, что вопрос классовой борьбы перестал быть единственным фактором социальной поляризации, прежние проблемы индустриального общества оказались если не “решенными”, то, во всяком случае, лишенными остроты. В постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки, а важнейшим институтом выступает университет или научно-исследовательская лаборатория»¹.

Согласно Д. Беллу, «концепция постиндустриального общества наводит на мысль, что существует общий круг проблем, во многом зависящих от взаимоотношений между наукой и политикой, которые придется решать этим обществам, однако они могут быть решены разными методами и в разных целях»².

В современной научной и социальной лексике понятия «вызовы» и «ответы», а также близкие к ним по смыслу понятия «риски» и «возможности» или «угрозы» и «шансы» становятся ключевыми. Так, в последние годы основополагающим стало понятие «глобализация: вызовы и ответы». «Вызовы» чаще рассматриваются как риски, препятствия, дефициты, реже – как открывающиеся новые возможности. Создаются типологии «вызовов» и «ответов».

Планетарные, общечеловеческие «вызовы» сегодня чаще всего ассоциируются со следующими группами рисков: экологические (экстремальные погодные явления, масштабные стихийные бедствия, истощение природных ресурсов, глобальное потепление климата и т. п.), геополитические (межгосударственные, межрелигиозные и межнациональные конфликты, терроризм и др.), экономические (финансовый кризис, экономическая рецессия, незаконное движение финансовых средств, уклонение от уплаты налогов, контрабанда и т. д.), социальные (вынужденная массовая миграция, старение населения, увеличение разницы в доходах между отдельными странами и группами населения и др.), касающиеся здоровья больших групп людей (пандемия, рост ряда особо тяжелых заболеваний, наркомания, алкоголизм и т. п.), технологические (техногенные катастрофы, масштабные кибератаки, хищение личных и служебных данных и др.).

---

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 157–159.

² Там же. С. 162.

«Ответы» на «вызовы» («риски») классифицируются по степени эффективности. Выделяются «перспективный успешный ответ» (устраняет угрозу и одновременно открывает новые возможности), «простой успешный ответ» (ограничивается нейтрализацией отрицательного эффекта от действия вызова), «безуспешный ответ» (сохраняет негативные последствия, а, возможно, и усиливает их действие).

При всем разнообразии проблем («вызовов»), с которыми сталкиваются человеческие сообщества, особое значение имеют те из них, которые, во-первых, воплощают общесистемные процессы, замыкают на себя наиболее общие проблемы функционирования и развития общества в целом или конкретного социального сообщества; во-вторых, выражают их способность адаптироваться к изменяющимся внутренним и внешним условиям существования.

Применительно к обществу такие проблемы, несомненно, возникают на пересечении двух онтологических оснований социальной реальности: социального порядка (организации) и человеческой деятельности. Приведение их в соответствие является тем системообразующим внутрисоциальным «вызовом» (назовем его «энерго-институциональная задача», понимая под энергетикой социальную активность людей, а под институционализацией – процесс упорядочения, организации общественной жизни), ответы на который обуславливают ведущее направление развития общества.

Разъяснение сути этой задачи начнем с подтверждения положения о том, что существование любого социального сообщества возможно только на основе организации, упорядочения совместной жизнедеятельности людей, взаимоотношений между ними. Необходимость в такой организации не могла не обусловить возникновение обеспечивающего ее процесса саморегуляции различных социальных объединений. Этот саморегулятивный процесс охватывает способ, формы человеческой жизнедеятельности и порядок устройства общества, образующие его институты, взаимоотношения, связывающие людей. Содержание саморегулирующего воздействия двуедино и состоит, во-первых, в создании условий, мотивирующих активность, деятельность людей; во-вторых, в придании этой активности характера, целесообразного для данной социальной общности, реализующего потребности ее сохранения и развития. Таким образом, энерго-институциональная задача является тем внутрисоциальным «вызовом», содержание и степень эффективности «ответов» на который определяют основную линию развития общества.

Особо следует иметь в виду, что позитивный «ответ» на этот «вызов» не гарантируется никаким социальным законом, а представляет

собой результат вполне сознательной деятельности людей. Законом является сама необходимость данного действия. Там, где оно оказывается малоэффективным, активность человека теряет целесообразный для социума характер, становится деструктивной, социокультурная общность приходит в упадок, гибнет. Такова судьба многих древних цивилизаций и культур. Не исключено, что она ждет и наше общество. Еще один принципиальный постулат данного исследовательского подхода состоит в том, что процесс решения «энерго-институциональной задачи», являясь продуктом человеческой деятельности по своему содержанию и способам, вариативен. В этом причина того, что он может носить своеобразный характер в разных регионах даже в одно и то же историческое время.

Особенно очевидно вышесказанное при сравнении, которое сделал в свое время М. Вебер, трех ведущих ветвей социокультурной традиции. Каждую из них отличает специфический характер отношения человека к миру и его поведения. Так, индуистско-буддистской традиции присуще «бегство от мира», конфуцианско-даосистской свойственно «приспособление к миру», а иудаистско-христианской – ориентация на «овладение миром». М. Вебер классифицировал высокоразвитые формы религиозной жизни на основе различного отношения к миру и, как следствие, специфики поведения людей. Так, для конфуцианства, согласно М. Веберу, характерно приятие мира. Буддизм отличает отрицание и неприятие мира. Зороастризм, христианство, ислам принимают мир на условиях улучшения, исправления. По-разному решается в них и проблема спасения. Основными являются два варианта: спасение через собственные действия (буддизм) и спасение с помощью посредника (иудаизм, христианство, ислам). При первом варианте методами спасения являются или ритуальные культовые действия и церемонии, или социальные действия (любовь к ближнему, благотворительность, забота о близких), или самоусовершенствование. При втором варианте спасение возможно через принадлежность к церкви (католицизм), веру (иудаизм, лютеранство), через милость предопределения (ислам, кальвинизм). Различаются также пути спасения: активное этическое действие и мистическое созерцание. В первом случае необходимым условием спасения является аскеза, которая, в свою очередь, означает или бегство человека от мира, или внутримирскую экономическую и иную деятельность (кальвинизм). Во втором варианте аскеза – средство достижения мистического просветления, покоя в божественном начале.

Объяснить разнообразие путей человеческой истории можно тем, что перед каждым сообществом стояла задача организации совместной жизнедеятельности людей, а потенциальная вариативность в ее решении предопределила появление разных его методов, а значит и отличий в мировоззрении и культуре, способе жизни людей и порядке организации социума, в конечном счете – многообразии культур и цивилизаций.

Следующий принципиальный вопрос затрагивает возможности, пределы и способы использования конструктивных способов, заложенных в разуме и активности людей, при решении возникших проблем, при выборе дальнейшего пути социального развития. Представим ряд *антитез*.

1. Изначальное противопоставление при объяснении механизма развития общества в истории социальной мысли двух точек зрения: социальные институты «проектируются» людьми или социальные институты «просто вырастают», являясь непреднамеренным результатом человеческих действий. Первую из них представляли теоретики общественного договора, начиная с Т. Гоббса, вторую – их критики во главе с Д. Юмом.

2. Противопоставление социального натурализма и волюнтаризма. Суть социального натурализма состоит в констатации предзаданной логики, неизбежности определенной траектории общественного развития. В этой ситуации роль человека состоит, во-первых, в правильном понимании заданной извне социальной траектории, во-вторых – в содействии ее реализации. Со своей стороны, волюнтаризм, преувеличивая значение сознательной деятельности людей, предполагает реализацию идеальных проектов и идеологических моделей без должного учета условий и пределов преобразования социальной среды, готовности людей к новациям.

3. Соотношение в общественном развитии двух его составляющих: стихийности, или спонтанности, в смысле самопроизвольности, неинспирированности человеческим вмешательством и сознательно-го воздействия человека на ход социальных процессов. Преувеличение роли одной из этих составляющих, что имеет место в некоторых объяснительных конструкциях, является некорректным. Спонтанность и сознательность, понимаемые как разумные действия людей по решению наиболее острых социальных проблем, – атрибутивные свойства человеческой истории.

Саморегуляция общественного организма – это продукт деятельности людей. Однако именно по данной причине регулирующее

воздействие в принципе не в состоянии охватить, организовать, предусмотреть, спланировать весь социальный, жизненный процесс. Функционирование и развитие общества, в особенности повседневная жизнь людей, проходят, хотя и под преобразующим влиянием конкретного регулирующего воздействия, всей социокультурной традиции, но во многом и естественным, т. е. независимым от этого воздействия, путем. В наши дни весьма популярной является точка зрения сторонников либерально-консервативного направления общественной мысли о неоправданности притязаний человеческого разума на тотальное осмысление социальных процессов, несостоятельности попыток глобального переустройства общества по заранее составленному рациональному плану, таящейся в них опасности движения к тоталитарному режиму.

Однако данная позиция не равнозначна отказу от обращения к возможностям разума при выборе форм организации социальной жизни. Примечательно в связи с этим следующее высказывание виднейшего теоретика данного направления Ф. Хайека: «Спор между сторонниками планирования и их оппонентами, – писал он, – не сводится... ни к тому, должны ли мы разумно выбирать тип организации общества, ни к вопросу о необходимости применения прогнозирования и систематического мышления в планировании наших общих дел. Речь идет только о том, как осуществлять все это наилучшим образом: должен ли субъект, наделенный огромной властью, заботиться о создании условий, мобилизующих знания и инициативу индивидов, которые сами осуществляют планирование своей деятельности, или же рациональное использование наших ресурсов невозможно без централизованной организации и управления всеми процессами деятельности в соответствии с некоторой сознательно сконструированной программой»¹.

Любые идеальные социальные проекты в условиях реальной жизни претерпевают изменения, и часто весьма существенные. Корректировка их первоначального варианта происходит из-за ряда причин. Например, в силу несовершенства любого идеального образа социальной действительности, тем более ее проекта. Различно авторство конкретных вариантов решения той или иной социальной или культурной проблемы. Оно может принадлежать как официальным органам управления, так и стремящейся к власти оппозиции, неофициальным структурам. Нередко его содержание заимствуется официальными структурами у неофициальных. В противовес одному

---

¹ Хайек Ф. А. Дорога к рабству // *Вопр. философии*. 1990. № 10. С. 132.

варианту выдвигаются иные, как правило альтернативные. Каждый из них выражает специфические интересы их авторов и стоящих за ними социальных групп. Существенное корректирующее воздействие оказывает изменчивость окружающего мира, реальный ход социальных событий. В итоге содержание реализованного социального проекта правомерно рассматривать как результат взаимодействия целого ряда разнообразных факторов: потенциала интеллектуальных ресурсов данного общества, деятельности властных структур и оппозиции, борьбы и согласования интересов различных социальных групп, принятия членами данной общности некоторого минимума общепринятых ценностей, норм деятельности и т. п.

Однако важным является то, что эффективность социально-преобразующих действий зависит прежде всего от того, нацелены ли они на разрешение возникающих в процессе функционирования и развития общества проблем и лежащих в их основе противоречий. Подводя некоторый итог, можно сказать, что социальные институты возникают в процессе решения различных социальных проблем и представляют собой результирующий итог как сознательных представлений и действий различных субъектов, так и борьбы (согласования) интересов классов и других групп населения.

В ситуации современных общепланетарных экономических, социальных и экологических вызовов естественными являются следующие вопросы: что представляют собой современные «энерго-институциональные задачи» (основополагающие внутрисоциальные вызовы) и какими способами они могут быть решены? Вполне очевидно, что ядро этих задач в текущей общемировой ситуации составляет гармонизация широкого спектра межклассовых, межнациональных, межкультурных и межрелигиозных отношений. С учетом более отдаленной перспективы оно сконцентрировано на взаимосвязанных между собой проблемах конечных пределов потребления и императива глобального выживания.

Неслучайно в связи с усиливающейся ориентацией на перспективу общечеловеческого развития все более заметным становится поворот от «идеологии прогресса» к «идеологии пределов, глобального равновесия». Предпринимаются попытки разработать новую модель общественного развития, в рамках которой параметры экономического роста ставятся в зависимость от обобщенных целей прогресса, выживания человека. Наиболее известным вариантом такой модели, как уже отмечалось, стала концепция устойчивого развития.

В социальной теории отражением новых, по сути онтологических, т. е. способных оказать кардинальное влияние на механизм

социального развития, возможностей человека стал третий, фиксируемый П. Штомпкой, парадигматический сдвиг – переход от образа «гомо-экономикус» (расчетливого, рационального, целеустремленного деятеля), представленного в «теории рационального выбора», и от образа «гомосоциологикус» (нормативно направленного исполнителя роли), представленного «неофункционализмом», к образу «гомокогнитанс» (знающему и понимающему участнику, информированному и ограниченному коллективными символическими системами знаний и веры).

Иными словами, особенности современного общества (общепланетарность, глобальное выживание, экология, высокие риски, повышенная конфликтность и др.) требуют принципиального преобразования способа жизнедеятельности людей и соотносящегося с ним конгломерата социальных институтов.

Рассмотрим суть указанного преобразования на данном этапе общественного развития. До сих пор основную линию развития общества определяло самопроизвольное изменение мотивов и способа жизнедеятельности людей. В соответствии с ним проходила институционализация новых форм жизни и порядка социальной организации. Теперь именно способ жизнедеятельности, ценности, которые лежат в его основе, должны стать первоочередным объектом осознанного преобразования человеком, в чем заключается главное отличие саморегулятивного механизма, в котором нуждается современное общество.

Для того чтобы уяснить суть данного преобразования, нужно прежде всего установить систему ценностных координат, на которую оно должно ориентироваться. Приведем самые известные из них:

1) эгоизм (в разных видах, включая разумный эгоизм) как поведение, ориентированное на собственную пользу и ставящее интересы одного индивида выше интересов других, либо альтруизм как бескорыстная забота о благополучии других людей или общем благе в целом;

2) индивидуализм, акцентированный на свободе личности и реализации ее собственных интересов в рамках законного правопорядка, либо коллективизм (в различных формах) как главенство некоторой группы и ее интересов над человеческой личностью и ее индивидуальными запросами;

3) дилемма иметь или быть, описанная в Библии как идея противопоставления божественного бытия и греховного обладания, в XX в. была переформулирована Э. Фроммом, который отмечал, что приоритет модуса обладания лишает принцип жизни его абсолютного

значения, ведет к безразличию в жизни, утрате чувства благоговения перед нею.

Выработка еще одной системы ценностных координат, отчасти схожей с предыдущими, связана с именем И. Канта. Одна из его формулировок категорического императива (в данном случае он называет его практическим) гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹.

Таким образом, можно говорить о социокультурной традиции, ценностным основанием которой является точка зрения, даже культ средства. Для ее обозначения лучше всего подходит термин «тропократический», берущий начало от древнегреческих слов *τρόπος* – средство, способ, образ действий и *κρατος* – сила, мощь, могущество, власть. Происхождение этой социокультурной традиции обусловлено тем, что естественное становление деятельности и восприятия мира в качестве средства обеспечения жизни, реализации мотивов людей привело к тому, что сама жизнь в решающей степени превратилась в средство, скрыло ее самоценность, а также самоценность различных видов человеческой деятельности и всего многообразия окружающего мира. Альтернативой культу средства является утверждение самоцельности и самоценности жизни, деятельности, окружающего мира. В жизненной практике должна утвердиться ценностная позиция, родственная по своему смысловому наполнению этическому принципу благоговения перед жизнью, провозглашенному А. Швейцером².

---

¹ *Кант И.* Основы метафизики нравственности : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса [и др.]. М. : Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 270.

² *Швейцер А.* Культура и этика / пер. с нем. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского ; общ. ред. и предисл. В. А. Карпушина. М. : Прогресс, 1973. 343 с.

7. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И РЕВОЛЮЦИИ

7.1. Понятие и причины социальных конфликтов

Приведем наиболее широкое определение *конфликта* – это столкновение субъектов, имеющих противоположные интересы, цели и взгляды.

В зависимости от участников конфликты подразделяют:

1) на *внутриличностные* – происходят на уровне индивидуального сознания; могут быть связаны с поисками смысла жизни, напряженностью между социальными ролями, противоречиями при взаимодействии различных аспектов «Я», двойной групповой принадлежностью и т. п.;

2) *межличностные* – возникают на основе различия интересов и противоречий в отношениях двух или нескольких индивидов;

3) *между малыми группами* – зарождаются на основе противоречивых интересов и отношений между двумя или несколькими группами, члены которых способны на объединение и скоординированное противодействие;

4) *между большими социальными группами* – возникают между большими общностями людей (классами, нациями и др.), которые отличаются различным социальным положением, имеют противоречивые интересы, ориентируются на различные ценности и порядок социального устройства.

Объектом социологического исследования являются преимущественно конфликты между малыми и, особенно, большими социальными группами (собственно социальные конфликты). Приведем их общую характеристику.

Столкновение групп с противоположными интересами принимает различные формы. В динамике развертывания конфликта большую роль играют не только его объективные характеристики, но и образы конфликтной ситуации, складывающиеся у ее участников, особенности их поведения. Характерной чертой многих конфликтов является то, что они как бы отрываются от породивших их причин и продолжают, когда эти причины уже исчерпаны или отошли на второй план. Таким образом дает о себе знать накопленный в ходе противоборства конфликтующих сторон негативный потенциал конфликта.

Социальные конфликты имеют три основные стадии: предконфликтная ситуация, непосредственно состояние конфликта и его разрешение. Рассмотрим их более подробно.

На стадии *предконфликтной ситуации* протекают следующие процессы:

- накапливается социальное напряжение;
- происходит организационное оформление групп, участвующих в конфликте, поиск и мобилизация сторонников и союзников;
- конфликтующие стороны оценивают и пополняют свои ресурсы (материальные, статусные, организационные, информационные и др.).

Непосредственное *состояние конфликта* характеризуется тем, что включаются открытые и скрытые действия конфликтующих сторон:

- открытые действия – это словесные прения вплоть до информационной войны, физического воздействия, экономических санкций, политической борьбы, вооруженного столкновения и т. д.;
- скрытые действия – сбор секретной информации, интриги, провокации и др.

Данная стадия отличается также разной степенью накопленного эмоционального напряжения. Так, рациональные конфликты характеризуются следующими чертами:

- конфликт не переходит на личностный уровень взаимоотношений, его участники не формируют из соперника образ врага;
- за соперником признается право на некоторую долю истины;
- не бывают сверхострыми, затяжными.

Эмоциональные конфликты отличаются следующими особенностями:

- агрессия переносится с причины конфликта на личности и группу в целом;
- создается образ врага;
- первоначальная причина конфликт может забываться;
- конфликты становятся неуправляемыми, а их развитие – непредсказуемым;
- прекращение конфликта требует появления во главе конфликтующих сторон новых лидеров и даже смены целых поколений.

Разрешение конфликта характеризуется следующими особенностями:

- при рациональном конфликте стороны находят определенный компромисс и прежде всего устраняется его причина;
- при эмоциональном конфликте наиболее важным моментом является изменение установок соперников по отношению друг к другу, когда они взаимно перестают видеть в другой стороне исключительно врага и находят некоторый компромисс;

- конфликт также может быть разрешен в результате истощения ресурсов сторон или различного по своим формам вмешательства третьей силы.

Социальные конфликты и революции имеют свои субъективные (поведенческие) и объективные (структурные) основания. Так, Аристотель, объясняя источники возмущений широких масс и, как следствие, государственных переворотов, в своем трактате «Политика» писал, что для того, чтобы разобраться в них, во-первых, нужно знать настроение людей, поднимающих мятеж; во-вторых, ради чего они это делают; в-третьих, с чего, собственно, начинаются политические смуты и междоусобные распри. Углубляясь в их мотивационно-эмоциональную основу («причины и поводы движения души»), он выделял следующие причины: стремление к прибыли и почету, наглость, страх, превосходство, презрение, чрезмерное возвышение, а также происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров¹.

А. Токвиль представил в связи с этим теорию возросших и обманутых ожиданий. К. Маркс писал об абсолютном и относительном обнищании широких масс населения. П. Сорокин считал непосредственной предпосылкой любой революции увеличение числа подавленных базовых инстинктов большинства населения, невозможность даже минимального их удовлетворения. В числе таких инстинктов он называл голод и пищеварительный инстинкт, импульс собственности, инстинкт самосохранения и половой инстинкт, импульс свободы, группу инстинктов самовыражения унаследованных способностей и др.

Данные идеи получили развитие в теории абсолютной и относительной депривации (от лат. *deprivatio* – потеря, лишение). *Абсолютная депривация* – это снижение материального уровня человеческой жизни вплоть до невозможности реализовать базовые потребности. *Относительная депривация* – это субъективно воспринимаемая и эмоционально переживаемая в своей основе неудовлетворенность возрастающих потребностей и ожиданий.

Развивая указанные идеи, Т. Гарр определяет относительную депривацию как восприятие деятелем (актером) расхождения между его ценностными ожиданиями (экспектациями) и ценностными возможностями. Согласно его точке зрения, «ценностные экспектации – это блага и условия жизни, на которые, как убеждены люди,

---

¹ Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. / пер. и ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4.

они могут с полным правом претендовать. Ценностные возможности – это блага и условия, которые они, по их мнению, могли бы получить и удерживать»¹. Т. Гарр выделяет три различных паттерна (от англ. *pattern* – образец, шаблон, форма, модель) нарушения равновесия между ними:

- убывающую депривацию, при которой групповые ценностные экспектации остаются относительно постоянными, а ценностные возможности воспринимаются как снижающиеся;
- устремленную депривацию, при которой возможности относительно статичны, в то время как экспектации возрастают или интенсифицируются;
- прогрессивную депривацию, при которой наблюдается существенное и одновременное возрастание экспектаций и снижение возможностей.

В значительной степени относительная депривация вызвана процедурой социального сравнения, т. е. сопоставления своего положения с положением других людей. Аристотель писал в связи с этим о том, что «стремление получить прибыль и почет ведет к взаимному раздражению людей не потому, что они желают приобрести их... для самих себя, но потому, что они видят, как другие – одни справедливо, другие несправедливо – в большей степени пользуются этими благами»².

Обострение недовольства может усиливаться, когда в близком социальном окружении становятся реальностью недоступные данному человеку новые жизненные стандарты или он узнает о них под воздействием так называемого демонстрационного эффекта, связанного преимущественно с деятельностью СМИ, а в последнее время – интернет-технологий. Несколько снижает уровень неудовлетворенности оценка своего положения в пределах нормы «живу как большинство: не лучше, но и не хуже».

Точкой отсчета при сравнении являются не только успехи других, но и собственные. Когда повышается благосостояние, социальный статус человека, он поднимают планку стандартов, по которым оценивает свои новые достижения, нередко забывая о том, где он находился в начале восхождения, нередко еще совсем недавно. Это личностное сравнение, нацеленное вверх, также может привести к чувству относительной депривации. Воспроизведение в памяти своей стартовой позиции или осознание того, что другие находятся

---

¹ Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005. С. 61.

² Аристотель. Политика. Т. 4. С. 530.

в более тяжелом положении, может способствовать восстановлению хотя бы частичной удовлетворенности жизнью.

В данном случае говорят о феномене уровня адаптации, позволяющем объяснить, почему растущие запросы людей приводят их к фрустрации. Этот феномен предполагает, что ощущение успеха и неудачи, удовлетворенности и неудовлетворенности связано с предшествующими достижениями человека. Если раньше его достижения были выше их сегодняшнего уровня, он испытывает неудовлетворенность и фрустрацию. Однако если в настоящий момент они превосходят прежние результаты, человека охватывает ощущение успеха и удовлетворенности. Если же он продолжает двигаться вверх, то достаточно быстро адаптируется к успеху. То, что раньше вызывало ощущение благополучия, теперь отмечается как нейтральное событие, а то, что прежде воспринималось в качестве нейтрального, переживается как депривация.

Дж. Дэвис говорит о том, что сама по себе бедность не является достаточной причиной социальной революции. Революцию могут начать и относительно бедные, и относительно богатые социальные группы. Для объяснения данного феномена Дж. Дэвис предложил так называемую модель кривой J, в которой отражена связь реального изменения экономических условий и динамики ожиданий людей. Так, если в период экономического роста начинается неожиданный спад и различие между социальными ожиданиями и реальными условиями жизни достигает критической величины, может произойти социальный взрыв. Принципиальным для понимания механизма относительной депривации является представление о том, что возникновение недовольства и следующие за ним резкое возрастание социальной напряженности и активности масс вызвано не чувством лишения, а эмоциональным переживанием «обойденности», которое порождается рассогласованием претензий людей и тем, что они имеют в реальной жизни¹.

7.2. Социальная справедливость

Стабильность любого общественного образования тесно связана с тем, как в нем решается вопрос распределения различных ресурсов, прежде всего материальных благ и услуг, иными словами, насколько в образовании решена проблема социальной справедливости.

---

¹ *Davies J. C. When Men Revolt – and Why. A Reader in Political Violence and Revolution. The Free Press, 1971. 388 p. URL: <https://archive.org/details/whenmenrevoltwhy0000unse> (date of access: 14.12.2021).*

Ориентация на справедливость, представления широких масс о том, какой она должна быть, на протяжении всей истории являлись важнейшим основанием активных социальных действий людей. Автор исследования, посвященного народным движениям XVIII–XIX вв., Дж. Рюде отмечает, что, разумеется, в разных ситуациях массы вели себя по-разному, но общими чертами их поведения всегда оставались «прямое действие» и стремление так или иначе восстановить «элементарную естественную справедливость». Крестьяне, продолжает он, верили, что по справедливости имеют право владеть землей, городская беднота верила в свое право покупать хлеб по «справедливой цене», определяющейся опытом и обычаями, а рабочие – в свое право на «справедливую заработную плату», не зависящую от произвола предпринимателей. Основные формы «прямого действия» выражали коллективные попытки восстановить «естественную справедливость» там, где, по мнению людей, она нарушалась. Забастовщики чаще всего разрушали машины и дома предпринимателей. Участники голодных бунтов совершали налеты на рынки, хлебные лавки и устанавливали «снизу» контроль над ценами. Бунтовщики в сельской местности сносили изгороди, ломали молотилки, разрушали работные дома и т. п.

Со временем формы выражения протеста стали другими, но стремление к справедливости в оценке своего положения и ее восстановлению там, где она, по мнению людей, нарушена, сохранилось. Главным объектом оценивания является, как отмечалось, собственная жизненная ситуация. Оценивание происходит посредством сопоставления своих усилий и усилий других со взаимно полученными результатами. Однако объективность оценки – это скорее исключение, чем правило.

Любое общество, которое стремится избежать сбоев в своем функционировании и развитии, не допустить излишних катаклизмов, должно выработать и реализовать в повседневной жизненной практике принимаемую как минимум большей частью населения концепцию социальной справедливости. Основная трудность на пути достижения согласия по поводу ее содержания состоит в том, что каждый, зная о своем положении в обществе, собственных способностях, достоинствах и недостатках, отдает предпочтение тем принципам справедливости, которые смогут создать для него наиболее благоприятные условия доступа к социальным благам. Так, низы общества в противовес принципу «равенства возможностей» выдвинули идею «равенства результатов», а новая интеллектуальная элита – принцип меритократии,

т. е. власти и привилегий группы, вносящей наибольший вклад в благосостояние общества.

В обстановке столь противоречивых интересов и взглядов каждое общество, согласно Дж. Роулзу, нуждается в «своей концепции справедливости». Ее наличие будет означать, что люди «понимают необходимость достаточного набора принципов социального сотрудничества, определяющего основные правила и обязанности, а также надлежащего распределения благ и тягот общественной жизни. ... При отсутствии определенной меры соглашения в том, что есть справедливое и несправедливое, гораздо сложнее людям результативно координировать свои планы для достижения устойчивого и взаимовыгодного сотрудничества. И поскольку концепция справедливости определяет права и обязанности, а также распределительные отношения в обществе, то ее действенными способами можно решить проблемы продуктивности, координации и устойчивости общества. Из всего этого следует широкий контекст справедливости: предпочтительнее та теория, результаты которой более желательны людям»¹. Однако следует учитывать, что «теория социальной справедливости должна восприниматься как концепция, обеспечивающая в первую очередь определенный стандарт для оценки распределительных отношений»².

С решением вопроса социальной справедливости тесно связана проблема снижения уровня конфликтности и достижения сотрудничества в отношениях больших социальных групп, гармонизации социальной структуры. Данная проблема вызвана тем, что на протяжении большей части человеческой истории решение социальных, национальных, межкультурных и межрелигиозных противоречий определялось в борьбе различных групп-антагонистов. Их постоянные столкновения породили, с одной стороны, абсолютизацию традиции, с другой – точно такое же отношение к новации. Неслучайно история с момента распада первобытного общества пронизана «аритмией», резкими колебаниями между крайностями обоего рода, крутыми переходами от «консервации» прошлого к «радикальной ломке» старых порядков.

В качестве альтернативного решения разнообразных социальных проблем постепенно начал вырабатываться путь разговора, понима-

---

¹ *Роулз Дж.* Теория справедливости. Фрагмент из книги // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения / редкол. : А. А. Гусейнов [и др.] М. : Политиздат, 1990. С. 232–233.

² Там же. С. 235.

ния, компромисса. Признаком такого пути можно считать социальный диалог и партнерство. В Европе Нового времени компромисс интересов – порождение XX в., хотя он был хорошо знаком еще древним грекам.

Крах Микенского царства с характерным для него единовластием поставил проблему поиска равновесия, согласия между противостоящими социальными силами: прежде всего сельскими общинами и военной аристократией. Поиски ее решения вызвали к жизни первую форму древнегреческой «мудрости». Эта софия, возникшая на заре VII в. до н. э., неразрывно связана с появлением целой плеяды выдающихся личностей, овеванных почти легендарной славой. София имеет в качестве своего предмета не всеобщий мир природы, а мир людей. Круг интересующих ее вопросов следующий: какие элементы составляют этот мир? каковы противоборствующие в нем силы? как установить между ними гармонию и объединить их с тем, чтобы состояние конфликта сменилось состоянием порядка?

Порождением новой мудрости стала идеализация «среднего между крайностями», апелляция к среднему классу, который один в состоянии установить в полюсе равновесия между противостоящими друг другу силами: богатым меньшинством, желающим все сохранить, и бедным большинством, стремящимся все приобрести. Такую «срединную» позицию арбитра, посредника, примирителя воплотили в своей политической деятельности Солон и Клисфен. Средством выражения посреднической воли, «средней пропорциональности», которая придавала полису необходимое равновесие, стали законы.

В ходе эволюции буржуазного общества переход к практике социального компромисса был вызван как объективными обстоятельствами, так и субъективными причинами. В первом случае это выравнивание соотношения основных социальных сил, рост удельного веса среднего класса, сближение уровня жизни различных слоев населения и т. п.; в другом – достижение среди абсолютного большинства населения консенсуса относительно наиболее существенных ценностей, определяющих черт общественного устройства, конституирование институтов социального партнерства и др. С утверждением компромисса в качестве основы социальных отношений достигли современных форм гражданское общество и правовое государство. В наши дни компромиссные договоренности все чаще становятся реальностью в межгосударственных и международных контактах.

7.3. Основные объяснительные парадигмы социальных конфликтов

Проблематика социального конфликта и классовой борьбы, ведущей к радикальному социальному переустройству, является центральной у К. Маркса. В его интерпретации конфликта, которую часто называют диалектической теорией конфликта, Дж. Тернер выделяет следующие основные *принципы*:

1) чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт интересов между господствующими и подчиненными сегментами системы;

2) чем глубже подчиненные сегменты начинают осознавать свои истинные коллективные интересы, тем более вероятно, что они будут сомневаться в законности существующей в настоящее время формы распределения дефицитных ресурсов;

3) чем больше социальные перемены, производимые господствующими сегментами, подрывают существующие в настоящее время отношения между подчиненными, тем более вероятно, что последние начнут осознавать свои истинные интересы;

4) чем чаще господствующие сегменты создают у подчиненных состояние отчуждения, тем более вероятно, что последние начнут осознавать свои истинные коллективные интересы;

5) чем больше члены подчиненных сегментов смогут жаловаться друг другу, тем более вероятно, что они начнут осознавать свои истинные коллективные интересы;

6) чем больше экологическая концентрация членов подчиненных групп, тем более вероятно, что они сообщают друг другу свои жалобы;

7) чем выше возможности членов подчиненных групп получить образование, чем разнообразнее используемые ими средства коммуникации, тем более вероятно, что они должны будут обмениваться жалобами;

8) чем больше подчиненные сегменты сумеют развить унифицированную идеологию, тем более вероятно, что они начнут сознавать свои истинные коллективные интересы;

9) чем выше способность вербовать или порождать идеологов, тем более вероятно идеологическая унификация;

10) чем ниже способность господствующих групп регулировать процессы социализации и сети коммуникаций в системе, тем более вероятно идеологическая унификация;

11) чем больше подчиненные сегменты системы сознают свои коллективные интересы, чем больше они сомневаются в законности распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны будут сообща вступить в открытый конфликт с доминирующими сегментами системы;

12) чем меньше способность господствующих групп проявлять свои коллективные интересы, тем более вероятно, что подчиненные группы должны будут вступить в конфликт сообща;

13) чем выше идеологическая унификация членов подчиненных сегментов системы, тем более развита их структура политического руководства и сильнее поляризация господствующих и подчиненных сегментов системы;

14) чем сильнее поляризация господствующих и угнетенных, тем более насильственным будет конфликт;

15) чем более насильственным является конфликт, тем больше структурные изменения системы и перераспределение недостающих ресурсов.

Первым, кто сделал объектом исследовательского внимания конфликты, которые укрепляют прочность и интеграцию системы, стимулируют ее упорядоченные изменения, стал Г. Зиммель. Его идеи послужили источником современного конфликтного функционализма, представленного, в частности, Л. Козером.

Так, Л. Козер исходил из положения, что многие социальные процессы (например, насилие, разногласия, отклонения, конфликты), которые принято считать разрушающими систему, при определенных условиях могут укреплять ее интеграцию, повышать приспособляемость к окружающим условиям. Его исследовательские усилия и направлены на выделение тех причинных связей, которые отвечают за интеграцию, адаптивные способности системы. С этой точки зрения Л. Козер анализирует причины конфликтов, их остроту, длительность, последствия. К факторам, повышающим конструктивный потенциал конфликта, он относит: возможность открыто выражать недовольство в пределах существующей системы; высокий уровень социальной мобильности; равномерное распределение власти между противоборствующими группами; признание каждой из них наиболее существенных ценностей системы и выведение их из зоны конфликта; наличие институционализированных средств, позволяющих гасить конфликты и напряженность; реализм и готовность к компромиссу со стороны всех конфликтующих сторон (особенно их лидеров); четкость представлений о цене «полной победы».

Основные положения конфликтного функционализма, согласно Л. Козеру, можно представить следующим образом:

1) чем более неравномерно распределены в обществе дефицитные ресурсы (материальные, социальные блага, власть и др.), тем острее конфликт интересов различных социальных групп;

2) чем меньше каналов, по которым недовольные могут легальным путем выразить свое недовольство существующим распределением дефицитных ресурсов, тем больше вероятность возникновения конфликта;

3) чем меньше у неимущих возможностей подняться вверх по социальной лестнице, т. е. чем меньше развита в обществе социальная мобильность, тем более вероятно открытое проявление конфликта и больше его размах;

4) чем больше лишения, которые испытывают группы, из абсолютных превращаются в относительные, тем больше вероятность, что эти группы станут инициаторами конфликта;

5) чем первичнее отношения между участниками конфликта, тем острее конфликт, хотя менее вероятно его открытое проявление;

6) чем вторичнее отношения участников конфликта, тем чаще конфликты между ними, но слабее их эмоциональный накал;

7) чем в большей мере групповые цели выходят за рамки эгоистических индивидуальных интересов, т. е. чем выше идеологическое единство группы, тем более осознанно начало конфликтов и тем острее они проходят;

8) чем более реалистичны интересы участников конфликта, тем вероятнее, что они пойдут на компромисс, чтобы реализовать эти интересы;

9) чем более неравномерно распределена власть между группами, участвующими в конфликте, тем менее вероятно, что будут сделаны попытки найти компромисс;

10) чем больше конфликт связан с нереалистическими (спорными) вопросами, тем больше эмоций он вызывает у участников и тем он острее;

11) чем острее были предыдущие конфликты между данными группами, тем сильнее будут эмоции, вызванные последующими конфликтами;

12) чем дольше длится нереалистический конфликт, тем больше возникает спорных вопросов;

13) чем жестче система, в которой происходит конфликт, тем больше возникает нереалистических спорных вопросов;

14) чем меньше в обществе институциональных средств для погашения конфликта и снятия напряженности, тем острее конфликт;

15) чем больше конфликт затрагивает основные ценности системы, центральные спорные вопросы, тем он острее;

16) чем более жесткой является система, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность, что он затронет основные ценности;

17) чем острее конфликт, тем сильнее централизация в конфликтующих группах;

18) чем острее конфликт, тем лучше он содействует идеологическому и организационному сплочению противоборствующих сторон и тем больше приводит к подавлению инакомыслящих;

19) чем острее конфликт, тем четче разграничивается одна противоборствующая сторона от другой;

20) чем подвижнее система, тем выше вероятность, что конфликт воспринимается властью имущими в качестве сигнала, на который надо обратить внимание;

21) чем чаще происходит конфликтное столкновение, тем меньше вероятность, что в конфликтах отражены разногласия по поводу основных ценностей системы;

22) чем лучше и быстрее лидеры конфликтующих групп сумеют понять, что полное достижение целей обходится дороже самих завоеваний, тем непродолжительнее и безболезненнее будет конфликт;

23) понимание реальной цены «полной победы» приходит тем быстрее, чем равномернее распределена власть между противоборствующими сторонами. Острые, неразрешимые социальные конфликты ведут к революции.

7.4. Социальные революции и их теоретические интерпретации

К. Маркс, указывая на основополагающую роль социальных революций в определении путей развития общества, называл их локомотивами истории. Из многочисленных современных определений социальных революций наиболее точным является определение Э. Гидденса: революция как захват государственной власти путем насилия, совершаемый лидерами массового движения, когда полученная ими власть используется в дальнейшем в целях инициирования радикальных социальных реформ¹.

---

¹ Гидденс Э. Социология / пер. с англ. В. Малышенко [и др.] ; науч. ред. В. А. Ядов ; общ. ред. Л. С. Гурьева, Л. Н. Иосилевич. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.

Структурные основания революции определял К. Маркс, когда писал, что «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹. Основной пружиной механизма приведения производственных отношений (прежде всего формы собственности на средства производства) в соответствие с новыми производительными силами является резкое обострение социальной напряженности и классовой борьбы. Людским ресурсом, который приводит в действие этот механизм в Новое и Новейшее время, является, согласно марксистскому учению, главным образом рабочий класс.

В. И. Ленин, отмечал, что революция невозможна без революционной ситуации, указывая на три ее главных признака: 1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, тот или иной кризис верхов, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому; 2) обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов; 3) значительное повышение в силу указанных причин активности масс, в мирную эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими верхами к самостоятельному историческому выступлению².

Субъективным условием, превращающим революционную ситуацию в революцию, является способность революционных классов к массовым действиям, достаточно сильным, чтобы сломить старое правительство. Эту способность Ленин связывал с наличием рабочей

---

¹ *Маркс К.* К критике политической экономии // Соч. : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955–1981. Т. 18. 1961. С. 6–7.

² *Ленин В. И.* Маевка революционного пролетариата // Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1967–1975. Т. 23. 1973. С. 300 ; *Его же.* Крах II Интернационала // Там же. Т. 26. 1969. С. 219 ; *Его же.* Великий почин // Там же. Т. 39. 1970. С. 69–70.

партии, которая вооружена революционной теорией, способна организовать и возглавить массы, довести революцию до победного конца.

На кризис верхов как необходимую предпосылку революции обращал внимание П. Сорокин: «Атмосфера предреволюционных эпох всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырождением правящих привилегированных классов. Они подчас не способны выполнять элементарные функции власти, не говоря уже о силовом сопротивлении революции. Не способны они и на разделение и ослабление оппозиции, сокращение репрессий или организацию “выхода” репрессированных импульсов в неревolutionное русло. Практически все дореволюционные правительства несут в себе характерные черты анемии, бессилия, нерешительности, некомпетентности, растерянности, легкомысленной неосмотрительности, а с другой стороны – распушенности, коррупции, безнравственной изощренности и т. д.»¹. Пример всех революций, согласно П. Сорокину, подтверждает «нашу догадку относительно второй причины революций – вырождение элиты общества. История “терпит” хищнические, жестокие, циничные правительства, но до поры до времени, пока они сильны, покуда они хотят и знают, как управлять государством»².

Объектом изучения автора теории протеста Ч. Тилли стали протестные коллективные действия, направленные на свержение существующего социального строя. Он выделяет следующие стадии формирования таких действий:

1) организация протестной группы (групп), спектр которой (которых) простирается от спонтанно формирующихся толп до революционных групп со строжайшей дисциплиной;

2) мобилизация как процесс продвижения группы от пассивного собрания индивидов к активному участию в публичной жизни. Главную роль в мобилизации играют способы, при помощи которых группа овладевает материальными и моральными ресурсами, необходимыми для коллективных действий;

3) наличие общих интересов участников коллективного действия;

4) благоприятные обстоятельства для достижения целей революции.

Коллективные формы протеста начинают активно развиваться как средства мобилизации групповых ресурсов в том случае, когда у людей отсутствуют институциональные формы выражения своего

---

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. М. : Политиздат, 1992. С. 288.

² Там же.

мнения или когда власти отвечают им прямыми репрессиями. Исторический опыт показывает, что большинство проявлений коллективных действий первоначально не имеет насильственного характера. И хотя в некоторых ситуациях власти вынуждены реагировать на насилие, гораздо чаще они выступают его инициаторами.

Революционные движения представляют собой тип коллективного действия, возникающего, согласно терминологии Ч. Тилли, в ситуации множественного суверенитета, которая характеризуется:

- появлением соперников или коалиции соперников, выдвигающих исключительные требования контроля над государством, которое в данный момент контролируется членами определенной политической системы;
- приверженностью этим требованиям значительной части населения (особенно в случае активизации данной приверженности перед лицом запретов или вопреки указам правительства);
- неспособностью или нежеланием агентов государства подавить альтернативную коалицию и (или) приверженность ее требованиям и связанную с этим потерю контроля над отдельными сферами государственной жизни.

В итоге Ч. Тилли приводит формулу «идеализированной последовательности хода революционных событий», которая включает следующие фазы:

- 1) значительная мобилизация претендентов, выдвигающих исключительные требования контроля над государством, которая сама по себе требует исключить членов существующей политической системы;
- 2) стремительное увеличение количества людей, разделяющих эти требования, и (или) стремительное расширение коалиции, включая отторгнутых или исключенных претендентов;
- 3) безуспешные попытки государства пресечь альтернативную коалицию и (или) удовлетворить ее требования; это может происходить параллельно с попытками демобилизации армии, захвата, девальвации, рассеяния ресурсов, находящихся в распоряжении соперников;
- 4) установление эффективного контроля со стороны альтернативной коалиции над некоторой частью государства: территориальный раскол, получение оппозицией части мест в правительстве;
- 5) борьба коалиции соперников за расширение сферы контроля;
- 6) реконструкция политической системы в результате победы или поражения альтернативной коалиции или путем создания временного соглашения (*modus vivendi*) между альтернативной коалицией

и некоторыми (или всеми) членами прежней политической системы; фрагментация революционной коалиции;

7) восстановление рутинного государственного контроля над всем населением¹.

Ч. Джонсон, разрабатывая теорию революции в рамках структурного функционализма Т. Парсонса, рассматривал революционные события как нарушение равновесия социальной системы, которое связано с вызовами среды и необходимостью институционализации новых ценностей. Согласно Ч. Джонсону, существуют экзогенные и эндогенные источники изменения ценностей. В качестве примера экзогенных источников изменений он приводит влияние революций в соседних странах, глобальную коммуникацию, миграцию беженцев и т. п. Среди эндогенных источников он называет замену религиозных властей секулярными правителями, принятие креативных инноваций и т. п. Перспектива возникновения революции в значительной мере связана с политикой правящей элиты, которая способна или неспособна на корректировки своих действий, в частности на приведение норм и ценностей в соответствие с необходимостью адаптации к внешней среде.

Для восстановления равновесия часто требуется политическое насилие. Ч. Джонсон разрабатывает социологическую концепцию насилия, которая не включает грубость и жестокость в качестве основных ее составляющих. Некоторая степень насилия, как он считает, характерна для всех социальных систем. Революция лишь одна из форм насилия. Черта, отличающая революционное насилие от преступлений, – оказываемая ему коллективная социальная поддержка, которая не является следствием силового принуждения. Он также предлагает разделять насильственные изменения на уровнях «правительства», «режима» и «сообщества». Смена персон, находящихся в «правительстве», является целью восстания. На смену политического «режима» направлены идеологические восстания, когда восставшие имеют представления о том, как общество должно управляться и быть организовано по-новому. Уровню «сообщества» соответствуют тотальные революции, которые трансформируют социальную систему из одного типа в другой, например, инициируют переход от феодализма к капитализму.

---

¹ *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / пер. с англ. Т. Б. Менской ; предисл. Г. Дерлугьян. М. : Территория будущего, 2009. 360 с.

Многое в развитии революционных событий зависит от единства правящей элиты и того, сохраняется ли среди управляемых вера в ее компетентность и способность к управлению. Однако особую роль здесь играет срабатывание так называемых акселераторов революции, лишаящих элиты возможности воспользоваться военным подавлением или реформами и наделяющих революционеров уверенностью в том, что время решительных действий пришло.

Ч. Джонсон выделяет три класса акселераторов: 1) военная слабость и беспорядок, когда революционный класс начинает обретать силу, подрывая тем самым эффективность регулярных вооруженных сил – их дисциплину, организацию, состав или лояльность; 2) вера протестных групп в то, что они способны успешно преодолеть военное сопротивление элит. Такая уверенность может основываться на допущении, что бог выступает на их стороне, или не иметь никаких оснований; 3) операции, запускаемые против военных сил элиты со стороны конспираторов.

Т. Скокпол анализирует проблему революции в рамках структуралистской перспективы. Две основные цели структуралистского подхода она видит в том, чтобы, во-первых, определить причины революционного процесса и, во-вторых, описать всю совокупность социальных групп во всей сложности их взаимных переплетений, существующих в предреволюционном обществе.

Причины социальных революций, по мнению Т. Скокпол, следует искать в неравномерном распространении капиталистической экономики и образовании национальных государств, а также в неблагоприятном положении государства на международной арене в условиях конкуренции, в стремлении контролировать свою территорию и население, участвовать в военном соперничестве и др. Она также подчеркивает влияние транснационального и всемирно-исторического контекста на внутриполитическую ситуацию в стране. Особый акцент делается на том, что государство не является инструментом доминирующего класса, а существует как самостоятельный субъект, часто подчиняющийся себе доминирующий класс. Это связано с его стремлением конкурировать или воевать с другими государствами, что влечет отток ресурсов из внутренней экономики и необходимость ускорения темпов производства. В том случае, когда власть не сумеет мобилизовать необходимые для реализации такой внешней политики материальные и социальные ресурсы, революция неизбежна.

Современные революции, разъясняет свою мысль Т. Скокпол, происходили лишь в странах, находившихся в неблагоприятном

положении на международной арене. Особенно сильно влияли на зарождение и ход революций военная отсталость и политическая зависимость. В основе революционной ситуации всегда лежало неравномерное экономическое развитие и неблагоприятный характер взаимодействия в международной системе отношений, особенно поражения в войне. Такое развитие событий подрывало существующие политические институты, открывая путь для конфликтов и структурных преобразований.

«Исторические реалии социальных революций настоятельно требуют использования подхода, в большей степени учитывающего роль государства. <...> Политические кризисы, дававшие начало революциям, вовсе не являлись отражением общественной напряженности или классовых противоречий. Скорее они были выражением противоречий в структуре государств старого режима... Влияние революций на дальнейшее экономическое и социально-политическое развитие преобразованных ими стран было связано не только с изменениями в классовой структуре, но также и с изменениями в структуре и функциях государства»¹.

Оценивая представленные выше концепции революций, Дж. Голдстоун в статье «К теории революции четвертого поколения» пишет, что доминирующим подходом в них является структурный анализ, основанный на марксистской исторической перспективе, которая подразумевает, что воздействие капиталистической конкуренции на классовые и государственные структуры порождает классовые конфликты, ведущие к преобразованию общества. Эти концепции он называет третьим поколением революционного анализа, а работы Т. Скокпол – ее венцом. Однако начиная с 1970-х и заканчивая 1990-ми гг. мир стал свидетелем ряда событий, поставивших под сомнение классовое понимание революций. В Иране и Никарагуа в 1979 г. и на Филиппинах в 1986 г. мультиклассовые коалиции одолели диктаторов, которые долгое время пользовались решительной поддержкой ведущей мировой сверхдержавы Соединенных Штатов Америки. В Восточной Европе и в Советском Союзе в 1989–1991 гг. социалистические и тоталитарные общества, считавшиеся неподверженными классовым конфликтам, рухнули в обстановке народных демонстраций и массовых забастовок. Иранская революция и афганская

---

¹ Скокпол Т. Государства и социальные революции // Социология политики: классические и современные теории / М. В. Масловский. М. : Новый учеб., 2004.

революция 1989 г. гордо провозгласили себя религиозными, не имеющими основополагающего классового характера.

В связи с вышесказанным эволюционировали и теории революций. По словам Дж. Голдстоуна, «ни одной общепризнанной теории четвертого поколения еще не создано, но контуры такой теории ясны. Стабильность режима в ней будет рассматриваться как неочевидное состояние и существенное внимание будет уделено условиям существования режимов в течение длительного времени; важное место займут вопросы идентичности и идеологии, гендерных проблем, связей и лидерства; революционные процессы и последствия будут рассматриваться как итог взаимодействия многочисленных сил. Что еще более важно, не исключено, что в теориях четвертого поколения будут сочетаться результаты ситуационных исследований, модели рационального выбора и анализ количественных данных, а обобщение этих теорий позволит охватить такие ситуации и события, о которых даже не упоминалось в теориях революции прошлых поколений»¹.

Анализ хода революций позволяет выявить наиболее вероятные стадии (закономерности) их развития. Взгляды на данные стадии могут существенно различаться. По версии П. Штомпки, их суть заключается в следующем:

1) всем революциям предшествуют определенные предпосылки: усиление недовольства и озлобленности, беспорядки и конфликты. Наиболее болезненно симптомы кризиса ощущают восходящие социальные классы, а не те, кто нищ и подавлен;

2) происходит смена позиции интеллектуалов, распространение критических взглядов, различных форм агитации, философских или политических памфлетов, доктрин, направленных против существующего строя;

3) режим пытается отвести нарастающую угрозу частичными реформами, но эти попытки воспринимаются как запоздалые и вынужденные, как признак слабости, и потому они подрывают существующий порядок еще сильнее;

4) становится все более очевидной неспособность власти к эффективному управлению, что выливается в «паралич государства». В итоге это дает возможность революционерам захватить власть;

5) старый режим рушится, и наступает медовый месяц революции – период эйфории после победы;

---

¹ Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения / пер. с англ. Н. Эдельман // Логос. 2006. № 5 (56). С. 103.

6) среди победителей появляются признаки внутреннего размежевания по кардинальному вопросу о дальнейшем ходе событий: консерваторы стремятся к минимальным изменениям, радикалы хотят эти изменения решительно подтолкнуть, умеренные выступают за постепенные реформы;

7) умеренные реформаторы доминируют, пытаясь сохранить некоторую преемственность с прежним режимом. Это входит в противоречие с чаяниями, надеждами и мечтами масс, вызывает у них разочарование;

8) радикалы и экстремисты получают возможность использовать широко распространившееся недовольство, мобилизуют массы и смещают умеренных реформаторов;

9) начинается стадия террора, когда радикалы пытаются ввести порядок силой и стереть все приметы старого режима. Возникающие социальные беспорядки создают благодатную почву для захвата власти диктаторами или военными;

10) постепенно восстанавливается некоторое равновесие, и наступает окончательная стадия – «излечение от революционной горячки», когда действия радикалов осуждаются и акцент смещается с политических изменений на экономический прогресс и формирование стабильных институтов¹.

Неизбежное следствие революций при всех неоднозначных поворотах в их истории – обновленный социальный порядок. Этому способствуют преобразования общественной жизни, которые могут различаться разной степенью глубины и не всегда однозначными социальными последствиями. Никакая реставрация, как замечает Я. Щепаньский, после подавления революции не может восстановить предреволюционный порядок без изменений. Течение революции оставляет слишком глубокие следы в системах ценностей, образцах поведения, обычаях и неформальной организации общности, иерархии престижа, чтобы можно было полностью реставрировать старый социальный порядок. Это, в частности, убедительно показывает историческое исследование реставрации после падения Наполеона. Процесс конституирования нового социального порядка проходит тем болезненнее, чем быстрее внедряются соответствующие изменившимся условиям формы устройства общественной жизни².

---

¹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. 416 с.

² *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии / пер. с пол. М. М. Гуренко ; общ. ред. и предисл. А. М. Румянцева. М. : Прогресс, 1969. 240 с.

Основные требования к новому социальному порядку всегда были одинаковыми. Они должны были способствовать институционализации новых форм жизни, востребованных основной массой населения, а также вносить в изменившуюся жизнь людей достаточное организующее начало. Здесь уместно вспомнить тезис П. Сорокина о двух стадиях, характеризующих любую революцию. Отличающее первую стадию требование безграничной свободы, писал он в работе «Социология революции» (1923 г.), сменяется жаждой порядка; хвала «освободителям» от старого режима сменяется восхвалением «освободителей» от революции, иными словами – организаторов порядка. «Порядок!» и «Да здравствуют творцы порядка!» – таков всеобщий порыв второй стадии революции. Таковыми были Рим во времена Цезаря и Августа, Богемия под конец революции (Гуситских войн), Англия во времена протектората Кромвеля, Франция при восхождении Наполеона, такой является сейчас Россия¹.

Говоря об общих последствиях социальных революций, следует сделать два основных вывода: 1) можно критически оценивать ход и конечные результаты произошедших революционных событий, но повернуть вспять, тем более исправить их, невозможно, поскольку в истории нет сослагательного наклонения; 2) главный исторический урок состоит в том, что достичь желаемых перемен в общественной жизни вполне возможно куда менее болезненным путем своевременных социальных реформ.

---

¹ *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество.

Раздел II
СОЦИОЛОГИЯ
ТВОРЧЕСТВА

8. СУЩНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА И КОНЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Творчество – это процесс создания нового, оригинального в важнейших сферах человеческой деятельности. Отличительные признаки творчества – новизна, оригинальность, ломка традиции, стереотипа, неожиданность, целесообразность, ценность¹. Творчество характерно прежде всего для науки, техники и искусства, но в большей или меньшей степени оно пронизывает все области человеческой деятельности. Отдельно можно выделить социальное творчество как осознанное преобразование разных сфер общественной жизни и общества в целом.

Механизмы творческого процесса в разных видах деятельности являются весьма схожими. Различие в большей мере касается предмета творческой деятельности. Так, в науке мыслительный процесс осуществляется преимущественно в виде операций с абстрактными понятиями. Его главная цель – создание новой научной теории. В технике предмет творчества – это технические конструкции и приборы. В искусстве творческий процесс осуществляется главным образом посредством действий с художественными образами. Главная цель художественного творчества – создание новых оригинальных художественных образов и целостных произведений.

Можно выделить два уровня творчества. *Первый уровень* состоит в образовании качественно нового знания и в формировании таких же художественных образов (возникновение нового направления, создание новаторских произведений искусства и т. п.). Здесь главную роль играет интуиция. Воздействие на творческий процесс осуществляется через создание условий, благоприятных для проявления интуиции. Примером системы действий, обеспечивающих такое целенаправленное воздействие, в сфере театрального искусства является система К. С. Станиславского².

Второй уровень творчества заключается в расширении области применения имеющихся фундаментальных знаний или дальнейшей разработке уже существующего направления в искусстве, создании

---

¹ Пономарев Я. А. Психология творчества. М. : Наука, 1976. 304 с.

² Станиславский К. С. Собрание сочинений : в 9 т. / ред. и авт. вступ. ст. А. М. Смелянский ; коммент. Г. В. Кристи, В. В. Дыбовского. М. : Искусство, 1989. Т. 2 : Работа актера над собой. Ч. 1 : Работа над собой в творческом процессе переживания: Дневник ученика. 511 с.

в его рамках новых произведений. Важнейшая особенность данного уровня состоит в том, что здесь возможна алгоритмизация творческой деятельности, выработка типовых методик и процедур решения творческих задач, использование возможностей искусственного интеллекта.

В техническом творчестве примером такой алгоритмизации является теория (алгоритм) решения творческих задач, разработанная А. С. Альтшуллером в противовес исследовательскому методу проб и ошибок. Теория решения творческих задач была создана путем обобщения опыта изобретательской деятельности на основе анализа 40 тыс. изобретений, а также опроса изобретателей. Согласно данной теории, изобретения рассматриваются как устранение технического противоречия (проблемы). Поскольку эти противоречия (проблемы) часто повторяются, они выделены в типы. Одновременно выработаны типичные приемы их устранения. Все они (и противоречия, и приемы их устранения) сведены в таблицу, которая названа «Алгоритм (способ) решения творческих задач»¹. Аналогичным примером в художественном творчестве является, в частности, книга Дж. Родари «Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания сказок». В ней автор анализирует структуру сказки и различные способы ее создания².

Приведем основные источники изучения творчества:

1) свидетельства творческих людей, содержащиеся в их автобиографиях, дневниках, статьях, письмах, ответах на вопросы и т. п. (например, автобиографические книги «Бергман о Бергмане», «Антониони об Антониони», «Феллини о Феллини», литературное наследие, включая переписку Д. Верди, П. И. Чайковского, М. Петипа, Ф. И. Шаляпина, С. С. Рахманинова, М. Бежара и др.);

2) воспоминания о творческих людях, принадлежащие их коллегам по работе, родственникам, друзьям, просто современникам;

3) планы, наброски, черновые записи, развернутые варианты проектов, произведений, этюды, эскизы, отдельные зарисовки и т. п.;

4) результаты творческого труда: научные теории, технические изобретения, литературные и музыкальные произведения, картины, спектакли, кинофильмы, памятники архитектуры, социальные проекты и т. п.;

---

¹ Альтшуллер Г. С. Алгоритм изобретения. М. : Моск. рабочий, 1973. 296 с.

² Родари Дж. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания сказок / пер. с итал. Ю. А. Добровольской. М. : Прогресс 1990. 96 с.

5) литературные биографии представителей науки и искусства, политиков и общественных деятелей (авторы наиболее известных из них – Р. Роллан, С. Цвейг, И. Стоун, А. Перрюшо и др.);

б) данные социологических исследований и психологического тестирования, направленных на изучение творческой деятельности.

Объяснить истоки, механизмы творчества пытались прежде всего сами выдающиеся деятели науки и особенно искусства. Приведем некоторые примеры их размышлений.

Почему я пишу? То, что у меня на сердце, должно найти себе выход. Вот поэтому-то я и пишу... Со мной говорит дух, и я пишу то, что он мне повелевает! (*Л. Бетховен*).

Кто-то диктует, а я записываю (*А. Шнитке*).

Сочинять музыку для меня такая же потребность, как дышать или есть: эта одна из необходимых функций жизни. Постоянное желание писать музыке – это существующая внутри меня жажда выразить свои чувства при помощи звуков, подобно тому, как я говорю, чтобы высказать свои мысли... (Я записываю на бумагу музыку, которую слышу внутри себя (*С. Рахманинов*).

Трудно сказать, как возникает история, когда я придумываю сюжет. Фильмы рождаются во мне как стихи в сердце поэта. Слова, образы, понятия штурмуют мозг, все смешивается, и, в конце концов, получается стихотворение. То же самое происходит и с фильмами. Все, что мы читаем, чувствуем, думаем, видим, вдруг получает конкретное воплощение в образах, из которых рождаются рассказы. Придумывать одни истории, а не другие пробудили меня события, происходившие в моей жизни. Но как бы автобиографичны не были наши фильмы, в них всегда вторгается фантазия (*М. Антониони*).

Я могу сказать, что сочиняю всегда, в каждую минуту дня и при всякой обстановке. Иногда я с любопытством наблюдаю за той непрерывной работой, которая сама собой, независимо от предмета разговора, который я веду, от людей, с которыми нахожусь, происходит в той части головы моей, которая отдана музыке. Иногда это бывает какая-то подготовительная работа, т. е. отделяются подробности голосования какого-нибудь перед тем проэктированного кусочка. А в другой раз является совершенно новая, самостоятельная музыкальная мысль, и стараешься удержать ее в памяти. Откуда это является? Непроизносимая тайна (*П. Чайковский*).

Знакомство с данными высказываниями великих творческих личностей указывает на определенные трудности при попытке объяснения механизмов творчества.

Рассмотрим причины основных трудностей при изучении творческого процесса:

1) процесс творчества в основе своей интуитивен, поэтому попытка облечь этот процесс в словесную форму, объяснить в логических категориях неизбежно его упрощает;

- 2) творчество в значительной мере индивидуально;
- 3) ученые мыслят преимущественно логическими категориями, а художники – образами. Отсюда неизбежно возникает проблема: ученым сложно отразить недостаточно знакомые им образы в логических понятиях, а художникам, со своей стороны, выразить понятные им образы в не совсем привычных логических категориях;
- 4) творческие люди часто объясняют процесс творчества, не придерживаясь понятийного аппарата науки.

Существует ряд разнообразных научных попыток объяснить генезис мотива творчества и его механизмы, отличительные характеристики творческих личностей.

Так, первым к данной теме обратился итальянский психиатр *Ч. Ламброзо*, который в своем труде «Гений и помешательство» пытался аргументированно показать, что гений и помешательство – суть одно и то же. Он, в частности, считал, что для гениев характерно неестественное, слишком раннее проявление способностей, отсутствие твердого характера, отклонения в половой сфере, отсутствие усидчивости, частая смена настроений, доходящая до абсурда оригинальность, религиозные сомнения. Важные признаки ненормальности выражаются в строении устной и письменной речи гениев, описываемых *Ч. Ламброзо*, в нелогичности их выводов и противоречиях, в том, что почти все они придавали особое значение своим сновидениям. Однако самая существенная черта помешанных гениев – это чередование состояний экстаза (возбуждения) и упадка, которое приобретало у них патологический характер.

Первые научные объяснения истоков предрасположенности человека к творчеству связаны с теорией инстинктов социального поведения. Один из создателей теории инстинктов *У. Мак-Дуголл* выделил в числе других инстинкт «любопытности, исследования незнакомых мест и предметов». Развивая его идеи, *Г. Мюррей* постулировал существование психогенной «потребности созидания». В дальнейшем истоки стремления человека к творчеству часто связывали с мотивом достижения.

Особый интерес к проблемам творчества проявляли классики психоанализа. Так, *З. Фрейд* объяснял творческий акт как результат сублимации (вытеснения, перевода, переноса) либидозной энергии. Посвятив проблемам творчества свою работу «Леонардо да Винчи. Воспоминания детства», он делает следующий вывод: «У Леонардо мы должны принять, что случайность его незаконного рождения и страстная любовь к нему матери имели самое решительное влияние

на образование его характера и его позднейшую судьбу тем, что наступившее после этой детской фазы жизни сексуальное вытеснение толкнуло его к сублимированию его либидо в страсть к познанию и установило на всю жизнь его сексуальную пассивность»¹.

А. Адлер, в свою очередь, связывал источник творческого начала в человеческой деятельности с переживанием еще в детском возрасте своей неполноценности и вытекающим из него стремлением преодолеть природную слабость, ощутить собственную целостность, испытать чувство полноценности.

Условия для появления чувства неполноценности и впоследствии ее компенсации возникают в раннем возрасте у следующих групп детей:

1) дети с физическими недостатками, воспринимающими их как жизненные препятствия. Преодоление этих недостатков, в частности дефектов органов чувств, нередко приводит этих людей к овладению определенными техническими приемами, которые дают им возможность работать в области искусства. Использование, в свою очередь, соответствующих инструментов приводит к тому, что необходимость в развитии собственных способностей исчезает (например, история знает значительное число музыкантов с плохим слухом, художников и поэтов с плохим зрением);

2) дети с развитым чувством неполноценности – изнеженные дети, которые не ощущают собственной ценности (самая многочисленная группа). Когда такому существованию приходит конец, они чувствуют себя «изгнанниками из рая». Только мать является для них самым близким и надежным человеком, и поэтому в последующей жизни им всегда недостает первоначальной душевной теплоты и они никогда не могут найти взаимопонимания с другими людьми;

3) бессердечные дети, которые повсюду видят врагов и ведут себя так, будто находятся во враждебной стране.

Процесс компенсации человеком своих недостатков является, согласно *А. Адлеру*, той творческой силой, которая создала культуры как средство самосохранения человеческого рода. При этом он делает парадоксальный вывод, что человек может достичь наибольших успехов не благодаря своим дарованиям, а благодаря постоянной упорной борьбе с возникающими на его пути трудностями. Компенсация может перерасти в сверхкомпенсацию, которая означает одностороннее приспособление к жизни в результате чрезмерного развития какой-либо одной черты или способности. В качестве

---

¹ *Фрейд З.* Психоаналитические этюды / сост. В. Ф. Круглянский ; послесл. В. Т. Кондрашенко. Минск : Беларусь, 1991. 604 [2] с.

примера можно привести биографию танцовщика и балетмейстера М. Бежара.

Взрослые отдали М. Бежара танцевать потому, что мальчик рос болезненным. Это, по его воспоминаниям, было скорее лечение, нежели танец. Став взрослым, М. Бежар утверждал, что именно африканская кровь его отца-сенегальца сыграла решающую роль в том, что он стал танцевать. Мир детей в его семье не был отделен от мира взрослых. Едва научившись грамоте, он стал читать, причем именно пьесы. На вопрос: «Кем ты будешь, когда вырастешь?» – он отвечал, что будет режиссером, потому что «режиссер становится всем и в то же время никем». Он не стал ждать, а привлек свою сестру и кузенов и ставил свои первые «марсельские постановки». Говорил впоследствии, что они в большей степени, чем его первые официальные балеты, выразили его истинную сущность. Вскоре М. Бежар ощутил непреодолимую потребность посмотреть на работу своих коллег. Он пробирался во все театры. Он словно «пожирал сцену глазами». Театр был для него настоящей жизнью. Это был мир, который можно было выдумать самому. Так он описывал свое ощущение перед выступлением: «Сердце колотится, точно выскакивая из груди, но не потому, что я задохнулся. Меня останавливает новое чувство – смесь радости и восторга. Я обезумел и опьянел от радости... Есть еще время отступить, отказаться? Так будет и впоследствии за кулисами, когда подойдет мой черед выскочить на свет, выйти на сцену». Искусство рождается благодаря препятствиям. М. Бежар считал себя низкорослым, коротконогим, но знал, что у него есть особые плечи, спина, взгляд. Это давало ему гораздо больше сил, чем если бы он был просто талантлив. На первой репетиции балета «Шахерезада» режиссер, увидев М. Бежара, прервал репетицию словами: «Он невозможен! Да разве при таком сложении его можно показать на сцене с обнаженным торсом? Зал лопнет от смеха!» И это вслух перед всей труппой. После того, как все разошлись, М. Бежар остался один и продолжал работать. Несколько дней спустя режиссер придумал для него роль. Из большого бутафорского яблока в одной из сцен балета «Пиршество паука» выползал червяк. Этим червяком и должен был быть Бежар. Его следующая роль – чердачный кот. Это означало повышение в ранге. Постепенно М. Бежар стал классическим танцовщиком и всегда благодарил за это судьбу. Но в один прекрасный день он почувствовал себя взаперти. Поэтому его тело само придумало для него стиль. Ему захотелось создать что-то новое. Так появился балет Мориса Бежара.

Согласно *К. Г. Юнгу*, наиболее глубокий, основополагающий пласт человеческой психики составляет коллективное бессознательное. Оно включает в себя образы поведения, которые у всех людей одни и те же и формируют всеобщее основание душевной жизни. Содержание коллективного бессознательного является врожденным. Оно состоит из архетипов, т. е. архаических образов, существующих с древнейших времен и возникающих из опыта предков человека.

Коллективное бессознательное проявляется через индивидуальную психику. Субъект оказывается поражен необычностью его содержания, которое ощущается им как нечто сверхъестественное, часто опасное. Иногда может возникнуть ощущение поддержки сверхъестественных сил. Его проявления обнаруживаются в галлюцинациях, видениях мистиков и художественном творчестве. Архетип может также подвергаться сознательной обработке и приобретать вид осознанных формул. К осознанным формулам выражения архетипа относятся религиозные учения, мифы, сказки.

Свои идеи, касающиеся творческой деятельности, К. Г. Юнг конкретизировал в работе «Психология поэтического творчества». В ней он выделяет два типа творчества: психологический и визионерский. Психологический тип исходит из такого содержания, которое движется в пределах досягаемости человеческого сознания (например, жизненный опыт, страстное переживание, человеческая судьба). К. Г. Юнг называл этот тип художественного творчества «психологическим», так как в нем все психологически понятно. При визионерском типе творчества материал, подвергнутый психологической обработке, наоборот, не имеет в своей основе ничего привычного. Он наделен чуждой нам сущностью, потаенным естеством и происходит из «вневременных глубин». Это переживание, с одной стороны, весьма двусмысленно, с другой – является откровением такой силы, высоты, глубины, которые человек не может представить себе, или это красота, которую нельзя выразить словами. Пример психологического и визионерского типов творчества – первая и вторая часть «Фауста» И. В. Гете. В первой части любовная история объясняет себя сама, психологу добавить нечего. Во второй – требуется работа истолкователя. То, что предстает в визионерском переживании, есть один из образцов коллективного бессознательного. Всякий раз, когда коллективное бессознательное прорывается к переживанию, осуществляется творческий акт, значимый для целой эпохи (например, творчество И. В. Гете, А. Данте, Ф. Петрарки, Ф. Ницше). Согласно К. Г. Юнгу, «такое творение есть весть, обращенная к современникам». Художник в данном случае говорит от имени духа и сердца человечества¹.

К. Г. Юнг высказал еще один тезис: «Каждый творчески одаренный человек – это некоторая двойственность, или синтез па-

---

¹ Юнг К.Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века / пер. и примеч. С. С. Аверинцева. М. : Изд-во полит. лит., 1991.

радоксальных свойств». С одной стороны, такой человек – «нечто человечески личное», с другой – «внеличный творческий процесс». Очень редко встречается человек, которому не пришлось бы дорого заплатить за свои необычные возможности. Творческое начало забирает большую часть его энергии, а для прочего остается слишком мало, чтобы из этого остатка могла развиваться еще какая-либо ценность. «Художник должен быть объяснен из своего творчества, – подчеркивал К. Г. Юнг, – а не из несовершенства своей природы».

Особое внимание К. Г. Юнг обращал на роль фантазии в творческом процессе. Не только художник, но и любой творческий человек, кем бы он ни был, всеми своими величайшими достижениями обязан фантазии. Динамичным принципом фантазии является игра, которая считается присущей ребенку и тем самым несовместимой с серьезной работой. Однако никакой творческий процесс не может зародиться и существовать без этой фантазии. Для обозначения такого творческого процесса, когда субъект как бы объективно наблюдает за развитием своей фантазии, не пытаясь сознательно воздействовать на нее, он ввел понятие «активное воображение».

Оценивая влияние К. Г. Юнга на свое творчество, кинорежиссер Ф. Феллини впоследствии писал, что «чтение некоторых его сочинений, а также знакомство с его взглядом на жизнь явилось для него радостным, ободряющим открытием, помогло контакту с наиболее потаенными зонами, стимулируя и развивая фантазию»¹.

Согласно логотерапии В. Франкла, основной движущей силой человека является борьба за смысл жизни, который для каждого уникален. Важен не смысл жизни вообще, а, скорее, специфический смысл жизни данной личности в данный момент времени. Существует три основных пути нахождения смысла бытия. Первый, выделенный автором настоящего издания, – это то, что индивид дает миру в своих творениях. Второй – то, что он берет от мира в своих встречах и переживаниях. Третий – позиция, которую индивид занимает по отношению к своему положению в том случае, если он не может изменить свою тяжелую судьбу².

В гуманистической психологии творческая направленность личности связывается с мотивом самоактуализации, самовыражения.

---

¹ *Феллини Ф.* Феллини о Феллини : пер. с итал. / послесл. В. С. Громова ; коммент. Г. Д. Богемского, О. Б. Бобровой. М. : Радуга, 1988. С. 80.

² *Франкл В.* Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем., общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева ; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. 368 с.

Рассматривая потребность в самоактуализации как высший уровень иерархической модели мотивов, А. Маслоу понимал под ней стремление человека стать тем, кем он может быть. При этом относительный приоритет временно неудовлетворенных низших потребностей не обязательно прерывает и блокирует самоактуализацию.

В целях объяснения творчества особый интерес представляют выделенные А. Маслоу восемь путей самоактуализации:

1) важно полное, живое и бескорыстное переживание с полным сосредоточением и погруженностью, т. е. переживание без подростковой застенчивости. Необходимо забыть свои позы, защиты, застенчивость. Как отмечает А. Маслоу, молодые люди страдают от недостатка бескорыстия и от избытка застенчивости и самомнения;

2) необходимо представить себе жизнь как процесс постоянного выбора. В каждый момент имеется выбор: продвижения и роста или отступления, движения к еще большей защите, безопасности, боязни. Выбрать развитие вместо страха десять раз в день – значит, по А. Маслоу, десять раз продвинуться к самоактуализации;

3) важно наличие «Я», некоторой личностной стержневой структуры. Представление этому «Я» возможности проявляться А. Маслоу называл «прислушиванием к голосу импульса». В то время как большинство из нас, согласно его мнению, прислушивается не к себе, а к голосу мамы, папы, государственного устройства, власти, традиции и т. п.;

4) не следует защищаться фразой «Я сомневаюсь». Берите на себя ответственность. Когда человек берет на себя ответственность, он самоактуализируется;

5) необходимо быть нонконформистом, т. е. отличным, независимым от других. Нужно быть смелым, вместо того, чтобы бояться;

6) важен процесс реализации своих потенциальных возможностей, который выражается в труде с целью сделать хорошо то, что человек может сделать;

7) большое значение имеют моменты самоактуализации – высшие переживания, состояния экстаза. Человек должен научиться ощущать эти недолговечные моменты и создавать условия для их более вероятного проявления;

8) важно разоблачение собственной психопатологии, выявление и преодоление своих защит. Вытеснение, согласно А. Маслоу, – это не лучший способ разрешить свои проблемы¹.

---

¹ Маслоу А. Самоактуализация. Психология личности : тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Стремление человека реализовать себя, проявить свои возможности считал побудительным мотивом творчества К. Роджерс. В своей работе «К теории творчества» он выделил внутренние условия созидательного труда, некоторые особенности протекания творческого акта у индивидов и внешние условия, способствующие созидательному труду.

Внутренние условия созидательного труда включают открытость опыту (экстенциональность), внутренний локус (источник) оценивания ценности творческого продукта и способность к необыкновенным сочетаниям элементов, понятий и образов. Рассмотрим их более подробно.

Так, открытость опыту (экстенциональность), согласно К. Роджерсу, противоположна психологической защите. Она означает следующее: вместо отнесения стимула к заранее заданным категориям («деревья зеленые», «образование в колледже хорошее», «современное искусство глупое») индивид осознает определенный момент бытия в настоящем таким, каков он есть; отсутствие ригидности (оцепенелости, неспособности к изменению); проницаемость границ понятий, убеждений, образов, гипотез; терпимость к неоднозначности там, где она есть; способность принимать массу противоречивой информации, не отвергая при этом всю ситуацию.

Внутренний локус (источник) оценивания выражается в том, что для творческого человека ценность его произведения зависит не от похвалы или критики других, а устанавливается им самим. Создал ли я что-то, что удовлетворяло бы меня? Является ли это выражением части меня – моих чувств, мыслей, моей боли и моего восторга? Вот единственные вопросы, которые, согласно К. Роджерсу, по-настоящему что-либо значат для творческого человека. Это означает не то, что он пренебрегает мнением других или не желает его понять, а то, что основа оценивания – в его собственной оценке произведения.

Способность к необыкновенным сочетаниям элементов, понятий и образов предполагает спонтанную игру-исследование с идеями, оттенками, формами, отношениями – жонглирование элементами и составление из них невероятных гипотез, нахождение проблем в общеизвестном, превращение одной формы в другую, выражение нелепого, невероятные превращения в одинаковое. Именно из этой спонтанной игры-исследования вырастает интуиция, творчество нового и существенного в жизни.

К некоторым особенностям протекания творческого акта у индивидов, согласно К. Роджерсу, можно отнести, во-первых, то, что

мы назваем чувством «Эврика!», «Вот оно!», «Я открыл!», «Вот то, что я хочу выразить!». Во-вторых, волнующее чувство отъединенности. Многие значительные творения создавались с ощущением: «Я одинок. Никто не делал именно это раньше. Я осмелился ступить на территорию, где никто не бывал. Возможно, я глуп, или не прав, или заблуждаюсь, или ненормален». В-третьих, желание общения. Человек не может творить, не испытывая желания поделиться с кем-нибудь своим творением. Это единственный способ смягчить беспокоящее его чувство отъединенности и уверить себя самого в принадлежности к определенной группе. Он может доверять свои теории только своему личному дневнику. Он может прятать стихи в запортом ящике стола, а картины – в чулане.

Внешние условия, способствующие созидательному труду, включают психологическую безопасность и психологическую свободу.

Психологическая безопасность, по К. Роджерсу, может быть достигнута следующими способами:

- признание безусловной ценности самого индивида во всех проявлениях. Чувствуя себя в безопасности, понимая, что не нужно быть ригидным, индивид может обнаружить, что значит быть самим собой, может попытаться проявить себя нестандартно, по-новому;

- создание обстановки, в которой отсутствует внешнее оценивание. Когда мы перестаем судить об индивиде с точки зрения собственной системы ценностей, мы способствуем творчеству. Индивид чувствует свое освобождение в атмосфере, где нет оценивания с помощью внешней мерки. Приходит понимание, что источник оценивания – внутри самого индивида. Отсутствие оценивания не означает, что мы никак не реагируем на то, что человек произвел. На самом деле мы можем делать это более свободно. «Мне не нравится ваша идея» – эта фраза является не оценкой, а моей личной реакцией. И она тонко, но вполне определенно отличается от суждения типа: «То, что Вы делаете, – это плохо (хорошо)». Первое утверждение позволяет индивиду сохранить свой собственный источник оценки. Второе утверждение, независимо от того, содержится ли в нем похвала или осуждение, склонно ставить человека в зависимость от внешних обстоятельств. Ему сообщают, что он не может просто спросить себя, является ли творение истинным выражением его сущности, он должен беспокоиться о том, что думают другие. Его уводят от творчества;

- понимать, сопереживая, – это значит, что если говорят, «принимаю» вас, но ничего о вас не знают, то это поверхностное при-

нятие, которое может измениться, если я по-настоящему вас узнаю. Но если я понимаю вас, сопереживая, смотрю на вас и на то, что вы делаете, с вашей точки зрения, вхожу в ваш внутренний мир и вижу его вашими глазами, и при этом все-таки принимаю вас, – тогда это на самом деле безопасность.

Психологическая свобода представляет собой полную свободу символического выражения. По словам К. Роджерса, она, во-первых, означает полную свободу выражать самое сокровенное в своих мыслях, образах, чувствах и состояниях; во-вторых, способствует открытости, причудливости и неожиданному сочетанию образов, понятий и значений. В то же время такое разрешение быть свободным также означает ответственность. Это тип свободной ответственности – быть самим собой. Индивид свободен равно испытывать страх перед новым предприятием, как и стремиться к нему; свободен расплачиваться за свои ошибки, равно как и принимать последствия своих достижений¹.

---

¹ *Роджерс К.* Эмпатия. Психология эмоций : тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер ; вступ. ст. В. К. Вилюнаса. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 409–422.

9. ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Творческая личность в первую очередь индивидуальна, своеобразна. В то же время творческих людей объединяет ряд общих *психологических черт*, которые в той или иной степени проявляются в них. Эти черты можно объединить в три группы: перцептивные особенности (особенности восприятия), особенности творческого мышления и особенности характера (личностные характеристики).

Перцептивные особенности связаны со спецификой восприятия окружающего мира, что выражается:

1) в необыкновенной напряженности внимания. Согласно К. С. Станиславскому, «гений есть непрерывное внимание», «внимание – калитка к творчеству»;

2) широко распределенном внимании (в другой терминологии – «боковое мышление», периферическое, или латеральное, мышление (последний термин принадлежит Э. Де Боно)). В данном случае, решая проблему, ищут подсказку в посторонней для нее информации, находящейся в окружающем мире или в знаниях и опыте самого человека. Примером «бокового мышления» может служить решение Архимедом задачи о золотой короне, чему способствовало его погружение в ванну. В качестве примера можно привести также высказывание кинорежиссера М. Антониони.

Иногда я прихожу на площадку, даже не зная, что собираюсь снимать. Я предпочитаю именно такой метод – являться на площадку без всякой подготовки. Решающий момент наступает тогда, когда режиссер обращается за подсказкой к тому, что его окружает, дабы фильм стал более спонтанным, личностным. Часто я прошу оставить меня одного на площадке минут на 15, полчаса и даю мыслям свободно поблуждать. Я просто смотрю. Окружающие предметы всегда подсказывают мне. Бывает, что реальные образы, возникающие передо мной, совпадают с теми, что виделась мне в воображении, но это случается редко. Чаще всего в придуманном образе есть нечто неискреннее, искусственное. По мере того как оператор устанавливает свет, я смотрю, как актеры двигаются и разговаривают под юпитерами. По-моему, только тогда можно верно оценить сцену и исправить ее.

3) особой остротой восприятия, в том числе художественной наблюдательности, иными словами – умение тонко подмечать характерное или необычное в окружающем мире. Например, живописцы отличают в 10–15 раз больше оттенков цветов, чем обычные люди. Приведем пример из воспоминаний К. И. Чуковского.

У писателя А. И. Куприна было обоняние звериное. И в своих рассказах он никогда не забывал отмечать что, например, лавки торгового ряда

пахнут кумачом, керосином и крысами; а комнаты старого клуба – кислым тестом, карболкой и сыростью; а морская вода во время прибоя – резедой; а белая акация – конфетами; а прихожая перед балом в офицерском собрании, когда в нее съезжаются нарядные женщины, – морозом, духами, пудрой и лайковыми перчатками». «По части запахов у Куприна был единственный соперник – Иван Алексеевич Бунин, и, когда они сходились вдвоем, между ними начиналось состязание – азартная веселая игра: кто определит более точно, чем пахнет католический костел во время пасхальной заутрени, чем пахнет цирковая арена и т. д. <...>

И зоркость у него была замечательная. Об одной красавице он пишет, что ее черные ресницы бросали синие тени на янтарные щеки». А вот каким образом, по его наблюдению, чаще всего распределяются краски теплого южного моря: сначала «грязная лента светло-каштанового цвета», дальше – «жидкая зеленая полоса, вся сморщенная, вся изборожденная гребнями волн, и, наконец, – могучая, спокойная синева глубокого моря с неправдоподобными яркими пятнами, то густо-фиолетовыми, то нежномалохитовыми, с неожиданными блестящими кусками, похожими на лед, занесенный снегом». «Трава была так густа и сочна, так ярко, сказочно, прелестно зелена и так нежно розовела от зари, как это видят люди и звери только в раннем возрасте.

4) особой эмоциональности восприятия и воспроизведения запечатленных образов в художественном творчестве, развитой образно-эмоциональной памяти. В качестве примера приведем воспоминания о Н. Паганини.

Природа наделила Н. Паганини слухом, доведенным до предела чувствительности. Звуки наплывали на него со всех сторон, заставляли трепетать, радоваться и печалиться. Даже удары колокола в соседнем соборе били по нервам. Звуки доводили до обморока. Врачи многозначительно качали головами, не в состоянии понять это явление. А мальчик, обладавший необычайной впечатлительностью, сверхъестественной силой восприятия, всем существом ощущая рождение и умирание звука, пытался воссоздать его на мандолине, гитаре и особенно на своей любимой скрипочке.

По словам Н. А. Римского-Корсакова, «творец от обыкновенного смертного отличается лишь громадной восприимчивостью к слабым эмоциям».

5) развитой эстетической чувствительности, умении видеть прекрасное.

Особенности *творческого мышления* включают:

1) способность мыслить и решать задачи по аналогии, т. е. по сходству.

Наиболее распространенные виды *анalogий*:

• по функциям: нора – дом – улей – гнездо (жилье); печка – радиатор – электрогрелка – доброе сердце (греют);

- по материалу: дом – мебель – забор – голова (деревянные);
  - по форме: шар – обруч – земля (круглые);
  - по образам: вертолет – Карлсон; стрекоза – ветреная девочка;
- 2) развитую ассоциативность мышления, т. е. легкость связывания различных понятий и образов, в том числе отдаленных.

Наиболее распространенные виды *ассоциаций*:

- по смежности, т. е. по близости, соседству в пространстве или во времени, когда одно представление вызывает в сознании другое благодаря их временному или пространственному совпадению (улей – пчелы; медведь – зима – берлога; зима – мороз – снег);
- по сходству, подобию какого-либо признака: формы, цвета, функции (мяч – арбуз; лимон – лимонад; снег – вата);
- по контрасту, т. е. противоположности каких-либо свойств (добро – зло; гора – равнина; искры – снежинки);
- по смыслу, т. е. на основе сходства сущностных элементов и их взаимосвязей (звук: магнитофон, будильник, пропеллер), а также по причинности (огонь – причина света, тепла, еды, беды).

Приведем примеры решения творческой задачи на основе развитого ассоциативного мышления.

Один изобретатель, по профессии инженер-мостовик, длительное время работал над проектом моста через горную реку. Он не мог придумать ничего хорошего. Все было или сложно, или очень дорого. Однажды он лег отдохнуть под куст и нашел решение проблемы. В паутине он увидел проект подвесного моста на тросах и цепях.

Другой изобретатель поливал цветы в саду и увидел, как пружинит шланг. Таким образом он изобрел резиновые шины для велосипеда.

Ассоциативность мышления особенно характерна для художественного творчества. Приведем пример из дневника С. А. Толстой, которая пишет о том, как, по словам Л. Н. Толстого, ему приходят мысли во время работы над романом «Анна Каренина».

Сию я в кабинете и разглядываю на рукаве халата белую шелковую строчку, которая очень красива. И думаю о том, как приходит в голову людям выдумывать все узоры, отделки, вышивания; и что существует целый мир женских работ, мод, соображений, которыми живут женщины. Что это, должно быть, очень весело, и я понимаю, что женщины могут это любить и этим заниматься. И, конечно, сейчас же мои мысли... Анна... И вдруг мне эта строчка дала целую главу. Анна лишена радостей заниматься этой женской стороной жизни. Потому что она одна, все женщины от нее отвернулись, и ей не с кем поговорить обо всем том, что составляет обыденный, чисто женский круг занятий.

3) легкость генерирования новых идей и образов. Следует принимать во внимание, что количество идей постепенно переходит в качество, а лучшие идеи и образы чаще всего не приходят в числе первых;

4) антиципацию (лат. *anticipatio* – предугадывание событий), т. е. мышление с предвосхищением. Способность к предвосхищающим оценочным действиям, выбору одной из альтернативных гипотез до ее проверки основывается на двух основных критериях: логической непротиворечивости и соответствии эстетическим критериям. В антиципации проявляется интуиция;

5) реверсивность, т. е. умение транспортировать мыслительную цепь в обратном направлении (по К. С. Станиславскому, «наоборотики»). Приведем пример «наоборотика», ставшего афоризмом: «Люди погибают не только от сердечной недостаточности, но и от недостаточной сердечности»;

6) эмпатичность мышления, т. е. умение проникать в ход мыслей другого человека. Пример эмпатичности мышления описан Э. По в рассказе «О мальчике, игравшем в чет и нечет». Мальчик переигрывает соперников потому, что отождествляет свой интеллект с интеллектом противника, играя с простодушным соперником иначе, чем с хитрецом;

7) обширность, универсальность знаний и связанная с этим способность привлекать знания и образы в поисках подсказок из других областей. Однако взаимосвязь между объемом имеющихся знаний и ориентированностью на творчество неоднозначна. С одной стороны, чем больше знаний получил человек в прошлом, тем более разнообразны его подходы к решению новых проблем. С другой стороны, знания могут ограничивать людей, приучать к использованию традиционных, стереотипных решений. В этом плане чем меньше знаний получил человек в прошлом, тем легче ему найти необычную, оригинальную идею решения. Известны примеры, когда ученые добивались значительных творческих успехов в новых для себя областях.

Сложилось несколько исследовательских подходов, которые отражают особенности человеческого мышления. Согласно одному из них, существует три *стратегии мышления*, выделенные и изученные Д. Брунером и М. Левиным, которые используются людьми при решении различных задач. Они различаются по уровню сложности и степени эффективности. Так, выделяют следующие стратегии:

1. Случайный перебор (метод проб и ошибок) – состоит в том, что первичный выбор решения осуществляется случайным образом.

Затем решение реализуется на практике. При неудаче все повторяется, и так до тех пор, пока задача не будет решена. Понятно, что при такой стратегии решение проблемы затягивается, и возрастает вероятность отказа от дальнейших попыток. Прибегают к ней обычно дети или субъекты со слабо структурированным мышлением.

2. Рациональный перебор – выдвигается и исследуется некоторое центральное, промежуточное или наименее рискованное предположение. Затем, отсекая каждый раз по элементу, сужают круг поиска. Таким образом, приближение к правильному решению приобретает целенаправленный характер, происходит последовательно и с большей вероятностью успеха. Время поиска сокращается.

3. Систематический перебор – формулируются все возможные решения, которые затем по очереди анализируются, а самые подходящие из предварительно отобранных – проверяются. Данная стратегия дает наиболее надежные результаты и часто используется при научном подходе к анализу проблемы.

Согласно другому исследовательскому подходу к анализу мышления, существует два способа решения той или иной проблемы. Одни люди полагают, что есть только одно верное решение, и пытаются найти его с помощью уже имеющихся знаний и логических рассуждений. Это, по определению Дж. Гилфорда, конвергентное мышление, при котором все усилия концентрируются на поиске единственно правильного решения. Другие, напротив, начинают искать решение по всем возможным направлениям с тем, чтобы рассмотреть, как можно больше вариантов. Такой «веерообразный» поиск, чаще всего приводящий к оригинальным решениям, свойственен дивергентному мышлению. Творческим людям обычно свойственно именно дивергентное мышление. Такие люди склонны образовывать новые комбинации или замечать связь между элементами, не имеющими, на первый взгляд, ничего общего.

Дж. Гилфорд выделяет следующие особенности творческого мышления.

1) пластичность – творческие люди предлагают множество решений тогда, когда обычный человек может найти лишь одно или два;

2) подвижность – т. е. для творческого человека не составляет труда перейти от одного аспекта проблемы к другому, не ограничиваясь одной единственной точкой зрения;

3) оригинальность – это главная особенность, поскольку творческим человеком порождаются неожиданные, небанальные и непривычные решения.

По выражению Ф. Баронна, «творческая личность разглядит в силуэте горной цепи очертания головы крокодила, сравнит пустые полки в библиотеке с пустыми глазами идиота, найдет два десятка различных применений зубочистке или газете».

Способность человека отказываться от стереотипных способов мышления принято называть креативностью. Дж. Гилфорд выделил четыре фактора креативности, или четыре основных способности личности, которые определяют ее готовность к творчеству:

1) оригинальность – способность продуцировать отдаленные ассоциации и необычные ответы (для определения данной способности испытуемому предлагается предмет, к которому он должен предложить как можно больше названий);

2) семантическая гибкость – умение выделить функции объекта и предложить его новое использование (испытуемым предлагаются авторучка, огурец, карманные часы, лампочка, шарик; задание – разжечь с их помощью огня; ответ – карманные часы можно использовать как увеличительное стекло);

3) образная адаптивная гибкость – способность изменить форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые возможности (испытуемому предлагается головоломка со спичками, где необходимо переместить несколько спичек так, чтобы изменить исходную конфигурацию на заданную тему);

4) семантическая спонтанная гибкость – умение продуцировать разнообразные идеи в сравнительно неограниченной ситуации (например, заданный промежуток времени) (испытуемому предлагается привести все возможные способы использования обычных вещей или перечислить как можно больше объектов, принадлежащих к определенному классу)¹.

Различают два вида мышления: творческое и критическое. Так, творческое мышление – это мышление, результатом которого является открытие принципиально нового или усовершенствованного решения той или иной задачи. Критическое мышление представляет собой проверку предложенных решений с целью определения области их возможного применения. Творческое мышление направлено на создание новых идей, а критическое – выявляет их недостатки и дефекты. Для эффективного решения задач необходимы оба вида мышления, хотя используются они раздельно.

---

¹ Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта. Лекция, прочитанная в Стенфордском университете 13 апреля 1959 г. // Психология мышления : тесты : пер. с англ. / под ред. А. М. Матюшкина. М. : Прогресс, 1965. С. 433–456.

Приведем основные препятствия на пути творческого мышления:

- конформизм – человек опасается высказать необычные идеи из-за боязни показаться смешным или не очень умным;
- цензура – в особенности внутренняя (скромность, добросовестность, неуверенность);
- ригидность – оцепенелость, неспособность к изменениям;
- желание найти ответ немедленно.

Рассмотрим основные препятствия на пути критического мышления:

- опасение быть слишком агрессивным, поскольку критиковать – невежливо;
- боязнь возмездия, т. е. ответной критики;
- нежелание переоценивать новые идеи – когда человеку слишком нравится то, что он ранее создал, он с большой неохотой от него отказывается;
- чрезмерная стимуляция творческой фантазии – в таком случае критическая способность может остаться неразвитой.

Критическое мышление нужно отличать от критической установки. Несмотря на то что критическое мышление запрещает некоторые идеи или отбрасывает их из-за непригодности, его конечная цель конструктивна. Критическая установка деструктивна по своей сути. Стремление критиковать единственно ради критики имеет скорее эмоциональный, чем когнитивный характер, представляя собой так называемое постоянное брюзжание. Для того чтобы получить критический отбор выдвинутых идей надлежащим образом, необходимо:

- соблюдать известную, в том числе временную, дистанцию, т. е. уметь оценивать свои идеи объективно, посмотреть на них со стороны;
- учитывать критерии, или ограничения, определяющие практические возможности внедрения новых идей.

Несмотря на то что каждая творческая личность в значительной мере индивидуальна, таких людей объединяет ряд *особенностей характера* (личностных черт). Среди личностных характеристик, которые в той или иной комбинации присущи многим творческим людям, чаще всего называют:

- 1) независимость – способность выработать самостоятельную точку зрения, не связывать оценку той или иной информации с авторитетностью источника;
- 2) инициативность – абсолютное большинство открытий делается, а художественных произведений создается по инициативе их авторов;

3) желание уклоняться от шаблона, оригинальность;

4) способность к концентрации психической энергии, колоссальная работоспособность, сильный волевой характер. В качестве примера приведем сведения из биографии Б. Микеланджело.

«Я ни о чем другом не помышляю, как только день и ночь работать», – говорил мастер. Жажда деятельности превращалась для него в своего рода манию: он взваливал на себя одну работу за другой, принимал больше заказов, чем мог выполнить. Он мог годы проводить в каменоломнях, отбирая мрамор и строя дороги для перевозки; он хотел быть одновременно инженером, чернорабочим, каменотесом. Боясь потерять лишнюю минуту, он недоедал, недосыпал. В его письмах повторяется одна и та же жалоба: «Я едва успеваю проглотить кусок... Не хватает времени даже поесть...» Питался он куском хлеба, запивая его глотком вина. Спал очень мало. В постель укладывался, не раздеваясь и не снимая обуви. Подобный образ жизни привел к тому, что он постоянно хворал. Судя по письмам, у него было по крайней мере 15 тяжелых болезней. Расписывая свод Сикстинской капеллы, он много месяцев подряд работал с запрокинутой головой и «так испортил себе зрение, что еще долго мог читать письма и разглядывать предметы только подняв их над головой». Он сам подшучивал над собой:

«От напряжения вылез зуб на шею...

Живот подполз вплотную к подбородку,

Задралась к небу борода,

Затылок прилип к спине...

В живот воткнулись бедра, зад свисает...

Мутится, судит криво рассудок мой».

5) чувство юмора (общеизвестна рубрика «великие шутят»). Творческие люди любят забавляться, и голова у них всегда полна чудных идей. Предпочитают новые и сложные вещи привычным и простым. Их восприятие мира непрерывно обновляется. Сохраняют детскую способность удивляться и восхищаться. Часто они мечтатели, которые порой кажутся сумасшедшими из-за своего стремления реализовать «бредовые» идеи. Причем в таких ситуациях адекватным образом воспринимают то, что они делают или пытаются сделать.

Кроме того, Ф. Баррон в числе отличительных черт творческой личности называл беглость речи, импульсивность, независимость суждений, оригинальность, широту интересов. Различные исследования показали, что творческие личности отличаются большими умственными способностями, желанием экспериментировать и накапливать новый опыт, свободой от внутренних самоограничений, эстетической впечатлительностью, гибкостью и независимостью мышления и действий, высокой творческой энергией, способностью концентрировать свои усилия, стремлением к решению все более трудных задач.

Существует несколько типологий творческих личностей. Так, П. К. Энгельмейер отмечал, что гений проявляется в способности интуитивно схватывать идею. Для ее разработки достаточно таланта, а для выполнения – прилежания¹. Выделяют также творчески малопродуктивных ученых-эрудитов, называемых «учеными-библиотекарами», и творчески продуктивных ученых с богатой фантазией и блестящей реакцией на различные намеки и подсказки.

Согласно типологии Г. Гоу и Д. Вудворта, выделяют восемь типов ученых:

1) пионер – открыватель путей в неведомое, создатель новых школ и направлений;

2) фанатик – увлечен идеей;

3) эрудит – образован и начитан, но лишен побуждения искать что-либо новое;

4) диагност – критичен, обладает зорким взглядом, легко замечает чужие просчеты, уязвимые места теорий;

5) техник – успешно решает поставленные другими задачи, доводит до завершения чужие идеи;

6) эстет – любит утонченные интеллектуальные проблемы, особенно ценит изящество в их решении;

7) методолог – придает значение не самому решению проблемы, а методологическим предпосылкам и тем выводам, которые можно извлечь из того, каким путем решаются задачи, поэтому любит обсуждать свои проблемы с коллегами;

8) независимый – ученый-одиночка, не любит работать в коллективе, избегает руководящих постов и уклоняется от необходимости подчиняться².

В свою очередь, Г. Селье выделял, не без чувства юмора, 16 типов ученых-исследователей:

1) «собиратель фактов» – все новые факты для него одинаково интересны и одинаково бессмысленны, так как он даже не пытается их оценить;

2) «совершенствователь приборов и методик» – так захвачен процессом улучшения методики, что не имеет времени использовать ее;

---

¹ Энгельмейер П. К. Изобретения и привилегии: Руководство для изобретателей со вступительным письмом гр. Л. Н. Толстого / сост. П. К. Энгельмейер, для членов при Император. Моск. техн. училище Политехн. общ-ва. 2-е изд., испр. и доп. М. : тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1900. XII, 306 с.

² Gough H. G., Woodworth D. G. Stylistic variations among professional research scientists // J. of psychology. 1960. Vol. 49. P. 87–98.

3) «книжный червь» – много читает, эрудирован, но не умеет работать руками;

4) «классификатор» – отличается тем, что ставит факты в ряды, группирует сходные элементы. Подвержен риску создать классификацию по случайным, несущественным признакам;

5) «аналитик» – в детстве разбирал часы, чтобы узнать, почему они тикают, но собрать их не мог. Став ученым, продолжает все разбирать на части. Не всегда помнит, что цель разделения объекта на части – выяснить, как эти части можно соединить;

6) «синтетик» – высший тип ученого, так как анализ и классификация служат лишь подготовкой к синтезу. Но ему грозит опасность, если он забудет спросить себя: стоит ли синтезировать то, что он синтезирует;

7) «большой босс» – стремится к успеху, заставляет работать других, сам лишь «натягивает вожжи» и представляет. Эгоистичен, жесток, обладая «чугунным» умом, не понимает того, что делают его подчиненные, но поддерживает миф о своем чутье на то, «что именно нужно сейчас в науке»;

8) «торопыга-бобр» – настолько преисполнен желанием продвигнуться, что не имеет времени подумать: а куда двигаться? Изучает проблему не потому, что она его интересует, а потому, что есть возможность быстро решить ее и подняться на очередную ступеньку карьерной лестницы;

9) «холодная рыба» – постоянно выражает показной скептицизм и любит предрекать неудачи. Не делает ошибок и не совершает открытий;

10) «женщина – высохшая вобла» – вся состоит из острых углов и лишена воображения. Беспощадна к человеческим слабостям подчиненных и неизменно влюбляется в непосредственное начальство. Полезна при выполнении однообразной работы, требующей аккуратности, и в укреплении дисциплины;

11) «нарциссист» – благоговеет перед своим талантом. Кроме самоуверенного типа, есть две разновидности, которые постоянно на чеку в ожидании угрозы своему престижу:

а) «сварливый тореадор» – ищет повод проявить твердость и мужество;

б) «мимоза» – на большинство раздражителей отвечает замороженной гримасой безразличия;

12) «агрессивный спорщик» – в школе был способным всезнайкой. Главное для него – доказать свою правоту. Для этого готов

использовать сомнительные доказательства и не останавливается перед обманом;

13) «акула» – стремится поставить свою подпись под возможно большим количеством статей или как можно чаще попасть в афишу;

14) «святой» – истинно чист в помыслах, словах и поступках. Его самозабвенный жертвенный альтруизм мешает работе;

15) «святоша» – лицемер, ханжа;

16) «добропорядочно-благоразумный» – добросовестный кормилец семьи, прекрасная невинность, отсутствие фантазии и инициативы¹.

---

¹ *Селье Г.* От мечты к открытию: Как стать ученым / пер. с англ. Н. И. Войкунской ; послесл. М. Г. Ярошевского, И. С. Хорола. М. : Прогресс, 1987. 368 с.

10. ОСОБЕННОСТИ БИОГРАФИИ ТВОРЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

Большую роль в проявлении и развитии творческих способностей играет период детства и юности. Так, В. А. Моцарт сочинил первую симфонию, когда ему было 10 лет, а его первая успешная опера «Бастьен и Бастьенна» была готова к 12 годам. С. С. Прокофьев принес свои сочинения А. К. Глазунову, в том числе оперу «Ундина», в девятилетнем возрасте. М. Ю. Лермонтов написал «Мцыри» в 16 лет. С. В. Рахманинов написал оперу «Алеко», а А. С. Пушкин – поэму «Руслан и Людмила» в 18 лет.

Детство проходило у гениев по-разному, но обычно уже тогда у них проявлялись творческие способности. Приведем пример из биографий Н. Паганини и Ф. Листа.

Религиозно настроенная мать Н. Паганини увидела во сне ангела, который предрек ее любимому сыну карьеру великого музыканта. Поэтому у Николо почти не было детства. Маленького скрипача запирали для занятий в темный чулан, а отец бдительно следил, чтобы тот непрерывно играл. Карой за непослушание было лишение еды. Позднее Паганини написал в автобиографии, что первыми встречами с искусством он был обязан отцу. Из-за пристрастия к азартным играм тот часто проводил время дома. От сына же требовал, не останавливаясь со своей стороны ни перед чем, чтобы тот с утра до вечера не выпускал скрипку из рук. Говоря по правде, этот жестокий подход был абсолютно не нужен, так как мальчик сам испытывал огромное влечение к инструменту, на котором занимался неслыханно много и открывал все новые и новые, неизвестные до того времени выразительные возможности.

Отец Ф. Листа – Адам Лист – музыкант, виолончелист, был вынужден ради заработка работать приказчиком у венгерского князя Эстерхази. Отец каждую свободную минуту проводил за роялем. Много играл без нот, по памяти. Ференцу шел четвертый год. Как-то вечером, когда ему уже пора было идти спать, мальчик неожиданно попросил: «Можно мне еще немного послушать музыку?» – «Хорошо оставайся». Теперь по вечерам они сидели вдвоем у рояля. «Ну, ты запомнил хоть одну мелодию?» – однажды спросил отец. «Одну?» – удивленно посмотрел на него мальчик. – «Я их помню все». И он звонким голосом очень чисто спел отцу несколько мелодий.

На следующий день родители маленького Ференца первый раз серьезно поссорились. «Мальчика нужно учить музыке», – сказал отец. – «Зачем?» Но у отца уже пробудился прежний, казалось, навеки уснувший, уже погребенный мечтатель. Он начал учить сына музыке. Но до чего же странное это обучение: будто он просто помогает сыну вспоминать язык, который мальчик великолепно знал когда-то и лишь чуточку забыл. И нужно только

воскресить в его памяти это забытое. Некоторое время Адам даже пытался сдерживать мальчика. Ведь это ненормально, что ребенок в восемь лет во сто раз быстрее осваивает то, что едва по плечу другим детям. Но потом отец вдруг замечает, что уже не он руководит мальчиком, а тот увлекает его за собой. Мать более трезво смотрит на вещи. Ребенок целыми днями сидит за роялем, перевозбужден, плохо ест. Теперь родители ссорятся каждый день. Адам борется за свою мечту. Мать – за жизнь сына. Однажды вечером мальчик потерял сознание. Так и нашла его мать – лежащим на полу ничком. Три недели тяжелой болезни. А на четвертую он встал с постели. И первые шаги его были к роялю.

Мальчику только восемь лет, а он своей игрой уже повергает в замешательство не только отца, но и нескольких старых музыкантов, что остались при дворе Эстерхази. Ему показывают ноты, и он, едва взглянув на них, начинает играть. Играет без единой запинки. Затем закрывает нотную тетрадь и исполняет эту же вещь еще раз, уже по памяти. Тогда же состоялся первый концерт восьмилетнего Листа перед местной знатью. Когда черед дошел до Ференца, и он по знаку дирижера ударил всеми десятью пальцами по клавишам, публика вскрикнула от изумления. Под детскими пальчиками родился такой аккорд, словно вдруг зазвонил большой соборный колокол... После исполнения фортепианного концерта в сопровождении небольшого оркестра Ференц звонко спросил, обращаясь к сидящим в зале: «Импровизацию на какую мелодию вы желали бы услышать?» В ответ – настоящая буря аплодисментов. Среди общего шума все же удается услышать и разобрать несколько выкриков: «Дуэт Дон Жуана и Церлины!», «Септет Бетховена!» Мальчик задумался, отлично понимая, что вот сейчас и начнется настоящий экзамен.

В ту эпоху ценили, конечно, прилежание, с которым музыкант усваивает и исполняет произведение другого композитора, беглость и виртуозность игры. Но превыше всего тогда стояло умение импровизировать. Мелодию можешь заимствовать у другого, ну а остальное должен привнести в исполняемую пьесу сам. И вот над залом поплыла мелодия – сначала еще едва различимая, но со все нарастающей силой и наконец принимающая свой законченный вид. – «Моцарт!»

После этого успеха пришло время экзамена у князя Эстерхази. Дирижер Фукс раскрыл ноты: «Сыграй нам седьмую страницу!» Мальчик пробежал глазами нотную запись и спокойно принялся играть – не слишком медленно, но и не спеша; естественно, как говорит человек на своем родном языке. Фукс усложнил задание: «В какой тональности ты сейчас сыграл?» – «В ре минор». – «Ну а теперь сыграй это же в си минор». Мысль Фукса ясна: если мальчик задумается или начнет что-то подсчитывать в уме, то вся легенда о чуде тотчас развеется. Но ребенок, не задумываясь, начинает играть в новой тональности так же спокойно и уверенно. Тут уже и князь не выдерживает: «Ты в самом деле впервые видишь эти ноты?» – «Да».

В дальнейшем – денежная поддержка князя Эстерхази и отъезд в Вену, Баден, учеба у профессора Карла Черни, Сальери. В 12 лет аплодисменты Бетховена.

Творческая активность молодого человека – это во многом результат воздействия целого ряда положительных факторов, прежде всего благоприятного взрослого окружения, которое выступает для ребенка в качестве образца, эталона для подражания. Развитию творческих способностей содействует активная, деятельная позиция взрослых. Не менее значимо положение ребенка в семье. Оптимальной является позиция старшего, а не младшего, единственного или позднего ребенка. В худшем положении находится последний ребенок в семье, который не имеет возможности придумывать игры вместе с малышом. Основные различия между девочками и мальчиками касаются вербальных и пространственных способностей. Если девочки чаще всего преуспевают в чтении и письме, то мальчикам больше свойственен интерес к математике и способность легко представлять себе трехмерные объекты по двумерным изображениям. К пробуждению творческого начала ведет положение ребенка в качестве лидера коллектива. Такой же эффект имеет и его отвержение группой. Демократический стиль взаимоотношений родителей с детьми коррелирует с развитием творческих способностей значительно больше, чем авторитарный или попустительский. Жесткий контроль или полная бесконтрольность в одинаковой мере неблагоприятны. Особенно важно ощущение человеческого тепла, доверия и уважения со стороны взрослых. Это же относится к поощрению самостоятельности, непосредственности, уверенности в себе и развитию чувства ответственности.

Сложности развития одаренных детей во многом связаны с тем, что современная школа часто считает, что «хороший ученик» – это спокойный ребенок, ничего не говорящий без разрешения, отвечающий только на те вопросы, которые ему задают, и именно так, как от него требуется. Общество (старшие поколения), в свою очередь, хочет, чтобы молодежь была на него похожа. По данным П. Торренса, около 30 % отчисляемых из школ (за неуспеваемость, неспособность и даже глупость) – дети одаренные и сверходаренные. Самоубийства среди одаренных детей встречаются в 2,5 раза чаще, чем у их неодаренных сверстников. Очевидна дискриминация одаренных детей в школе из-за ее ориентации на среднего ученика, излишней унифицированности программ. Одаренные дети быстро проходят начальные уровни развития интеллекта и оказывают сопротивление всем видам репродуктивной деятельности и формальным требованиям. Это часто оценивается учителями как лень, упрямство, глупость. Две трети времени в школе они проводят впустую, маскируя «интеллектуальный

саботаж». Одаренные дети намного быстрее сверстников проходят начальные этапы личностного развития и социальной адаптации (послушание и примерное поведение, ориентированное на получение положительной оценки взрослых). В подростковом возрасте они часто минуя фазу детского конформизма и оказывают сопротивление диктуемым правилам, групповым нормам и ориентации на авторитарных лидеров. К концу обучения в школе они быстрее других достигают третьего уровня адаптации по модели Л. Кольберга, на котором ведущим является внутренний локус контроля и пересмотр конвенциональных образцов поведения и установок.

Приведем основные категории (проявления) одаренности, предложенные С. Марлэнд:

- 1) общая интеллектуальная одаренность;
- 2) специфическая одаренность (отдельные признаки незаурядных способностей);
- 3) предпочтение заниматься каким-то определенным видом деятельности (ранняя умственная специализация);
- 4) предрасположенность к художественным видам деятельности;
- 5) «творческость», или продуктивность, мышления;
- 6) способность к лидерству (волевые начала, твердость характера, инициативность, самостоятельность, душевный магнетизм, убежденность (харизма), опыт, знания, в детском возрасте – физическое развитие);
- 7) психомоторные способности, связанные с мышечно-двигательной системой.

Помимо этого, С. Марлэнд различает детей, способных к одному типу занятий, и детей общедаренных, а также талант как способность и как тенденцию к личностному развитию.

В свою очередь, Н. С. Лейтес выделяет три *категории* одаренных детей:

1. Дети с ускоренным умственным развитием. Для них характерны систематичность мышления, повышенные возможности анализа и обобщения, высокая продуктивность умственной деятельности, быстрота мыслительных процессов. Высокий уровень интеллекта особенно заметен в младших классах. С 2–3 лет проявляют интерес к обучению. В 3–4 года умеют читать и считать, увлекаются географией, собирают какие-либо коллекции, занимаются различными вычислениями. Одно увлечение проходит, сменяясь другим. Могут на несколько лет опережать сверстников по умственному развитию, что отчетливо обнаруживается при поступлении в школу. Иногда стреми-

тельное умственное развитие продолжается и дальше. Перескакивают через классы. Характерны ненасытная познавательная потребность и поразительная умственная активность. Специфические трудности: родители часто встревожены необычностью ребенка, беспокоятся, не заболел ли он психически. Другой случай – атмосфера захваливания, неумеренная демонстрация успехов. В школе большинству учителей некогда заниматься с ними.

2. Дети с ранней умственной специализацией. При общем уровне интеллекта нередко со средних классов наблюдается особая предрасположенность к отдельному учебному предмету, роду деятельности. Углубленность интереса, легкость восприятия материала. Остальные предметы – в тягость. Иногда сфера познавательных интересов находится за пределами школьных программ. В школе не встречаются понимания и сочувствия. Учителя и родители хотят, чтобы они учились хорошо по всем предметам.

3. Дети с отдельными признаками незаурядных способностей. Нет высокого умственного развития или ранней умственной специализации. Но имеют ряд незаурядных качеств (необычная память, богатство воображения, проявляющееся в неожиданных ассоциациях, особая наблюдательность и др.). Не обеспечивая успехов в учебе, эти качества могут казаться не имеющими значения и как бы ненужными. Часто эти дети независимые, упрямые, недостаточно контактные и очень бурные, увлекающиеся. Проявление особых способностей может оказаться и возрастным, преходящим. Раннее проявление достоинств интеллекта может привести к привычке учиться, «хватая на лету», и тормозить развитие работоспособности как условия дальнейшего роста способностей. Отрицательные последствия может иметь слишком узкая специализация у детей с выраженной определенностью устремлений. Творчество у таких детей проявляется не столько в продуктах их творчества, сколько в поиске, тяге к нему. Большую роль играют игры, опирающиеся на воображение, изобретательность, импровизацию.

Различие между интеллектом и творчеством относительно, их не следует чрезмерно противопоставлять. Интеллект – это способность индивида адаптироваться к окружающей среде благодаря разумному мышлению и разумным действиям. Творческое мышление отличается пластичностью, гибкостью и, главное, оригинальностью. Личностные особенности творческих людей: антиконформизм, эклектизм, интерес ко всему сложному и новому, способность удивляться и восхищаться. Предпринимались попытки установить связь между интеллектом

и творческими способностями. В результате были выделены следующие *группы* детей (11–12 лет):

1) имеющие высокий уровень творчества и интеллекта – дети уверены в своих возможностях. Хорошо контролируют свои действия, оставаясь в то же время в этих действиях вполне свободными. Легко переходят от детского стиля поведения к взрослому. Хорошо интегрируются в обществе. Обладают высокой способностью к концентрации внимания и большим интересом ко всему новому;

2) обладающие слабыми творческими способностями, но высоким уровнем интеллекта – вся их энергия направлена на достижение успеха в учебе. Любая неудача воспринимается как катастрофа. Избегают риска и не любят высказывать собственное мнение, ограничиваясь ответами на вопросы. Подобная сдержанность не дает возможности открыться приятелям, а отсюда и пониженная общительность. Боятся самооценки;

3) имеющие низкий уровень интеллекта, но высокие творческие способности – в традиционной системе школьного воспитания оказываются самыми несчастными. Постоянно испытывают страх из-за противоречий между их собственными представлениями и требованиями школы, которые они никак не могут выполнить. Осознание этого недостатка приводит к комплексу неполноценности и неверию в свои возможности. Они раздражают учителей тем, что не могут сосредоточиться, и это приводит их к еще большей изоляции. Боятся оценки своих поступков другими и чувствуют себя особенно комфортно лишь тогда, когда им предоставляется возможность вести себя в соответствии с их собственным ритмом деятельности и собственной фантазией;

4) имеющие низкий интеллект, низкие творческие способности – наиболее адаптированы и довольны своей участью (по крайней мере, внешне). Верят в свои возможности и компенсируют недостаток интеллекта обилием социальных контактов или определенной пассивностью, которая вполне может сойти за равнодушие.

Таким образом, в условиях более или менее открытого принуждения к определенным правилам плохая адаптация наиболее вероятна у детей, принадлежащих к двум промежуточным группам¹.

Приведем примеры проявления детской одаренности.

И. П. Павлов вспоминал: «В семинарии, где я учился, круглые пятерки не считались таким уж завидным достижением. Это было обычным явлени-

---

¹ *Годфруа Ж.* Что такое психология : в 2 т. / пер. с фр. Н. Н. Алипова [и др.] ; под ред. Г. Г. Аракелова. М. : Мир, 1992. Т. 1. С. 438–440.

ем. Хорошо учились многие. Но если семинарист шел блестяще по одному-двум предметам и плохо успевал по остальным, это заставляло обратить на него внимание – не талант ли?»

Юность К. Моне была юностью бродяги. Он проводил больше времени в воде и на скалах, чем в классе. По натуре он был недисциплинирован, и школа всегда казалась ему тюрьмой. Он развлекался, разрисовывая голубые обложки и используя их для портретов своих учителей, сделанных в весьма непочтительной, карикатурной манере. В этой забаве он скоро достиг совершенства. В 15 лет он был известен всему Гавру как карикатурист. Он настолько упрочил свою репутацию, что со всех сторон его осаждали просьбами сделать карикатурные портреты. Изобилие подобных заказов и недостаточная щедрость родителей внушили ему смелое решение, которое шокировало его семью: за свои портреты он брал... по 20 франков. Получив таким образом некоторую известность, он стал вскоре «важной персоной» в городе. В витрине единственной в городе окантовочной лавки-мастерской гордо красовались его карикатуры, выставленные по пять – шесть в ряд. И когда он видел, как перед ними в восхищении толпятся зеваки, слышал восклицания: «Это такой-то!», – он готов был «лопнуть от гордости».

В родовом замке, создававшем атмосферу сказки, прошли детские годы Э. Сент-Экзюпери. Первая и самая сильная его привязанность – мать – талантливая художница, которая не знала иного воздействия на своих двоих детей, кроме любви. «Я впервые ощутил необъятность не на самолете, не посреди моря, – писал он впоследствии, – а на второй кровати в комнате матери. Заболеть было такой удачей. Каждый из нас, братьев, мечтал об этом. Грипп давал право на безбрежный океан. Я не очень-то уверен, что жил после того, как прошло детство». Стихи и сказки А. де Сент-Экзюпери стал сочинять с 16-летнего возраста. В католическом колледже, где он учился, его прозвали «лунатик» за задумчивый вид и привычку смотреть в окно. Прозвище приводило его в ярость. Может поэтому в таблице успеваемости «дисциплина» и «вежливость» оценивались самой низкой оценкой. В архиве колледжа сохранилась первая серьезная работа Э. Сент-Экзюпери – сочинение на забавную тему «Приключение цилиндра». Повзрослев, он хотел стать моряком, но провалил экзамены. Начал учиться на архитектора, но бросил. Записался добровольцем в авиационный полк. Это был, по его словам, прыжок в неизвестность. Но, главное, параллельно всему этому шел невидный со стороны процесс литературного творчества.

Рано стал читать и увлекся «Алисой в стране чудес» Л. Кэрролла Дж. Леннон. В скором времени появились первые его стихи. Однако на его стремление к литературному творчеству никто не обращал

внимания. «Такие как я, – отмечал он впоследствии, – осознают в себе признаки гениальности уже в десять, восемь или девять лет. До сих пор не пойму, почему никто не открыл меня? Неужели они не видели, что я умнее всех в школе». Из обычной средней школы Дж. Леннон перешел в художественный колледж. «Я доказал всем свою правоту и настаивал на самостоятельности. Конечно, я был бы огорчен, если бы не попал в колледж, но тем не менее я его в конце концов бросил. Там все было слишком гладеньким, аккуратненьким. Я этого терпеть не мог. Я всегда смешивал все цвета вместе. Однажды нам задали нарисовать рисунок на тему “Путешествие”. Я нарисовал сгорбленную спину, всю в мозолях. Естественно, никто не понял, что к чему. И все же я говорю, что мое детство было счастливым. Мне приходилось туго, но я никогда не отчаивался, и у меня всегда наготове была улыбка». Он рос без отца. Его мать играла на баджо и помогла сыну освоить десяток примитивных аккордов. Но она не любила, когда сын напевал песенки, услышанные по радио. «Я хотела, чтобы он брал уроки игры на пианино или скрипке. Но он терпеть не мог никаких систематических занятий. Хотел все делать сразу, не теряя времени. Его увлечение музыкой было одобрено и поддержано только однажды. Это случилось во время поездки в Эдинбург. Всю дорогу в автобусе он играл на губной гармошке, сводя пассажиров с ума. Но кондуктору понравилось, и он пообещал Джону утром подарить новую гармошку. Джон не спал всю ночь, но новая гармошка того стоила».

Потом Дж. Леннон начал петь в церковном хоре. Создал ансамбль. Однажды ансамбль выступал в саду возле церкви Святого Петра. Поблизости оказался другой мальчишка. Он играл на гитаре лучше Леннона. При этом его память хранила заокеанские шлягеры. Встреча могла закончиться потасовкой. В лучшем случае – распитием бутылки пива. Но мальчишку пригласили в ансамбль. Звали его Пол Маккартни. Пол привел в группу своего школьного друга. Звали его Джордж Харрисон.

Отец П. Маккартни – инспектор отдела утилизации отходов машиностроительной корпорации. Мать – медсестра. Отец вспоминал: «Пол, несомненно, мог поступить в университет. Но, узнав о моих намерениях, стал плохо учиться». Пол, в свою очередь, вспоминал: «Отец постоянно твердил мне, что необходимо получить приличный аттестат. Но я не обращал на его слова никакого внимания. Домашние задания были сущим проклятием. И почему я должен торчать за

книжками, если все мальчишки во дворе?» Когда Полу было 14 лет, умерла его мать. Первым музыкальным инструментом для Пола стала труба, которую он получил в подарок. Трубу он не освоил и попросил купить гитару. Дело не ладилось, но затем он перетянул струны так, чтобы брать аккорды левой рукой, поскольку был левшой. Гитара заменила ему все. Его младший брат вспоминал: «Та энергичная ожесточенность, с которой Пол осваивал гитару, была, скорее всего, реакцией его психики на смерть матери».

Достаточно много написано на тему наилучшего возраста для раскрытия способностей к научному мышлению. Так, Эварист Галуа (1811–1832) создал новую теорию алгебраических уравнений и представил Парижской академии наук, будучи еще 16-летним школьником. В 19 лет он опубликовал работу, которая стала классической, и благодаря которой он был признан одним из величайших математических гениев всех времен.

Однако подобно быстрому развитию имеет место исключительно среди математиков, музыкантов, художников и поэтов. И то далеко не всех. Вряд ли это возможно, согласно Г. Селье, в медицине, физике или химии, где необходимыми качествами являются опыт и эрудиция.

Нередко элементарное признание не приходило сразу к впоследствии общепризнанным мастерам. Так, О. Роден в Большую школу изящных искусств поступал три раза. На третий год экзаменационная комиссия рядом с именем Родена написала: «Принять невозможно. Совершенно лишен способностей. Не имеет представления о том, что от него требуется». После этого скульптор на год ушел в монастырь. Однако отличительная черта многих творческих гениев – исключительное трудолюбие. Особенно важное значение трудолюбие имеет на начальном этапе творческого пути, когда происходит становление творческой личности, выбор своего пути в науке или искусстве.

Впоследствии О. Роден писал о том, как он работал, когда ему было 25–30 лет: «Да, я всегда любил труд. Когда я начинал, я был хилым, необычайно бледным, как моя бедность. Однако нервное перенапряжение, полное страсти, заставляло меня работать без отдыха. Я никогда не курил, чтобы не отвлекаться от работы ни на минуту. Я работал по 14 часов ежедневно и отдыхал лишь по воскресениям. Тогда мы с женой отправлялись в какую-нибудь харчевню, где получали знатный обед за 3 франка на двоих. И этот обед был единственной наградой за всю неделю».

У многих деятелей научной и художественной сферы любовь к труду сохранялась на протяжении всей жизни. Так, 78-летний Дж. Верди, работая над оперой «Фальстаф», писал: «Когда я был молодым, хотя и болезненным, я мог просиживать за столом от 10 до 12 часов, работая без передышки; и я не раз принимался за работу в 4 часа утра и сидел до 4 часов пополудни, проглотив одну-единственную чашку кофе и работая, не переводя дыхания. Теперь я этого, увы, не могу». Однако премьера «Фальстафа» состоялась в театре Ла Скала 9 февраля 1893 г. Дж. Верди на тот момент было 80 лет.

Нередко творческого человека всю жизнь преследуют сомнения. В 1853 г. 25-летний Л. Толстой, только что закончивший работу над повестью «Детство», пишет: «Есть ли у меня литературный талант – положительно нет». Можно привести строки из его письма Н. Н. Страхову, датированному 25 ноября 1870 г. (17 лет спустя): «У меня не только нет названия тому, что я буду писать (названий вообще я никогда не умею придумывать и приискиваю большей частью, когда все написано), но и нет ничего, над чем бы я работал. Я нахожусь в мучительном состоянии сомнения, дерзких замыслов невозможного или непосильного и недоверия к себе и вместе с тем упорной внутренней работы. Может быть, это состояние предшествует периоду счастливого самоуверенного труда, подобно тому, который я недавно пережил, а может быть, я никогда больше не напишу ничего». Наконец, в дневнике С. А. Толстой читаем о великом писателе запись 1876 г.: «Всю осень он говорил: “Мой ум спит” – и вдруг неделю тому назад, точно что расцвело в нем, он стал весело работать и доволен своими силами и трудами».

Во время работы над «Обломовым» и «Обрывом» сомнения терзали И. Гончарова: «Я крайне недоверчив к себе. Не вздор ли я пишу? Годится ли это? Не дичь ли?»

По свидетельству дочери Ч. Чаплина, тот никогда не смотрел своих фильмов после их выхода на экран: терзался мыслью – не допущена ли какая-нибудь оплошность. Так же поступал Ф. Феллини: «Я ни разу не пересматривал ни один свой фильм в кинотеатрах. Я начинаю испытывать что-то вроде стыда. Мне словно не хочется видеть, как мой друг делает что-то такое, с чем я не согласен».

Советы по поводу борьбы с сомнениями, оставшиеся нам от великих творческих личностей, весьма разнообразны и противоречивы. Ф. Шопен учил своих учеников: «Верьте, что вы играете хорошо, и тогда вы будете играть лучше».

Иначе советовал вести себя в этой ситуации Ф. Достоевский: «Работа при сомнении никуда не годится, лучше от нее на время отойти». Замечено также, что в подобной ситуации отчасти помогает посторонняя похвала, но ее позитивный эффект чаще всего длится недолго.

Для творческого человека очень значимо признание его таланта и достижений. Путь к признанию непростой. Нередко признание приходит в конце или после завершения жизненного пути. Когда знаменитый французский микробиолог и химик Л. Пастер сообщил, что болезни могут переноситься микробами, его первоначально высмеяли.

Как достигается признание? Широко распространено мнение, что наиболее прямой и достойный путь к успеху – признание в компетентной среде. Р. Шуман в своих «Жизненных правилах для музыкантов» пишет: «Одобрение художников пусть будет для тебя ценнее одобрения целой толпы».

Случалось и такое, что успеху предшествовал скандал. Так, популярности картины Г. Курбе «Купальщицы» способствовало то, что супруга Наполеона III на одной из выставок отстегала эту картину хлыстом. Скандал сопутствовал первому представлению балета И. Ф. Стравинского «Весна священная». Известный театральный деятель С. П. Дягилев высказал по этому поводу единственное замечание: «В точности то, чего я хотел».

Намного раньше публичного признания художник часто нуждается в собственном признании наличия у себя таланта, способности создавать вещи, ценные в творческом отношении. По этой причине стремление к публичному признанию не может быть всеобъемлющим. Р. Ролан писал о К. Сен-Сансе, что ни один художник не заботился меньше о публике, не был более равнодушен к мнению толпы и избранных. Став известным, К. Сен-Санс продолжал оставаться столь же независимым как перед лицом похвал, так и порицаний и с суровой меланхолией говорил о своих триумфах. Р. Ролан приводит следующее его высказывание: «Я весьма мало чувствителен к критике и к похвалам; отнюдь не потому, что я преувеличиваю свое значение, – это было бы глупостью, – но потому, что мне, создающему свои произведения сообразно с функцией своей природы, наподобие яблони, приносящей яблоки, нечего беспокоиться о мнении, которое может быть высказано на мой счет».

Понятна и гордость, особенно молодого человека, за свои первые успехи. После выступления в 19 лет на консерваторском вечере,

где впервые под его управлением прозвучали его же симфонические произведения, С. Прокофьев пишет: «Я выступил сразу как композитор, дирижер и пианист, не правда ли, шикарно?»

Однако последствия признания влияют на творческую личность неоднозначно. Весьма уместно связи с этим привести высказывание С. Цвейга о Ч. Диккенсе: «Его чудесная фантазия, которая могла бы парить над этим тесным миром, запуталась в тенетах славы. На его вдохновение ложится тяжкий груз глубокой удовлетворенности». Подтверждается известный афоризм: «Гораздо больше людей могут противостоять неудаче, нежели успеху». А. Эйнштейн высказывал свое мнение по этому поводу следующим образом: «Из всех великих ученых, которых я знал, одна только мадам Кюри осталась совершенно неиспорченной успехом».

Неизменная особенность творческого пути – перепады периодов активной деятельности и творческого застоя, нередко очень серьезных кризисных ситуаций, когда, как говорят, «не работается». М. М. Пришвин писал: «Самое трудное в деле писателя не писание: писание – это самое легкое. А трудно то время, когда не пишется».

В той или иной степени творческие кризисы испытывал каждый известный художник и ученый.

Как художники выходили из кризиса и начинали плодотворно работать? Одним из первых, кто пытался разобраться в этом, был С. Рахманинов, который писал, что художник, оказавшийся в такой ситуации, ищет вдохновения. Однако вдохновение приходит далеко не всегда или, по крайней мере, не сразу.

П. И. Чайковский писал: «Нет никакого сомнения, что даже и величайшие музыкальные гении работали, иногда не согретыые вдохновением. Это такой гость, который не всегда является на первый зов. Между тем, работать нужно всегда, и настоящий, честный артист не может сидеть сложа руки под предлогом, что он не расположен... Часто я жалею о том, что мне приходится без отдыха работать. Но что бы я делал, если бы не было работы!!! В сущности я без нее и дня прожить не могу».

Работать, несмотря ни на что, – так поступали, преодолевая свое кризисное состояние, многие. За несколько месяцев до смерти Л. ван Бетховен писал своему другу Ф. Вегелеру: «Я по-прежнему слеую правилу: ни одного дня без строчки». Изречение «Ни дня без строчки» было написано у Э. Золя над камином. М. Метерлинк каждый день в один и тот же час садился за письменный стол и не вставал из-за него до обеда, даже если ему и не удавалось написать

ни единой фразы. И. В. Гете, В. Скотт, В. Гюго, Г. Флобер усаживались за работу с пунктуальностью чиновников. У художников такое правило приобретало иную форму – «Ни дня без линии».

Есть еще один путь выхода из кризиса – перемена творческого амплуа. В. Скотт начинал как поэт. Но впоследствии писал: «Уже давно я перестал писать стихи. Некогда я одерживал победы в этом искусстве, и мне не хотелось бы дожидаться времени, когда меня превзойдут здесь другие. Рассудок посоветовал мне свернуть паруса перед гением Байрона». И тогда В. Скотт открыл для себя новую сферу творчества, благодаря которой в первую очередь и стал знаменитым, – исторический роман.

Особо ответственные, критические ситуации, в которых решается дальнейшая творческая судьба, протекают по-разному и по-разному завершаются. Имеют различную временную протяженность. В одних случаях им на смену приходят периоды творческого вдохновения и активной работы. Л. Бетховен после кризиса 1812–1814 гг. создал ряд выдающихся произведений, включая 9-ю симфонию. С. Рахманинов, потерпев неудачу с 1-й симфонией, впал в жестокую депрессию. Более трех лет не брался за перо, но в итоге создал 2-й фортепианный концерт, принесший ему мировую известность.

В других случаях творческий прорыв, вспыхнув на какое-то время, уходит навсегда. Д. Россини блестяще начал свой творческий путь, создав оперу «Севильский цирюльник», которая была поставлена впервые, когда ему было 24 года. Но фактически закончил свою музыкальную карьеру в середине жизненного пути оперой «Вильгельм Телль» в 1829 г., хотя прожил до 1868 г.

Иногда творчество становится средством выхода из тяжелого душевного кризиса. Любовное разочарование ввергло 20-летнего И. В. Гете в состояние глубокой депрессии, он помышлял о самоубийстве. Однако впоследствии писал: «Я преодолел эти мрачные настроения и решил жить. Но для того, чтобы жить спокойно, я должен был написать произведение, где выразил бы все чувства, мечтания и мысли того важного периода моей жизни». Так возникли «Страдания юного Вертера» – произведение, принесшее 25-летнему И. В. Гете первую известность.

Муки стимулируют творчество – эта мысль часто встречается в высказываниях творческих личностей. Ф. Достоевского за год до его кончины посетил 15-летний Д. С. Мережковский, решивший стать писателем, – и услышал от него: «Чтоб хорошо писать, страдать надо, страдать».

Ф. Лист вспоминал слова Р. Вагнера, что будь тот счастлив в жизни, он не написал бы ни строчки. Схожее высказывание мы встречаем у итальянского живописца и скульптора А. Модильяни: «Муки стимулируют мою работу».

Вместе с тем известны случаи, когда творческие кризисы имели трагический исход. Так, австрийский композитор Х. Вольф родился в 1860 г. Начал учиться в Венской консерватории, но спустя два года был исключен за нарушение дисциплины. В дальнейшем занимался лишь самообразованием. Много читал, увлекался литературой. Не имея рояля, изучал музыкальные произведения визуально, внутренним слухом. Благодаря друзьям получил место музыкального критика, но из-за своих критических статей нажил массу врагов. До 27 лет не создал ничего серьезного в музыке. И вдруг в течение 3 месяцев написал 53 песни на стихи Э. Мерике. Едва закончив этот цикл, приступил к созданию «Альбома песен Гете» (51 песня). Всего за полтора года написал около 200 песен. Затем его гениальность будто иссякает. Пишет друзьям отчаянное письмо: «О том, чтобы сочинять, нет и помину. Бог знает, чем это кончится. Небо дарит человеку гений весь целиком или не дает ничего. Ад дал мне всего наполовину». Однако через два года у него новый творческий подъем. Пишет подряд 15 итальянских песен. Иногда по несколько песен в день. В целом же этот творческий подъем уже менее продолжителен и менее плодотворен. Вскоре он сменился глубочайшей депрессией. Последние 5 лет жизни он провел в клинике для душевнобольных, где и скончался в 1903 г.

История Х. Вольфа – пример далеко не единичный. У многих других знаменитых деятелей творческие проблемы дополнялись и усиливались житейскими. Так, Г. Галилей был изгнан с родной земли и вынужден скитаться из одного города в другой, пока его не бросили в тюрьму и не потребовали отречься от своих открытий как от недостойных заблуждений. Р. Декарт также был изгнан, странствовал, служил в армии, был врачом, философом, математиком и умер на чужбине. Долгое время не решался публиковать свои великие открытия Н. Коперник и увидел их в напечатанном виде лишь накануне смерти.

Когда Ф. Гайдну исполнилось 18 лет, и его голос стал «ломаться», он был исключен из придворной капеллы, где пел с 8-летнего возраста. Случайное знакомство с тетрадью клавирных сонат И. С. Баха стало откровением для него в начальный период его творчества. Затем он вступил в брак, но жена абсолютно не воспри-

нимала и не понимала его творчество. Поступил на службу под покровительство князя Эстерхази. Но вместе с постоянным местом работы и заработком приобрел подчиненное положение, оказался перед непрерывной необходимостью выполнять заказы. Не мог свободно распоряжаться своим временем. Такие житейские проблемы следовали «отца симфонии», как называли его еще современники.

И. Брамс ради грошовых заработков, скрываясь под псевдонимами, издавал салонную музыку. Не имел ни средств, ни знакомств, чтобы получить доступ на концерты в Гамбурге, где жил. Все музыкальные знания черпал из нот-сочинений. Материальная необеспеченность не позволила решиться на брак. Премьера 1-го фортепианного концерта с участием автора закончилась скандалом. Издательства отказывались печатать его произведения.

А. Алябьев стал издавать музыкальные сочинения в 1810 г., когда ему было 23 года. С началом Отечественной войны 1812 г. добровольцем вступил в гусарский полк и прошел с русской армией от Москвы до Парижа. В 1825 г. был арестован по подозрению в убийстве и, несмотря на недоказанность обвинения, около трех лет содержался под стражей в тюрьме, а затем по приговору был сослан в Сибирь с лишением всех дворянских прав. Еще во время тюремного заключения написал знаменитый романс «Соловей». Продолжал сочинять и в Сибири, где из-под его пера, в частности, вышли не менее известные романсы «Вечерний звон», «Иртыш», «Зимняя дорога». Там же организовал военно-духовой оркестр. В 1843 г. ему разрешили поселиться в Москве, но «без права показываться на публике». Умер он в 1851 г.

Многие, особенно в начале трудовой деятельности, занимались творчеством параллельно основной работе, как правило, государственной службе, в свободное от нее время. Так, служил чиновником Главного управления путей сообщения в годы молодости М. И. Глинка. Однако другая сторона его жизни была связана с музыкой. Он накапливал музыкальные знания и предпринимал первые композиторские опыты. По своему творчеству М. И. Глинка близок А. С. Пушкину, с которым встречался лично. Так, М. И. Глинка задумал оперу на историческую тему. Найти сюжет ему помог случай. Зимой 1834–1835 гг. он посещал вечера у поэта В. А. Жуковского, где однажды речь зашла о судьбах русского искусства и о возможном сюжете для оперы М. И. Глинки. В. А. Жуковский предложил положить в ее основу правдивый эпизод русско-польской войны 1612 г. – подвиг И. Сусанина. Фраза, брошенная поэтом, оказалась

искрой, от которой вспыхнуло творческое воображение М. И. Глинки. Еще юношей он читал «Думу» К. Рылеева об И. Сусанине. Написал оперу он очень быстро, всего за год. Первая постановка была предварена распиской, данной дирекции императорских театров, где он отказывался от вознаграждения за свой труд. Однако оперу «Руслан и Людмила» он писал на протяжении целого ряда лет.

В возрасте 22 лет, поступив в Петербургскую консерваторию, получил доступ к профессиональному музыкальному образованию П. И. Чайковский. До этого будущий великий композитор учился в училище правоведения.

Особое место в биографии творческих личностей занимает проблема взаимосвязи денег и творчества. Характер взаимоотношений между ними чаще всего характеризуется следующей формулой: «Деньги разрушают творчество». Нищета в данном случае является более благоприятной, так как желание вырваться из нее стимулирует творческие усилия. Достаточно часто можно встретить мысль о том, что особенно опасна для творческого человека ранняя и быстрая слава с сопутствующими ей немалыми денежными доходами. Поняв, что нравится зрителю, познав радость признания и последствия растущих заработков, художник часто не отваживается подвергать себя опасности все это утратить и, в конце концов, становится не тем, кем намеревался и мог бы стать.

Весьма опасна для развития творческой личности и ситуация, когда, достигнув успеха в своей сфере деятельности, человек, утверждаясь в мысли, что признание ждет его и в иных сферах (прежде всего финансовой), начинает заниматься несвойственной ему деятельностью. Ранняя и громкая слава принесла В. Скотту колоссальные доходы. Желая упрочить свое положение, он вошел компаньоном в издательскую фирму, публиковавшую его книги. Однако фирма обанкротилась, и на писателя свалился колоссальный по тем временам долг в 117 тыс. фунтов стерлингов. Гордый и шепетильный В. Скотт отверг помощь Королевского банка, не принял несколько десятков тысяч фунтов стерлингов от безымянных жертвователей. С этого момента он работал до беспамьятства, писал роман за романом, как оценивают литературные критики, один хуже другого, и пять лет спустя умер от истощения.

О. Бальзак, ворочая огромными суммами денег в кошельках своих героев, имел головокружительные финансовые планы и в личной жизни. В итоге он влез в долги, из которых так и не смог выбраться,

и вынужден был работать на кредиторов. В итоге, обладая силами, достаточными для долгой жизни, исчерпал себя к 50 годам.

Существует и другой вариант развития событий. Так, Г. Флобер не мог зарабатывать на своих произведениях, а иногда даже доплачивал за их издание. Так, роман «Мадам Бовари» принес издателю крупную прибыль, а автору пришлось оплачивать судебные издержки. У Г. Флобера был собственный капитал, но, когда он его прожил, ему пришлось искать службу.

Особую роль в творческой биографии многих известных личностей сыграл случай. Например, когда К. Чуковскому было 16 лет, он отправился на рынок, чтобы купить учебник по астрономии. Такого учебника не оказалось, и ему пришлось приобрести «Самоучитель английского языка». К. Чуковский увлекся этой книгой, и целый год не расставался с ней. В своих воспоминаниях он пишет: «Словно о высшем блаженстве, мечтал я о том сладостном времени, когда и Шекспир, и Вальтер Скотт, и мой обожаемый Диккенс будут мне также доступны, как, скажем, Толстой или Гоголь». Благодаря этому случаю, писатель прочитал в течение жизни тысячи книг на английском языке, а также перевел, сделал доступными для миллионов читателей шедевры мировой литературы.

Приведем еще один поворотный момент в творчестве К. Чуковского. Сначала он не писал детских стихов и не думал о том, что станет детским писателем. Все решил случай с его заболевшим сыном, для которого он в вагоне поезда для успокоения начал сочинять стихи про крокодила.

Еще одна достаточно серьезная проблема для творческого человека – вовремя уйти с большой сцены. Примером могут стать слова известного пианиста А. Рубинштейна: «Я выступал публично, пока не замечал, что играю перед публикой лучше, чем дома для себя. Но я отрекся от выступлений с тех пор, как заметил, что дома для себя играю лучше».

11. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Творческий процесс можно разделить на пять *этапов*, составляющих его полный цикл.

1. *Постановка проблемы* (в художественном творчестве – формирование замысла). Часто само обнаружение проблемы является подлинным открытием и зависит от степени одаренности первооткрывателя. Приведем примеры высказываний творческих личностей.

Талант попадает в цель, в которую никто не может попасть; гений попадает в цель, которую никто не видит (А. Шопенгауэр).

Для большинства людей труднее всего начать. Мне нужно оттянуть минуту, когда все-таки придется начать писать. Я пишу уже более 50 лет, но начинать писать для меня по-прежнему мука. И теперь даже больше, чем раньше (Дж. Б. Пристли).

Преступить порог сцены – это напряжение дается мне все труднее и труднее. Я неохотно вспоминаю об этом моменте, когда придется переступить из кулис на сцену. Когда я вступил, мне легко, но до той минуты – очень трудная вещь – переключение (Дж. Россини).

Рассмотрим факторы, тормозящие начало творческого процесса:

- 1) страх, боязнь неудачи – сковывают инициативу и воображение;
- 2) высокая самокритичность – во всем должна быть мера;
- 3) лень – для ее преодоления нужен первоначальный стимул (установленное расписание, заведенный распорядок, взятые на себя обязательства, включая юридические (срок сдачи рукописи в печать, срок концерта, спектакля, экзамена и др.) или воздействие со стороны в виде прямого приказа, напоминания как слабой формы приказа и т. п.).

С началом работы появляется дополнительная психическая энергия и формируется стремление ее успешно завершить. Объяснение этих процессов можно найти в теории личности К. Левина. Согласно этой теории, действия человека побуждаются квазипотребностями, т. е. потребностями, производными от истинных потребностей (профессиональных, в самоутверждении и т. п.). Квазипотребность – это некая напряженная система, которая возникает в данной ситуации и в данный момент времени и требует разрядки. По мысли К. Левина, «именно динамическая, а не содержательная сторона намерения является детерминирующим фактором психической деятельности

человека. Причем сила квазипотребности зависит в основном от силы и жизненной важности потребности, которая лежит в ее основе»¹.

2. *Подготовка решения.* В это время сознательно осуществляется обзор проблемы, собирается вся относящаяся к ней доступная информация.

3. *Созревание (инкубация) новой идеи.* Происходит в основном на интуитивном уровне. Обычно это наиболее длительный этап, который продолжается от нескольких дней до нескольких недель, даже месяцев. Он начинается с рассуждения над проблемой. Не достигнув нужного результата, поиски решения откладываются, и исследователь или художник приступает какими-либо другими делами. Бывает и так, что вынашиваемая проблема на некоторое время снова становится объектом рассуждений. Но потом она опять уходит на задний план и т. п.

4. *Появление решения (озарение).* Происходит переход бессознательного уровня на сознательный. Решение часто приходит внезапно, как бы само собой, в результате процесса, близкого к инсайту (от англ. *insight* – взгляд внутрь, проникновение). Сначала в виде гипотезы, принципа, художественного замысла. Появляется решение может в то время, когда внимание отдалено от проблемы. Иногда во время разговора о проблеме, дискуссии вокруг нее или при попытке объяснить проблему другому (например, открытие Архимеда, получившего задание определить, из какого материала сделана корона тирана греческого города Сиракузы Гиерона). Известны случаи озарения во время прогулок, езды в поезде или автомобиле, одевания, бритья и т. п.

Первым научное объяснение инсайта предложил знаменитый математик А. Пуанкаре. Основываясь на своем интроспективном опыте, он пришел к выводу, что озарение, хотя и проявляется в самой обыденной жизненной обстановке, является «результатом длительной неосознанной работы»².

5. *Разработка идеи.* Осуществляется ее оформление (устное или письменное), а также проверка посредством сопоставления с фактами, оценки логичности, аргументированности.

---

¹ Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1981. С. 312.

² Пуанкаре А. Математическое творчество. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 313.

В повседневном потоке мышления все указанные этапы творческого процесса постоянно перекрывают друг друга.

Исследования показали, что хотя поэты в большинстве случаев писали стихи экспромтом, а живописцы также рисовали, однако 72 % первых и 76 % вторых говорили о так называемой стадии созревания. Из 282 опрошенных психологами ученых 182 сообщили, что решение проблемы приходит к ним внезапно, а не в результате строгой логической цепи рассуждений. Приведем описание творческого процесса.

Я уповаю на подсознание. Как оно участвует в работе? Бывает, что-то не дается в тексте... и, если не ладится, бросаю работу, иной раз даже посреди абзаца. Проходит ночь, на следующее утро садишься за письменный стол, как правило, с решением, уже найденным <...>

Я бы сказал, что главные герои выходят из глубины нашего подсознания: когда мы пишем, оно управляет творчеством, помогает нам. И эти герои могут взять под свой контроль книгу, забрать ее из рук автора... возможно, лишь в финальных главах проясняется причина, по которой то-то было сказано и сделано большими персонажами (Г. Грин).

Научиться сочинять танцы нельзя потому, что это вопрос творчества. Это все равно, что живопись. Однажды я спросил известного художника, можно ли сказать наперед, какие краски он употребит для изображения эффекта зари? Художник ответил, что нельзя. Он сказал, что краски приходят к нему во время работы бессознательно для него. То же самое я могут сказать про танцы. Как я могу научить тому, что не является ко мне по заказу, а приходит по вдохновению?» <...>

Я komponую по музыке. Большой частью картины сидят у меня в голове, иногда же я зарисовываю группы. У меня всегда была отличная память. Назовите какой угодно старый балет, и я вам безошибочно скажу, в каком действии какие танцы (М. Петипа).

Многие из своих ансамблевых построений М. Петипа разрабатывал дома, расставляя на столе небольшие фигурки, похожие на шахматы, которые изображали танцовщиц и танцовщиков. Балетмейстер подолгу изучал эти построения и записывал наиболее удачные варианты в свою записную книжку. Сольные вариации, па-де-де и отдельные номера М. Петипа сочинял на репетициях. Сначала ему проигрывали всю музыку от начала до конца. Затем некоторое время он сидел в глубокой задумчивости. Потом обычно просил снова сыграть музыку: теперь он мысленно сочинял танец, слегка жестикулируя и двигая бровями. «Достаточно!» – восклицал он, наконец, вскакивая с кресла. Он сочинял танец постепенно, расчленяя музыкальный материал на отдельные части, по восемь тактов в каждом.

Свой замысел он объяснял исполнителю чаще словами, нежели жестами. После того как рисунок танца становился полностью ясен, танцовщик исполнял композицию сначала, а М. Петипа наблюдал за ним, нередко поправляя или изменяя то или иное движение. В конце он, бывало, говорил: «Ну, а теперь как следует», – что означало, что танцовщик должен еще раз исполнить окончательный вариант. Самые интересные моменты наступали тогда, когда М. Петипа сочинял мимические сцены. Показывая каждому в отдельности его роль, он настолько увлекался, что все сидели, затаив дыхание, боясь упустить хоть малейшее движение этого выдающегося мима. Всю его систему можно выразить следующими словами: «Стремись к красоте, грации и простоте и не признавай других законов».

Актер кино не должен мыслить, он должен существовать. Мне могут возразить, что для того, чтобы существовать, надо мыслить. Если бы это было так, то умный актер был бы и самым лучшим, тогда как в жизни очень часто бывает наоборот. Актер должен не столько разрабатывать психологию образа, сколько собственную фантазию. Режиссер не должен ничего разжевывать актеру, он может лишь дать общую картину, замысел фильма в целом. Копаться в деталях, анатомизировать характер персонажа непродуктивно. Я предпочитаю другой метод. Добиваться нужных мне результатов исподволь. Стимулировать актера незаметно. Расшевелить его чувства, а не разум. Не объяснять, а наталкивать. С актером можно и слухавить, говорить одно, чтобы добиться другого. Существует распространенное мнение, что актеры должны понимать все, что они делают перед камерой. Но часто чем больше актер силится проникнуть в суть сцены, эпизод или сам фильм, тем дальше уходит от спонтанной естественности. Будет лучше, если они доверятся своей интуиции. Когда актер ошибается, произнося текст, я его не останавливаю, я хочу посмотреть, что из этого может получиться и не смогу ли я как-то использовать его ошибку. Потому что момент, когда он ошибается, связан с самыми спонтанными проявлениями его индивидуальности. И именно эта спонтанность мне и нужна (М. Антониони).

Я подолгу ношусь с несколькими идеями, собираю материал, делаю записи в блокноте и так далее. Затем я освобождаю себя на шесть или восемь недель, за которые мне нужно написать сценарий, это обычно тоже запланировано заранее. Потом усаживаюсь и принимаюсь за сценарий и с этого момента работа над ним идет очень методично, очень дисциплинированно и очень точно. Работаю я с половины десятого до трех, но в эти часы только над сценарием, в эти часы голова моя занята только им. <...>

Когда пишу, я отключаюсь от всяких праздных рассуждений. Для меня они тогда просто не существуют. Во время всего процесса работы (над фильмом) я упорно ограждаю себя от излишних толкований. Я знаю, что если положусь на интуицию, она поведет меня по правильному пути, что с нею мне спорить не надо. Если я начинаю сомневаться и обсуждать что-либо,

то сразу попадаю в тупик, и это вынуждает меня бросить работу. Мысль: «Что ты, собственно, создаешь?» – возникает во мне настолько резко, что продолжать не хочется. Когда работа закончена, я часто задумываюсь над тем, что же я, по существу, сделал, что же это, черт возьми, получилось, что же это я такое написал? (И. Бергман).

В *содержании творческого процесса* выделяют единство интуитивного уровня (интуиция) и практических приемов (логика). Так, П. К. Энгельмейер представлял процесс технического творчества в виде «теории трехакта». Первый акт начинается с интуитивного проблеска идеи и заканчивается уяснением ее изобретателем. Второй акт – изобретение вырабатывают как логическое представление. Процесс его выработки включает производство опытов как в мыслях, так и на деле. Третий акт – конструктивное выполнение изобретения. Иными словами, первый акт – изобретение предполагается, второй акт – доказывается, третий акт – осуществляется¹.

По П. М. Якобсону, творческий процесс изобретателя включает следующие *стадии*:

- 1) интеллектуально-творческая готовность;
- 2) усмотрение технической потребности;
- 3) зарождение идеи – формулировка задачи;
- 4) поиск решения;
- 5) получение принципа изобретения;
- 6) превращение принципа в схему;
- 7) техническое оформление и развертывание изобретения (чертежи, модели, расчеты, проверки и т. п.).

Самая важная часть творческого процесса проходит на *интуитивном уровне*. Такие понятия, как «подсознание», «сверхсознание», «надсознание», – не что иное, как интуиция.

Интуиция (от лат. *intueri* – пристально, внимательно смотреть) – это отыскание, часто практически моментальное, нового знания или образа при недостаточности логических оснований. Интуиция противопоставляется дискурсивному мышлению (интеллекту) как процессу связного логического рассуждения, в котором каждая последующая мысль обусловлена предыдущей.

---

¹ Энгельмейер П. К. Изобретения и привилегии: Руководство для изобретателей со вступительным письмом гр. Л. Н. Толстого / сост. инженер-механик П. К. Энгельмейер, для членов при Император. Моск. техн. училище Политехн. общ-ва. 2-е изд., испр. и доп. М. : Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. XII, 306 с.

В основе механизма действия интуиции лежит способность воспринимать и понимать общую структуру, конфигурацию, суть предмета или процесса, тогда как дискурсивное мышление направлено на выяснение особенностей отдельных элементов, явлений или событий.

Признаки интуитивного решения:

- непосредственное усмотрение до выполнения логических операций;

- недостаточная осознанность логических оснований;
- быстрота (иногда моментальность);
- непреднамеренность, произвольность;
- эстетический критерий при выборе решения.

Виды интуиции:

- чувственная (в образах и других ощущениях), в том числе эстетическая – непосредственное переживание красоты;

- интеллектуальная – интеллектуальное схватывание сущности явления;

- эмоциональная – реализация в актах аксиологического (ценностного) предпочтения;

- экзистенциальная – форма постижения собственной субъективности того, что мы из себя представляем.

Приведем примеры проявления творческой интуиции.

Причесываясь и бреясь, я имею обыкновение читать или писать, слушать, как мне читают вслух или диктовать писцу. То же самое и во время трапезы или прогулки верхом. Ты удивишься, если я тебе скажу, что не раз работал, сидя на коне, так что по возвращении домой у меня была готова и песнь. На пирах в моем сельском уединении при мне всегда перо, и я откладываю его лишь из уважения к приезжему гостю. У меня в доме на всех столах письменные принадлежности и таблички. Нередко я даже просыпаюсь ночью, впотьмах нашариваю перо у моего изголовья и – пока не исчезла мысль – записываю, а назавтра едва могу разобрать написанное в темноте. Вот каков мой образ жизни и мои занятия (Ф. Петрарка).

Один из моих главных козырей тот, что я спокойно полагаюсь на свою интуицию и позволяю ей все решать за меня. Все, что имеет у меня отношение к работе с актерами, происходит на интуитивном уровне... Для меня сон, фантазия, образное представление, интуиция стоят на первом месте. Но потом у меня как у художника появляется потребность как можно более сознательно и рационально оформить то, что родилось интуитивно. В этом моя функция <...> Я не могу начать писать, пока не распределю роли между актерами. Избрав тему, я обычно даю ей кое-какое время вызреть, т. е. я не пытаюсь формировать фильм, предоставляя ему самостоятельно и спокойно развиваться. Идея почти всегда приходит ко мне ночью. Я мало сплю. С момента зарождения первой – еще не оформившейся –

мысли и вплоть до отсмотра материала создание фильма представляет собой единую работу. Это значит, что ни днем, ни ночью я не в состоянии заинтересоваться ничем, что не имело бы отношения к моему фильму. <...> После того как сценарий написан, я заглядываю в него лишь вечером накануне съемок. Я работаю с текстом, придумываю мизансцены, меняю диалоги. Утром мы встречаемся, и иногда бывает, что я переделываю то, что выучили актеры. Они тоже приходят со своими аргументами: «Нельзя ли тут кое-что изменить?». Нередко случается, что при первой же репетиции возникает какая-либо интонация, жест или какое-то предложение от артистов, в результате которых я все меняю. Я чувствую, что так будет лучше, и это нам даже не нужно обсуждать. Между мной и артистами очень многое происходит на том уровне, который невозможно проанализировать. <...> Когда я делаю новый дубль, я никогда не снимаю сцену точно так же, иначе она умрет для артистов. Они должны чувствовать, что ты опровергаешь свое прежнее решение, ищешь что-то новое и пытаешься понять. В чем причина того, что дело не пошло.

<...> Два основополагающих принципа моей работы: 1) смотреть текущий материал спокойно и полностью объективно, установив, что в нем хорошо и что плохо; 2) помнить слова Фолкнера «Убей своих любимцев ... В процессе творчества возникает как бы внутренняя критика того, что делаешь. Но что мне, пожалуй, удалось – не давать этой внутренней критике разрушительно влиять на продуктивность своей работы. Это, образно говоря, два зверя, которых и держу порознь (И. Бергман).

Как у актера возникает и формируется сценический образ, можно сказать только приблизительно... Скажу, однако, что сознательная часть работы актера имеет чрезвычайно большое, может быть даже решающее значение – она возбуждает и питает интуицию, оплодотворяет ее. <...>

Мне надо познакомиться с лицом, которое мне придется изображать на сцене. Я читаю партитуру и спрашиваю себя: что это за человек? Хороший или дурной, добрый или злой, умный, глупый, честный, хитрюга? Или сложная смесь всего этого? Если произведение написано с талантом... если слова характерные, если звуки выразительные, если действие осмысленное, то образ интересующего меня лица уже нарисован. Он стоит в произведении готовый – мне только надо правильно его прочитать. Для этого я должен выучить не только свою роль – все роли до единой... В пьесе надо чувствовать себя, как дома. Боле чем «как дома». Кажется иногда, что малозначительная как будто фраза маленького персонажа неожиданно осветит важное действие. <...>

Усвоив хорошо все слова произведения, все звуки, продумав все действия персонажей, больших и малых, их взаимоотношения, почувствовав атмосферу времени и среды, я уже достаточно знаком с характером лица, которое я призван воплотить на сцене... Если персонаж – лицо историческое... я обязан обратиться к истории... каким он представлялся современникам и каким его рисуют историки... Все это усилия чисто интеллектуального порядка. <...>

Под внешностью я разумею не только грим лица, цвет волос и тому подобное, но манеру персонажа быть: ходить, слушать, говорить, смеяться, плакать. Как осуществить это? Очевидно, что одного интеллектуального усилия тут недостаточно. В этой стадии созидания сценического образа выступает в действие воображение... Вообразить – это значит вдруг увидеть. Внешний облик в целом, а затем в характерных деталях. Выражение лица, позу, жест. Для этого же, чтобы правильно вообразить, надо хорошо, доподлинно знать натуру персонажа, ее главные свойства. Если хорошо вообразить нутро человека, можно правильно угадать и его внешний облик. <...>

Дон Кихот. Я совсем не знаю, какой он из себя. Правда, внимательно прочитав Сервантеса, закрыв глаза и задумавшись... Я, например, могу понять, что этот сосредоточенный в себе мечтатель должен быть медлительным в движениях, не быть суетливым, я понимаю, что глаза у него должны быть не трезвые, не сухие. Я понимаю много различных и важных отдельных черт. Но ведь этого мало – какой он в целом – синтетически? Что нужно мне сделать для того, чтобы публика при первом взгляде на Дон-Кихота доверчиво и с симпатией ему улыбнулась: да, это ты, старый знакомец наш и друг. Ясно, что в его внешности должны быть отражены и фантазия, и беспомощность, и замашки вояки, и слабость ребенка, и гордость кастильского рыцаря, и доброта святого. Нужна яркая смесь комического и трогательного. Исходя из нутра Дон Кихота, я увидел его внешность. Вообразил ее себе и, черта за чертою, упорно лепил его фигуру, издали эффектную, вблизи смешную и трогательную. Я дал ему остроконечную бороду, на лбу я взвихрил фантастический хохолок. Удлинил его фигуру и поставил ее на слабые, тонкие, длинные ноги... и шлему рыцарскому и латам противопоставил доброе, наивное, детское лицо, на котором и улыбки, и слезы, и судорога страдания выходят почему-то особенно трогательно. <...>

За словом, за жестом, за каждой музыкальной фразой должно быть движение души. Иначе они будут мертвыми. И в этом случае... актеру должно служить его воображение. Надо воображать душевное состояние персонажа в каждый данный момент действия. Я только тогда могу хорошо спеть историю молодой крестьянки, которая всю свою жизнь умиленно помнит, как... в молодости красивый гусар, проезжая деревню, ее поцеловал, и слезами обливается, когда, уже старухой, встречает его стариком (я говорю о «Молодешенька в девицах я была»)... когда вообразю, что это за деревня была, и не только одна эта деревня – что была вообще за Россия, что была за жизнь в этих деревнях, какое сердце бьется в этой песни... Надо все это почувствовать, чтобы певцу стало больно (Ф. И. Шаляпин).

Творческий процесс проходит главным образом в таинственной области подсознания. Сознание, логическое мышление играет второстепенную, подчиненную роль. В момент творческой работы писатель находится в состоянии загипнотизированного. Вся трудность творческой работы в том, что писателю приходится совмещать в себе и гипнотизера, и гипнотизируемого, а для этого нужна очень сильная воля и очень живая фантазия. Недаром многие писатели прибегают во время работы к дурманящим средствам, чтобы

усыпить работу сознания и оживить работу подсознания, фантазии. Так, Пшибышевский не мог писать, не имея перед собой коньяк. Ж. Гюисманс использовал для этой цели опиум, морфий. Л. Андреев во время работы пил крепчайший чай. А. Ремизов пил кофе и курил. Я без папиросы не могу написать и страницы... Иногда это состояние «самогипноза» приходит само собой – как вдохновение. Но это случается редко. Чтобы писать большую вещь, приходится каким-то усилием воли достигать этого состояния – это органическая способность. <...>

Иногда решение творческой задачи приходит во сне. К. Гамсун всегда клал возле себя на ночной столик карандаш и бумагу, чтобы записать то, что приходит ему в голову, когда он просыпается среди ночи... Связано это с тем, что человек в обычном состоянии мыслит логическим путем, а при творческой работе (как и во сне) – путем ассоциаций. Подобная способность к ассоциациям была особенно сильно развита у Э. Гофмана. Его рассказы и сказки – причудливые сны. Способность к ассоциациям, если она вообще имеется, можно развивать путем упражнения. <...>

Попытка анализировать творческий процесс неминуемо приводит к тому, что на первый план выступает сознание – загнипнотизируемый просыпается, творческая работа останавливается и – конец творчеству. Поэтому у писателей мы мало находим указаний на то, как проходит творческий процесс. Есть только неопределенные указания на то, что писать трудно, радостно или мучительно (Е. Замятин).

А. Франс имел обычное, садясь за ежедневный фельетон для газеты «Время», ставить на стол графин с вином и прикладываться к нему во время работы, к которой не чувствовал особого расположения. Раз с ним вышел казус. Он ошибся и вместо вина достал из буфета графин с коньяком. Перед тем как обмакнуть перо в чернила, выпил стаканчик золотистой жидкости. И пришел в отчаяние: что станет с фельетоном, когда крепкий напиток начнет действовать? Но уже не было времени раздумывать над этим. Начал писать. Перо летало по страницам, будто его несло вихрем. Через час фельетон был готов. Его забрал мальчик-посыльный из типографии, а Франс лег спать. На завтра в редакции ему сказали, что главный редактор хочет его видеть. Стучась в дверь его кабинета, Франс был уверен, что выйдет оттуда уволенным, а вышел с повышением жалования.

Достаточно часто новые, оригинальные идеи и образы приходят во сне. Проявление творческой интуиции во время сна связывают с тремя временными интервалами.

1) парадоксальный, или быстроволновой сон – характерны электрические бета-волны, отличающиеся высокой частотой и малой амплитудой. Иначе его называют «сном с быстрыми движениями глаз». Парадоксальный сон составляет 20 % от всего времени сна. Стадия парадоксального сна – это стадия сновидений. Замечено, что если первое сновидение ночи обычно не отличается оригинальностью, то

последующие сновидения становятся все более яркими. Например, к Дж. Россини, музыка увертюры к опере «Шелковая лестница» пришла во сне.

2) переход от бодрствования ко сну – предсонное состояние. Например, идея периодической системы химических элементов пришла Д. И. Менделееву именно перед засыпанием, т. е. в некое пограничное состояние между сном и бодрствованием. Немецкий химик Ф. А. Кекуле так описывал сделанное им открытие кольцевой структуры бензола: «Я повернул кресло к камину и погрузился в дремоту. Атомы мелькали у меня перед глазами. Их длинные ряды, переплетенные самым причудливым образом, находились в движении, извиваясь и крутясь, как змеи. Но что это? Одна из змей ухватила себя за хвост, и этот образ насмешливо завертелся у меня перед глазами. Я очнулся как бы от вспышки молнии; весь остаток ночи я потратил, работая над следствиями моей гипотезы... Давайте учиться грезить, господа».

3) переход от сна к бодрствованию – просоночное состояние.

Одним из видов творческого процесса является импровизация, т. е. исполнение художественного произведения, создаваемого непосредственно в момент исполнения без предварительной подготовки. Прежде всего импровизация характерна для поэзии, музыки, хореографии. В художественном творчестве существуют две основные формы импровизации: свободное фантазирование и импровизация на заданную тему.

Всеобщее увлечение импровизацией было характерно для эпохи романтизма. В то время импровизация – это обязательный заключительный номер в концертах виртуозов-инструменталистов, включая Л. Бетховена, Ф. Шуберта, Н. Паганини, Ф. Листа, Ф. Шопена. Коллективное музыкальное импровизирование характерно для джаза.

Очевидно, что стадия созревания нового образа есть и в импровизации, но при этом творческие усилия личности не столь целенаправленны предметно, «сжаты» во времени, а сам инкубационный период вызревания идеи и образа менее заметен. Но, не исключено, что в отдельных случаях ее нет. В частности, по отношению к внезапно возникшему конкретному образу, который появился в процессе созревания другой творческой идеи и стал попутным результатом далеко не всегда целенаправленных творческих исканий автора.

«Импровизация активирует бессознательные потенции художника, избавляет ум от инертности, экспромты освещают, дают жизнь и непосредственность нашему творчеству» – так характеризовал процесс импровизации К. С. Станиславский.

Психический процесс, заключающийся в создании новых образов путем переработки образов восприятий и представлений, полученных в предыдущем опыте, называют творческим воображением (фантазия).

Приведем наиболее известные приемы творческого воображения:

1) агглютинация – соединение, «склеивание» различных, в повседневной жизни не соединяемых качеств, свойств, частей (например, русалка, избушка на курьих ножках).

2) гиперболизация:

- увеличение или уменьшение предмета (например, мальчик с пальчик, гора-великан);

- изменение количества частей предмета или их смещение (например, многорукие богини в индийской мифологии, драконы с тремя или семью головами);

3) акцентирование, заострение, подчеркивание какого-либо признака, черт характера (например, дружеские шаржи и злые карикатуры);

4) схематизация – представления, из которых конструируется образ фантазии, сливаются, различия сглаживаются, черты сходства выступают на передний план (например, орнамент);

5) типизация – выделение существенного, повторяющегося в однородных явлениях, и повторение их в конкретном образе (например, Иванушка-дурачок, Соловей-разбойник);

6) превращение образов (например, Зевс превращается в быка, лягушка – в прекрасную царевну);

7) аллегоризация – создание образов с иносказательным значением (например, «горбатого могила исправит», «своя рубашка ближе к телу», «игра не стоит свеч»);

8) метафоризация – уподобление одного явления другим, осуществляемое в переносном смысле на основе их сопоставления, указания на сходство или различие (например, «тяжелый характер», «железные нервы», «храбрый как заяц»).

Воображение, внимание, эмоциональная память К. С. Станиславский назвал «тремя китами» тренинга актерской психотехники. Для развития творческого воображения он предлагал совершать доступные действия с воображаемыми предметами (например, глаженьё без утюга, шитьё без иголки). Данные упражнения вырабатывают условно-рефлекторные следования связи этих действий, позволяющие в дальнейшем переходить к воображаемым «беспредметным» действиям. Затем следует применять такие упражнения: 1) «внутрен-

ний монолог» – мысли, не произнесенные вслух; 2) психотехника «видения» (предположение «если бы» начинает творчество; предлагаемые обстоятельства его развивают; вопросы: кто? когда? как? где? почему? для чего? и другие – стимулируют).

Отличительная особенность творческого мышления – остроумие. Остроумие – это способность обнаружить связи и закономерности в кажущемся хаосе и алогичности, т. е. там, где, на первый взгляд, таких связей нет. Остроумие порождает юмор, представляющий собой вкус, желание, нацеленность на отыскание нелепого и смешного в повседневном окружении. Юмор и остроумие связаны с мышлением и эмоциями. Но в остроумии эмоциональный компонент – лишь фон и побуждающий мотив. Само «психическое действие» происходит в интеллектуальной сфере. Острота – модель творческого акта. У большинства приемов остроумия имеются двойники в научном мышлении. Приведем некоторые приемы остроумия.

1. Ложное противопоставление – высказывание строится так, что заключительная часть по форме словно противоречит началу, а на самом деле усиливает его.

Никто нас не любит, если не считать уголовного розыска, который тоже нас не любит (жалоба Остапа Бендера).

На черноморской кинофабрике, куда Бендер принес свой сценарий, «в подъезде сидел комендант. У всех входящих он строго требовал пропуск, но если пропуска ему не давали, то пропускал и так».

В повести Ю. Тынянова «Подпоручик Киж» офицер Синюхаев играл в карты с денщиком. «Когда поручик выигрывал, он хлопал денщика колодой по носу. Когда проигрывал – не хлопал».

2. Ложное усиление. Заключительная часть высказывания по форме подтверждает или даже усиливает начальную, а по существу опровергает ее.

Бросать курить легко, я бросал раз 50 (М. Твен).

3. Доведение до абсурда, например, мысли собеседника: вначале соглашаются, затем краткой оговоркой уничтожают ее.

Герцог Вюртембергский во время верховой езды увидел за работой краильщика тканей и насмешливо спросил, указывая на свою белоснежную лошадь: «Сможешь ты ее выкрасить в синий цвет?» «Конечно, если она выдержит температуру кипения».

Доведение до абсурда может происходить следующими способами:

- с помощью преувеличения:

Трактирный слуга был живым и вертлявым до такой степени, что нельзя было рассмотреть, какое у него лицо (Н. Гоголь. «Мертвые души»);

• с помощью преуменьшения:

Бокс – обмен мнениями при помощи жестов» (английское определение бокса).

4. Остроумие нелепости.

Некий воинствующий безбожник закончил свою лекцию по атеизму словами: «На вопрос, есть ли бог, надо ответить положительно – да, бога нет».

Этого не может быть, потому что не может быть никогда (афоризм А. П. Чехова).

5. Смещение стилей или совмещение планов.

У И. Ильфа и Е. Петрова вместо «пища богов» – «харч богов».

6. Умолчание, намек на недозволенные слова.

В повести Э. Колдуэла «Случай в июле» рабочий вспоминает об одной девице: «Оказалось, что она не прочь. Да ее как не прочь!»

7. Ирония. Человек говорит прямо противоположное тому, что думает. Однако слушателю дается смысловой или интонационный намек, позволяющий понять, что же хочет выразить автор.

Швейк, водворенный в тюремную камеру: «А здесь недурно, нары из струганного дерева».

8. Обратное сравнение.

Небо, усеянное звездами, подобного груди заслуженного генерала.

9. Сравнение по второстепенному признаку. В совершенно разных предметах выделяют свойство, которое позволяет провести их сравнение.

Закон, что столб: переступить нельзя, но обойти можно.

Совет подобен касторке: его легко подать, но чертовски трудно принимать.

10. Двойное истолкование (игра слов).

Длинный кортеж. Двое зевак. – «Сударь. Не знаете, кто покойник?» – «Точно не знаю, но, скорее всего, тот, кого везут в первой карете».

Сюда же относятся озорные расшифровки сокращений.

11. Парадокс.

Мода настолько безобразна, что мы вынуждены менять ее каждые полгода.

Человек два года учится говорить, а затем всю жизнь учится молчать.

Особую роль в творческом процессе играет *эмпатия* (от греч. *ἐν* – в + греч. *πάθος* – страсть, страдание, чувство, сочувствие) – это воображаемое перенесение себя в мысли, чувства, действия другого, в том числе художественного героя. Эмпатия – целостное явление: эмоциональное, интеллектуальное, поведенческое. Эмпатия присуща прежде всего художественному творчеству. Здесь она особенно ярко проявляется в процессе авторского перевоплощения. Приведем примеры проявления эмпатии.

Когда я заинтересуюсь каким-либо характером, он овладевает моим умом, он преследует меня днем и ночью и не оставляет меня в покое, пока я не отделаюсь от него. Когда я читаю, он шепчет мне на ухо свои мнения о прочитанном, когда я иду гулять, он высказывает свои суждения обо всем, что бы я не увидел и не услышал. Наконец, мне приходится сдаваться. Я сажусь и пишу его биографию. Я спрашиваю себя: кто были его отец и мать, что за люди они были, какого рода семью представляли, каковы были их привычки и т. д. Затем я перехожу к истории воспитания моего героя, к его наружности, к месту, где он провел годы, в которые формировался характер. Иногда я иду даже дальше, как, например, это было с Базаровым. Он так завладел мною, что я вел от его имени дневник, в котором он высказывал свои мнения о важнейших текущих вопросах, религиозных, политических, социальных (И. С. Тургенев).

Я писал ее («Пиковую даму». – *Примеч. ред.*) с небывалой горячностью и увлечением, живо перестрадал и перечувствовал все происходящее в ней (даже до того, что одно время боялся появления призрака) (П. И. Чайковский).

М. Бежар первым своим балетом считал «Симфонию одного человека» – балет о великом русском танцовщике В. Нижинском. Ставя этот балет, он купил пластинки с курсом русского языка, стал учить русский язык, курил русские сигареты, развесил у себя в доме его фотографии, встречался с теми, кто его знал, включая жену, дочь, внука. Заучивал наизусть страницы из его дневника и иногда даже просыпался ночью с уверенностью, что безумен, как Нижинский. Читал Толстого, посещал православную церковь. «Чем больше стремишься превратиться в кого-то другого, тем больше открываешь в себе самом».

Сцену Сусанина в лесу с поляками я писал зимой, всю эту сцену, прежде чем начать ее писать, я часто читал с чувством влук и так живо переносился в положение моего героя, что волосы у меня самого становились дыбом и мороз продирали по коже (И. Глинка).

Когда я описывал отравление Эммы Бовари, у меня во рту был настоящий вкус мышьяка, я сам был так отравлен, что у меня два раза подряд сделалось расстройство желудка, самое реальное, потому что вырвало весь обед (Г. Флобер).

Основные пути эмпатического перевоплощения в художественном творчестве:

- 1) детальное знакомство с произведением (Ф. М. Шаляпин – «я выучиваю все роли до одной»);
- 2) знакомство с биографией автора, его мировоззрением, особенно тем периодом жизни, когда данное произведение написано;
- 3) знакомство с культурной и исторической средой, изображенной в произведении;
- 4) метод физических действий (пример пощечины у К. Станиславского);
- 5) воображение себя в ситуации, схожей с ситуацией своего героя;
- 6) воспроизведение мимики, походки, движений героя;
- 7) воспроизведение привычек героя;
- 8) его одежда;
- 9) воспроизведение голоса, речи.

Сущность эмпатии пытался раскрыть К. Роджерс. Согласно его убеждению, «быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения «как будто». Так, ощущаешь радость или боль другого, как он их ощущает, и воспринимаешь их причины, как он их воспринимает. Но обязательно должен оставаться оттенок “как будто”: как будто это я радуюсь или огорчаюсь. Если этот оттенок исчезает, то возникает состояние идентификации». Так, описывая эмпатию, он уточняет, что эмпатия, это скорее процесс, чем состояние.

Эмпатический способ общения с другой личностью имеет следующие особенности:

- 1) подразумевает вхождение в мир другого и пребывание в нем «как дома»;
- 2) включает постоянную чувствительность к меняющимся переживаниям другого – к страху, или гневу, или растроганности, или стеснению, одним словом, ко всему, что испытывает он или она;
- 3) означает временную жизнь другой жизнью, деликатное пребывание в ней без оценивания и осуждения;
- 4) предполагает улавливание того, что другой сам едва осознает. Но при этом отсутствуют попытки вскрыть совершенно неосознаваемые чувства, поскольку они могут оказаться травмирующими. Это включает сообщение наших впечатлений о внутреннем мире другого ему же, когда вы смотрите свежим и спокойным взглядом на те его элементы, которые волнуют или пугают вашего собеседника;

5) подразумевает частое обращение к другому для проверки своих впечатлений и внимательное прислушивание к получаемым ответам. Вы доверенное лицо для другого. Указывая на возможные смыслы переживаний другого, вы помогаете ему переживать более полно и конструктивно;

6) означает на некоторое время оставить в стороне свои точки зрения и ценности, чтобы войти в мир другого без предвзятости. В некотором смысле это означает, что вы оставляете в стороне свое «Я». Это могут осуществить только люди, чувствующие себя достаточно безопасно в определенном смысле; они знают, что не потеряют себя в порой странном или причудливом мире другого и что смогут успешно вернуться в свой мир, когда захотят.

Эти особенности дают понять, что быть эмпатичным трудно. Это означает быть ответственным, активным, сильным и в то же время – тонким и чутким¹.

Способ эмпатичного общения с другим человеком активно используется художником в процессе художественного наблюдения, сбора жизненного материала для будущих произведений.

Особую роль в творческом процессе играет эмоциональное в своей основе состояние, каким является вдохновение. Характеристики творческого вдохновения:

- 1) эмоциональный подъем;
- 2) сильная увлеченность и сосредоточенность на предмете труда;
- 3) повышенная энергетичность деятельности, бодрость, свежесть сил, высокая работоспособность;
- 4) активизация мышления, творческой фантазии;
- 5) повышенная впечатлительность, живость образов, усиленная активность наглядно-образного восприятия;
- 6) уверенность в своих силах.

Вдохновение различается динамикой возникновения. В одном случае оно возникает быстро, почти мгновенно, что характеризуется выражениями, «вдруг загорелся», «внезапно вспыхнул». Обычно проявляется в форме творческой импровизации. Дж. Верди о своем творческом состоянии в момент рождения музыки. «Сердце трепещет, слезы льются из глаз, и потрясения, и восторги невообразимы».

В другом случае вдохновение представляет собой более медленное восхождение к нему, носит характер так называемой сдержанной

---

¹ Роджерс К. Эмпатия. Психология эмоций : тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер ; вступ. ст. В. К. Вилюнаса. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 235–237.

эмоциональности. В этом случае говорят об эмоциональном подъеме в сочетании с внешне спокойной манерой работы, устойчивым самообладанием. У А. С. Пушкина мы встречаем выражения «освежающий покой», «сердечное спокойствие». П. И. Чайковский пишет: «Если только я обрету то спокойное состояние духа, которое потребно для сочинения, то чувствую, что текст А. С. Пушкина будет действовать на меня самым вдохновляющим образом». Э. Делакруа, словами «вдохновенное хладнокровие» характеризовал манеру письма П. Веронезе и В. Тициана. И. Н. Крамской говорил о «внутреннем огне и спокойных, уверенных действиях руки художника». В качестве примера приведем слова С. В. Рахманинова об источниках вдохновения.

Много факторов вдохновляет творчество. Помогают творчеству красота и величие природы. Очень помогают впечатления от только что прочитанного (книги, стихотворения), от прекрасной картины. Меня, пишет он, очень вдохновляет поэзия (Пушкин, Байрон, Шекспир). У меня всегда под рукой стихи. Поэзия вдохновляет музыку, ибо в самой поэзии много музыки. Они – как сестры-близнецы. Я русский композитор и моя родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка – это плод моего характера и потому это русская музыка. На меня, несомненно, оказали огромное влияние Чайковский и Римский-Корсаков, но я никогда не подражал никому. Наконец, как ничто другое вдохновляет любовь. Красивая женщина, конечно, источник вечного вдохновения. Но вы должны бежать прочь от нее и искать уединения, иначе вы ничего не сочините, ничего не доведете до конца. Носите вдохновение в Вашем сердце и сознании, думайте о вдохновительнице, но для творческой работы оставайтесь только наедине с самим собой. Настоящее вдохновение должно прийти изнутри. Если нет ничего внутри, ничто извне не поможет. Ни лучший поэтический шедевр, ни величайшее творение живописи, ни величественность природы не смогут породить мало-мальского результата, если божественная искра творческого дара не горит внутри художника¹.

Можно выделить ряд *практических приемов*, способных стимулировать развитие творческих способностей и творческий процесс в целом:

- 1) избегать ранней специализации, заниматься, особенно в молодости, разнообразной тематикой;
- 2) «рыться в книгах», делать это бессистемно, доверяясь чутью, просматривать книги и журналы, которые почему-то привлекли внимание;

---

¹ Рахманинов С. С. Литературное наследие : в 3 т. / под ред. З. Апетян. М. : Совет. композитор, 1978–1980. 648+584+576 с.

3) иметь по возможности высокоинтеллектуальное (высокохудожественное) окружение, общаться не только с коллегами, но и с представителями «далеких» профессий;

4) читать научно-популярную, фантастическую и детективную литературу;

5) самому проводить опыты, эксперименты, не чураться «черновой» работы;

6) работа с текстом, изложение материала на бумаге способствуют его систематизации и лучшему уяснению проблемы;

7) желательна привычная обстановка, испытанный рабочий инструмент;

8) спокойная рабочая атмосфера, без постороннего присутствия, возможность уединиться на некоторое время;

9) многие идеи отрабатываются, шлифуются, даже лучше уясняются при их обсуждении;

10) публичные выступления и подготовка к ним имеют такой же эффект;

11) лучшее время для работы: утренние часы и ранний вечер (после 17 часов). Худшее – послеобеденное. Не мешает немножко поспать. Некоторые (особенно в молодости) предпочитают поздний вечер и ночь – до 2–3 часов. Но спят потом до 12 часов. Приведем примеры описания процесса литературного творчества.

Нужно писать начерно, не обдумывая места и правильные выражения мыслей. Второй раз переписать, исключая все лишнее и давая настоящее место каждой мысли. Третий раз переписать, обрабатывая правильность выражения (Л. Н. Толстой).

Сначала нужно набросать все как придется, хотя бы плохо, водянисто, но решительно все, и забыть об этой тетради. Потом через месяц, через два, иногда более (это скажется само собой) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не так уж и нужно, а кое-чего недостает. Сделайте поправки и заметки на полях – и снова забросьте тетрадь. При новом просмотре ее – новые заметки на полях и где не хватает места – взять отдельный клочок и приклеить сбоку. Когда все будет таким образом исписано, перепишите тетрадь собственноручно. Тут само собой явятся новые исправления, урезы, добавки, очищения слога. Между прежних вскочат слова, которые необходимо там должны быть, но которые почему-то никак не появляются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не делайте ничего или хоть пишите другое. Придет час – вспомнится заброшенная тетрадь: перечитайте, поправьте тем же способом, и когда снова она будет измарана, перепишите собственноручно. Вы заметите при этом, что вместе с отделкой, очисткой слога и фраз как бы крепчает и ваша рука: буквы

становятся тверже и решительнее. Так надо сделать, по-моему, восемь раз. Иногда меньше, иногда больше. Я делаю восемь раз. Только после восьмой переписки, непременно собственной рукой, труд явится вполне художественно законченным. Дальнейшие поправки и пересматривания, пожалуй, испортят дело, что называется у живописцев: зарисуешься. Конечно, следовать постоянно таким правилам нельзя, трудно. Я говорю об идеале (Н. В. Гоголь).

Завершающим этапом художественного творчества является доработка и представление произведения. Одни художники умеют поставить точку и взглянуть на завершенное произведение (с его достоинствами и недостатками) как на прошедший этап своего творчества. Другие стремятся к бесконечной доработке. Так, стремление вносить исправления в уже созданное произведение было присуще И. Репину. В свою очередь, П. М. Третьяков велел не допускать И. Репина к уже купленным его галереей картинам. Делалось это из опасения, что тот может своими поправками испортить уже приобретенные независимую жизнь произведения. Приведем пример описания творческого процесса.

Я всегда что-то чиркаю на листах больших блокнотов во время подготовительной работы к съемкам своих фильмов... Это своего рода способ делать заметки для памяти, запечатлеть мысли... Я рисую, делаю наброски – черты какого-то лица, детали костюма, позу того или иного человека, выражения его физиономии, некоторые анатомические особенности. Это мой способ приблизиться к фильму... вплотную подойти к нему. А потом эти эскизы, эти наброски попадают также в руки моих сотрудников; художник по декорациям, художник по костюмам, гример, приступая к работе, пользуются ими как своего рода транспортом... таким образом, благодаря им фильм словно получает свое предвосхищение, своего рода фрагменты зрительного ряда.

Больше всего я благодарен своим блужданиям в автомобиле по Риму, по сельской местности и побережью за то, что во время них передо мной вставали первые образы моих фильмов, рождались мысли, персонажи и даже диалоги, – часто я останавливался, где бы не находился в тот момент, и делал заметки. Я считаю, что потерял слишком много времени на перерывы между своими фильмами, что – кое-какие из них оставил лежать и гнить, а некоторым вообще позволил испариться. Но при таких предпосылках – лени, поверхности, невежестве, склонности к бродяжничеству – все закончилось как нельзя благополучно.

У меня есть привычка во время работы над фильмами в качестве приглушенного звукового фона слушать некоторые пластинки; музыка может оказать влияние на сцену, придать ей определенный ритм, подсказать определенное решение, поведение персонажа. Однако вне своей работы я предпочитаю не слушать музыку. Она действует на меня слишком сильно, тревожит, захватывает меня целиком.

Когда речь идет о фильмах Феллини сценарий появляется в самом конце, нередко уже после завершения не только съемок, но и монтажа. Что касается картины «Джинджер и Фред», то к моменту запуска ее в работу существовал коротенький сюжет, по которому можно было ставить разве что 50-минутный телефильм. Откуда же взялся двухчасовой «Джинджер и Фред»?

Мои сценарии – это всякие заметки, куда более важные, чем любой настоящий сценарий. Подлинная основа моей работы – черновики, постоянно находящийся при мне чемоданчик, набитый фотографиями, газетными вырезками, образчиками материи – памятками о придуманном костюме, а главное – наброски диалогов, реплик, сценок. В общем, пестрая мешанина. Иной раз и хотелось бы опубликовать полный сценарий какого-нибудь фильма, но сидящий во мне дух разрушения не дает ничего сохранить, заставляет все выкидывать.

Ценнейшее качество – спонтанность. Она позволяет не отождествлять себя полностью – это сковывает и вообще опасно – с тем, что делаешь. А способности – если они есть – в таких условиях вынужденной спешки проявятся лишь полнее (Ф. Феллини).

12. КОЛЛЕКТИВНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Результативность творческой деятельности зависит от взаимодействия двух основных факторов: личностной предрасположенности (мотивации, способностей) к творчеству и стимулирующих ее внешних условий. Хотя достаточно широко известна фраза «муки рождают творчество», желательно, чтобы внешняя обстановка была благоприятна для творческого процесса. Более того, что именно она в достаточной мере открыта для оптимизации, в том числе благодаря использованию специальных технологий, в частности в сфере группового (коллективного) творчества.

Согласно А. Осборну, автору методики мозгового штурма (англ. *brain storm*), *творческое мышление в группе* основывается на нижеприведенных психологических принципах.

1. Групповая ситуация стимулирует процессы выработки новых идей, что является примером своего рода социальной помощи. Было обнаружено, что человек средних способностей может придумать почти вдвое больше решений, когда он работает в группе, чем когда работает один. В группе он находится под воздействием различных решений, мысль одного человека может стимулировать мысль другого и т. д. Вместе с тем эксперименты показывают, что наилучшие результаты дает оптимальное чередование периодов индивидуального и группового мышления.

2. Групповое обсуждение вызывает соревнование между членами группы. До тех пор пока это соревнование не вызовет критических и враждебных установок, оно способствует интенсификации творческого процесса, так как каждый участник старается превзойти другого в выдвижении новых предложений.

3. По мере увеличения количества идей повышается их качество. Последние пятьдесят идей являются, как правило, более полезными, чем первые пятьдесят. Очевидно, это связано с тем, что задание все больше увлекает участников группы.

4. Мышление в группе будет эффективнее, если участники в течение нескольких дней будут находиться вместе. Качество идей, предложенных ими на втором собрании, будет выше, чем на первом. По всей видимости, для появления некоторых идей требуется определенный период их «созревания».

5. Психологически правильно, что оценка предложенных идей выполняется другими людьми, поскольку обычно недостатки собственного творчества замечаются с большим трудом.

Основные методы совместного решения творческих проблем: диалог Сократа, мозговой штурм, синектика, творческая ролевая игра «шесть шляп мышления».

Древнейший из них – *диалог Сократа*, или *майевтика* (в пер. с древнегреч. *μαίευτική* – повивальное искусство, от *μαία* – повивальная бабка, повитуха). В сократовском диалоге каждый выступает как равный собеседник, включая учителя с учеником. Они исходят из того, что истина не дана в готовом виде, а предполагает взаимный поиск, который и ведется в диалоге посредством вопросов и ответов на них. Отличие сократовского диалога – ироничность. Прикидываясь простаком и задавая людям, мнившим себя многознающими, вопросы, Сократ обнаруживал противоречия в их суждениях, несоответствие между исходными посылками и конечными выводами. Своего же собственного мнения он при этом старался не обнаруживать. Как известно, его девиз был: «Я знаю, что я ничего не знаю».

Принципы сократовского диалога:

- свободный обмен мнениями между равноправными партнерами;
- возбуждение сознания посредством целенаправленных вопросов;
- применение шутки как способа активизации мышления.

Метод мозгового штурма представляет собой коллективный поиск решения какой-либо проблемы. Для этого создается группа приблизительно из десяти человек с примерно равным социальным статусом. В группе должно быть всего несколько специалистов в обсуждаемой проблеме, остальные – не специалисты. Для проведения методики необходима комфортная и непринужденная обстановка. Кресла должны быть расставлены по кругу. Стол необязателен. Желательно, чтобы участники знали друг друга по именам. Руководитель не должен подавлять группу, но ему следует занимать такое положение, которое позволит председательствовать на заседании. Все, что говорится, включая шутки, остроты, каламбуры, записывают секретари, которые находятся за столами вне группы. Записывается исключительно все.

Начинается штурм с изложения председательствующим метода и правил, вопроса, требующего решения. В ходе заседания он держится в стороне от дискуссии. Задача председательствующего – устанавливать форму собрания, определять его ход, придавать ему соответствующее направление, учитывая высказанные группой идеи. В заключение он сообщает, что высказанные идеи будут доведены до специалистов, способных оценить их с точки зрения реального применения. Если у участников возникнут еще какие-либо идеи, они могут сообщить о них письменно в течение суток.

Правила мозгового штурма:

- критика предлагаемых идей запрещена, поскольку она заставляет лицо, ее высказывающее, мыслить привычно и мешает другим искать идеи, отличающиеся от стандартных решений;
- поощрение любых идей: чем более невероятной представляется идея, тем лучше;
- требование высказывать как можно больше идей;
- поощрение комбинирования и улучшения идей;
- никаких ценностных суждений по поводу сделанных предложений и их авторов;
- не прерывать друг друга;
- исключение спора;
- не пытаться убеждать других в своей правоте.

Мозговому штурму близок *метод синектики* (в пер. с древнегреч. – совмещение разнородных элементов) (авторы метода – У. Гордон и Дж. Принс). В 1960 г. У. Гордон основал консалтинговую компанию *Synectics Inc.*, а чуть позже издал книгу «Синектика: развитие творческого воображения». В данном методе основное внимание уделяется аналогиям. Синектика также исключает спор, поскольку исходит из того, что сотрудничество, взаимная поддержка, понимание и подхватывание идей более плодотворно влияют на совместное принятие решений. В такой обстановке становится возможным использование побочного продукта интеллектуальной деятельности, в то время как участники спора высказывают исключительно свою точку зрения и к тому же, как правило, слышат только себя. В отличие от мозгового штурма, методика синектики проводится в полупрофессиональной или профессиональной группе. При синектическом штурме допустимы элементы критики. Обязательно используются четыре главных приема:

- 1) прямой – решаются задачи, похожие на данные;
- 2) личный – необходимо войти в образ данного в задаче объекта и попытаться рассуждать с этой точки зрения;
- 3) символический – нужно в двух словах дать образное определение сути задачи;
- 4) фантастический – необходимо предположить, как бы эту задачу решили сказочные персонажи.

Разновидностью метода мозгового штурма является метод «шесть шляп мышления», представленный Э. де Боно в 1985 г. в одноименной книге.

Метод «шесть шляп мышления» – это творческая ролевая игра. Шляпа определенного цвета означает тип мышления, и, надевая ее,

человек начинает мыслить соответствующим образом. Полное видение ситуации наступает после того, как были поочередно надеты все шесть шляп, что позволяет посмотреть на изучаемый предмет многоаспектно, под разными углами.

Белая шляпа отвечает за факты и цифры, представляемые объективно и беспристрастно. Надев ее, необходимо сосредоточиться на имеющихся данных, попытаться понять, какой информации недостает, где ее найти, как использовать уже известные факты и выводы для решения проблемы.

Красная шляпа означает эмоциональное мышление. Надевая ее, следует включить интуицию и чувства. Интуитивные догадки и ощущения позволяют судить об эмоциональном фоне и отношении к проблеме через призму человеческих чувств. Если обсуждение коллективное, важно постараться понять ответы других людей, движущие силы и поддержку предложенных ими решений. Для этого каждому нужно быть правдивым и искренним, не скрывать своих настоящих чувств и переживаний.

Черная шляпа символизирует критическое мышление. Надев ее, необходимо стать пессимистом, но со здоровой долей критицизма. Предложенные решения проблемы следует оценивать на предмет возможных рисков в будущем, дальнейшего развития трудных и непредвиденных ситуаций. В каждой идее важно находить слабые места и обращать на них внимание. Черную шляпу необходимо использовать в первую очередь тем, кто уже добился успеха и привык мыслить позитивно, поскольку именно такие люди часто склонны недооценивать предполагаемые трудности.

Желтая шляпа предполагает оптимистичное мышление. Она является противоположностью черной и подразумевает позитивный взгляд на проблему. Выделяются сильные стороны и преимущества каждого решения. Особенно это важно, если все варианты кажутся довольно мрачными.

Зеленая шляпа предполагает творчество, поиск необычных идей и неординарных взглядов. Не следует давать оценку предложенным ранее решениям, необходимо развивать их любыми доступными способами.

Синяя шляпа отвечает за управление мышлением. Ее надевает руководитель – тот, кто ставит цели в начале и подводит итог работы. Он управляет всем процессом – дает слово каждому, следит за соблюдением тематики.

Э. де Боно дает следующую обобщающую оценку предлагаемого метода мышления:

- 1) предоставляется реальная возможность сыграть чью-то роль;
- 2) с помощью данного метода возможно обрести умение управлять своим вниманием;
- 3) открывается возможность договориться с собеседником, прийти к согласию;
- 4) использование влечет за собой установление определенного соотношения нейромедиаторов в составе головного мозга;
- 5) предоставляется возможность установить определенные правила «игры в человека, думающего именно так», или «игры в предлагаемый образ мыслей». Эта игра заключается в обретении навыка в составлении карты своего отношения к ситуации, что принципиально отличает указанный подход к решению вопроса от всем известной практики «ведения спора без правил»¹.

Приведем следующие способы распределения заданий между членами творческого коллектива:

- руководителем без учета мнения коллектива;
- руководителем с учетом мнения коллектива;
- коллективом или неформальным лидером;
- стихийно в процессе работы.

В ходе социологического опроса специалистов на вопрос «Какой способ распределения заданий между членами творческого коллектива наиболее целесообразный?» были получены ответы:

- руководителем без учета мнения коллектива – 24 %;
- руководителем с учетом мнения коллектива – 71 %;
- коллективом или неформальным лидером – 5 %;
- стихийно в процессе работы – 5 %.

На вопрос «Какой способ распределения заданий присущ вашему коллективу?» были получены ответы:

- руководителем без учета мнения коллектива – 47 %;
- руководителем с учетом мнения коллектива – 33 %;
- коллективом или неформальным лидером – 0 %;
- стихийно в процессе работы – 20 %.

При коллективной работе методы принятия решения по рабочей проблематике могут быть следующие:

- руководителем единолично;
- руководителем после коллективного обсуждения;

---

¹ Де Боно Э. Шесть шляп мышления / пер. с англ. А. Захарченко. СПб. : Питер Паблишинг, 1997. 256 с.

- голосованием равноправных участников после коллективного обсуждения;

- на основе общего согласия.

В ходе социологического опроса специалистов на вопрос «Какой метод принятия решения по рабочей проблематике вы считаете наиболее целесообразным?» были получены следующие ответы:

- руководителем единолично – 2 %;

- руководителем после коллективного обсуждения – 66 %;

- голосованием равноправных участников после коллективного обсуждения – 12 %;

- на основе общего согласия – 20 %.

На вопрос «Какой метод принятия решения по рабочей проблематике преобладает в коллективе?» были получены следующие ответы:

- руководителем единолично – 44 %;

- руководителем после коллективного обсуждения – 49 %;

- голосованием равноправных участников после коллективного обсуждения – 3 %;

- на основе общего согласия – 4 %.

Следует отметить, что в коллективах, где решения принимаются руководителем единолично, наиболее часто встречается точка зрения, что самым эффективным является альтернативный вариант: «На основе общего согласия или голосованием».

Основные схемы взаимодействия в процессе работы коллектива:

1) автономная – каждый работает отдельно над своей проблемой с последующим интегрированием результатов;

2) полуавтономная – каждый работает над своей проблемой при постоянных консультациях с коллегами и с последующим интегрированием результатов;

3) директивная – решение разрабатывает руководитель и передает его как руководство для детализации отдельным исполнителям;

4) централизованная – общую схему решения разрабатывает руководитель, а последующую работу выполняют все участники при постоянном контакте с руководителем и другими членами группы;

5) совместная – в разработке проблемы участвуют одновременно все члены группы – в одно время, в одном помещении, при возможности постоянных контактов между ними¹.

---

¹ *Моляко В. А.* Психология конструкторской деятельности. М. : Машиностроение, 1983. 134 с.

В ходе социологического опроса специалистов на вопрос «Какая из схем работы является наиболее эффективной?» были даны следующие ответы:

- 1) автономная – 2 %;
- 2) полуавтономная – 37 %;
- 3) директивная – 2 %;
- 4) централизованная – 20 %;
- 5) совместная – 39 %.

На последующий вопрос «Какая из схем работы преобладает в вашем коллективе?» были даны следующие ответы:

- 1) автономная – 6 %;
- 2) полуавтономная – 32 %;
- 3) директивная – 24 %;
- 4) централизованная – 22 %;
- 5) совместная – 16 %.

Возможные формы профессионального общения:

1) на конечном этапе принятия решения: исполнители сначала автономно решают свои задачи, а потом, интегрируя данные, проводят обсуждение;

2) в начале и в конце разработки: руководитель дает директивы, а затем исполнители самостоятельно разрабатывают задачи и интегрируют данные;

3) эпизодическое – от случая к случаю;

4) централизованное – исполнитель в процессе работы консультируется только с руководителем;

5) постоянное – задача от начала до конца решается совместно, при систематическом коллективном общении.

На вопрос «Какая форма профессионального общения является наиболее эффективной?» даны следующие ответы:

1) на конечном этапе решения: исполнители сначала автономно решают свои задачи, а потом, интегрируя данные, проводят обсуждение – 1 %;

2) в начале и в конце разработки: руководитель дает директивы, а затем исполнители самостоятельно разрабатывают задачи и интегрируют данные – 15 %;

3) эпизодическое: от случая к случаю – 10 %;

4) централизованное: исполнитель в процессе работы консультируется только с руководителем – 6 %;

5) постоянное – задача от начала до конца решается совместно, при систематическом коллективном общении – 68 %.

Отвечая на вопрос «Какая форма профессионального общения преобладает в вашем коллективе?», опрошенные отметили следующее:

1) на конечном этапе решения: исполнители сначала автономно решают свои задачи, а потом, интегрируя данные, проводят обсуждение – 5 %;

2) в начале и в конце разработки: руководитель дает директивы, а затем исполнители самостоятельно разрабатывают задачи и интегрируют данные – 28 %;

3) эпизодическое: от случая к случаю – 34 %;

4) централизованное: исполнитель в процессе работы консультируется только с руководителем – 16 %;

5) постоянное: задача от начала до конца решается совместно, при систематическом общении всех – 17 %¹.

Таким образом, с одной стороны, две трети опрошенных являются сторонниками интенсивного творческого общения, с другой – при оценке наличной ситуации число ответивших по показателю «постоянное деловое общение» существенно уменьшилось.

Эффективность работы творческого коллектива в значительной степени зависит от наличия или отсутствия творческой моральной атмосферы, характера взаимодействия работников, стиля работы руководителя и его отношений с подчиненными.

Творческую атмосферу отличает заинтересованное отношение к новым идеям, оригинальным решениям, доверие между коллегами, доброжелательный, конструктивный характер критики, равноправие в партнерстве и взаимная поддержка, схожесть (творческая направленность) мотивов членов группы. Своеобразным показателем, подтверждающим наличие творческой атмосферы, является заинтересованное отношение к новым идеям, оригинальным решениям, совместное участие в их разработке и реализации, высокий должностной и моральный статус в группе их авторов.

Неприятие новых идей часто связано с тем, что они нарушают устоявшийся спокойный рабочий ритм, могут подорвать чей-либо авторитет (иногда мнимый), привести к смене лидерства. Сама по себе новая идея, как правило, является косвенной критикой коллег, руководителей, подтверждает профессиональную несостоятельность некоторых из них. Актуальность данной проблемы подтверждают результаты социологического опроса: 65 % опрошенных специалистов

---

¹ Рубанов А. В. Творчество: личность и технологии // Социальные технологии, исследования. 2019. № 2. С. 35.

указали на отсутствие в их коллективах заинтересованного отношения к новому, оригинальному.

Для сложной творческой работы чрезвычайно важно полное рабочее доверие. Там, где распространено чувство зависти и сильна опасность присвоения чужих идей, новые интересные решения обычно скрываются от коллег. Хуже всего чувствуют себя в атмосфере всеобщей подозрительности, недоверия, утаивания результатов молодые сотрудники, которые порой особенно сильно нуждаются в совете и поддержке старших коллег. Однако именно их идеи чаще всего становятся объектом плагиата. На вопрос о наличии в их творческих группах доверия между сотрудниками отрицательно ответили 55 % опрошенных. Отсутствие доверия обычно дополняется нездоровой критикой (о ней заявили 60 % респондентов).

Нездоровая критика преобладает там, где новаторские предложения воспринимаются нормально. Часто в таких ситуациях объектом критики становятся не идеи, а их авторы. Молодые люди нередко жалуются на неравноправное положение в коллективе, когда им, что называется, не дают проявить свои лучшие качества. Чрезвычайно сильны негативные последствия неравного отношения к сотрудникам, а также профессиональной некомпетентности коллег. Некомпетентность в работе часто компенсируется усиленной активностью вне основной рабочей деятельности.

Особую роль в создании творческой атмосферы играет стиль руководства коллективом. Особенно важен факт создания в группе обстановки, позволяющей каждому высказывать свое мнение, пусть и отличное от общего, тем более оппозиционное ему. Важны вопросы о том, допускается ли критика идей руководителя; прислушивается ли он к предложениям подчиненных, не навязывает ли им своих взглядов? На отрицательное отношение со стороны руководителей к наличию у подчиненных собственного мнения указали 58 % опрошенных.

Творчество как процесс создания нового немислимо без отказа от привычных подходов и решений, так называемого прыжка в неизвестное, когда сложно, а порой невозможно абсолютно точно предвидеть результаты, тем более гарантировать успех. Всегда сохраняется определенная степень риска, а с ней – и потребность рисковать, в частности со стороны руководителя. Однако необходимо понимать его особую ответственность за результаты. Согласно данным опроса, 55 % респондентов заявили о нежелании руководства рисковать.

Чаще всего встречаются следующие пожелания сотрудников в адрес своих руководителей:

- отстаивать профессиональные интересы группы – 64 %;
- поощрять инициативу и самостоятельность подчиненных – 49 %;
- развивать коллективное творчество – 37 %;
- лучше координировать работу – 37 %;
- усилить контроль за работой подчиненных – 26 %;
- проявлять больше принципиальности по отношению к ним – 29 %;
- больше заниматься творческой деятельностью – 26 %;
- повысить профессиональное мастерство – 15 %.

Также был задан обобщающий вопрос «Насколько препятствует творчеству долгая несменяемость руководителя?». Были получены следующие ответы: очень сильно – 5 %, сильно – 19 %, незначительно – 46 %, не препятствует – 30 %.

Было также озвучено мнение, что руководитель не должен навязывать готовое решение, а побуждать самостоятельно мыслить, верить в способности подчиненных; указывая на недостатки, предоставлять самостоятельный поиск путей их устранения. Так, из двух вариантов: 1) «сделай так, как я говорю»; 2) «подумай, как лучше сделать, а если необходимо, приди, посоветуйся» подчиненные выбирают второй.

Приведем четыре основные *формы контроля* за работой подчиненных:

- 1) по конечным результатам;
- 2) по промежуточным результатам;
- 3) по ежедневным результатам;
- 4) на основании присутствия на рабочем месте.

Согласно опросам, на вопрос «Какая из форм контроля за работой подчиненных считается наиболее эффективной?» были даны следующие ответы:

- 1) по конечным результатам – 75 %;
- 2) по промежуточным результатам – 16 %;
- 3) по ежедневным результатам – 8 %;
- 4) на основании присутствия на рабочем месте – 1 %.

На вопрос «Какая из форм контроля за работой подчиненных преобладает?» прозвучали следующие ответы:

- 1) по конечным результатам – 34 %;
- 2) по промежуточным результатам – 27 %;

3) по ежедневным результатам – 15 %;

4) на основании присутствия на рабочем месте – 24 %.

Таким образом, наиболее эффективным способом контроля за работой подчиненных является сочетание первой и второй форм.

Рекомендации руководителю, позволяющие создать творческую атмосферу в коллективе, можно объединить в две группы: мотивация творчества и организация творческого процесса. Представим их более подробно.

Так, для мотивации творческой деятельности в коллективе руководителю необходимо учитывать следующее:

- действия подчиненных должны быть хорошо осмысленны;
- сотрудники выражают себя в определенных результатах и готовы брать больше ответственности за деятельность, которая будет связана с именем конкретного сотрудника;
- сотрудники стремятся к успеху, поэтому руководитель должен поставить цели, которые поддаются достижению по уровню и срокам выполнения;
- работникам необходима оперативная оценка достигнутых результатов;
- следует поощрять подчиненных материально и морально;
- старания и полученные лучшие результаты не должны приводить к увеличению нагрузки.

Для организации творческого процесса руководителю необходимо учитывать следующее:

- решения должны приниматься при участии всех компетентных сторон;
- каждый может иметь собственную точку зрения, как улучшить свою работу, и рассчитывать на то, что к его мнению отнесутся заинтересованно;
- сотрудники негативно воспринимают те ситуации, когда решения об изменениях в работе принимаются без их согласия;
- сотрудники должны чувствовать себя значимыми и причастными к общему делу;
- творческая работа становится продуктивной при большей самостоятельности подчиненных;
- сотрудники стремятся приобрести в процессе работы новые знания, поэтому требования, дающие возможность дальнейшего развития, охотно принимаются¹.

---

¹ Рубанов А. В. Творчество: личность и технологии. С. 35.

К данным управленческим технологиям необходимо добавить советы по организации контроля за подчиненными, которые позволят избежать излишнего негативного отношения, а в итоге – повысят результативность труда:

- 1) контроль не должен ограничиваться инцидентами;
- 2) тотальный контроль порождает небрежность. Есть люди, считающие, что все, что прошло через их руки, чревато ошибками. Подчиненные освобождаются от ответственности, считая, что их ошибки все равно будут обнаружены;
- 3) скрытый контроль вызывает только досаду;
- 4) следует контролировать не только «любимый» участок;
- 5) контроль не должен быть формальным: кто не контролирует, тот не интересуется достижениями сотрудников;
- 6) не следует контролировать из недоверия до тех пор, пока не будет что-то найдено;
- 7) не следует держать свои выводы при себе.

13. СОЦИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Социальное творчество – это инициированное и осуществленное людьми преобразование структурных, процессуальных и функциональных элементов общественной жизни или общества в целом. Перемены, происходящие в течение определенного промежутка времени, могут носить характер прогресса, регресса или стагнации. Прогресс – это повышение уровня организации и эффективности функционирования различных социальных систем. Накопление позитивных изменений, которые ведут к качественно новому состоянию общественной жизни, называется социальным развитием. Обратный процесс снижения уровня организации и эффективности функционирования общественных образований вплоть до их распада принято считать социальным регрессом. Стагнация (застой) означает отсутствие назревших социальных изменений.

Роль и механизмы социального творчество как основы прогрессивного развития общества первыми сделали объектом своего внимания Г. Тард и А. Дж. Тойнби.

Г. Тард считал, что источником социального развития являются открытия и изобретения. Отбор и внедрение нововведений осуществляется посредством подражания. Эту идею Тард выразил формулой: общество – это подражание. Процесс распространения новшеств он представил в виде концентрических кругов повторения. Круг подражания расширяется до тех пор, пока не сталкивается со встречной волной, идущей из другого центра. Распространение нововведений происходит посредством логического союза, когда они поддерживают друг друга, или в результате логического поединка. Последний разрешается тремя способами: соперник низвергается на фоне успехов противоборствующей стороны, он уничтожается насильственным способом или происходит примирение, а возможно, и добровольное удаление одного из соперников.

Г. Тард выделил некоторые механизмы подражательного процесса. Так, низшие классы подражают высшим, но наибольшее подражание вызывает высший из наиболее близких по социальной дистанции. Подражают только тому превосходству, которое могут понять, а понимают, когда видят, что оно способно доставлять ценные блага. С расширением социального равенства, отмечает он, люди все меньше готовы идти за отдельными лицами и все больше склонны верить массе, общественному мнению. Ничто не свидетельствует так наглядно

о силе подражательного увлечения, как единоклющие. Наконец, попеременно подражают то настоящему, то прошлому¹.

А. Дж. Тойнби механизм развития цивилизаций основывал на действии закона «вызова и ответа». «Общество, – пишет он, – в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов»². «Вызов, – продолжает он, – побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию»³.

Разъясняя действие закона «вызова и ответа», А. Дж. Тойнби отмечал, что адекватный «ответ» на «вызов» исторической ситуации, т. е. акты социального творчества, – это прерогатива либо творцов-одиночек, либо творческих групп. «Творческие личности при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь»⁴. Подтягивание нетворческого большинства до уровня «творческих пионеров» осуществляется благодаря свободному мимесису – подражанию.

Творческому акту предшествует «уход» творческой личности из повседневной жизни. Процесс творчества можно разделить на две фазы, одну из которых, согласно А. Дж. Тойнби, называют начальной, другую – конструктивной. Первая фаза – это время поэзии, романтики, эмоциональных взрывов, интеллектуальных находок, вторая фаза – время здравомыслия и систематики. Возвращение творческого меньшинства в обычную жизнь приводит его к конфликту с большинством, которое оказывается перед выбором: принять творческое решение общей проблемы или ожидать последствий нерешенных проблем.

Отличительная особенность творческого меньшинства в развивающемся обществе – его постоянное обновление не только по составу, но также в идейных, духовных устремлениях. Рекрутирование творческого меньшинства из разных слоев объясняется двумя причи-

---

¹ Тард Г. Законы подражания / пер. с фр. Ф. Павленкова. М. : Кн. по требованию, 2012. 378 с.

² Тойнби А. Дж. Постигание истории : пер. с англ. / сост. А. П. Огурцов ; вступ. сл. В. И. Уколовой ; заключ. сл. Е. Б. Рашковского ; авт. коммент. Д. Э. Харитонович, Н. И. Кольшкина. М. : Прогресс, 1991. С. 108.

³ Там же. С. 119–120.

⁴ Там же. С. 260.

нами: положительной и отрицательной. Первая заключается в том, что в последовательной череде «вызовов» и «ответов» каждый «вызов» является для общества новым. Решение новой проблемы требует задействования скрытых, невостребованных до сих пор талантов. Вторая причина выражается в том, что меньшинство, однажды победоносно отразившее «вызов», воздерживается от повторения своих борений и подвигов, всячески сопротивляется тому, что в какой-то степени означает отход от проверенного пути, имеет склонность становиться замкнутой группой, идеи и идеалы которой приобретают ригидность неизменных.

Объяснение развития общества через действие закона вызова и ответа явилось своеобразной антитезой двум другим объяснительным концепциям. С одной стороны, утверждению о предзаданной логике определенной траектории общественного развития, когда роль человека сводится к правильному пониманию данной логики и содействию ее реализации. С другой стороны, преувеличению значения деятельности людей, способных к реализации идеальных моделей без должного учета условий и пределов сознательного преобразования социальной среды, готовности к нему широких слоев населения.

В наши дни весьма популярной является точка зрения сторонников либерально-консервативного направления общественной мысли о неоправданности притязаний человеческого разума на тотальное осмысление социальных процессов, несостоятельности попыток глобального переустройства общества по заранее составленному рациональному плану, таящейся в них опасности движения к тоталитарному режиму.

Однако такая позиция не равнозначна отказу от обращения к возможностям разума при выборе и построении новых форм организации социальной жизни. Примечательно в связи с этим высказывание виднейшего теоретика этого направления Ф. А. Хайека: «Спор между сторонниками планирования и их оппонентами не сводится... ни к тому, должны ли мы разумно выбирать тип организации общества, ни к вопросу о необходимости применения прогнозирования и систематического мышления в планировании наших общих дел. Речь идет только о том, как осуществлять все это наилучшим образом: должен ли субъект, наделенный огромной властью, заботиться о создании условий, мобилизующих знания и инициативу индивидов, которые сами осуществляют планирование своей деятельности, или же рациональное использование наших ресурсов невозможно

без централизованной организации и управления всеми процессами деятельности в соответствии с некоторой сознательно сконструированной программой»¹.

Принципиальный вопрос касается возможностей, пределов и способов использования конструктивных возможностей, заложенных в разуме и активности людей. Как представляется, любые идеальные социальные проекты в условиях реальной жизни претерпевают изменения, и часто весьма существенные. Корректировка их первоначального варианта происходит из-за ряда причин. Например, в силу несовершенства любого идеального образа социальной действительности, тем более ее проекта. Различно авторство конкретных вариантов решения той или иной социальной или культурной проблемы. Оно может принадлежать как официальным органам управления, так и стремящейся к власти оппозиции, неофициальным структурам. Нередко его содержание заимствуется официальными структурами у неофициальных. В противовес одному варианту выдвигаются иные, как правило альтернативные. Каждый из них выражает специфические интересы их авторов и стоящих за ними социальных групп. Существенное корректирующее воздействие оказывает изменчивость окружающего мира, реальный ход социальных событий.

В итоге содержание реализованного социального проекта правомерно рассматривать как результат взаимодействия целого ряда разнообразных факторов: потенциала интеллектуальных ресурсов данного общества, деятельности властных структур и оппозиции, борьбы и согласования интересов различных социальных групп, принятия членами данной общности некоторого минимума общепринятых ценностей, норм деятельности и т. п. Главное, что эффективность социально-преобразующих действий зависит прежде всего от того, нацелены ли они на разрешение возникающих в процессе функционирования и развития общества проблем, лежащих в их основе противоречий. Можно сказать, что социальные проекты возникают и реализуются в процессе решения различных проблем (вызовов) общественной жизни и представляют собой результирующий итог как сознательных представлений о желаемом будущем, так и действий различных субъектов, борющихся за интересы различных классов и других групп населения.

Идея объяснения развития общества через выработку адекватных «ответов» на внутренние системообразующие «вызовы» была успешно

---

¹ Хайек Ф. А. Дорога к рабству // Вопр. философии. 1990. № 10. С. 132.

реализована создателем теории постиндустриального общества Д. Беллом. Отмечая, что любые значимые социальные перемены создают новые управленческие проблемы для общества, Д. Белл подчеркивал резкие отличия характера структурных проблем, с которыми сталкиваются общества разного типа. Он пишет: «В индустриальном обществе главной экономической проблемой была проблема капитала: как институционализировать процесс накопления достаточных сбережений и превратить их в инвестиции? Ее решили с помощью фондового рынка, инвестиционных банков, самофинансирования и государственного налогообложения. Ячейкой социальных отношений являлись предприятие или фирма, а основной социальной проблемой – проблема конфликта между работодателем и рабочим. В той мере, в какой инвестиционные процессы приобрели рутинный порядок, а «классовые конфликты» были изолированы таким образом, что вопрос классовой борьбы перестал быть единственным фактором социальной поляризации, прежние проблемы индустриального общества оказались если не «решенными», то, во всяком случае, лишены остроты. В постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки, а важнейшим институтом выступает университет или научно-исследовательская лаборатория. Концепция постиндустриального общества наводит на мысль, что существует общий круг проблем, во многом зависящих от взаимоотношений между наукой и политикой, которые придется решать этим обществам; однако они могут быть решены разными методами и в разных целях»¹.

В современные обществоведческие науки прочно вошла и заняла доминирующие теоретико-методологические позиции при объяснении социальных процессов, их источников, особенностей протекания, последствий и способов позитивного воздействия на них понятийная связка «вызовы, риски и ответы». Знаковой, например, стала формула «Глобализация: вызовы и ответы».

Выделяют общепланетарные и частные «вызовы», которые касаются отдельных стран, регионов, групп населения. «Вызовы» напрямую ассоциируются с рисками.

По мнению создателя теории «общества риска» У. Бека, если центральным вопросом в классической современности было богатство и способы его более справедливого распределения, то в эпоху развитой современности центральным вопросом является риск и спо-

---

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Академия, 1999. С. 157–159.

собы его предотвращения, минимизации и управления им. Идеалом классической современности было равенство, тогда как в эпоху развитой современности это безопасность. Социальную архитектуру новой реальности У. Бек сформулировал в пяти тезисах:

1) доминируют риски, возникающие на самой высокой ступени развития производительных сил;

2) с нарастанием рисков возникают социально опасные ситуации. В определенном смысле они являются следствием неравенства классов и социальных слоев, однако рано или поздно затрагивают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду. Им присущ эффект бумеранга, взрывающий схему классового построения общества;

3) распространение и умножение рисков не противоречит логике развития капитализма, а, скорее, поднимает эту логику на новую ступень. Риски модернизации – это *big business*, т. е. большой бизнес. Цивилизационные риски – это потребности, которые постоянно самообновляются;

4) богатствами можно владеть, риски нас настигают; нас надевает ими само развитие цивилизации. Знание приобретает новое политическое значение. Соответственно, политический потенциал общества риска должен раскрываться и анализироваться в социологии и теории возникновения и распространения знания о рисках;

5) социально признанные риски несут в себе своеобразный политический детонатор. Общественность и политика начинают вторгаться в планирование, техническое оснащение производства и т. д. В обществе риска возникает политический потенциал катастроф. Защита от него, овладение им могут привести к реорганизации власти и компетенции.

Новую современность У. Бек называет рефлексивной современностью. Суть ее состоит в том, что, будучи предоставлены самим себе, люди оказались вынуждены быть более рефлексивными¹.

Э. Гидденс, определяя наше время термином «высокая современность», считает, что факторы риска существенно усиливаются в обстановке повсеместного распространения так называемых абстрактных систем, действия которых не совсем ясны, но от надежности которых зависит повседневная жизнь и которыми мы вынуждены постоянно пользоваться. К этим системам относятся транспорт, телекоммуникации, финансовые рынки, атомные электростанции, военные силы, транснациональные корпорации и др. Во-первых, риск

---

¹ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

универсализируется, т. е. глобальные бедствия угрожают всем независимо от класса, этнической принадлежности, отношения к власти и т. д. Во-вторых, риск глобализируется, т. е. приобретает необычайный размах, затрагивая большие массы людей. В-третьих, риск институционализируется, т. е. возникают организации, принимающие его в качестве принципа собственного действия. В-четвертых, риск продуцируется в результате непреднамеренного побочного эффекта, или эффекта бумеранга, человеческих действий. В итоге восприятие риска в обществе «высокой современности» становится гораздо более острым, чем в прежние времена¹.

Планетарные, общечеловеческие вызовы современными исследователями сегодня чаще всего ассоциируются со следующими группами рисков: экологическими (экстремальные погодные явления, масштабные стихийные бедствия, истощение природных ресурсов, глобальное потепление климата и т. п.), геополитическими (международные, межрелигиозные и межнациональные конфликты, терроризм и др.), экономическими (финансовый кризис, экономическая рецессия, незаконное движение финансовых средств, уклонение от уплаты налогов, контрабанда и т. д.), социальными (вынужденная массовая миграция, старение населения, увеличение разницы в доходах между отдельными странами и группами населения и др.), касающимися здоровья больших групп людей (пандемия, рост ряда особо тяжелых заболеваний, наркомания, алкоголизм и т. п.), технологическими (техногенные катастрофы, масштабные кибератаки, хищение личных и служебных данных и др.).

Более частные «вызовы» (риски) касаются, например, в одном случае районов, подверженных землетрясениям, частому воздействию цунами, другим видам затоплений, в другом – групп молодежи, живущих в пригородах и отличающихся повышенным уровнем преступности, приверженности наркомании и другим видам девиантного поведения.

Выработка и реализация адекватных «ответов» на «вызовы» (риски) предполагает прежде всего своевременное признание (или прогнозирование) их существования. За ним должны последовать всестороннее изучение конкретного «вызова» (риска) и объективная оценка содержащейся в нем угрозы, поиск эффективных ответных действий, мобилизация людей на эти действия. «Ответы» на «вызо-

---

¹ *Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge : Polity Press, 1990. 188 p. URL: <https://archive.org/details/consequencesofmo00anth> (date of access: 14.12.2021).*

вы» (риски) классифицируются по степени эффективности. Выделяются «перспективный успешный ответ» (устраняет угрозу и одновременно открывает новые возможности), «простой успешный ответ» (ограничивается нейтрализацией отрицательного эффекта от действия вызова), «безуспешный ответ» (сохраняет негативные последствия, а, возможно, и усиливает их действие).

Для результативности «ответа», безусловно, требуются совместные усилия экспертных и управленческих структур, политических организаций и социальных движений, средств массовой информации. Из-за вполне естественного расхождения точек зрения по восприятию степени опасности риска и сценарию действий в сложившейся ситуации крайне необходимы обмен мнениями, конструктивный диалог, сближение и согласование позиций различных творческих групп и социальных сил. История широкомасштабной пандемии, вызванной распространением коронавируса SARS-CoV-2, дает наглядное представление об успехах, препятствиях и проблемах на путях формирования адекватного коллективного ответа на связанную с ним опасность для здоровья и жизни людей, нормального функционирования всех секторов общественной жизни.

Почему люди начинают массово поддерживать предлагаемые творческими личностями и группами новые способы действия и формы общественного устройства? Есть две основные, часто взаимоперекрещивающиеся эмоционально окрашенные причины стремления к социальным изменениям. Первая причина – негативная – это неудовлетворенность своим положением при сложившихся условиях и способах жизни, опасности, которые с ними связаны. Вторая причина – позитивная – это надежда на то, что изменившееся социальное устройство и новые способы действия, иногда идеализируемые, снимут остроту возникших проблем и повысят их жизненные шансы.

Объяснение причин ярко выраженного недовольства людей своим социальным положением и условиями жизни, порождающего стремление их изменить, предложено теорией депривации (от лат. *deprivatio* – потеря, лишение). Выделяют абсолютную и относительную депривацию. Абсолютная депривация – это снижение материального уровня жизни вплоть до невозможности реализовать базовые потребности. К. Маркс писал в связи с этим об абсолютном обнищании широких масс населения. П. Сорокин – об увеличении числа подавленных базовых инстинктов, невозможности даже минимального их удовлетворения. В числе этих инстинктов он называл

голод и пищеварительный инстинкт, импульс собственности, инстинкт самосохранения и половой инстинкт, импульс свободы, группу инстинктов самовыражения унаследованных способностей и др.

Относительная депривация – это в своей основе субъективно воспринимаемая и эмоционально переживаемая неудовлетворенность возрастающих потребностей и ожиданий людей. Первыми объяснениями феномена относительной депривации стали теория возросших и обманутых ожиданий А. Токвиля и идеи о различии абсолютного и относительного обнищания К. Маркса.

Т. Гарр, в свою очередь, определяет относительную депривацию как восприятие деятелем (актером) расхождения между его *ценностными ожиданиями (экспектациями)* и *ценностными возможностями*¹. Он выделяет три формы нарушения равновесия между ними: 1) убывающую депривацию; 2) устремленную депривацию; 3) прогрессивную депривацию.

Относительная депривация обусловлена процедурой социального сравнения, т. е. сопоставления своего положения с положением других людей. Так, Аристотель писал о том, что «стремление получить прибыль и почет ведет к взаимному раздражению людей не потому, что они желают приобрести их... для самих себя, но потому, что они видят, как другие – одни справедливо, другие несправедливо – в большей степени пользуются этими благами»².

Недовольство может усиливаться тогда, когда в близком окружении становятся реальностью недоступные данному человеку новые жизненные стандарты или он узнает о них под воздействием так называемого демонстрационного эффекта, связанного преимущественно с деятельностью СМИ, а в последнее время – интернет-технологий.

Исходной точкой при сравнении являются не только успехи других, но и свои собственные. Люди, когда повышаются их благосостояние, социальный статус, поднимают планку стандартов, по которым оценивают свои новые достижения, нередко забывая о том, где они были в начале восхождения. Это личностное сравнение, нацеленное вверх, также может привести к чувству относительной депривации. Воспроизведение в памяти своей стартовой позиции или осознание того, что другие находятся в более тяжелом положении, могут спо-

---

¹ Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005. С. 61.

² Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. / пер. и ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 530.

собствовать восстановлению хотя бы частичной удовлетворенности жизнью.

В данном случае говорят о феномене уровня адаптации, позволяющем объяснить, почему растущие запросы людей приводят их к фрустрации. Этот феномен предполагает, что ощущение успеха и неудачи, удовлетворенности и неудовлетворенности связано с предшествующими достижениями человека. Если раньше его достижения были выше их нынешнего уровня, он испытывает неудовлетворенность и фрустрацию, но если в настоящий момент они превосходят прежние результаты, его охватывает ощущение успеха и удовлетворенности. Однако если человек продолжает двигаться вверх, то достаточно быстро адаптируется к успеху. То, что раньше вызывало ощущение благополучия, теперь отмечается как нейтральное событие, а то, что прежде воспринималось в качестве нейтрального, переживается как депривация.

В итоге Дж. Дэвис говорит о том, что сама по себе бедность не является достаточной причиной социальной революции. Революцию могут начать и относительно бедные, и относительно богатые социальные группы. Для объяснения этого феномена он предложил так называемую модель кривой J, в которой отражена связь реального изменения экономических условий и динамики ожиданий людей. Так, если в период экономического роста начинается неожиданный спад и различие между социальными ожиданиями и реальными условиями жизни достигает критической величины, может произойти социальный взрыв. Принципиальным для понимания механизма относительной депривации является представление о том, что возникновение недовольства и следующее за ним резкое возрастание социальной напряженности и активности масс вызвано не чувством лишенности, а эмоциональным переживанием обиденности, которое порождается рассогласованием претензий людей и тем, что они имеют в реальной жизни.

Данная обиденность проявляется при объяснении автором теории инновационной личности Э. Хагеном групповых предпосылок социальных изменений. Массовую настроенность на перемены он связывал с расстыковкой имеющегося у той или иной группы социального статуса и того, на который она предъявляет претензии. Он приводит четыре типичных случая такой расстыковки:

- 1) целая группа теряет свой статус и, следовательно, это происходит с каждым ее членом. Например, в период становления буржуазного общества в социальной структуре приоритет ремесленников был

заменен доминированием фабричных рабочих, а старой земельной аристократии – капиталистов. В итоге у целых социальных групп возникает разрыв между прежним и новым, более низким, статусом;

2) по мнению членов группы, ее достижения недооцениваются и к ней относятся не так, как она того заслуживает. Этой позиции может придерживаться определенный слой, этническая группа, корпорация, фирма и др. Налицо разрыв между предполагаемым статусом и тем, который в действительности имеется;

3) существует несоответствие, нестыковка между различными измерениями статуса (например, уровнем образования и доходами);

4) группа еще не заняла более высокий статус, на который рассчитывает (например, этнические меньшинства, иммигранты и т. п.). Появляется разрыв между желаемым статусом и тем, который она занимает на самом деле. Разрыв между наличным и предполагаемым статусом ведет к попыткам его преодоления в одном случае за счет повышенной личной активности, в другом – посредством изменения социальных условий жизни¹.

Существуют и другие примеры подобной статусной расстыковки положения отдельных групп населения. Например, с ней связана борьба женщин за гендерное равноправие в семье и различных сферах общественной жизни. Можно говорить и о межпоколенческой расстыковке, когда молодежь отрицает социальный порядок и нормы поведения, к которым привыкло, с которыми сжилась старшее поколение.

Позитивные мотивационные основания деятельности, ориентированной на новое социальное устройство и связанные с ним надежды на достижение личных жизненных успехов, объясняют психологические теории К. Левина и А. Маслоу. К. Левиным была разработана теория результирующей валентности, согласно которой поведение человека обусловлено тремя факторами: поиском успеха, стремлением избежать неудачи и ожиданиями относительно вероятности успеха или неуспеха. Люди, мотивированные на успех, ставят перед собой цель, достижение которой может быть однозначно оценено как успех. Изучение мотива достижения успеха показало, что конкретное содержание связанной с ним деятельности обусловлено культурно-историческим контекстом и может существенно различаться. Но суть мотива достижения остается одна. Это стремление

---

¹ *Hagen E.* Towards the theory of social change: how economic growth begins. London: Homewood : Dorsey Press, 1962. xvii + 557 p.

достичь цели, установка на решение задачи, ориентация на стандарт высокого мастерства.

В свою очередь, А. Маслоу, рассматривая потребность в самоактуализации как высший уровень созданной им иерархической модели мотивов, понимал под ней стремление человека стать таким, каким он может быть, максимально развить и реализовать свои способности, достичь наибольших результатов в различных видах деятельности. В стремлении к самоактуализации чаще всего видят источник творчества, оно же ориентирует людей на преобразовательную социальную активность.

В обоих случаях важнейшим социальным условием реализации мотивов является наличие открытых каналов вертикальной мобильности. Связано это с тем, что мотивы достижения и самоактуализации воплощаются в стремлении поднять экономический, политический, профессиональный, образовательный, семейный и другие аспекты социального статуса. Зависимость здесь взаимная: благоприятные перспективы для интенсивной вертикальной мобильности усиливают стремления людей к достижению успеха, а например, ориентация на него расширяет каналы социального возвышения. В итоге это способствует продвижению общества вперед по важнейшим параметрам его развития.

Инициирование и осуществление социальных изменений связано с деятельностью социальных субъектов, к которым относятся не только отдельные индивиды, однако авторами инициативных идей и действий всегда являются именно они. Так, П. Штомпка предлагает выделить следующие *шесть типов* субъектов социальных изменений:

1) отдельные люди, выступающие с инновациями. Это может быть изобретатель, предложивший новую технологию; ученый, выработавший новый исследовательский метод; религиозный пророк, сформулировавший моральные проповеди и послания; художник, чье творчество положило начало новому стилю; политик, осуществивший правовые реформы, и т. п.

2) инновационные роли (художников, изобретателей, ученых, мудрецов, шаманов, чародеев, интеллектуалов, экспертов и т. п.);

3) инновационные организации (законодательные комитеты, парламенты, комиссии для проведения реформ, исследовательские коллективы, конструкторские бюро, «мозговые тресты» и т. п.). Обязанность инициирования и проведения инноваций в этом случае является конституционной составляющей самого статуса или «уста-

ва» таких организаций. Предпринятые в их рамках действия имеют коллективный характер, а инновация появляется как результат совместных действий – кооперации;

4) группы, коллективы, социальная среда, или социальные круги новаторского характера (артистическая богема, студенты, джазовые музыканты, мастера кино, религиозные секты и т. п.);

5) социальные движения, которые, уже по самому своему определению, направлены на изменение социальных норм или ценностей (молодежные, феминистские, экологические, религиозные, политические и др.);

6) обычные люди, которые в своей повседневной жизни вырабатывают какой-либо новый способ речи, обращения к другим, одежды, прически, готовят новые блюда, по-новому обставляют свое жилище, заполняют свободное время новыми формами развлечений и т. п.¹

С учетом реалий цифрового общества субъектами социальных изменений можно считать социальные онлайн-сообщества. Социальные онлайн-сообщества – это виртуальные объединения людей со схожими интересами и представлениями о необходимости и характере социальных изменений, которые совместно участвуют в общественной жизни. Будучи в основе своей децентрализованными, социальные онлайн-сообщества могут быть как связанными с конкретными политическими партиями и социальными движениями, так и автономными от них.

Как осуществляется институционализация социальных новаций? Объясняя процесс становления новых жизненных форм, Р. Мертон указал четыре условия их институционализации: 1) они должны иметь определенный, регулярный характер; 2) приниматься большинством; 3) существовать в виде хорошо отработанной «социальной механики»; 4) редко наказываться, а если и подвергаться санкциям, то обычно в символической форме, якобы подтверждающей священность установленных норм.

В качестве источника социальных изменений Р. Мертон выделил два вида поведения: 1) нонконформистское поведение (принципиальное отклонение); 2) аберрантное поведение (целесообразное отклонение). Различие между ними он проводил следующим параметром. Во-первых, нонконформисты открыто объявляют о своем несогласии с официальными нормами поведения. Аберранты избегают

---

¹ *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной; предисл. Н. Е. Покровского. М.: Логос, 2005. С. 439–441.

известности и публичного осуждения. Во-вторых, неконформисты отрицают законность отвергаемых ими социальных норм. Аберранты признают законность нарушаемых норм, но считают такое нарушение приемлемым для себя. В-третьих, неконформисты предлагают взамен существующих норм другие. Аберранты прежде всего стремятся избежать наказания¹.

Нонконформистское поведение (принципиальное отклонение) – это открытый, прямой путь к социальным изменениям. В наше время ему, как правило, следуют оппозиционные политические партии и движения, раньше это делали революционные организации и их вожди. Существующему социальному порядку, лежащим в его основе ценностям и нормам они противопоставляют в той или иной степени идеализированную альтернативу, в которой воплощены их стремления к созданию лучшего воображаемого будущего.

В случае с аберрантами становление новых жизненных форм идет, образно говоря, обходным путем. Оно начинается с отдельных нарушений тех норм, которые признаются очень строгими, хотя в целом вполне законными. Отклонения, которые оказываются достаточно эффективными, могут получить широкое распространение. Удачные аберранты могут стать образцом для подражания. Выделяют *три варианта* институционализации аберрантных отклонений:

1) нормативная эрозия (например, постепенная либерализацией сексуальных нравов);

2) сопротивление нормам – новые нормы вводятся указом «сверху» и отличаются от традиционных образцов поведения (например, отношение многих крестьян к коллективизации в бывших социалистических странах);

3) замещение норм – старые нормы остаются в силе, но широко распространившиеся отклонения приобретают законность благодаря масштабам и длительной традиции их применения.

В результате новые формы поведения, одобряемые большинством населения, санкционируются властями.

Характеризуя технологическую цепочку, которую проходит нововведение от инициирования до институционализации, т. е. превращения в организованную форму совместной жизнедеятельности людей, выделяют следующие основные этапы: выдвижение и представление

---

¹ *Merton R. K. Social Research and Practicing Profession, Cambridge : Abt Books. 1982b. II. 314 с. URL: <https://archive.org/details/socialresearchpr000mert> (date of access: 05.12.2021). С. 72–73.*

(презентация), отбор (селекция) и распространение (диффузия), которое завершается институционализацией. Презентация нововведения предполагает открытие к нему широкого доступа со стороны разных групп населения. В современных условиях эта доступность достигается благодаря разнообразной деятельности средств массового информирования, передаче новых идей посредством неформальных контактов и путем непосредственного знакомства с ними. Самый эффективный вариант осуществления селекции – это проверка опытом обычной практической жизни. Однако в ряде случаев селекция осуществляется на основе независимой социальной, правовой, экологической и других видов экспертиз.

Особую роль в распространении нового играют институты власти и их представители. С одной стороны, они могут быть его инициаторами и активными проводниками, с другой – в их распоряжении имеется наиболее мощный потенциал для блокировки нововведений. Двойственный характер политики представителей властных структур объяснял А. Дж. Тойнби, раскрывая действие постулируемого им закона «ответа и вызова». Обычно одно и то же творческое меньшинство не в состоянии дать творческий «ответ» на два и более последовательных «вызова». Одна из причин – самоуспокоенность, другая – утрата душевного и умственного равновесия вследствие опьянения первым успехом, попытки добиться невозможного.

Продолжая размышления А. Дж. Тойнби, В. Парето считал основой общественного развития круговорот элит. История человечества – это история постоянной смены элит: одни возвышаются, другие приходят в упадок. Главная причина гибели элит состоит в том, что в их среде невозможно длительное соответствие дарований индивидов занимаемым ими социальным позициям. Одно из действенных средств поддержания жизнеспособности правящей элиты – абсорбация наиболее одаренных индивидов из числа тех, кто по происхождению не принадлежит к привилегированным. Если этого не происходит, возникает революция. Согласно знаменитой формуле В. Парето, история представляет собой кладбище аристократии».

Характеризуя революционную ситуацию, В. И. Ленин отмечал, что ее важнейшим признаком является кризис политики господствующего класса, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. П. Сорокин также говорит о кризисе «верхов», т. е. слабом сопротивлении проявлениям широкого недовольства со стороны властей и властвующей элиты. «История, по его словам, «терпит» хищнические, жестокие,

чиничные правительства, но до поры до времени, пока они сильны, покауда они хотят и знают, как управлять государством»¹.

Таким образом, распространение нововведений по-разному затрагивает интересы, планы, настроения, привычки, способности представителей как властных элит, так и других социальных групп. По этой причине социальные изменения могут привести к непредсказуемым и неоднозначным результатам. Необходим учет закономерностей, характеризующих процесс восприятия нового, его принятия или отторжения:

1. В наиболее благоприятной ситуации оказываются представители гетерогенных сообществ, где характер жизненной практики предполагает определенную разновариантность путей достижения социально заданных целей, оставляет большой простор для проявления личной инициативы. Так, для обозначения своеобразия форм поведения, которые тем не менее не выходят за рамки допустимых, Ф. Клякхон и Р. Мертон ввели в социологическую лексику термин «вариативное поведение». Следовательно, в наиболее сложном положении люди оказываются там, где какая-либо вариативность поведения не допускается (например, сохранение определенной доли частного сектора в экономике бывших социалистических стран Восточной Европы упростило для людей возвращение к экономической деятельности в условиях рынка).

2. Исходные условия для утверждения новых форм жизни создают недовольство старыми. Часто люди готовы принять и поддержать новое, не вникая в суть. Новое привлекает в качестве альтернативы надоевшему старому или нет возможности для его достаточной предварительной апробации. Реальное отношение людей к социальным инновациям начинает формироваться тогда, когда они сталкиваются с ними на жизненном опыте. Последствия могут быть самыми различными: от горячей поддержки до горького разочарования, которое в одном случае оборачивается депрессией и уходом от проявления социальной активности, а в другом – тягой к прошлому и активной деятельностью по его восстановлению.

Так проявляется характерная черта массового настроения – его динамичность, склонность к периодическим переменам. Исследователи революционных событий неоднократно указывали на то, что первоначально этим событиям сопутствует массовое возбуждение,

---

¹ *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согамонова. М. : Политиздат, 1992. С. 288.

энтузиазм, подъем настроения тех слоев, для которых они открывают новые перспективы. Тот факт, что институциональный перелом (в данном случае крах старой социалистической системы) может на короткое время создать особое состояние массовой психологии, отмечает отец польских экономических реформ Л. Бальцерович¹. Это особое эмоциональное состояние большого числа людей принималось во внимание реформаторами, вступившими в бывших социалистических странах на путь радикальных преобразований экономики и политической системы. Однако необходимо помнить, что за периодом бурного эмоционального подъема чаще всего начинается фаза усталости, а при неудачном развитии событий – разочарования и апатии.

3. Индивидуальные качества человека, его возраст, социальная и региональная принадлежность и др. Обычно наиболее консервативны представители старших возрастных групп, жители провинциальных регионов и сельской местности, а также те, кто занимает более низкие уровни социальной пирамиды. По данной причине для разных групп населения необходимо подбирать свой темп адаптации к преобразованиям, различные, наиболее приемлемые варианты новых форм деятельности. Ориентиром их правильного выбора будет мнение самих людей. Ориентируясь на него можно сделать новое доступным для большинства и крепко привязать к нему. Так, согласно А. Токвилю, предоставьте человеку «полную свободу трудиться согласно своему умению делать карьеру... и он сотворит чудо»².

4. Неудачный опыт предшествующих перемен формирует высокий уровень тревожности по поводу не только конкретного изменения, но и изменений вообще, что доходит до патологической боязни любых попыток нововведений. В этой обстановке противники перемен любые ошибки реформаторов будут использовать в своих целях. По данной причине важно, чтобы положительные результаты нововведений почувствовали не единицы, а большинство. Крайне неравномерное распределение потерь и приобретений, резко обострив чувство несправедливости происходящего, вызывает негативное отношение к новому.

---

¹ *Бальцерович Л.* Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох / Ун-т Рос. акад. образования. М. : Наука : УРАО, 1999. С. 293–294.

² *Токвиль А.* Демократия в Америке / пер. с фр. В. П. Олейника [и др.] ; предисл. Г. Дж. Ласки ; коммент. В. Т. Олейника. М. : Прогресс, 1992. С. 146.

Для переходного времени также характерно яркое проявление у людей чувства зависти. Вызвано это тем, что перспективами улучшения социального положения они могут воспользоваться по-разному. В результате, как отмечает Л. Бальцеревич, образуется новый тип социального расслоения: одни могут использовать открывающиеся возможности, другие – нет. Недовольство таким развитием событий среди людей второй группы и находит свое выражение в зависти. Она становится особенно заметной тогда, когда люди считают, что победители в экономической гонке недостойны успеха, который им выпал, поскольку в глазах проигравших они являются представителями элиты старой системы или нажили свой капитал способами, ранее считавшимися спекуляцией.

В социальной атмосфере, сопровождающей перемены, вполне закономерен поворот части населения к социальной стабильности, а точнее, к привычным формам деятельности, дающим гарантированный, хотя и не самый эффективный результат. В этом выражается реакция на радикальность перемен, недоступность новых жизненных возможностей, неготовность быстро адаптироваться к ним.

Негативное отношение людей сначала к устаревшим формам жизни, а затем к социальным новациям – характерная черта всех революционных преобразований. Так, П. Сорокин выдвинул в связи с этим тезис о двух стадиях, характеризующих любую революцию. Отличающее первую стадию «требование безграничной свободы, – писал он в работе “Социология революции” (1923 г.) – сменяется жаждой порядка; хвала “освободителям” от старого режима сменяется восхвалением “освободителей” от революции, иными словами – организаторов порядка. “Порядок!” и “Да здравствуют творцы порядка!!” – таков всеобщий порыв второй стадии революции. Таковыми были Рим во времена Цезаря и Августа, Богемия под конец революции (гуситских войн), Англия во времена протектората Кромвеля, Франция при восхождении Наполеона, такой является сейчас Россия»¹.

5. Опыт истории дает большое число примеров того, как попытка радикальной ломки старых порядков и обычаев завершается крахом самих начинаний и их инициаторов. В связи с этим А. Грамши предупреждал тех, кто собирался вступить на путь революционных изменений общественной жизни, что массовое движение состоит не

---

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Соколова. М. : Политиздат, 1992. С. 293.

из одних теоретиков, а из массы «простых людей» и чтобы создать такое движение, надо считаться с традиционными идеями и чувствами. Тотальное отрицание прошлого, подчеркивал он, можно себе позволить, лишь оставаясь маленькой сектантской группкой.

Сила и живучесть традиций состоит в том, что они удовлетворяют универсальную потребность человека укорениться в прошлом, чтобы «обеспечить себе ориентацию в мире и усилить чувство безопасности»¹. В этой ситуации разумна тактика действий, предложенная еще Г. Тардом, который писал, что «нормальный прием, при помощи которого одна идея или одна форма деятельности заменяет собой другую, заключается не в том, чтобы искоренить эту последнюю из привычек тех, кто ее уже усвоил, а в том, чтобы не дать ей завладеть молодыми поколениями. Путем обобщения этого приема... социальное уничтожение того, что устарело, происходит без помех, без страданий»².

6. Успех перемен в решающей степени зависит от формирования и деятельности социальных движений, иницилирующих и проводящих преобразующие действия. Говоря об истоках их возникновения, Г. Блумер пишет: «Их начало коренится в состоянии беспокойства, а движущая сила проистекает, с одной стороны, из неудовлетворенности настоящей формой жизни, а с другой – из желаний и надежд на какое-то новое устройство существования»³. По смыслу их существования «социальные движения можно рассматривать как коллективные предприятия, нацеленные на установление нового строя жизни». В целях «установления нового строя» тактика социальных движений должна четко определиться по трем обязательным направлениям. Это определение способов достижения целей, завоевание сторонников и, что не менее важно, их удержание.

Рассуждая на тему о насильственном и ненасильственном характере их действий, автор теории протеста Ч. Тили, отмечал что протестные коллективные действия начинают активно развиваться как средства мобилизации групповых ресурсов в том случае, когда

---

¹ Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с пол. К. В. Душенко, М. И. Леньшина ; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликова. М. : Прогресс, 1990. С. 218.

² Тард Г. Социальная логика / пер. с фр. М. Цейтлин. СПб. : Соц.-психолог. центр, 1996. С. 239.

³ Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль [тексты] / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994.

у людей отсутствуют институциональные формы выражения своего мнения или, когда власти отвечают им прямыми репрессиями. Исторический опыт показывает, что большинство проявлений коллективных действий первоначально не имеет насильственного характера. И хотя в некоторых ситуациях власти вынуждены реагировать на насилие, гораздо чаще они выступают его инициаторами¹.

Определенный источник силы социального движения состоит в том, что его состав подобен луковице. Его ядро образуют участвующие в движении по убеждению. За ними следует слой сочувствующих. Далее те, кто просто ищет смысла в жизни. А также карьеристы, примкнувшие к движению в надежде на выгоды, которые, как они предполагают, последуют за победой. При поражении верхний слой луковицы отпадает первым, а за ним и все последующие. Часто остается только ядро, убежденное в правоте и целях движения. Иногда ему удается возродить движение после его первоначального поражения.

7. У творческого меньшинства есть свой потенциал влияния. Он вытекает из уверенности в себе, настойчивости, сплоченности, последовательности. Каналы влияния меньшинства на большинство являются весьма разнообразными. Даже не добившись быстрых результатов, заметных для большинства, оно может породить в его рядах сомнения в правильности, целесообразности существующего порядка, состояния дел и т. п., заставить более глубоко задуматься над положением, казавшимся до сих пор единственно правильным и (или) возможным. Открытое выражение несогласия стимулирует независимость других. Оно помогает тем представителям большинства, которые уже начинают сомневаться, но еще находятся под влиянием самоцензуры, преодолеть свои сомнения и перейти на позиции меньшинства. Этот канал воздействия тем более важен, что за первыми перебежчиками, беря с них пример, нередко появляются другие, вызывая в отдельных ситуациях эффект снежной лавины.

Меньшинство может значительно укрепить свои позиции, если сумеет использовать в своих интересах феномен реактивного сопротивления части людей в ответ на любые попытки ограничить их свободу и усилить социальное давление, нивелировать их индивидуальность и отличие от других. Согласно теории реактивного сопротивления Дж. Брема, попытки ограничения свободы выбора

---

¹ *Тили Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / пер. с англ. Т. Б. Менской ; предисл. Г. Дерлугьяна. М. : Территория будущего, 2009. 360 с.

и нивелирования индивидуальности людей побуждают их к ответному сопротивлению и более высокой оценке «запретных» альтернативных действий. Ситуация обостряется и принимает весьма жесткие формы противодействия, когда запретное поведение имеет высокое личностное значение. Сопротивление социальному давлению оказывается более успешным тогда, когда возникает как мгновенный ответ на навязываемые ограничения. Первые проявления сопротивления формируют внутренние установки, которые, влияя на поведение, сами усиливаются под его воздействием.

Рассчитывая на признание своих идей и предложений, инициативному меньшинству также следует помнить, что часто оно происходит в скрытой, латентной форме, т. е. предлагаемые ими идеи воспринимаются и получают одобрение скорее, чем признается авторитет их авторов. Нередко само авторство сознательно замалчивается.

8. Начиная преобразования, важно заставить людей задуматься над своим положением, отвернуть их от прежних желаний и привычных способов действия, а для этого всячески их дискредитировать. Для этого следует уметь использовать такое средство обновления общественной жизни, каким является смех, осмеяние устаревших явлений, структур, форм поведения, отсутствия гибкости, эластичности, приспособляемости. Известный исследователь смеха А. Бергсон видел в этом его социальное назначение. Причина комизма, по его словам, – это «*косность машины* там, где хотелось бы видеть подвижность, внимание, живую гибкость человека». Смех – вид общественного жеста, который «сообщает... гибкость всему тому, что может остаться от механической косности на поверхности социального тела. Смех... преследует (бессознательно и во многих частных случаях нарушая требования морали) полезную цель общественного совершенствования»¹.

Социально-обновленческую сущность смеха на примере карнавальной смеховой культуры средневековья рассмотрел М. М. Бахтин. «Народно-площадное смеющееся лицо», по его выражению, «глядело в будущее и смеялось на похоронах прошлого и настоящего». Отличительными чертами средневекового смеха были его всенародный характер (смеялись все и на «миру»); универсальность, т. е. направленность на все и на всех, включая самих смеющихся; не делалось исключения и для высшего, наоборот, оно было первым объектом смеха; этот смех был легализован и неразрывно связан со свободой. «Правда дурацкого

---

¹ Бергсон А. Смех // Психология эмоций : тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 189–191.

колпака» была священна и неприкосновенна. Если Бергсон считал, что смех лишен эмоций, а равнодушие – его естественная среда, то Бахтин особо выделял его эмоциональные составляющие. Средневековый смех, по его характеристике, амбивалентен: он веселый, ликующий и – одновременно – насмешливый, высмеивающий¹.

Схожие идеи, исследуя функции смеха в Древней Руси, высказывает Д. С. Лихачев. Назначение смеха, по его мнению, состоит в том, чтобы обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, искусственного неравенства, всей сложной знаковой системы общества. Одновременно в поисках истины смех творит свой фантастический антимир, который несет в себе определенное мировоззрение, отношение к действительности. Лучший способ быть свободным в смехе – представить себя дураком. Дурость, по выражению Лихачева, – это обнажение ума от всех условностей, от всех форм и привычек. А древнерусский дурак – это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм².

9. Не забывать о нововведенческом потенциале моды. Мода – это предпочтение каких-либо особых форм поведения в различных сферах жизни. Отличительная особенность моды – ее двойственный характер: новизна и преходящность. Живучесть моды связана с тем, что она позволяет человеку удовлетворить его желание поднять свой статус. В одном случае он делает это, выделившись на фоне других. В другом – приобщившись к тем, кто уже выделился, стал инициатором нового модного течения. Психологическими механизмами действия моды в первом случае является индивидуализация, выделение из общей массы, а во втором – идентификация с представителями более высокого статуса.

Анализируя причины власти моды, Г. Зиммель связывал их с тем, что, во-первых, мода способна передавать необычайно сильное чувство настоящего и обострять ощущение перемен, и, во-вторых, во времена, когда великие, неизменные, безусловные истины теряют власть над миром, неизбежно возрастает значение преходящих элементов жизни. Мода – это в основном поприще среднего класса с его переменчивым и неутомимым ритмом жизни. Для капризов

---

¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. С. 94.

² Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в древней Руси. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 295 с.

моды нет благодатной почвы как среди низших классов в силу замедленных темпов их развития, так и среди высших, которые часто осознанно консервативны. Из возрастных групп значительно больше других податлива к воздействию моды, конечно, молодежь. Пусть большинство молодых людей не в состоянии сразу и по достоинству оценить преимущества новых форм жизни и общественного устройства в их, скажем так, несколько абстрактном виде. Но у этих форм имеется множество частных проявлений, находящихся в сфере повседневной жизни, которые могут стать теми проводниками новых социальных идей и институтов, которые в максимально доступной форме убедят молодых людей в целесообразности перемен. В моду, в контексте рассматриваемой проблемы, может войти само участие в социальных переменах.

10. Для реализации социальных новаций важно задействовать потенциал конформизма. Звучит неожиданно. Ведь о конформизме обычно говорят, как о некритическом принятии и следовании господствующим мнениям и стереотипам. Но стремление быть похожим на большинство, действовать сообразно общепринятым нормам, является одновременно мощнейшим фактором социализации личности. Поэтому введение в действие механизма конформизма, как это, на первый взгляд, не парадоксально, является важным способом массового распространения нововведений. Запуск этого механизма производится посредством повсеместного внедрения утверждений типа: «так поступает все большее число людей», «большинство уже сделало это», «кто не успел, тот опоздал» и т. п.

11. Существует ряд манипулятивных приемов, которые можно использовать как для ускорения внедрения социальных новаций, так и с целью противодействия им. Приведем по два примера для каждого случая. В первом случае это так называемые приемы «отстоя» и «попробованного шоколада». Сущность приема «отстоя» состоит в следующем. Предлагают, даже начинают какое-то новое, непривычное дело. Резко возбудив к нему внимание, окончательное внедрение откладывают. О предложенной идее на время как бы забывают. Но вскоре общественное мнение может свыкнуться с ней, и она всплывет сама собой. Часто как палочка-выручалочка. Особенно в тупиковой ситуации. Не так ли внедрялась в сознание советских людей идея частной собственности, которая прежде на протяжении более семидесяти лет подвергалась проклятиям?! Или прием «попробованного шоколада». Заключается он в следующем. Можно дать людям что-то «попробовать», например, ввести свободу слова. Потом они могут

быть лишены ее. Но многие будут помнить о ней как о светлом мгновении в жизни и при подходящем случае поддержат ее восставление. Часто достаточно простого напоминания о возможности возврата к прежним временам, чтобы большинство выступило в защиту новых условий жизни, пусть те еще и далеки от желаемых. Теперь альтернативные приемы. Один из них состоит в том, что новую идею дискредитируют, доводя ее, якобы во имя защиты, до абсурда. И еще один способ подвергнуть новое сомнению - это задать автору или поставить риторически вопрос: а о последствиях подумали?! Всякая апелляция к будущему тревожит своей непредсказуемостью¹.

Развивая тему социальных нововведений, С. Линг предложил теорию «деятельности на грани» (англ. *Edgework*, состоящее из сочетания двух слов: «*edge* – грань» и «*work* – деятельность»). В ней речь идет об исключительно добровольной сознательной деятельности индивидов, предполагающей риски и неопределенности. Она была предложена на фоне роста популярности экстремальных видов спорта и досуговой деятельности. В дальнейшем данный подход стал применяться для анализа мотивов добровольного принятия риска в профессиональной деятельности. Так, было установлено, что опыт принятия риска, имеющийся у людей, которые работают спасателями, полицейскими, летчиками-испытателями и даже биржевыми брокерами, имеет принципиальное сходство с практикой любителей экстремальных видов спорта (альпинизма, дайвинга, скоростных гонок и т. п.).

С. Линга особенно интересовали те экстремальные виды деятельности, где люди вплотную подходят к грани, отделяющей жизнь от смерти, но в действительности ее не переходят, проявляя физические умения и психологические навыки овладения эмоционально-стрессовыми реакциями. Увлечение рискованными видами деятельности компенсирует недостаток переживаний, выходящих за рамки повседневной рутинной жизни и помогает индивидам максимально реализовать свои физические и интеллектуальные способности. «Поэтому они [*edgeworkers*] утверждают, что бытие на грани – это те моменты, когда они чувствуют себя по-настоящему живыми»².

---

¹ Таранов П. С. Приемы влияния на людей. М. : Гранд : Фаир-Пресс, 1997. 602, [1] с.

² Lyng S. *Edgework, Risk, and Uncertainty* // *Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction* / ed. J. O. Zinn. Blackwell Publishing Ltd, 2008. P. 106–137. URL: https://www.researchgate.net/publication/230036165_Edgework_Risk_and_Uncertainty (date of access: 08.12.2021).

Содержание социального творчества и его условия носят многообразный характер. Совокупность побудительных причин творческой деятельности образует сложную систему, основные элементы которой, тесно взаимодействуя, находятся на уровне общества в целом, его подсистем (сфер общественной жизни), отдельных коллективов и работников.

Степень развития творческой активности находится в прямой связи с характером социального устройства. Первостепенное значение имеет тип общества: тоталитарный, демократический или промежуточный между ними авторитарный. В условиях тоталитаризма самостоятельный, свободно мыслящий человек страдает от отсутствия свободы слова и печати, свободы получения информации и ее распространения, возможности выражать свое мнение, обмениваться идеями, вступать в ассоциации, устанавливать межличностные научные контакты, паспортного режима, ограничений на пропуск и т. п. Какое-то время ученый, специалист, деятель искусства способен творить и при ограниченной свободе. Происходит это в силу естественных наклонностей, способностей человека, уровня его квалификации, принадлежности к научной или художественной школе и др. В худшие времена сталинизма в лагерях и ссылках («шарашках») делались крупные открытия и изобретения. Одна из таких «шарашек» изображена в романе А. И. Солженицина «В круге первом». Однако бесспорно, что творческий потенциал такого рода заведений весьма ограничен.

Куда более благоприятные условия для творческой деятельности возникают в обществе развитой демократии, где высшей ценностью являются права и свободы человека, а их гарантия и защита – главная социально-политическая функция государства. Характерная черта демократического общества – плюрализм мнений, право меньшинства на выражение и отстаивание своей точки зрения. И подобно тому, как, несмотря на все изъяны демократического способа (тирания большинства, его конформизм, манипулирование общественным мнением, рост бюрократии) государственного правления, человечество не выдумало другого, более эффективного, так не нашло оно и более подходящего для самореализации индивидов социального устройства.

Характерной особенностью развития современной научно-образовательной сферы является формирование общемирового научного и образовательного пространства, совмещение научно-исследовательской и учебной деятельности, внедрение в производство и коммер-

циализация их результатов, разработка и использование новейших информационно-коммуникативных технологий, многомерная (социальная, научно-техническая, экономико-финансовая, производственно-технологическая, психологическая) поддержка инновационных процессов, создание стимулирующих творческую деятельность организационных структур. Там, где эти процессы развиваются медленно, творчество сдерживается.

Специфические проблемы свойственны для уровня творческих коллективов. Так, при работе научного коллектива «существует опасность как переорганизации, так и недоорганизации»¹. В первом случае организационные процедуры превращаются в самоцель, нередко искусственно насаждаются сверху бюрократическими методами. Излишняя отчетность, раздутая организационная структура, перегрузка руководства административными обязанностями (которые должны бы выполняться кем-то другим или которые вовсе не нужны), взваливает на руководство обязанностей, связанных с представительством – все это проявления переорганизации. Недоорганизация довольно часто выражается в недостатке вспомогательного персонала или недостаточно эффективной работе функциональных отделов, которые в значительной степени выполняют роль органов, контролирующих коллективы и ограничивающих их инициативу, а реально им не помогают.

В творческих по своей природе коллективах инновационные процессы сдерживают неразвитость стратегического прогнозирования и слабая заинтересованность работать на перспективу, отсутствие гибкости планирования, неприятие риска и готовности брать на себя ответственность, недостаток рациональных методик оценки и отбора перспективных новшеств и экономического обоснования их целесообразности, социальные и психологические барьеры нововведений, дефицит новейшей научно-технической информации, неразвитость опытно-экспериментальной базы и неподготовленность производства к реализации оригинальных разработок.

На индивидуальном уровне творческий процесс сдерживает негативное отношение к личной инициативе и самостоятельности, отсутствие возможности разрабатывать собственные идеи, жесткая привязанность работ к текущим запросам, неритмичный характер рабочего процесса, «штурмовщина», нечеткость в определении функ-

---

¹ Матейко А. Условия творческого труда / пер. с пол. Д. И. Иорданского ; под ред. и с послесл. А. Я. Пономарева. М. : Мир, 1970. С. 89.

ций, прав, обязанностей подразделений и отдельных сотрудников, отсутствие организационных процедур проявления инициативы, т. е. к кому, когда обращаться с инициативными предложениями, неработанность рациональных процедур участия автора во внедрении своих разработок.

Должны внедряться такие формы стимулирования, которые в первую очередь привлекают творчески ориентированных работников: привлечение к работе над перспективной проблемой, предоставление части рабочего времени для работы по свободной тематике, коллективное обсуждение инициативных предложений, решение об их экспериментальной проверке, наконец, внедрение. Из форм коллективного творчества приоритетными следует делать те, которым отдается предпочтение: совместной разработке проблем, взаимным консультациям, свободным дискуссиям в неформальной обстановке, совместным экспериментам, коллективному поиску информации.

Раздел III
СОЦИОЛОГИЯ
ДЕВИАНТНОГО
ПОВЕДЕНИЯ

14. СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Предметом социологии девиантного поведения как специальной социологической теории является девиантное (отклоняющееся) поведение (от лат. *deviation* – отклонение).

Девиантное (отклоняющееся) поведение – это действия и поступки людей, которые отличаются от социально признанных норм поведения. Можно дать более развернутое определение девиантности – «это социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям»¹.

Социальные нормы – это правила, образцы поведения, предписывающие определенные действия в различных жизненных ситуациях. Нормы охватывают все сферы социальной жизни и определяют сложившиеся в данном обществе предел, меру, интервал допустимого (разрешенного или обязательного) поведения людей и социальных групп.

По своей морфологической структуре норма включает: диспозицию (содержание предписываемого поведения) и императив (требование его выполнения).

На соблюдении социальных норм основаны и благодаря им возможны совместная жизнь людей, стабильность и целостность общества. Приведем основные функции социальных норм:

- регулятивная – регулируют поведение людей в интересах социальной группы или общества в целом;
- оценочная – оценивают поведение людей с позиции соответствия потребностям нормального функционирования и развития той или иной социальной группы и общества в целом;
- трансляционная – накапливают и передают позитивный социальный опыт, способствуют его усвоению людьми.

Социальные нормы внутренне усваиваются (интериоризируются) людьми в процессе социализации. Отклонения от социальных норм

---

¹ *Гилинский Я. И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 520 с.

обычно имеют негативные последствия для самого человека и общества, дезорганизуя и его поведение, и общественную жизнь в целом. Негативные отклонения принято называть девиантным поведением.

Негативные проявления отклоняющегося поведения можно объединить в две основные группы: аддиктивное и делинквентное поведение.

Аддиктивное поведение (от англ. *addiction* – склонность, пагубная привычка и лат. *addictus* – рабски преданный) – это саморазрушающее поведение (наркомания, алкоголизм и др.).

Делинквентное (преступное) поведение (лат. *delictum* – проступок, англ. *delinquency* – правонарушение, провинность) – это уголовно наказуемые действия, хулиганство и т. п.

Девиантное поведение может рассматриваться с различных точек зрения: 1) как поступки, действия конкретного человека, не отвечающие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе социальным нормам; 2) как явление, выраженное в массовом поведении людей, противоречащем узаконенным и (или) признанным социальным нормам.

В первом значении девиантное поведение является преимущественно объектом психиатрии, психологии, педагогики; во втором – предметом социологического изучения. Однако такое дисциплинарное разграничение исследований носит весьма относительный характер. В обоих случаях следует учитывать и психологические, и социальные механизмы девиаций.

Разнообразие отклонений превышает разнообразие норм, поскольку норма типична и поэтому единообразна, а отклонения могут быть весьма индивидуальными и по этой причине многообразными. Отклоняющееся поведение носит вполне осмысленный характер, чем отличается от аномальных действий, которые связаны с психической патологией.

Основные пути (каналы) получения информации об изучаемом объекте:

- «автоматическое» поступление информации (заявления граждан, публикации в СМИ, сообщения общественных организаций и государственных органов и т. п.);
- «силовое» получение информации о преступлениях, действиях, связанных, например, с наркопотреблением (в результате оперативно-розыскной, следственной деятельности);
- плановое поступление информации (различные виды учета и отчетности, переписи населения и т. п.);

• специальные исследования (социологические, демографические, психологические, криминологические и др.)¹.

Изучение девиаций в рамках социологии девиантного поведения носит социолого-статистический характер. Статистика позволяет увидеть общую, в том числе региональную, картину распространения многих, особенно наиболее асоциальных видов девиаций, их представленность в различных социально-демографических группах, динамические ряды статистических показателей.

В ходе изучения девиантного поведения социологические данные соотносятся со статистическими, расширяют и уточняют их. Социологические данные являются более оперативными, так как дают моментальный срез социальной ситуации. Корреляции, выявляемые в ходе социологических исследований, позволяют глубже понять причины девиаций, выявить внешние и внутренние факторы, оказывающие на них разнообразное влияние. Исследования можно проводить как на общем массиве населения, так и в отдельных группах девиантов. Опрашиваемым могут быть заданы вопросы следующего вида: участвуешь, употребляешь или не участвуешь, не употребляешь? почему участвуешь, употребляешь или не участвуешь, не употребляешь? как ты думаешь: сколько, кто участвует, почему? Необходимость использования косвенных вопросов при изучении девиантного поведения во многом обусловлена тем, что ответы на прямые вопросы не всегда являются искренними. К этому следует добавить, что предметом социологического изучения становятся такие виды девиаций, которые не фиксируются официальной статистикой.

Уголовная преступность – социально наиболее опасный вид девиантного поведения. Однако видов девиаций достаточно много. Для современного общества наиболее тяжелыми по своим проявлениям и последствиям видами девиантного поведения являются алкоголизм, наркомания, токсикомания, разные виды насилия, суицид, игровая зависимость, табакокурение и др.

Особенно актуальна проблема девиантного поведения для молодежной среды, где в большинстве случаев происходит первоначальное приобщение к нему. Характеризуя ситуацию, складывающуюся в настоящее время, следует отметить, что среди белорусской молодежи происходит некоторое снижение степени распространения уголовных преступлений, в том числе экономических. Это можно сказать и по поводу наркомании, хотя увлечение так называемыми

---

¹ Гилинский Я. И. Девиантология ...

легкими наркотиками постепенно ведет к росту случаев употребления тяжелых наркотиков. Увеличивается потребление слабоалкогольных спиртных напитков, что ведет, с одной стороны, к формированию более серьезных форм алкогольной, а в ряде случаев и наркотической зависимости; с другой – к росту числа хулиганских действий. С развитием сети казино и других игровых форм и заведений существенно актуализировалась проблема игровой зависимости.

Так, социологические исследования показывают, что, по оценке самих молодых людей, в молодежной среде степень распространения различных видов девиантного поведения носит следующий характер (т. е. тем или иным образом опрошенные сталкивались с ними): пьянство – 85,0 %; нарушение общественного порядка, хулиганство – 68,0 %; уголовные преступления – 60,0 %; наркомания – 60,0 %; нравственные преступления (унижение человеческого достоинства) – 56,0 %; токсикомания – 50,0 %; экономические преступления (кражи, рэкет и др.) – 43,0 %; проституция – 35,0 %; культурный вандализм (разрушение памятников культуры, истории) – 20,0 %; бродяжничество, нищенство, утрата связи с обществом – 15,0 %.

Таким образом, можно выделить пять преобладающих видов отклоняющегося поведения, которые требуют приоритетного внимания при организации профилактической и воспитательной работы, выработки мер административного противодействия, – это пьянство, хулиганство, уголовные правонарушения, наркомания и нравственные преступления (их рейтинг превысил 50 %).

В некоторой степени распространению отклоняющегося поведения способствует сложившееся в молодежной среде нейтральное или попустительское отношение к наиболее распространенным видам девиаций. Так, отношение к *пьянству* среди молодежи носит следующий характер: нейтральное – 35,1 %; внутреннее одобрение – 3,4 %; участие, присоединение – 5,9 %; внутреннее осуждение – 27,4 %; попытки убедить не делать этого – 28,2 %.

Отношение к *наркомании*: нейтральное – 10,8 %; внутреннее одобрение – 0,3 %; участие, присоединение – 0,3 %; внутреннее осуждение – 32,3 %; попытки убедить не делать этого – 56,3 %.

Наибольшая восприимчивость в отношении пьянства и наркомании наблюдается в возрастной группе от 15 до 17 лет.

Отношение к *воровству*: нейтральное – 11,2 %; внутреннее одобрение – 0,8 %; участие, присоединение – 0,5 %; внутреннее осуждение – 34,8 %; попытки убедить не делать этого – 52,7 %.

Отношение к *хулиганству*: нейтральное – 19,9 %; внутреннее одобрение – 1,6 %; участие, присоединение – 2,4 %; внутреннее осуждение – 35,6 %; попытки убедить не делать этого – 40,5 %.

Среди участников хулиганских действий соотношение юношей и девушек составляет 4,3 % к 0,6 %.

Отношение к *проституции*: нейтральное – 25,8 %; участие, присоединение – 0,8 %; внутреннее осуждение – 31,2 %; попытки убедить не делать этого – 42,2 %. Критическое отношение к проституции у девушек выражено почти в три раза сильнее, чем у юношей.

Отношение подростков и молодых людей к основным группам девиантов выражается в выборе нейтральных, более жестких либо более мягких, щадящих мер социального воздействия. Под жесткими мерами понимаются различные способы наказания, под мягкими, щадящими – меры воспитательного воздействия либо оказание помощи, лечение и т. п. Демонстрация нейтрального отношения (не обращать внимания) означает отрицание девиантности.

Таким образом, наименее девиантным видом отклоняющегося поведения молодежь считает курение. Жесткая позиция («наказывать») преобладает в отношении к уголовным элементам, хулиганам и проституткам. Алкоголиков, наркоманов и бродяг, по мнению большинства опрошенных, следует лечить. Очевидно постепенное ужесточение отношения к наркоманам, алкоголикам, бродягам, попрошайкам, проституткам.

Для выяснения причин, которые склоняют подростков к девиантному поведению, им был задан вопрос о том, что, по их мнению, в первую очередь влияет на поведение молодых людей.

Анализ ответов показал, что доминирующее влияние на поведение молодежи оказывают зависть и агрессивность, насилие в самой подростковой среде, влияние негативных примеров и образцов поведения, известных подросткам из повседневной жизни, а также из теле- и видеопрограмм. Можно сделать вывод, что на противоправные действия подростков и молодых людей толкает не бедность сама по себе, а отсутствие необходимых денежных средств на разного рода развлечения, в том числе на алкоголь, наркотики, «престижные» в их среде вещи, которые постоянно находятся перед глазами, но многим недоступны. Эта неудовлетворенность находит выход в повышенной агрессивности и противоправных действиях, в том числе в отношении ровесников и младших сверстников. Мнимые примеры результативности такого типа поведения способствуют его дальнейшему распространению.

Оценки причин девиаций несколько различались в зависимости от личной склонности к ним опрашиваемых. Так, те группы молодых людей, которые не имели вредных привычек или ограничивались только употреблением слабоалкогольных напитков, чаще всего называли такие причины, как изобилие негативных примеров поведения, насилие в отношениях между подростками и по отношению к ним со стороны старших. Оценки молодых людей, склонных к курению, употреблению крепкого алкоголя и наркотиков, были другие. Они делали акцент на конфликты с родителями, жажду острых ощущений, нужду и бедность, незанятость и избыток свободного времени. По результатам исследований был сделан следующий вывод: если в первом случае причины девиантного поведения можно оценивать в качестве следствия такого поведения, то во втором – их целесообразно интерпретировать как его предпосылки.

Существуют некоторые различия в распределении факторов, влияющих на поведение, по социально-демографическим категориям исследуемых. Так, у девушек на первом месте – отрицательные черты характера, на втором – насилие в подростковой среде, на третьем – влияние негативных примеров. У юношей на первом месте – характер, на втором – жажда острых ощущений, на третьем – плохая организация свободного времени. Трудности переходного возраста чаще упоминают те, кому еще нет 15 лет. Это же касается конфликтов с родителями и учителями, плохой организации свободного времени, отсутствия интереса к образованию, чрезмерной демонстрации секса и насилия в кино и на телеэкранах, а также степени распространенности насилия в подростковой среде. Влияние на поведение низкого материального уровня жизни сильнее сказывается с увеличением возраста молодых людей. При материальном неблагополучии же более заметным становится воздействие отрицательных черт характера человека и негативных образцов поведения, повышенной жажды острых ощущений.

Наиболее важное значение в процессе социализации имеет микросреда (ближайшее социальное окружение), главными структурными элементами которой являются семья и компания друзей.

Одной из важнейших причин распространения девиантного поведения является семейное неблагополучие, затрагивающее характер взаимоотношений детей и родителей, а также родителей между собой. Исследование показало, что отношениями с матерью не удовлетворены 7 %, а с отцом – 18 % опрошенных. Родительская поддержка в трудную минуту не устраивает 12 %, а взаимоотношения

самих родителей – самый высокий негативный показатель – около 22 % подростков и молодых людей. По статистике, остается весьма существенным число неполных семей, где один из родителей – обычно отец – исключен из воспитательного процесса. Отвечая на вопрос о составе их семьи, мать не назвали 3,3 %, а отца – уже 23,2 % опрошенных. Речь идет не о физическом отсутствии родителей, а об их отсутствии в составе семьи. В отдельных случаях у детей сохраняются позитивные отношения с родителями, живущими вне семьи, хотя это скорее исключение, чем правило.

Существуют определенные различия в отношениях с родителями у юношей и девушек, а также молодых людей разного возраста. Так, у девушек отношения с родителями носят более проблематичный характер, чем у юношей. В данном случае речь идет об отношениях как с отцом, так и с матерью. Они же более критично оценивают отношения родителей между собой. Очевидно, во многом это связано с тем, что девушки более требовательны к семье и характеру семейных отношений. Таким образом проявляется их большая ориентация на ценность семьи в жизненных планах. Другая тенденция, выявленная при изучении семейных взаимоотношений, – рост негатива в отношениях с родителями у части молодых людей по мере их взросления.

Исследование нарушений в отношениях с родителями в группах с девиациями показало следующее:

- в группе с криминальным поведением доминирует дефицит позитивного отцовского влияния;
- в группе с наркотической зависимостью преобладают нарушения в отношениях с матерью в форме симбиотической связи (больше сосредоточены на собственной личности, чем друг на друге) или дефицита заботы, авторитета и требовательности;
- в группе злоупотребляющих алкоголем отмечается общая неудовлетворенность отношениями с обоими родителями¹.

Приведенные данные можно расценивать как свидетельство снижения или деформации социализирующих функций части семей в том, что относится к сфере нормальных межличностных контактов, взаимопонимания и взаимопомощи. Как следствие, нарушаются и условия идентификации (самоопределения, самоотождествления) молодежи, поскольку первая общность, принадлежность к которой ощущается раньше других и формирует основу идентичности чело-

---

¹ Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2010. С. 78.

века, – это семья, род. Однако во многих семьях этот естественный процесс идентификации тормозится или осуществляется не в полной мере. Подросток из таких семей ищет иные объекты идентификации и находит их, в том числе в лице таких референтных (авторитетных) личностей и групп, которые не отличаются позитивной социальной направленностью.

В связи с вышесказанным актуальной является тема авторитетных предпочтений молодых людей. Приведем ответы на вопрос, чье мнение для них является более авторитетным. Так, мнение матери более авторитетно для 68 % юношей и 80 % девушек. Заметно ниже, особенно у девушек, авторитет отца. Он набирает 60% и 40 % соответственно. На третьем месте – авторитет брата и (или) сестры. Так, у 30 юношей он составляет 19 %, у девушек – 15 %. На четвертом месте: у юношей – авторитет дедушки и бабушки (16 %), у девушек – ровесников (12,5 %). На пятом наоборот: у юношей – авторитет ровесников (14,3 %), у девушек – бабушек и дедушек (11,8 %). Ниже авторитет педагогов. Мнение учителей у юношей пользуется авторитетом в 8 % случаев, у девушек – 7 %; чуть выше точка зрения классных руководителей – 8,1 и 9,5 % соответственно.

Еще одной тенденцией, которая была выявлена в ходе исследований, является снижение у части молодых людей по мере их взросления авторитета родителей и других близких родственников, а также педагогов. На смену их авторитетному мнению часто приходит авторитет так называемых других взрослых, старших сверстников и ровесников – словом, тех, кто составляет новый круг общения молодых людей.

В школе отношениями со сверстниками удовлетворены 89 % учеников. Отношения со старшеклассниками устраивают 82 % школьников. Оценивая приведенные данные, надо учитывать, что нормальные отношения со сверстниками в школе – важное условие успешной социализации. Присущий молодым людям конформизм в отношении к своей возрастной среде, который является скорее правилом, чем исключением, представляет первый опыт нормативного поведения. Он ценен тем, что нормативные требования исходят не от взрослых, а значит, не навязываются, а как бы рождаются самой молодежной средой, ее субкультурой. Выпадение из молодежной среды означает отверженность, отсутствие друзей, непризнание и одиночество. В такой ситуации понятны попытки найти себя в иной, внешкольной, среде, в дворовых компаниях, в том числе и противоправной направленности. Школа пытается предотвратить подобный

исход, однако своевременно обнаружить разлад в отношениях со сверстниками и не допустить изоляцию, отверженность кого-то из учеников довольно трудно. Однако усилия в этом направлении в высшей степени оправданы, поскольку каждый случай разрыва со школьными сверстниками, одноклассниками не только нарушает процесс социализации, но и означает начало десоциализации, т. е. потери тех социальных навыков и качеств, которые уже были усвоены молодым человеком. Судя по всему, основной негатив межличностных отношений в большей степени переносится во внешкольную среду, в компании подростков и молодых людей, образующиеся по месту проживания или другим принципам.

Особая роль компании сверстников в жизненном самоопределении и самоидентификации значительной части молодежи общеизвестна. В ходе исследований 90 % молодых людей заявляют, что имеют постоянную дружескую компанию (юноши говорят о наличии у них друзей в 92 % случаев, девушки – в 88 %). Это вполне естественное явление не может быть охарактеризовано как нечто негативное. Однако возникают другие вопросы, требующие ответа: с какой целью собираются такие компании; как и где они проводят свободное время; каковы отношения между членами группы; свойственно ли для них девиантное поведение?

Углубленный анализ понятия «молодежная дружеская компания» позволяет выделить ее следующие характерные черты: близкий возрастной состав членов; территориальность (проживание в одном районе, дворе, обучение в одном и том же заведении); совместное проведение досуга, отсутствие жесткой внутренней структуры; ситуативная активность. От дружеской компании следует отличать так называемую делинквентную молодежную группировку, которая характеризуется жесткой формальной иерархией и организацией, способностью воспроизводить свое существование несмотря на смену группового состава, вовлеченностью в противоправные действия. Причем противоправное поведение для участников подобного рода группировок является частью групповой идентичности.

Социологические исследования показали, что среди мотивов, которыми руководствуются молодые люди при выборе дружеской компании, на первом месте стоят общие взгляды на жизнь (такой ответ выбрали 60 % респондентов), вторую позицию занимает привычка быть вместе (48 %), на третьем месте оказались такие мотивы, как свобода общения, отсутствие норм и правил, принятых у взрослых (42 %). Затем в порядке убывания идут следующие причины: интерес

к общему делу (38 %), общность судьбы (34 %), чувство защищенности в компании (24 %), увлечение совместным бизнесом (7 %), общая символика и одежда (6 %).

Приведем мотивы, которыми руководствуются молодые люди при выборе дружеской компании, а также в зависимости от демографической принадлежности. Так, девушки значительно чаще, чем юноши, ставят на первое место такой мотив, как общие взгляды на жизнь (69 % против 55 %), а для юношей более важным оказывается интерес к общему делу (48 % респондентов мужского пола и только 29 % – женского) и увлечение совместным бизнесом (12 % против 2 %). По всем остальным позициям существенных различий в зависимости от половой принадлежности не наблюдается.

Распределение ответов на вопрос о причинах, связывающих молодого человека с компанией, в зависимости от его возраста выглядит следующим образом. Для всех возрастных групп свойственны такие мотивы, как общие взгляды на жизнь: так ответили 54 % респондентов в возрастной когорте до 15 лет, 63 % опрошенных от 15 до 17 лет и 59 % – в возрасте от 18 до 20 лет; привычка быть вместе (52, 47 и 46 % соответственно) и интерес к общему делу (43, 37 и 38 %). В возрастной когорте 18–20 лет увеличивается значимость такого мотива, как общность судьбы (ее указали 44 % респондентов этой группы против 35 % подростков до 15 лет и 32 % у молодых людей в возрасте от 15 до 17 лет). Представители двух младших возрастных групп значительно чаще, чем 18–20-летние, называют в качестве причины, которая связывает их с компанией, свободу общения, не регламентированного нормами и правилами поведения, принятыми у взрослых (ее называют 38 % подростков в возрасте до 15 лет, 45 % 15–17-летних и 35 % молодых людей в возрасте от 18 до 20 лет). Подросткам в возрасте до 15 лет компания значительно чаще, чем представителям более старших возрастных когорт, дает чувство защищенности – так ответили 27 % респондентов из этой группы и только 22 % – из старшей возрастной когорты.

Одной из важнейших исследовательских задач является установление видов девиантного поведения, наиболее распространенных в молодежных компаниях. Анализ эмпирической социологической информации дает возможность заметить основные моменты. Так, почти четверть респондентов – членов молодежных групп – отметили, что основное свободное время они проводят во дворе, в подъездах. Таким образом, значительная часть данных молодежных групп имеет уличный характер. Среди наиболее частых проявлений девиаций

в групповом поведении в первую очередь следует назвать распитие спиртных напитков. Постоянно употребляют крепкие спиртные напитки 7 % членов молодежных компаний, еще 44 % делают это от случая к случаю. Пьют пиво, джин-тоник и другие более легкие алкогольные напитки постоянно 17 %, время от времени – 59,5 % опрошенных. В свою очередь, 2 % опрошенных признались, что постоянно задирают прохожих, а 36 % ответили, что только изредка. Соответственно, 4 % постоянно и 36 % от случая к случаю дерутся с другими компаниями.

В меньшей степени молодежным дружеским компаниям свойственны такие виды отклоняющегося поведения, как употребление наркотиков, проституция, грабеж и т. п. Тем не менее 14 % ребят признались в том, что в их группах знакомы с легкими наркотиками, еще 1,5 % опрошенных – с тяжелыми наркотиками; 4 % признались в том, что они грабят таких же, как они сами, подростков; 2 % – занимаются проституцией. Указанное свидетельствует о том, что именно молодежные группировки часто являются очагом распространения различных, в том числе наиболее тяжелых, видов девиантного поведения.

С большим авторитетом для молодых людей тех или иных лиц в определенной мере соотносятся ответы на вопрос: к кому они обычно обращаются за советом в трудную минуту? Как видно из ответов, прежде всего они обращаются к родителям, но также часто ищут совета и поддержки у друзей. Очевидно, что они делают это главным образом, когда у них отсутствует должное взаимопонимание с отцом или матерью. Оценивая последствия данного явления, следует иметь в виду, что мнение друзей – это чаще всего не точка зрения какого-либо одного лица, а коллективное мнение компании, в которую входит тот или иной молодой человек. Групповой характер такого мнения усиливает его воздействие.

Для отдельных групп молодежи характерны следующие явления и тенденции: 1) особо зависимы от мнения друзей представители возрастной группы 15–17-летних; 2) очевидна более высокая зависимость от мнения подруг женской части опрошенных; 3) полученные результаты свидетельствуют о более быстром исчезновении по мере взросления атмосферы доверия и поддержки в отношениях с отцом, чем с матерью.

Таким образом, приведенные результаты опроса – прямое свидетельство высокого влияния компаний на формирование ценностных ориентаций и норм поведения значительной части подростков и молодых людей.

15. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Существует ряд разнообразных по содержанию концептуальных объяснений причин *девиантного поведения*. Наиболее известные из них можно объединить в три группы: биологические (антропологические), психоаналитические и социальные теории.

Наиболее известные *биологические* (антропологические) теории в первую очередь связаны с именами Ч. Ломброзо, Э. Кречмера и У. Шелдона.

В учении «о прирожденном преступнике» Ч. Ломброзо объяснял склонность человека к совершению преступлений его анатомическими и физиологическими особенностями. Основной его тезис состоит в том, что преступниками не становятся, а рождаются. Склонность к преступным действиям носит врожденный характер и связана с аномальными анатомическими признаками, которые были присущи первобытным людям и человекообразным обезьянам и сохранились у некоторых современных людей. Причем для каждого типа преступлений характерны свои аномалии.

Общие физические признаки преступников (по Ч. Ломброзо): неправильная форма черепа, узкий и скошенный лоб, асимметрия лица и глазных впадин, чрезмерно развитые челюсти. Типичного насильника отличают большие навывкате глаза, пухлые губы, длинные ресницы, приплюснутый и кривой нос; вора – неправильный маленький череп, удлинённая форма головы, прямой нос (часто вздернутый у основания), бегающий или, наоборот, цепкий взгляд, черные волосы и редкая борода; убийцу – большой череп, короткая голова (ширина больше высоты), резкая лобная пазуха, объемные скулы, длинный нос (иногда загнутый вниз), квадратные челюсти, громадные глазные орбиты, выдающийся вперед четырехугольный подбородок, неподвижный стеклянный взгляд, тонкие губы, хорошо развитые клыки; мошенника – бледное лицо, маленькие глаза, кривой нос, лысая голова, в целом внешность мошенников достаточно безобидная.

Образ жизни преступников отличает стремление к бродяжничеству, бесстыдство, лень. Среди черт их характера Ч. Ломброзо выделил агрессивность, хвастовство, притворство, слабохарактерность,

раздражительность, сильно развитое тщеславие, граничащее с манией величия, быструю смену настроения, трусость и мстительность¹.

Представители теории «конституциональной предрасположенности» исходили из предположения о связи строения тела и психического склада человека.

Э. Кречмер, автор теории «конституциональной предрасположенности» к преступлениям, исходил из предположения о том, что причиной склонности к преступному поведению являются особенности строения тела и психического склада человека. Так, Э. Кречмер выделял три основных *типа строения тела*:

- астеник, или лептосоматик, – отличается хрупким (астеническим) телосложением, высоким ростом, узкими плечами, плоской грудной клеткой, длинными и тонкими конечностями;

- пикник – человек с выраженной жировой тканью, полный, малого или среднего роста, с выступающим животом и круглой формой черепа;

- атлетик – характеризуется развитой мускулатурой и крепким телосложением; обычно имеет высокий или средний рост, широкие плечи и узкие бедра.

Указанные типы дополняет диспластик – человек с непропорциональным строением тела, характеризующимся различными деформациями.

Э. Кречмер, в частности, пришел к выводу, что маниакально-депрессивные психозы чаще встречаются у людей с пикническим телосложением, шизофрения чаще проявляется у астеников, реже – у атлетиков. Эпилепсия характерна для атлетиков и астеников. Со строением тела тесно связан темперамент. Если здоровым людям присущ темперамент трех основных типов, соответствующих трем основным типам строения тела, то у людей с психическими проблемами, включая преступников, особенности темперамента существенно варьируются в пределах основных типов и по темпераменту их можно подразделить на семь групп².

Развивая идеи Э. Кречмера, Э. Хуттон, который более 15 лет проводил антропологические изучения преступников, в книге «Американский преступник» (1939 г.) утверждал, что лица с атлетическим те-

---

¹ Ломброзо Ч. Преступный человек / пер. с итал. С. Рапопорт, Н. С. Житкова ; предисл. К. Ковешникова. М. : Эксмо : МИДГАРД, 2005. 876, [1] с.

² Кречмер Э. Строение тела и характер / пер., послесл. С. Д. Бирюкова. М. : Педагогика-пресс, 1995. 607 [1] с.

лосложением склонны к совершению насильственных преступлений, а лица пикнического типа – к совершению корыстных преступлений.

У. Шелдон выделил три типа строения тела: эндоморфный, эктоморфный, мезоморфный. Так, эндоморфов отличает умеренная полнота, мягкое и несколько округлое тело. Они общительны, потворствуют собственным желаниям. Для эктоморфов характерно тонкое и хрупкое тело. Они склонны к самоанализу, наделены повышенной чувствительностью и нервозностью. Тело мезоморфов отличается силой и стройностью. Они склонны к беспокойству, активны и не слишком чувствительны. Именно мезоморфы, согласно У. Шелдону, наиболее склонны к девиантным формам поведения¹.

В XX в. в соответствии с указанной традицией была начата разработка еще двух теоретических направлений, объясняющих истоки девиантного, прежде всего преступного, поведения:

1) генетическая, или хромосомная, теория – согласно которой в большей степени склонны к агрессивности и преступности мужчины, имеющие хромосомные нарушения типа «47 ХХУ» (синдром Клайнфельтера, который описал данное заболевание);

2) эндокринная теория – объясняет влияние на негативное поведение человека желез внутренней секреции.

Синдром Клайнфельтера – это мужское генетическое заболевание, характеризующееся наличием дополнительной женской половой хромосомы Х. В женском хромосомном наборе присутствует две Х-хромосомы. Обычный генетический набор мужчины насчитывает 46 хромосом, из которых 23-я пара хромосом – половая – обычно представлена одной Х- и одной Y-хромосомой. У мужчин с синдромом Клайнфельтера генетический набор имеет вид 47ХХУ. Этим синдромом может страдать один из 1000 новорожденных мальчиков. Наличие синдрома Клайнфельтера может сопровождаться снижением коэффициента интеллекта и ограничением познавательных способностей, что ведет к трудностям в выражения собственных мыслей, проблемам в учебе, отчуждению от сверстников и в итоге – к повышенной агрессивности. Хотя не все исследователи согласны с прямой связью наличия лишней Y-хромосомы и повышенной склонности к девиации. Более высокий процент их среди заключенных тюрем они объясняют аномалиями интеллектуального развития, из-за которого люди с синдром Клайнфельтера чаще попадают на месте преступления.

---

¹ Шелдон У. Анализ конституциональных различий по биографическим данным. Психология индивидуальных различий : тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М. : АСТ : Астрель, 2008. С. 426–434.

Эндокринную теорию, в которой фиксируется связь агрессивного, преступного поведения с гормональным влиянием, выдвинул М. Шлапп в книге «Новая криминология» (1924 г.). Проведенное им исследование эндокринной системы преступников показало, что третья часть заключенных страдают эмоциональной неустойчивостью, связанной с заболеваниями желез внутренней секреции. В дальнейшем повышенную агрессивность мужчин и их склонность к преступным действиям начали связывать с влиянием андрогенов (мужских половых гормонов), а именно с повышенным уровнем тестерона организме.

Начало разработки проблемы девиаций в *психоаналитических теориях* связано с именами З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера и А. Фрейд.

Согласно точке зрения создателя психоанализа З. Фрейда, в основе человеческого поведения лежат изначально присущие природе человека инстинкты, влечения, желания. Первоначально он выделил потребности «Я», или «поддержание своего существования» (например, потребность в пище), и сексуальное влечение (либидо). Позднее он заменил потребности «Я» на потребность в агрессии. В заключительный период творчества З. Фрейд пришел к противопоставлению двух антагонистических влечений: Эроса (сексуальный инстинкт, инстинкт жизни, самосохранения) и Танатоса (инстинкты смерти, агрессии, деструкции, разрушения). Жизнь, по З. Фрейду, представляет собой борьбу и компромисс между этими двумя влечениями. Их источником является соматический процесс в организме, раздражение от которого представлено во внутренней жизни. Бессознательным влечениям «Оно» противостоит «Сверх-Я» (совесть, моральный контроль). Конфликт между ними разрешается посредством Я, которое стремится заменить принцип удовольствия, безраздельно властвующий в «Оно», принципом реальности. «Я» олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью в противоположность «Оно», содержащему страсти¹.

С именем З. Фрейда связано введение в научный оборот понятия «комплекс Эдипа» (от лат. *complexus* – связь, сочетание и имя древнегреческого мифического героя Эдипа) – бессознательное эротическое влечение к родителю противоположного или собственного пола, которое могут сопровождать агрессивные чувства по отношению к родителю другого пола. Этот комплекс восходит к древнегреческому

---

¹ Фрейд З. «Я» и «Оно» // Труды разных лет : пер. с нем. / предисл. Б. Р. Нанейшвили, Г. Б. Нанейшвили. Тбилиси : Мерани, 1991. Кн. 1. С. 351–392.

мифу о фиванском царе Эдипе и одноименной драме Софокла, где Эдип, вопреки своей воле и не зная о том, убивает отца Лая и жернтся на своей матери Иокасте.

Аналогом эдипова комплекса является комплекс Электры – неосознанное эротическое влечение девочек к собственному отцу и связанная с ним враждебность по отношению к матери, соперничество с ней за внимание отца. Данное понятие впервые использовал К. Юнг. Истоки этого комплекса находятся в древнегреческом мифе о дочери царя Агамемнона, которая спасла от гибели своего брата Ореста и помогла ему в убийстве лиц, включая собственную мать, виновных в смерти отца.

3. Фрейд также ввел понятие «преступники с чувством вины». Эти люди желают, чтобы их поймали и наказали, так как чувствую себя виноватыми из-за влечения к разрушению. Они уверены, что тюрьма поможет им преодолеть это влечение.

Определенное деформирующее воздействие на сознание и поведение людей оказывают психологические механизмы защиты. Психологические механизмы защиты своего «Я» – это преимущественно неосознаваемые психические процессы, которые направлены: 1) на компенсацию неспособности человека адаптироваться к сложным жизненным ситуациям; 2) на минимизацию вызываемых в связи с этим отрицательных переживаний. Защитные психологические механизмы искажают внешнюю и особенно внутреннюю реальность, ведут к девиациям в поведении.

Наиболее распространенные психологические механизмы защиты «Я» (выявили и изучили З. и А. Фрейд):

1) *сублимация* (от лат. *sublimare* – возносить) – это процесс преобразования сексуального влечения (либидо) или агрессивных импульсов поведения в социально приемлемые действия, когда энергия, первоначально направленная на сексуальные или агрессивные цели, перенаправляется в другое русло, часто для решения интеллектуальных, художественных или культурных задач;

2) *вытеснение* (подавление, репрессия) – это неосознаваемое удаление из сознания в бессознательную сферу и удержание там неприемлемых влечений, желаний, неприятных переживаний, воспоминаний и т. п. Вытесненные феномены могут возвращаться в психическую жизнь человека и оказывать существенное влияние на его поведение, вызывая депрессию, истерию, фобии, импотенцию, фригидность и т. п. Проявляются они прежде всего в сновидениях и парaprаксисах (от греч. *para* – около, рядом, отклонение от чего-либо

и *praxis* – действие, деятельность). К парапраксам относятся оговорки, описки, ослышки, опечатки, забывание имен, обещаний и т. п.;

3) *реактивное обучение* (противодействие) – принятие чувств и поступков, противоположных запретным эмоциям и побуждениям (например, превращение любви в ненависть или ненависти в любовь), с целью еще более сильного их подавления. Оно присуще прежде всего лицам, чересчур озабоченным грозящими опасностями, а также натурам слишком мягким и сострадательным. Реактивные образования проявляются в преувеличенном внимании к некоторым моментам жизни, экстравагантности и ригидности поведения;

4) *отрицание реальности* – намеренное игнорирование в словах, действиях или фантазиях травмирующих образов внешней реальности, которое выражается в отказе допустить существование определенных фактов или иллюзорном трансформировании реальности с целью сохранения привычного образа мира и способа своего поведения;

5) *замещение* – процесс замещения одного действия другим, действия – словом, слова – действием и т. п. (например, замена труднодостижимой цели той, которая вполне достижима);

6) *проекция* – наделение других людей собственными желаниями и чувствами, которые не признаются за самим собой, поскольку оцениваются как неприемлемые с точки зрения «Сверх-Я». У К. Юнга этот феномен нашел отражение в архетипе Тень, т. е. двойнике человека, имеющем те негативные черты, которые не признаются за собой и переносятся на окружающих;

7) *рационализация* (ложная аргументация) – снижение негативно-го эффекта эмоционального восприятия неприемлемых для личности мыслей, желаний и поступков посредством их будто бы логически аргументированного объяснения и оправдания;

8) *регрессия* – избегание тревоги с помощью обращения к более простым формам поведения («я не могу», «я не способен» и т. п.), возвращения на ранние этапы эмоционального и интеллектуального развития личности (плач, крик и др.);

9) *изоляция* – самоблокирование негативно окрашенной эмоциональной или рациональной информации, касающейся данного человека, отношение к собственным проблемам как существующим у кого-то другого¹.

---

¹ Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М. : Педагогика-Пресс, 1993. 68 с.

Еще один известный психоаналитический подход связан с теорией А. Адлера о развитии личности через преодоление своей неполноценности путем компенсации недостатков. Так, А. Адлер связал источник своеобразия человеческой деятельности с длительным переживанием еще в детском возрасте своей неполноценности и вытекающим из него стремлением компенсировать (преодолеть) природную слабость, ощутить собственную целостность, испытать чувство полноценности. Особое внимание он обращал на то, что компенсация может перерасти в сверхкомпенсацию, которая означает одностороннее приспособление к жизни в результате чрезмерного развития какой-то одной черты или способности. Механизм сверхкомпенсации неполноценности может выражаться в желании доминировать и властвовать, подчинять себе людей посредством применения агрессивных мер и унижения (примеры отрицательной сверхкомпенсации – Наполеон и Гитлер)¹.

Зарождение *социологического направления* изучения девиаций связывают с докладом А. Кетле о роли статистических исследований в изучении преступности 9 июля 1831 г. на заседании Бельгийской королевской академии наук. Основные идеи А. Кетле:

- преступниками не рождаются, а становятся;
- преступность порождена обществом;
- преступность развивается по определенным законам под воздействием социальных и иных объективных факторов;
- преступности присуща статистическая устойчивость;
- повлиять на преступность с целью ее сокращения можно посредством улучшения социальных условий².

Начало изучения социальных факторов отклоняющегося поведения связано с именем Э. Дюркгейма. Для объяснения причин и содержания девиаций он ввел в научный оборот понятие «аномия» (фр. *anomie* – беззаконие, безнормность). Аномия означает такое состояние общества, когда часть его членов, зная о существовании обязательных социальных норм поведения, относится к ним равнодушно или негативно. Причина аномии – расхождение между

---

¹ Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии. 30–60-е годы XX века : тексты / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 344 с. С. 131–140.

² Кетле А. Человек, развитие его способностей или опыт социальной физики. СПб. : Изд-во О. И. Бакста, 1865. Т. 1. 128 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003835498?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 26.12.2021).

потребностями людей и возможностями их удовлетворения в рамках действующих социальных норм, законным способом.

Аномия характерна для обществ, которые проходят этап трансформации, когда у большей части людей на фоне усиления социальных кризисных явлений усиливается депривация, т. е. сокращение или полное лишение возможности удовлетворять основные потребности, растет неудовлетворенность собственным положением, возникает чувство не востребованности и социального отчуждения, распространяются растерянность и деморализованность, доминируют пессимистические настроения.

Анализируя истоки аномии, Э. Дюркгейм обратился к теме самоубийств. В работе «Самоубийство. Социологический этюд» (1897 г.) он выделил четыре *типа самоубийств*:

1) эгоистические – результат ослабления социальных связей индивида;

2) альтруистические – обратная сторона эгоистических, случаются тогда, когда общественность полностью поглощает индивидуальность человека;

3) аномические – характерны для общества, находящегося в состоянии аномии;

4) фаталистические (противоположность аномических самоубийств) – возникают в результате усиленного контроля со стороны группы, избытка социальной регламентации, которая усиливается и становится невыносимой данному виду самоубийств философ уделил мало внимания.

Анализ данных статистики позволил Э. Дюркгейму сделать вывод о том, что аномические самоубийства особенно распространены во времена социальных кризисов¹.

Р. Мертон исходил из предположения, что «определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный» ответ на возникшую ситуацию»². Развивая теорию аномии, он уточнил причины ее возникновения, когда связал их с разрывом между культурными целями общества и одобряемыми (институционализированными) средствами их достижения. Наряду с конформизмом,

---

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. А. Н. Ильинского ; под ред. В. А. Базарова. М. : Мысль, 1994. 399, [1] с.

² Мертон Р. Социальная структура и аномия. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егорова [и др.]. М. : АСТ : Хранитель, 2006. 873, [7] с. С. 243–281.

т. е. пассивным приспособлением к существующему порядку, когда люди принимают как предлагаемые обществом цели (например, достижение материального успеха), так и институционализированные (узаконенные) средства их достижения, Р. Мертон выделил также четыре типа отклоняющегося поведения:

1) инновацию – согласие с одобряемыми обществом целями и отрицание институционализированных способов их достижения;

2) ритуализм – отрицание предлагаемых целей, но доведение до абсурда следование прежним способам действия;

3) ретраитизм – бегство от действительности с одновременным отрицанием как целей, так и средств их достижения;

4) бунт – отрицание социально одобренных целей, способов действия и предложение взамен новых ценностных ориентиров.

16. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Девиантные формы поведения, распространенные в современном обществе, весьма многочисленны, но наиболее тяжелыми по своим последствиям для общества и самого девианта, безусловно, являются уголовные преступления, насилие, алкоголизм, наркомания. Существуют многообразные, различающиеся между собой социологические объяснения детерминирующих *факторов* этих и других видов девиантного поведения.

Развивая аномический подход в объяснении девиантного поведения, автор *теории делинквентных субкультур* А. Коэн исходит из того, что аномия приводит группы молодежи из низших классов, не удовлетворенных своим социальным статусом, к поиску новых форм поведения, не соответствующих распространенным в обществе ценностям доминирующей культуры. Нужно учитывать и то, что эти молодые люди проходят иную, чем подростки из среднего класса, социализацию и проигрывают им конкурентную борьбу за более высокие статусные позиции в обществе. Испытывая унижение аутсайдеров, эти дети переживают состояние, которое А. Коэн называет фрустрацией статуса.

В результате возникают делинквентные субкультуры, в которых отклонение от прежних социальных норм – это не девиация, а поведение, отвечающее ценностям новой культуры. В новых субкультурах то, что отрицается и осуждается господствующей культурой (например, сексуальная распущенность, агрессивность, вандализм и др.), признается в качестве нормальных средств самовыражения и достижения уважения со стороны других членов данной социальной группы (например, хиппи). Преступное поведение считается «правильным в соответствии со стандартами этой субкультуры именно потому, что оно противоречит нормам господствующей культуры»¹.

В 1920–1930-е гг. социологи Чикагского университета, пытаясь объяснить высокий уровень преступности в ряде районов Чикаго, обнаружили, что в отдельных кварталах города он остается стабильным в течение многих лет, несмотря на изменения в этническом составе населения. Они сделали вывод, что криминальное поведение может

---

¹ *Cohen A. Delinquent Boys: The Culture of The Gang. N. Y. : Free Press. 1955. URL: <https://archive.org/details/delinquentboyscu00cohe> (date of access: 13.12.2021).*

передаваться от одного поколения к другому, поскольку молодежь, живущая в зонах высокой преступности, усваивает доминирующие там преступные модели поведения. Более того, эти модели усваивают те, кто въезжает в эти районы.

Э. Сатерленд, основываясь на данных выводах и отчасти на концепции подражания Г. Тарда, разработал *теорию дифференциальной ассоциации*, которая подчеркивает роль социального взаимодействия в процессе формирования взглядов и поступков людей. Главная идея теории дифференциальной ассоциации состоит в том, что девиантному поведению обучаются, общаясь с людьми, которые являются носителями криминальных норм. В основном обучение происходит в первичных группах, например в группах сверстников. Частота и продолжительность общения с представителями криминальных групп оказывают решающее влияние на интенсивность освоения девиантных норм. Чем раньше начинается такое общение и чем чаще, интенсивнее и длительнее оно происходит, тем выше вероятность того, что человек станет девиантом. К такому результату может привести тюремное заключение, если поместить молодых правонарушителей в одну камеру с закоренелыми преступниками.

Смысл дифференциальной ассоциации Э. Сатерленд концептуализировал в следующих принципах:

- 1) криминальное поведение не наследственно, ему обучаются;
- 2) образцы криминального поведения передаются в процессе взаимодействия индивидов лицом к лицу (*face to face*), как правило, путем неформального общения;
- 3) в процессе обучения преступному поведению люди заимствуют как технику преступления, так и специфику мотивов, стимулов и отношений;
- 4) специфике преступных мотивов и стимулов обучаются путем определения уголовного закона как благоприятного или неблагоприятного;
- 5) человек становится правонарушителем или преступником из-за того, что благоприятное отношение к нарушению закона преобладает над неблагоприятным¹.

Вторая линия концепций, которая рассматривает девиации, направлена на поиск механизмов социального противодействия последним.

---

¹ Комлев Ю. Ю., Сафиуллин Н. Х. Социология девиантного поведения : учеб. пособие / под общ. ред. Ю. Ю. Комлева. 2-е изд., перераб. и доп. Казань : Каз. юрид. ин-т МВД России, 2006.

Первой стала *теория социального сдерживания*, которую предложил Ф. Най. Согласно его версии, делинквентности можно обучиться, но правонарушения также совершаются из-за отсутствия самоконтроля, который формируется в процессе социализации, развивающей понятие о хорошем и плохом (совесть). Важную воспитывающую роль играют непосредственный контроль с использованием ограничений, накладываемых на поведение людей, и наказаний при непослушании, а также эмоциональные связи со значимыми для данного человека людьми, например с родителями¹.

Т. Хирши исходил из того, что, отвечая на вопрос о том, почему несовершеннолетние в основном придерживаются конформистского поведения, Ф. Най оперирует понятием социального сдерживания: чем сильнее привязанность к общественному порядку, тем в большей степени индивиды склонны воздерживаться от поведения, которое может угрожать их положению в обществе. По этой причине ниже вероятность делинквентного поведения. Если социальные узы ослабли или разорваны, индивиды вполне могут склониться к девиантному поведению, поскольку такое поведение порой кажется привлекательным. Т. Хирши выделил четыре *элемента социального сдерживания*: привязанность, приверженность, вовлеченность и убежденность.

Привязанность относится к эмоциональным связям человека с другими людьми. Индивиды, имеющие хорошие взаимоотношения с другими, не захотят совершить то, что поставило бы эти отношения под угрозу. Например, если у родителей хорошие отношения с ребенком, он не захочет сделать то, что их разочарует.

Приверженность предполагает то, в какой степени люди хотят следовать конформистской линии поведения. Человек, который хочет участвовать в какой-либо общей деятельности или стремится к достижению социально одобренных целей (освоить профессию, получить образование), с большей вероятностью будет избегать угрозы своей деятельности и достижению целей.

Вовлеченность отражает количество времени, затраченное на общепринятую деятельность, поскольку это может оказывать действие, ограничивающее девиации. Иными словами, чем больше времени уходит на данную деятельность, тем меньше его остается на девиантное поведение.

---

¹ Nye F. I. Family relationships and delinquent behavior. N. Y. : Wiley, 1958. 168 p.

Убежденность характеризует прочность конформистской позиции человека, состоящей в том, что он должен соблюдать правила общественной жизни. Убеждения, оправдывающие преступность, не так важны, как ослабление убежденности в моральной обоснованности общепринятых стандартов поведения.

Указанные четыре элемента социального сдерживания могут действовать в различных социальных сферах. Для подростков наиболее важными являются семья, сверстники, школа и религия. Для взрослых – это семья, религия и работа. Хотя Т. Хирши подразумевает, что привязанность в качестве причины предшествует всем остальным элементам сдерживания, он не уточняет, в каком порядке располагаются эти четыре элемента, однако указывает на то, что они должны быть взаимосвязаны. Например, более сильные семейные узы могут с большей вероятностью заставить людей вовлекаться в общепринятые занятия и верить в общие ценности¹.

Особым направлением объяснения социальных и личностных причин девиантного поведения стали ссылки на стигматизацию. Объясняя действие *стигматизации* (от греч. *stigma* – клеймо, ярлык), Э. Лемерт и Г. Беккер исходили из существования первичной и вторичной девиации. Первичная девиация наблюдается тогда, когда человек лишь иногда нарушает ту или иную норму поведения, а окружающие не обращают на это нарушение внимания. Сам он не считает себя девиантом. Вторичная девиация связана с тем, что нарушение повторяется и на него начинают обращать внимание. На человека ставят клеймо девианта, с ним начинают обращаться не так, как с другими, и он сам начинает считать себя девиантом.

Разъясняя сущность и механизм стигматизации, Э. Лемерт писал: «Когда индивид начинает использовать свое девиантное поведение или свою роль, основанную на девиантном поведении, в качестве средства защиты, наступления или приспособления к своим явным и скрытым проблемам, порожденным последовавшей социетальной реакцией, его отклонение является вторичным»². И продолжал: «Порядок взаимодействия, ведущего ко вторичному отклонению, является

---

¹ *Hirschi T.* Causes of delinquency. University of California Press, 1969. 332 p. URL: <https://archive.org/details/causesofdelinque00hirs> (date of access: 08.12.2021).

² *Лемерт Э.* Первичное и вторичное отклонения // Контексты современности : хрестоматия / сост. и ред. С. А. Ерофеева. Казань : Изд-во Каз. гос. ун-та, 2001. С. 143.

примерно следующим: 1) первичное отклонение; 2) социальные наказания; 3) дальнейшее первичное отклонение; 4) более сильные наказания и отвержение; 5) дальнейшее отклонение, сопровождающееся возможным возмущением и враждебностью, направленными на тех, кто осуществляет наказание; 6) кризис, связанный с превышением меры терпимости (выражением кризиса являются формальные действия общины, стигматизирующие девианта); 7) усиление девиантного наказания как реакция на стигматизацию и наказания; 8) окончательное принятие девиантного социального статуса и попытки приспособиться [к реакции общества] на основании связанной с этим девиантной роли»¹. Данное положение уточнял Г. Беккер: «Клеймение индивида в качестве девианта имеет важные следствия в отношении дальнейшего социального участия и представления этого индивида о себе самом... с ним начинают обращаться соответствующим образом»². В итоге стигматизация, согласно Э. Лемерту, происходит «в форме присвоения имени, наклеивания ярлыка или стереотипизации»³.

Г. Беккер в работе «Аутсайдеры» выделил стадии становления девиантной карьеры (на примере потребителя марихуаны). Так, он отмечал, что «невозможно стать потребителем, не овладев 1) техникой курения, которая будет вызывать реальные эффекты; 2) умением различать эффекты и связывать их с употреблением наркотика (то есть ловить кайф) и 3) умением наслаждаться ощущениями, которые он испытывает»⁴. Новички часто приобщаются к марихуане в присутствии опытных наркоманов, обучаясь под их руководством нормам ролевого поведения «потребителя» и «покупателя» наркотиков.

Три типа стигмы выделяет И. Гоффман. Первый тип – физический дефект (хромота, слепота и другие телесные увечья). Второй тип – недостатки людей, связанные с волей (алкоголики, наркоманы, душевно больные). Третий тип – расовая стигма (например, негроидная раса). Поскольку теория И. Гоффмана рассматривает стигматизацию (заклеймение) в контексте криминологии, то к его

¹ Лемерт Э. Первичное и вторичное отклонения ... С. 144.

² Беккер Г. Девиация как средство «наклеивания ярлыков» // Контексты современности : хрестоматия / сост. и ред. С. А. Ерофеева. Казань : Изд-во Каз. гос. ун-та, 2001. С. 148.

³ Лемерт Э. Первичное и вторичное отклонения ... С. 144.

⁴ Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности / пер. с англ. Н. Г. Фархатдинова ; под ред. А. М. Корбута. М. : Элементар. формы, 2018. С. 77.

классификации можно добавить еще один ее (социальный) тип – морально-правовую стигму (преступники, проститутки и т. д.). Личность с морально-правовой стигмой можно охарактеризовать как однажды дискредитировавшую себя с нравственной и правовой стороны в глазах общественности. И. Гоффман таким образом дихотомически разделил людей на «нормальных», чье поведение совпадает с общественно ожидаемым, и «стигматизированных», чей внешний вид и образ жизни отклоняются от общепринятых норм той или иной социальной общности¹.

Г. Беккер указывал на прямую связь восприятия индивида в качестве девианта с его социальным положением, поскольку категория лиц с ярлыком девианта не включает в себя всех, кто действительно нарушил законы. Девиант – это тот, кого стигматизировали таким образом, а отклоняющееся поведение – это поведение, которое влиятельные люди определили как девиантное. Он конкретизировал этот тезис следующим образом: «То, насколько девиантным будет считаться данное действие, зависит... от того, кто совершает данное действие и кто полагает, что ему этим действием был нанесен вред. <...> Исследования подростковой делинквентности проясняют этот момент. Ситуация из районов проживания среднего класса, когда их задерживает полиция, не заходит в правовом процессе также далеко, как в случае с подростками из районов трущоб»².

Данные идеи получили развитие в конфликтологическом подходе к объяснению причин девиаций, особенно преступности. Социологический подход видит их в имущественной дифференциации общества, социально-экономическом, политическом и правовом неравенстве разных социальных групп, самые угнетенные из которых выступают с протестом против господствующих классов и существующего социального порядка.

Своеобразным развитием идей стигматизации стала теория усиления девиантности, которую предложил Л. Т. Уилкинс. В ней речь идет о «спирали девиантности» («криминальном круге»), которая раскручивается жестким полицейским контролем, неадекватными действиями средств массовой информации и негативным влиянием социальных стереотипов, которые вызывают в ответ новые противоправные действия (на насилие отвечают насилием) и дальнейшее

---

¹ *Клейберг Ю. А.* Психология девиантного поведения : учеб. пособие. М. : Творч. Центр Сфера : Юрайт-М, 2001. С. 13.

² *Беккер Г.* Девиация как средство «наклеивания ярлыков». С. 146–147.

усиление девиантности. Часто в «спираль девиантности» попадают разного рода меньшинства.

Распространение девиаций также происходит, во-первых, через процесс «онормализации» некоторых социально не самых опасных их форм (распитие пива или других слабоалкогольных напитков в местах массового отдыха и т. п.), чему способствует равнодушно-попустительское отношение окружающих; во-вторых, под влиянием примера преуспевающих девиантов, даже в тех случаях, когда за ними только наблюдают со стороны. Таким своеобразным образом проявляется эффект феномена успешных людей, которым часть молодежи стремится подражать, даже в том случае, когда они являются преступниками.

Девиации, деформации в поведении людей не ограничиваются типичными случаями преступности, наркомании, пьянства и т. п. Реальные социальные процессы вносят в мир отклонений новые коррективы.

Автор *теории футурошока* Э. Тоффлер сделал предметом своего исследования негативное влияние на сознание, настроение, а в итоге – поведение людей психического шока, возникающего под воздействием ускорения темпа жизни, роста новизны и разнообразия окружающего мира, усиления неопределенности и непредсказуемости происходящих событий в условиях постиндустриального общества.

По наблюдениям Э. Тоффлера, в этой обстановке резко ослабляется способность человека разумно оценивать складывающуюся ситуацию и принимать рациональные решения. Зато получают широкое распространение различные формы социальной иррациональности: увлечение мистицизмом, оккультными науками, астрологией, духовный нигилизм и вандализм, интерес к галлюциногенным наркотикам, кризис доверия к научному знанию и т. п. Реакцией на замешательство и дезорганизацию, утрату способности к адекватному восприятию реальности является массовая усталость, апатия, напряжение, возбуждение, чрезмерная раздражительность, т. е. весь спектр негативных эмоциональных состояний.

В качестве своеобразных образцов девиантного поведения в обстановке избытка перемен Э. Тоффлер выделил открытое отрицание, блокирование нежелательной реальности, специализм, т. е. избирательное, частичное принятие новых идей, возврат к привычным, прежде успешным способам действия и ценностям (атавизм). Сюда же он отнес суперупрощение объяснительных схем нововведений и приемов адаптации к ним, когда, например, во всех общественных

неурядицах обвиняют определенную группу лиц, а отношение к ней выражают жестокостью, переходящей в террористические действия¹.

Определенные деформации в поведении человека происходят в обстановке социальной фрустрации, т. е. столкновения с серьезными препятствиями, трудностями в достижении жизненных целей. Поведенческие реакции на фрустрацию бывают позитивные и негативные. К позитивным формам поведения в условиях фрустрации относят: 1) преодоление препятствия, когда человек решает свои проблемы, несмотря ни на что; 2) обход, предполагающий использование новых средств достижения цели; 3) компенсирующее действие взамен неудавшегося; 4) отказ от первоначально намеченной цели, когда очевидно, что ее реализация невозможна или крайне затруднительна. Например, нуждаясь в деньгах для открытия своего дела, можно взять кредит в банке, убедив его правление в перспективности проекта; при неудаче, возможно, дать взятку и все-таки добиться своего; собрать деньги, взяв их взаймы; наконец, просто отказаться от замысла, убедившись в том, что реализовать его невозможно или чрезвычайно сложно.

Негативные реакции на фрустрацию подразделяются на агрессивные и неагрессивные. Первые включают собственно агрессивное поведение (инструментальную агрессию), которое в отдельных случаях вполне уместно для достижения поставленных целей, и два вида смещенной агрессии: экстрапунитивные и интрапунитивные реакции. Экстрапунитивные реакции выражаются в действиях, направленных на предметы или посторонних лиц, по отношению к которым ведут себя так, будто они и есть причина фрустрации. Эти реакции сопровождаются эмоциями гнева, негодования, раздражения и т. п. Интрапунитивные реакции обусловлены признанием субъектом самого себя в качестве причины фрустрации. В этом случае агрессия сочетается с эмоциями стыда, вины, угрызениями совести. Неагрессивное поведение в ситуации фрустрации выражается в виде бегства, фиксации (стереотипизации), регрессии, иллюзорного фантазирования, отхода от активной деятельности. Рассмотрим данные виды неагрессивного поведения:

1) бегство – конкретные жизненные ситуации, которые являются реальными или фигуральными, т. е. происходящим в форме психического действия. Чаще всего сопровождается словесным оправданием или внутренним самооправданием;

---

¹ Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Е. Руднева [и др.] ; науч. ред., авт. предисл. П. С. Гуревич. М. : АСТ, 2002. 557.

2) фиксация (стереотипизация) – попытки достижения однажды поставленной цели каждый раз, когда открывается даже небольшая возможность для этого. Приобретая форму слепого повторения привычного поведения, эти попытки не считаются с прошлым опытом и личными способностями;

3) регрессия – возврат к прежним способам действия в аналогичных ситуациях. Выражается в обращении к поведенческим моделям, доминировавшим в более ранние периоды жизни индивида; в примитивизации поведения, сопровождающейся снижением его конструктивности; в падении качества исполнения.

4) иллюзорное фантазирование – отвлекающие грезы, галлюцинирование о желаемом будущем и его фантастическом осуществлении при фактическом бездействии;

5) отход от активной деятельности (пассивность) – возникает на основе апатии, безразличия к происходящему. Человек существует на грани выживания и вполне довольствуется этим. Ему не нужны даже иллюзии. В конечном счете рациональному, осмысленному поведению предпочитается простое реагирование на происходящие события, так или иначе затрагивающие людей. Данный тип невротического поведения является объектом внимания психоаналитиков¹.

---

¹ Рубанов А. В. Девиантное поведение: проблемы и противодействие // Философия и социальные науки. 2013. № 3/4. С. 58–62. URL: <https://elibrary.asu.ru/bitstream/123456789/91452/1/58-62.pdf> (дата обращения: 08.12.2021).

17. АГРЕССИЯ И ЕЕ ОБЪЯСНЕНИЯ. НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Агрессивное поведение проявляется в реальных действиях или фантазировании, направленных на подчинение себе других людей, доминирование над ними. Такое поведение непременно включает насилие, т. е. вербальные или физические действия, причиняющие боль, страдание, влекущие разрушения.

Основная эмоциональная реакция при *агрессии* – гнев (злость, ярость). Главной причиной такого эмоционального состояния является ощущение физического или психологического препятствия на пути человеческого действия. Таким препятствием могут быть физические помехи, принятые в данном сообществе правила и нормы поведения, законы или собственная неготовность, некомпетентность, наконец, другие люди. Причинами гнева являются также длительное страдание, оскорбление, прерывание ситуации интереса или радости, обман, попытки заставить сделать что-то вопреки желанию. Гнев выполняет определенную позитивную роль, поскольку укрепляет чувство физической силы и уверенности в себе, способствует подавлению страха. В сочетании с презрением и отвращением он составляет эмоциональную основу агрессии.

Основной целью агрессии выступает стремление нанести физический, материальный или моральный вред. В отличие от инструментальной агрессии, которую сознательно используют в качестве средства достижения поставленной цели, агрессия, побуждаемая гневом, является самоцелью. Причины агрессии схожи с причинами гнева. Прежде всего это фрустрация в любом ее проявлении, далее – дискомфорт, состояние депрессии и даже такие факторы, как повышенная влажность, жара или теснота, понимаемая как субъективное ощущение недостатка пространства. При групповых действиях агрессия усиливается за счет анонимности, рассеивания ответственности и эмоционального заражения. Ее провоцирует доступность орудия агрессии и пространственная удаленность потенциальной жертвы.

Существует целый ряд психологических самооправданий агрессии. Главным образом это ссылки на недостатки в личностных качествах и проступки жертвы, ее провоцирующие действия, стечение обстоятельств, давление сверху, идеологические и религиозные соображения.

Происхождению, истокам и факторам человеческой агрессии дан ряд теоретико-методологических объяснений.

Так, З. Фрейд рассматривал агрессию как инстинкт разрушения, возникающий в ответ на социальные нормы, ограничивающие действия людей.

Согласно К. Лоренцу, агрессия – это инстинкт, направленный на выживание индивида и всего человеческого вида¹.

Э. Фромм выделял два вида агрессии: доброкачественную и злокачественную. *Доброкачественная* (оборонительная) агрессия – это поведение, связанное с ответной реакцией на угрозу. Механизм доброкачественной агрессии передается человеку генетически. Ее смысл состоит в сохранении жизни, выживания индивида и рода. Она представляет собой врожденную способность к реагированию на внешнюю опасность посредством нападения или бегства. Данный вид агрессии достаточно редко ведет к уничтожению соперника, так как ее главная функция состоит в отпугивании нападающего. Поскольку доброкачественная агрессия генетически запрограммирована, изменить ее биологическую основу невозможно, даже если поставить под контроль и модифицировать. По данной причине главным условием снижения оборонительной агрессии является уменьшение числа факторов, которые ее провоцируют.

Приведем примеры доброкачественной агрессии:

- псевдоагрессия – действия, в результате которых может быть нанесен ущерб, но которым не предшествовали злые намерения (т. е. непреднамеренная агрессия);

- игровая агрессия – проявляется в соревновании на мастерство, ловкость и быстроту реакций; не имеет никаких отрицательных мотиваций типа гнева, ненависти и др.

- агрессия как самоутверждение – в первоначальном значении «быть агрессивным» означало «двигаться в направлении цели без промедления, без страха и сомнения»;

- оборонительная агрессия – фактор биологической адаптации: агрессивность как прием вытеснения страха; агрессивность как результат опасности лишения свободы; агрессивность, когда под угрозой оказывается нарциссизм; агрессивность как реакция на попытку лишения иллюзий; конформистская агрессия; инструментальная агрессия;

- экзистенциальные потребности человека и различные укоренившиеся в его характере страсти: ценностные ориентации и объект

---

¹ Рубанов А. В. Девиантное поведение ...

почитания; чувство единения; творческие способности; возбуждение и стимулирование; хроническая депрессия и скука; структура характера.

Злокачественная агрессия проявляется в формах немотивированной жестокости и деструктивности, сопровождается стремлением к максимально возможному разрушительному эффекту. Она отсутствует у животных и свойственна только человеку. Злокачественная агрессия не способствует биологическому приспособлению, выживанию и продолжению рода и является по сути аномалией. Злокачественная агрессия проявляется как человеческая страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать. Это и есть деструктивность. Ее природа социальна. Истоки деструктивности содержатся в пороках культуры и образа жизни человека.

Приведем примеры злокачественной агрессии:

- спонтанные формы – проявление дремлющих (необязательно вытесняемых) деструктивных импульсов, которые активизируются при чрезвычайных обстоятельствах;

- деструктивность отместки – агрессивность из мести – это ответная реакция индивида на несправедливость, которая принесла страдания ему или кому-либо из членов его группы;

- деструктивность характера (садизм) – как абсолютная и неограниченная жажда власти над живым существом, которая проявляется в скрытой или явной форме;

- экстагическая деструктивность – попытки человека одолеть свое «экзистенциальное бремя» (например, чувство одиночества) путем перехода в состояние экстагического транса: в форме сексуального акта (естественный путь), при употреблении наркотиков, в сексуальных оргиях или в состоянии транса и т. п.;

- поклонение деструктивности – поведение человека, живущего в состоянии хронической ненависти, все силы которого направлены на то, чтобы разрушать. Здесь очевидно перманентное служение идеалу разрушения, принесение своей жизни в жертву кумиру;

- некрофилия¹.

Рассмотрим объяснение агрессии в рамках теории фрустрации (Д. Доллард, Н. Миллер и др.). Согласно указанной теории, фрустрация – это психическое состояние переживания неудачи, обусловленное невозможностью удовлетворения потребностей, которое возникает при

---

¹ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телатниковой. М. : АСТ : АСТ Москва, 2009. 635 с.

наличии реальных или мнимых препятствий на пути к определенной цели. Она может рассматриваться как одна из форм психологического стресса и проявляется в переживаниях разочарования, тревоги, раздражительности, отчаянии. Эффективность деятельности в такой ситуации резко снижается. Фрустрация сопровождается гаммой в основном отрицательных эмоций: гневом, раздражением, чувством вины и др. Агрессивность – это предрасположенность к гневу; негодование и насильственное устранение всякой помехи или препятствия, затрудняющих свободное осуществление деятельности. Теория фрустрации исходит из двух базовых положений: агрессия всегда есть результат и следствие фрустрации, фрустрация всегда влечет за собой агрессию¹.

Как один из факторов, содействующих развитию агрессивности, рассматривается наказание. Б. Ф. Скиннер, например, объясняя механизмы оперантного обусловливания поведения, отмечал, что действия человека преимущественно контролируются посредством наказания так называемыми авersiveными (неприятными) стимулами. Наказание может осуществляться двумя способами, которые он назвал «позитивное наказание» и «негативное наказание». Позитивное наказание имеет место, когда поведение ведет к прямому авersiveному завершению. Например, за плохую успеваемость студентов исключают из университета. Негативное наказание состоит в том, что за неодобряемым поведением следует устранение позитивного подкрепляющего стимула. Так, за плохое отношение к учебе родители могут запретить школьнику пользоваться компьютерными играми.

Б. Ф. Скиннер считал, что нужно отказываться от использования авersiveных методов, особенно позитивного наказания, как неэффективного средства контроля поведения, который ведет к развитию ответной агрессивной реакции. Вместо этого он предлагал сосредоточиться на поощрении, позитивных подкрепляющих стимулах. Агрессию можно и нужно упреждать, вызывая уменьшение воздействия провоцирующих ее факторов и обучая людей неагрессивным стратегиям разрешения конфликтов².

---

¹ *Dollard J. Frustration and Aggression / New Haven, CT, US : Yale University Press. 1939. 228 с. URL: <https://archive.org/details/frustrationaggre00doll>. (date of access: 08.12.2021).*

² *Снимщикова Э. В. Позитивные девиации как фактор прогрессивного развития личности в современном социуме : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Краснодар. ун-т МВД России. Краснодар, 2012. 147 с. URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/pozitivnye-deviacii-kak-faktor-progressivnogo-razvitiya-lichnosti-v-sovremennom.html> (дата обращения: 25.12.2021).*

Самым серьезным личностным и социальным проявлением и нежелательным последствием агрессивного поведения является насилие (физическое, сексуальное, эмоциональное и др.). Человеческое насилие принципиально отличается от такого среди животных, поскольку практически лишено биологической целесообразности.

Насилие, по определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), – это «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб»¹.

Типология, представленная в ВОЗ, подразделяет насилие на три категории в зависимости от характеристики тех, кто совершает акт насилия: покушение на собственную жизнь или здоровье; межличностное насилие; коллективное насилие.

Покушение на собственную жизнь или здоровье подразделяется на суицидальное поведение и жестокое отношение к себе. Первое включает мысли о самоубийстве, попытки самоубийства (называемые также в некоторых странах как «парасуицид» или «преднамеренное нанесение себе телесных повреждений») и собственно самоубийство. В отличие от суицидального поведения жестокое отношение к себе означает, в частности, нанесение себе увечий.

Межличностное насилие подразделяется на две подгруппы: насилие в семье и насилие над интимным партнером. Это насилие, которое совершается между членами семьи и партнерами и, как правило (хотя и не всегда), происходит в стенах дома. К данной группе насилия относится жестокое обращение с детьми, насилие в отношении интимного партнера и жестокое обращение с пожилыми.

Разделяют также насилие в общине – это насилие, совершаемое над тем, с кем преступник не состоит в родстве. Преступник и жертва могут быть знакомы или не знакомы друг с другом. Как правило, такое насилие совершается вне дома. Оно включает акты насилия, совершаемые молодежью, случайные акты насилия, изнасилование и сексуальные домогательства со стороны незнакомых лиц, насилие

---

¹ Насилие и его влияние на здоровье : доклад о ситуации в мире / под ред. Э. Г. Круга [и др.] ; пер. с англ. М. : Весь Мир, 2003. 376 с. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/42495/5777702252_rus.pdf?sequence= (дата обращения: 08.12.2021).

в школах, различных учреждениях (местах работы), тюрьмах и домах престарелых.

Коллективное насилие подразделяется на социальное, политическое и экономическое. В отличие от двух предыдущих данный вид насилия совершается по каким-либо мотивам большими группами лиц или государствами.

Социальное насилие – преступления из ненависти, совершаемые организованными группами, террористические акты и преступления бандитских группировок.

Политическое насилие – войны и вооруженные конфликты, государственное насилие и другие насильственные акты, в которых участвуют большие группы людей.

Экономическое насилие – это нападения, осуществляемые большими группами людей, преследующими экономические выгоды. Целью таких нападений может быть нарушение хозяйственной деятельности, препятствие к доступу к жизненно важным службам или фрагментация экономики.

Указанные формы насилия имеют место в каждой из трех широких категорий и подкатегорий, представленных ВОЗ, за исключением случаев покушения на собственную жизнь или здоровье. Например, насилие, направленное против детей и совершаемое в стенах дома, может быть физическим, сексуальным или психологическим, о ребенке могут не заботиться. Насилие в масштабах общины может включать в себя стычки между группами молодежи, сексуальное насилие на рабочих местах, а также отсутствие заботы о пожилых в домах престарелых. Политическое насилие может выражаться как в случаях изнасилования во время конфликтов, так и в военных действиях (физическое или психологическое насилие)¹.

Особая форма коллективного насилия – геноцид (от греч. *γένος* – род, племя и лат. *caedo* – убиваю), т. е. действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую, религиозную или иную культурно-этническую группу.

В условиях геноцида используются крайние, наиболее жестокие методы:

- убийства;
- причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства;

---

¹ Насилие и его влияние на здоровье ... С. 6–7.

- меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в данной группе;
- насильственная передача детей из одной группы в другую;
- преднамеренное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение членов данной группы.
- самая крайняя форма коллективного насилия – война.

Различают несколько видов наиболее распространенных *посттравматических состояний*: простая травма, пролонгированная травма, отыгрывание насилия и травма агрессора.

Простая травма – краткосрочное, как правило, неожиданное ужасающее событие, которое несет угрозу для индивида и превосходит его возможности в самозащите. Такое событие оставляет яркий, конкретный и незабываемый след в памяти. Жертва насилия может в дальнейшем видеть пугающие сны, в которых присутствуют те или иные аспекты травмирующего события. При травмах этого типа может развиваться посттравматическое стрессовое расстройство, проявляющееся в симптомах повторного переживания травмы («флешбеках»), навязчивых мыслях, связанных с данным событием, в избегании всего, что напоминает травматические ситуации, и т. п.

Пролонгированная травма – повторяющиеся травматические ситуации, или «серийная травматизация» (например, травля). Первоначально такое событие воспринимается индивидом как простая травма. В дальнейшем травмирующие события становятся более предсказуемыми, и жертва переживает страх их повторения, ощущая свое бессилие для их предотвращения. Как правило, в данной ситуации развивается состояние, называемое «комплексное посттравматическое расстройство». Оно включает заниженную самооценку, чувства стыда и вины.

Отыгрывание насилия в роли агрессора может происходить у некоторых жертв насилия. Так, установлено, что многие преступники в детстве были жертвами физического или сексуального насилия.

Травма агрессора – это посттравматическое стрессовое расстройство у лиц, которые были вынуждены применять насилие, например, участвуя в пытках или убийствах, как правило, под каким-либо внешним давлением.

Выделяют также *две зоны насилия*, являющиеся предметом пристального внимания: насилие в детской и подростковой среде и насилие в сексуальной сфере (со стороны интимного партнера).

В 1999 г. на совещании ВОЗ по предупреждению насилия над детьми было сформулировано следующее определение данного явления: «Жестокое или плохое обращение с ребенком – это формы физического и (или) эмоционального плохого обращения, сексуальное насилие, отсутствие заботы, пренебрежение, торговля или другие формы эксплуатации, способные привести или приводящие к фактическому ущербу для здоровья ребенка, его выживания, развития или достоинства в контексте отношений ответственности, доверия или власти»¹.

Исследование того, как часто подростки и молодежь становятся жертвами насилия, имеет определенную специфику. Важно учитывать, во-первых, многообразие насильственных действий, во-вторых, значительный перечень лиц, совершающих такие действия.

Проанализируем первую особенность насильственных действий по отношению к молодым людям. Следует учесть, что в подростковой среде насилие понимается в большинстве случаев достаточно узко: как физически активная и прямая агрессия, воплощающаяся в нанесении побоев человеку. По данной причине на общий вопрос «Приходилось ли вам быть жертвой насилия?» только 6 % опрошенных подростков дали утвердительный ответ «Да». Когда же этот вопрос конкретизировался и назывались различные виды насильственных действий, начиная со словесных оскорблений и заканчивая побоями, то количество детей и подростков, заявляющих о том, что они были жертвами насильственных действий, существенно возросло. В итоге оказалось, что чаще всего (48 % случаев) подростки подвергались словесным оскорблениям. На втором месте находится физическое насилие, побои (25,5 %); на третьем – принуждение к курению (21,1 %). Деньги отнимали у 16,1 % опрошенных; принуждали к сексу 5,7 % опрошенных; настойчиво навязывали наркотик 3,2 % опрошенных. Наиболее болезненно детьми ощущается насильственное навязывание наркотика, принуждение к сексу и физическое насилие, в том числе с целью ограбления.

Что касается лиц, совершающих насильственные действия по отношению к подросткам, то чаще всего обидчиками являются старшие сверстники – их назвали 52,4 % пострадавших. На втором месте в числе обидчиков находятся одноклассники (36,9 %). Работников упомянули 14,3 % опрошенных правоохранительных органов; 8,3 % обвинили в насильственных действиях учителей. Родителей упомя-

---

¹ Насилие и его влияние на здоровье ... С. 68.

нули 3,4 % опрошенных. В последнем случае следует отметить неоднозначное толкование детьми родительского насилия.

Особое место в проявлениях подросткового насилия занимает буллинг, т. е. школьное насилие, при котором имеет место принуждение, применение силы в отношениях между детьми или учителями по отношению к ученикам. Наряду с явными формами буллинга весьма распространенными являются случаи его скрытых проявлений, часто ускользающие от внимания. Новой формой насилия в современном обществе стал кибербуллинг – особый вид травли, издевательств, психологического давления на человека с применением интернет-технологий.

Социологические исследования показывают, что формы насильственных действий в детской и подростковой среде являются весьма разнообразными. Так, согласно данным социологического исследования, 4,2 % участников отметили, что постоянно участвуют в драках. Причем установлено, что активность участия в драках возрастает по мере взросления: в возрасте до 15 лет участвуют в них постоянно 3,3 %, изредка – еще 25,7 % респондентов, в возрастной группе 15–17-летних процент постоянно участвующих в драках подростков возрастает до 4,4 %, участвующих изредка – до 37,8 %. Пик активности насильственных действий в форме драк достигается в возрастной группе 18–20-летних молодых людей. Из их числа постоянно дерутся с другими компаниями или отдельными индивидами 4,9 %, изредка – 43,4 % опрошенных.

Отнимают деньги у детей и подростков на постоянной основе 0,8 % ровесников и старших сверстников, изредка – 3,2 %. Причем в этом виде делинквентного поведения явно прослеживается превалирование старших над младшими: если в возрастной группе до 15 лет отнимают деньги у детей постоянно 1,0 % опрошенных, а делают это изредка еще 1,7 % (в сумме – 2,7 %), то в возрасте от 15 до 17 лет эта доля возрастает до 0,7 и 3,4 % соответственно (в сумме 4,1 %). В возрастной группе 18–20-летних отнимает деньги у младших по возрасту каждый двадцатый.

Говоря о социально-демографических характеристиках групп молодежи, совершающих насильственные действия, следует отметить, что в большей мере они, что вполне естественно, свойственны юношам. Так, постоянно принимают участие в драках 6,8 % опрошенных юношей и только 1,3 % девушек. Девушки гораздо реже, чем юноши, задирают прохожих (1,1 и 3,1 % соответственно); отнимают деньги у подростков (0,6 и 1,2 % соответственно). Если рассматривать

проявления подобных видов девиаций в зависимости от возраста, то можно заметить, что в большей степени они присущи для возрастной группы от 18 до 20 лет, в наименьшей – подросткам до 15 лет (различие составляет 1,5 на 1,0).

Проблему насильственных действий взрослых по отношению к детям и подросткам нельзя оставлять без внимания. Требуют изучения, в частности, следующие вопросы: что является основанием для возникновения агрессии по отношению к ребенку со стороны взрослого: нежелание (либо неумение) понять его жизненные проблемы; доминирование наказывающих приемов воспитания в семье и школе; желание насильственно заставить ребенка (ученика) реализовывать собственные представления взрослых о том, как дети должны вести себя в школе, дома или на улице, в дружеской компании; не является ли одной из причин непонимания и насилия отсутствие интереса, а иногда и открытая недоброжелательность учителей по отношению к своим воспитанникам; не отсутствует ли у самих взрослых терпимость к другим людям, их суждениям, оценкам, а порой и к ошибкам? Все это и многое другое приводит к агрессивному, насильственному поведению взрослых по отношению к детям или подросткам с их еще не сформировавшимися поведенческими установками.

Еще один важный аспект рассматриваемой проблемы – существующая динамика превращения субъектов и жертв насильственных действий в среде подростков в обширный резерв криминальной деятельности. Так как пройдя психологически сложный и в большинстве случаев ущербный путь от домашних унижений, оскорблений, ограничений, запретов, избиений, отягощенных выговорами учителей, несправедливыми наказаниями, а порой и побоями, так называемые трудные подростки во многих случаях втягиваются в различные криминальные группировки, совершают ответные насильственные действия и иные виды преступлений.

Насилием со стороны интимного партнера считается любое поведение в рамках интимных отношений, которое является причиной физического, психологического и сексуального ущерба для одного из участников этих отношений. Такое поведение может включать в себя:

- акты физической агрессии, такие как шлепки, нанесение ударов, пинки и избиение;
- психологическое насилие, т. е. запугивание и постоянное унижение;
- принудительный половой акт и другие формы сексуального принуждения;

- различные проявления контролирующего поведения (например, изоляция от семьи и друзей, управление действиями и ограничение доступа к информации и помощи).

Насилие со стороны мужа или интимного партнера, как отмечается в докладе «Насилие и его влияние на здоровье», является одним из самых распространенных видов насилия над женщинами. Положение женщин существенно отличается от положения мужчин, поскольку мужчины чаще подвергаются насилию со стороны совершенно незнакомых людей или знакомых, но не из ближайшего окружения. Тот факт, что женщины часто экономически и эмоционально зависят от тех, кто применяет по отношению к ним насилие, оказывает основное влияние как на динамику насилия, так и на способы борьбы с ним. Насилие со стороны интимного партнера встречается во всех странах и во всех социальных, экономических, религиозных и культурных группах. Хотя и женщины могут применять насилие по отношению к знакомым им мужчинам, и насилие также имеет место в однополых парах, все-таки основными жертвами партнерского насилия являются женщины, а виновниками – мужчины¹.

В системе мер по предупреждению и противодействию насилию выделяют три уровня:

- предупреждение (недопущение) насилия;
- помощь (медицинская, психологическая, материальная и др.), оказываемая сразу после акта насилия;
- долговременные меры по ликвидации последствий акта насилия (реабилитация жертвы).

Укажем конкретные меры воспитательного характера, которые можно противопоставить распространению насилия. Так, в системе школьного воспитания первоочередное внимание следует обратить на формирование у учащихся такой иерархии ценностного мира, в которой ценности гуманизма (любовь к ближнему, сострадание) и гражданские ценности (социальная справедливость, уважение к закону, патриотизм) превалировали бы над ценностями насилия и утилитаризма (упование на физическую силу и агрессивность в отношениях с окружающими, способность перешагнуть через социальные, правовые, нравственные нормы ради достижения своей цели). Необходимо стремиться к тому, чтобы гуманистические и гражданские ценности усваивались не только словесно, но и превращались в привычки в повседневном поведении детей и подростков. В практике семейного и школьного воспитания следует избегать доминирования

---

¹ Насилие и его влияние на здоровье ... С. 95.

наказывающих приемов и средств воспитания (окрик, унижение, рукоприкладство и др.), отдавая предпочтение принципам милосердия, долготерпения, толерантности. В семейном и школьном воспитании необходимо настойчиво отказываться от насильственного принуждения детей следовать определенному образцу поведения, угодного родителям или учителям; не нужно принуждать их определенным образом одеваться, вести себя в школе, дома или на улице. В процессе воспитания детей, начиная с младших лет, следует прививать им внимание и терпимость к другим людям, их суждениям, оценкам, а порой и к ошибкам. В практике воспитательной, оздоровительной и другой работы с детьми следует опровергать значение физической силы и вседозволенности ее применения в достижении человеком своих целей.

18. ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

Преступление – совершенное опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными уголовным кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания¹. Преступность – это совокупность преступных действий.

Виды преступности прежде всего различаются в соответствии с основными сферами общественной жизни: государственная преступность, экономическая преступность, коррупция, наркоторговля, терроризм, компьютерная преступность, экологическая преступность, преступления, посягающие на личность, жизнь, здоровье, имущество, права и свободы человека, торговля людьми и др. Особо выделяют также латентную (скрытую) и организованную преступность.

Структура преступности выражена в следующих основных показателях, фиксируемых статистикой:

- удельный вес различных видов (по статьям уголовного кодекса) и групп (по главам и разделам уголовного кодекса) преступлений;
- соотношение преступлений по категориям (не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие);
- распределение преступлений по территориальному признаку (город, село, экономический район);
- распределение преступлений по социальным сферам;
- распределение преступлений по временам года;
- соотношение умышленных и неосторожных преступлений;
- удельный вес корыстных, насильственных и других видов: по мотивации преступлений;
- доли ситуативной, рецидивной, профессиональной, групповой, организованной и вооруженной преступности;
- удельный вес раскрытых и нераскрытых преступлений;
- доли в составе преступников мужчин, женщин, несовершеннолетних, ранее судимых, безработных;
- удельный вес лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

---

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь / Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Nk9900275> (дата обращения: 21.12.2021).

Статистическая картина степени распространения наиболее асоциальных, противоправных видов девиантного поведения в белорусском обществе представлена в табл. 3. Она свидетельствует о том, что в Беларуси с 2010 по 2020 г. число зарегистрированных преступлений уменьшилось более чем на 50 тыс. Отмечено меньше преступлений, которые были совершены несовершеннолетними и при их участии, лицами, имеющими судимость, а также теми, кто находился в состоянии алкогольного опьянения. Количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, осталось примерно на прежнем уровне.

Таблица 3

Количество зарегистрированных преступлений

Преступления	2010 г.	2020 г.
Всего	140 920	95 478
В том числе:		
кража	73 590	27 343
преступления, связанные с наркотиками	4655	3620
мошенничество	4596	4290
хулиганство	4728	4039
взяточничество	1323	635
грабеж	4170	1234
Особенности преступлений	2010 г.	2020 г.
Совершены несовершеннолетними и при их участии	4777	1393
Совершены лицами, имеющими судимость	42 544	20 501
Совершены в состоянии алкогольного опьянения	29 168	15 726
Совершены в состоянии наркотического опьянения	1179	1182

Социологическое изучение преступности, наряду с анализом данных уголовной статистики, проводится с использованием количественных и качественных методов.

Количественные методы изучения преступности включают два важнейших направления: виктимологические исследования процесса превращения в жертву преступления и самоотчеты правонарушителей (SR-исследования).

Национальные виктимологические опросы (*NCVS*) в США. Бюро переписи населения проводит начиная с 1972 г. Главной причиной для проведения такого ежегодного исследования стал вывод о том, что о многих преступлениях люди не сообщают в полицию. В обследовании принимают участие примерно 50 тыс. домохозяйств, случайно выбранных из стратифицированной многоступенчатой кластерной выборки. По каждому адресу опрос проводится два раза в течение года. В выборку попадают респонденты старше 12 лет. Участников опроса интервьюируют об уголовных происшествиях, которые произошли с ними за прошедшие шесть месяцев.

Данные опросов при подсчете подразделяют на два типа: сведения о жертвах преступлений и об уголовных преступлениях. В первом случае подсчитывают число людей, против которых были совершены преступления. Во втором – количество самих криминальных эпизодов. Засчитывается только одно из преступлений в целой цепочке правонарушений. Например, если грабитель в баре забирает выручку из кассы, бумажник у бармена и личную собственность у пяти клиентов, будет засчитано одно уголовное правонарушение – ограбление и шесть случаев виктимизации. Если преступление было совершено против частной собственности, различие между виктимизацией и уголовным происшествием не делается. Жертвой преступления считается владелец похищенной собственности. В случае преступлений против личности (изнасилование, разбойное нападение, грабеж, похищение имущества у частного лица) деление на число происшествий и число жертв соблюдается особенно тщательно¹.

Полученные данные позволяют выявить важные ситуационные факторы преступности: а) место, где было совершено преступление (дом, офис или школа); б) время суток, в которое оно произошло; в) было ли применено оружие; г) сколько человек пострадало в результате преступного действия. Одновременно ведется сбор информации о жертвах преступлений (пол, этничность, возраст, образование, семейное положение, состояние здоровья, расходы на лечение и реабилитацию, возмещение ущерба в результате потери имущества)².

---

¹ Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели. 3-е междунар. изд. ; пер. с англ. под науч. ред. Я. И. Гилинского ; пер. И. Малковой [и др.] ; предмет. указ. Н. И. Петрова. СПб. : Питер, 2003. С. 112.

² *Schmalleger F. Criminology Today: An Integrative Introduction.* Pearson Education Inc., Upper Saddle River. New Jersey, 2006. 692 p. URL: <https://archive.org/details/criminologytoday00schm> (date of access: 20.12.2021).

Результаты виктимологических опросов позволили сделать следующие выводы: участниками опросов ежегодно сообщается примерно о 35 млн. преступлений; приблизительно 23 млн. американских домашних хозяйств, или 25 % от их общего количества, ежегодно становятся жертвами преступных посягательств; горожане имеют в два раза больше шансов стать жертвами преступлений, чем жители села; в полиции регистрируется только половина всех тяжких преступлений, две пятых преступлений, совершенных в домохозяйствах, и примерно одна четверть краж личного имущества¹.

Самоотчеты правонарушителей (SR-исследования) – метод исследования, основанный на самоанализе, самооценке правонарушителей. На вопросы отвечают сами правонарушители или группы специально подобранных респондентов. По унифицированной анкете они обычно не ведутся. Чаще всего выборки составляют из школьников, включая тех, кто имел контакты с полицией или чьи дела были переданы в суд для несовершеннолетних, заключенных и лиц, фигурирующих в полицейских отчетах. Почти во всех SR-опросах выясняют основные демографические характеристики правонарушителей, а также устанавливают особенности семей, в которых они воспитывались, свойства их личности, интересы, мотивацию и т. п. На основе самоотчетов замеряются специальные криминологические индексы: распространенность и инцидентность противоправного поведения. Распространенность определяется по числу человек, сообщивших об одном или нескольких проступках, совершенных ими за определенный промежуток времени. Инцидентность отражает число проступков за тот же период. Таким образом, уровень распространенности обычно отражает долю людей от общей численности населения, признавших в своем участии в одном или нескольких правонарушениях. Уровень инцидентности – это среднее число преступлений, приходящихся на одного человека, или число преступлений, приходящихся на некоторое количество населения².

Качественные методы подразделяют на два вида: изучение преступных случаев («кейс стади») и включенное наблюдение за правонарушителями.

Методы «кейс стади» (англ. *case study* – анализ случая) – это разновидность монографического научного исследования, содержа-

---

¹ Schmallegger F. Criminology Today ... С. 60.

² Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели. СПб. : Питер, 2003. 864 с.

шего детальное описание конкретных случаев и ситуаций, включая историю человека или группы (организации). В рассматриваемом контексте это могут быть события из жизни одного изучаемого преступника или история преступной группы. Польза данного исследования в том, что с его помощью можно определить предполагаемые результаты других подобных событий и ситуаций. Например, изучение преступного поведения индивидов в уличной криминальной группе может открыть центральную роль и стиль поведения одного или нескольких лидеров (преступных авторитетов). Этот вывод уместно распространить и на описание стиля поведения лидеров другой подобной уличной преступной группы (*street gang* – уличная банда). Когда индивид с преступным опытом выступает в качестве объекта социологического исследования, то оно может принять форму истории жизни одного человека (*life history*), воспринимаемой как последовательность криминальных кейсов. Большинство жизненных историй преступников весьма субъективны вследствие того, что они состоят из перечисленных сюжетов и событий в интерпретации самого объекта исследования. Тем не менее анализ таких историй может стать ключом к пониманию реального преступного поведения других индивидов или выступить исходным пунктом для дальнейшего научного поиска¹.

У. Ф. Уайт одним из первых использовал включенное наблюдение при изучении преступных групп в районе Корневилль (Корневилль, т. е. город на уличных перекрестках, – это воображаемое название Бостона, где проводилось данное исследование).

Приведем основные моменты (определенный «методический инструментарий») данного исследования.

Я обнаружил, что люди сами изобрели некое объяснение в отношении моего присутствия: я, мол, пишу книгу о Корневилле.

Я пришел к выводу, что мое включение в жизнь квартала зависит от личных связей.

Я осознал решающую необходимость иметь поддержку со стороны ключевых фигур в любой изучаемой группе. Лидеры обладали таким положением в сообществе, которое позволяло им лучше наблюдать за тем, что происходило вокруг. И так как они оказывались лучшими наблюдателями, то я понял, что смогу получить от них несравненно больше, чем от других.

Правила интервьюирования, которые я усвоил, требовали, чтобы я не вступал в спор с людьми и не обрушивал бы на них свои моральные оценки.

---

¹ *Комлев Ю. Ю.* Социологическое изучение преступности: по следам зарубежного опыта // Вестн. экономики, права и социологии. 2008. № 4. С. 98.

Когда я завоевал свое место в группировках ребят, околавившихся на уличных перекрестках Корневилля, социологическая информация просто сама шла в мои руки без всякого дополнительного усилия с моей стороны. Только иногда, когда мне нужна была какая-то особая информация от конкретного человека, я решал выйти на этого человека и провести с ним более или менее формальное интервью.

Вначале я был озадачен решением проблемы внедрения в Корневилль, но чуть позднее возникла противоположная проблема: насколько глубоко и далеко я могу позволить себе погружаться в жизнь квартала. Я понял, что люди совсем не хотят, чтобы я был «как они»; более того, они были заинтригованы и даже польщены тем, что я был совсем другим, особенно коль скоро я выражал дружеский интерес к ним.

По мере того как меня приняли ребята из нортоновской и других компаний, я старался подладиться под общую атмосферу внутри групп, чтобы стать приятным для них. И в то же самое время я не хотел оказывать на них влияния, ибо хотел изучать ситуацию в группах, как можно более «не тронутых» моим присутствием.

В ходе моего конервилльского исследования я избегал принятия на себя каких-то обязательств или лидерства внутри групп – за единственным исключением. Однажды меня назначили секретарем клуба местной итальянской общины. Моей первой реакцией было отклонить это назначение, но затем я подумал, что должность такого рода секретаря обычно воспринимается как ничего не значащая грязная работа – писать протоколы и вести внешнюю переписку. Я принял предложение и вскоре обнаружил, что теперь имею возможность составлять весьма полные описания собраний клуба под предлогом ведения простого протокола собрания¹.

Предметом повышенного социологического интереса также является анализ так называемой преступной карьеры, которая охватывает стадии развития противоправного поведения.

Модели преступной карьеры могут быть классифицированы по разным основаниям, но особый интерес вызывает классификация, основанная на длительности и интенсивности преступной деятельности. Американский криминалист В. Фокс представляет ее следующим образом:

1) совершение преступлений, начавшееся в детском или юношеском возрасте и продолжавшееся в течение всей жизни;

2) совершение преступлений, начавшееся в молодости, после 20 лет, и продолжавшееся в течение всей жизни;

---

¹ *Yaum U. Ф.* Общество на уличных перекрестках (фрагменты) // Street Corner Society / пер. с англ. Н. Е. Покровского. URL: <https://refdb.ru/look/3855999.html> (дата обращения: 21.12.2021).

- 3) совершение преступлений, начавшееся в зрелом возрасте, после 30–40 лет, и продолжавшееся в течение всей жизни;
- 4) совершение преступлений только в детстве и юности;
- 5) ситуативное совершение преступлений, имевшее место один раз на каком-либо из этапов жизненного пути¹.

Особое внимание обращают на себя рецидивисты, т. е. те, кто совершает неоднократные преступления. Большинство рецидивистов, по мнению В. Фокса, можно классифицировать исходя из свойств их личности: 1) неадекватный, зависимый рецидивист; 2) асоциальный, или субкультурный, рецидивист; 3) компульсивный рецидивист, неоднократно совершающий преступления одного и того же вида; 4) импульсивный рецидивист, который может неоднократно совершать преступления разных видов. В. Фокс в своей книге «Введение в криминологию» воспроизводит их социальные портреты.

Наиболее распространенный тип рецидивиста – это неадекватный, зависимый рецидивист. Его часто арестовывают за пьянство, нахождение в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте, бродяжничество, мелкие кражи, нарушение общественного порядка и т. д. Нет ничего удивительного, что к 50 годам эти люди имеют свыше 100 арестов и судимостей по обвинению в мелких правонарушениях. Что касается свойств личности, то эта категория рецидивистов очень неоднородна. Существует предположение, что некоторые из них, особенно бродяги и те, кто совершает мелкие кражи, болны начальной формой шизофрении; многие из них – привычные алкоголики.

Асоциальный, или субкультурный, рецидивист – это человек, занимающийся бизнесом такого рода, при котором арест является профессиональным риском. Например, они нередко попадают в тюрьмы за изготовление виски без уплаты налога. Опыт многочисленных арестов часто есть у проституток. Однако многие из тех, кто совершает преступления такого рода, редко подвергаются аресту, так как их защищает организация. Азартные игры, подпольная лотерея, продажа марихуаны и других слабодействующих, а иногда и сильнодействующих наркотиков, тайная торговля контрабандными или самогонными спиртными напитками, сводничество – вот лишь некоторые из преступлений, в которых принимают участие асоциальные рецидивисты. Их называют асоциальными или субкультурными, поскольку

---

¹ Фокс В. Введение в криминологию / под ред. и вступ. ст. Б. С. Никифорова, В. М. Когана ; пер. с англ. Л. А. Нежинской, М. А. Туманова ; ред. З. И. Луковникова. М. : Прогресс, 1985. 312 с.

они поставляют товары и услуги для своей группы, пользующиеся у нее спросом, но при этом нарушают законы общества.

Компульсивный рецидивист начинает совершать преступления в раннем возрасте и продолжает совершать их на протяжении всей своей жизни. Развитие рецидива происходит в основном так же, как и развитие хронических неврозов. Рецидив начинается с ситуации (на свободе и в тюрьме), с которой индивид не в состоянии успешно справиться (1), после честных и искренних, но безуспешных попыток решить проблему (2) он переходит от позитивных действий к регрессивному поведению, выбирая менее зрелые решения (3), и это приводит к тому, что первоначальная проблема еще больше усложняется из-за того, что субституирование (замещение) метода не привело к положительным результатам (4), в связи с чем индивид принимает первое попавшееся решение (5) и в итоге вынужден повторять его независимо от того, действенно оно или нет (6). Такой преступник обычно снова и снова совершает преступления одного и того же вида.

Импульсивный рецидивист на протяжении своей жизни способен совершать различные преступления. Он действует подобно психопату, социопату или человеку с антисоциальными личностными отклонениями. Он импульсивный, беззаботный, поступает, не считаясь ни с другими людьми, ни с обществом. Его антисоциальные и асоциальные взгляды позволяют ему совершать преступления против собственности и против личности¹.

Особое место занимает социологическое изучение молодежной преступности. При анализе преступной формы девиации важно знать, что толкает молодых людей на противоправные действия. При объяснении их причин чаще всего упоминаются мотивы корысти, агрессии, самоутверждения, влияние групповой зависимости и преступных авторитетов, психические отклонения личности. Возникает вопрос: какие из этих факторов играют наиболее весомое значение в формировании преступного поведения? Ответить на него достоверно можно, обратившись к мнению представителей молодежной среды, т. е. самих подростков, часть которых лично знакомы с лицами, склонными к нарушению закона и хулиганству, и нередко являются свидетелями противоправных действий и подготовки к ним. Их точка зрения может быть принята во внимание как достаточно авторитетная, поскольку на вопрос о том, знакомы ли им молодые люди,

---

¹ Фокс В. Введение в криминологию.

подростки, склонные к хулиганству и уголовным преступлениям, утвердительно отвечают две трети опрошенных. Так, по их мнению, основными факторами, которые формируют молодежную преступность, сегодня являются стремление к «легким деньгам» и воздействие алкоголя, других наркотических веществ. Их решающую роль упоминает фактически каждый второй опрошенный. Преобладание корыстной направленности противоправных действий подростков подтверждают данные статистики, согласно которым имущественный характер (кражи, грабежи, разбои, вымогательство) имеют более 60 % совершенных ими преступлений. Подтверждают эти данные и существенную роль в инициировании преступных действий алкоголя и наркотизации. Так, в состоянии опьянения в момент совершения преступления находились около 40 % их участников. Косвенно это подтверждается заметным увеличением числа указаний на повышенную агрессивность молодых преступников. Несомненно, что агрессивность – это результат одурманивающего воздействия алкоголя и наркотических веществ. Далее в развитии преступности оценивалась роль характера и психического состояния подростка. Негативное влияние взрослых преступников отмечал каждый десятый опрошенный. При характеристике молодежной преступности особое внимание обращалось на ее преимущественно групповой характер. Отмечалось, что особенно развита групповая преступность у 14–15-летних подростков. К 17–18 годам ее удельный вес постепенно снижается.

Причины молодежной преступности по сравнению с 1990-ми гг., несколько изменились. В условиях социально-экономической нестабильности тех лет наиболее широкое распространение в молодежной среде имела экономическая преступность. Об этом свидетельствовали и результаты социологических опросов, и данные статистики, согласно которым имущественный характер (кражи, грабежи, разбои, вымогательства и др.) имели тогда более 70 % уголовных преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Главная причина особого распространения экономических преступлений состояла в том, что когда под влиянием растущей имущественной дифференциации, роста культа денег и материального богатства в структуре жизненных ценностей молодежи произошли существенные негативные деформации. Активно функционировал механизм относительной депривации, т. е. ощущение частью молодых людей эмоционального состояния обиденности, ущемленности и собственной неполноценности в приобретении материальных благ, которые доставались другим. Под воздействием относительной

депривации у них формировалась склонность находить средства приобретения этих благ не в более активной трудовой деятельности, повышении уровня образования и квалификации, а искать более «легкие», на первый взгляд, способы их достижения, в том числе преступные.

Исследования показали, что у одного из десяти подростков сформировалась устойчивая предрасположенность к занятию подпольным бизнесом (именно такое количество респондентов считали подобный вид деятельности вполне приемлемым для себя). Схожая предрасположенность была выявлена и в их отношении к незаконным валютным операциям. Вполне естественно, что стремление включиться в незаконные экономические действия более отчетливо и интенсивно выражалось у старших возрастных групп молодежи. Доля молодых людей, способных совершить кражу, возрастала от 6 % у 13–15-летних подростков до 12 % у молодых людей 18–20-летнего возраста. Считали для себя вполне допустимой такую разновидность кражи, как вынос и продажа вещей из собственного дома, 13 % опрошенных. Причем если среди тех, кто еще не достиг 15-летнего возраста, таких было 10 %, то в группе 18–20-летних – в два раза больше.

В последнее десятилетие при уменьшении количества упоминаемых участия молодых людей в подпольном бизнесе, воровстве, рэке, «экспроприации» более обеспеченных сверстников увеличилось число случаев кражи вещей из собственного дома, а также для части подростков усилилась внутренняя приемлемость такого рода действий. Часто это вызвано тем, что молодежь в большей степени, чем прежде, вовлечена в разного рода азартные игры, что существенно обострило проблему формирования у нее игровой зависимости и ее последствий, в частности потребности в денежных средствах на игру.

Некоторые данные для характеристики причин и особенностей преступности в разных социально-демографических группах молодежи содержатся в ответах представителей этих групп. Можно, например, с большой долей достоверности предположить, что фактор самоутверждения особенно сильно сказывается в возрастной группе 15–17-летних, а также среди девушек. По мере взросления роль психических причин противоправных действий (повышенная агрессивность, отклонения в развитии личности подростка и т. п.) постепенное ослабевает, но усиливается их вполне осмысленная корыстная направленность.

Одновременно растет негативное влияние на подростковую среду преступных элементов, более старших по возрасту.

Неоднозначной является оценка в рамках категории преступности такого социального явления, как проституция. Проституция (лат. *prostitutio* (*pro* + *statuo*) – выставлять впереди, публично) – это оказание сексуальных услуг за плату, или коммерческий секс. Современные проститутки делятся на несколько групп: работницы публичных домов; девушки из баров; «девушки по вызову», которые делятся на работающих индивидуально и в «агентствах»; гостиничные проститутки; секс-эскорт (например, богатые бизнесмены появляются с представительницами данной группы на светских мероприятиях (секс-услуги в этом случае в договор не входят, но могут оказываться за дополнительную плату)); секс-туризм, т. е. туристические поездки для установления коммерческих сексуальных связей с жителями страны визита.

Мужская проституция включает гомосексуальную проституцию как оказание мужчинами платных сексуальных услуг другим мужчинам и гетеросексуальную проституцию, когда мужчина, именуемый «жиголо» или «альфонс», получает деньги за сожительство с состоятельной женщиной.

Вопрос существования коммерческого секса рассматривал Дж. Гэньон. Он выделяет несколько основных мотивов удовлетворения с его помощью сексуальных потребностей.

Так, согласно исследованию социолога, коммерческий секс упрощает и ускоряет сексуальное сближение, избавляя мужчину от необходимости ухаживать, соблюдать некоторые ритуалы. Любовная игра, даже если это просто флирт или «охота», сама по себе доставляет огромное удовольствие, но есть мужчины, которых она не интересует или которые не умеют ее вести. Для них важен только конечный результат, поэтому проститутка – идеальный выход из положения. Так, платный секс избавляет мужчину как от социальной (в случае беременности), так и эмоциональной ответственности. Нормальная сексуальная близость, даже случайная, предполагает личную, эмоциональную вовлеченность, заботу о партнере. Не все мужчины к этому готовы. Им нужен именно отчужденный, анонимный секс, свободный не только от всяких обязательств, но и от интимности. Многих людей платный секс привлекает экзотическим разнообразием, возможностью приобретения нового опыта. Часто женщины, особенно воспитанные в антисексуальном духе, не считают необходимым заботиться об эротической технике, приемах возбуждения и т. д., поэтому мужчины могут быстро потерять к ним интерес. В противоположность им проститутка все время «совершенствует» свою технику.

Сексуальные желания многих мужчин содержат нечто не вполне обычное. Признаваться в этом жене или любовнице стыдно. До тех пор, пока секс будет считаться «грязным», «плохие» женщины всегда будут для некоторых мужчин соблазнительнее «хороших», поскольку порядочность ассоциируется у них с монотонностью и скукой. Кроме того, коммерческий секс помогает преодолеть возрастной барьер и может являться особой формой общения. Это также секс вдали от дома. Недаром проституция процветает в больших городах, вблизи вокзалов и т. д. Самые частые клиенты проституток – приезжие и командированные¹.

В разных странах проституция имеет различный статус. Она может быть запрещена или легализована, но практически везде предусмотрено уголовное наказание за вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетних. В некоторых странах существует уголовное наказание за организацию проституции как бизнеса, включая содержание притонов или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией.

Основные разновидности криминализации проституции:

1) запретительная криминализация – любая деятельность, связанная с продажей и покупкой секса, запрещена и наказуема;

2) аболиционистская криминализация – продажа и покупка секса не являются преступлением. Им считается сутенерство, содержание борделей, вовлечение в проституцию, покупка секса у несовершеннолетних и т. д.;

3) криминализация клиента («шведская модель») – продажа секса легальна, но организация проституции и покупка секса незаконна и наказуема.

---

¹ *Gagnon J., Simon W. Sexual Behavior: Social Sources of Human Sexuality. Chicago : Aldine Books, 1973. 316 p.*

19. АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: КУРЕНИЕ, ИГРОМАНИЯ, СУИЦИД

Наиболее распространенными на сегодня *формами аддиктивного* (саморазрушающего) *поведения* являются курение и игромания, а также суицид.

Курение (табакокурение) – это вдыхание дыма тлеющего табака, который содержит, по разным данным, от 4000 до более 7000 химических веществ, наиболее известным из которых является аддиктивное психоактивное вещество – никотин.

По данным ВОЗ, на 7,5 млрд населения Земли приходится примерно 1 млрд курильщиков. В результате прямого воздействия табака ежегодно умирают 8 млн чел., еще 1 млн чел. – в результате воздействия вторичного табачного дыма (т. е. исходящего от курящих)¹.

Люди часто не относят табакокурение к одной из форм девиантного поведения, поскольку считают его «легкой» формой девиации, часто забывая о последствиях для здоровья, в том числе здоровья окружающих. Исследования показывают, что основной мотив первой пробы сигареты – любопытство. На него ссылается более 70 % опрошенных. Влияние остальных причин – стремление выглядеть взрослее, влияние компании, мода и т. п. – заметно слабее. Среди курящих доминирующим мотивом регулярного употребления табака, по их словам, является снятие стресса. При формировании склонности к табакокурению особую роль, что подчеркивают сами опрошенные, играет эффект групповой зависимости, т. е. факт курения большинства друзей. Курение родителей также выступает значимым фактором риска приобщения к курению подростков и молодежи. Так, в группе молодых людей, которые курят, выявлена самая высокая доля тех, кто отмечает факт курения отца и (или) матери. Среди тех, кто никогда не курил или избавился от табакозависимости, доля таких вдвое меньше.

Имеющиеся данные позволяют проследить временные рамки приобщения к табакокурению. Ответы молодых людей на вопрос о том, когда они первый раз попробовали закурить, показали, что приобщение к сигарете начинается с 10-летнего возраста и резко активизируется с 12 лет. Наибольшее число детей знакомится с си-

---

¹ Всемирная организация здравоохранения. Табак. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/tobacco> (дата обращения: 19.12.2021).

гаретой в период с 13 до 15 лет. Далеко не все из тех, кто пробовал курить, приобщились к этой привычке. Из попробовавших вкус сигареты в той или иной степени приобщается к ней примерно каждый второй.

Анализ интенсивности курения, т. е. количество выкуриваемых сигарет, например, в день, позволяет судить о степени зависимости того или иного человека от табака и вероятности того, что он бросит курить без медицинской помощи. По мнению специалистов, проявлением высокой (устойчивой) зависимости от табака считается выкуривание человеком в день примерно 20 сигарет. В ходе исследований среди молодежи таких было выявлено около 1 %. Почти 3 % молодых людей выкуривают в день больше 10 сигарет. Результаты исследований также свидетельствуют о том, что юноши табакозависимы в большей степени, чем девушки. Например, 6–10 сигарет они выкуривают в день почти в два раза чаще. Более низкую степень табачной зависимости девушек можно объяснить тем позитивным фактом, что они чаще и быстрее расстаются с сигаретой.

Рассмотрим более подробно причины привязанности к курению. Для этого обратимся к когнитивным теориям мотивации. Согласно им, поведение выступает в качестве источника информации, которая, будучи проинтерпретирована субъектом, оказывает мотивирующее воздействие на его поведение, выступают ситуационные детерминанты. Наиболее известной из этих теорий, дающей достаточно полное представление обо всем исследовательском направлении, является видение когнитивного диссонанса, предложенное Л. Фестингером. Основным постулатом данной теории является положение о том, что человек стремится к согласованности своих представлений о мире и себе самом. Несоответствие между ними (когнитивный диссонанс) является фактором, который мотивирует поведение. Его мотивирующее значение выражается в попытках человека уменьшить диссонанс и добиться консонанса (соответствия), а также в активном избегании ситуаций и информации, которые ведут к возрастанию диссонанса.

Л. Фестингер выделил следующие типы ситуаций, в которых возникает диссонанс: логическое несоответствие; несоответствие культурным образцам; несоответствие частного мнения более общему; несоответствие прошлому опыту. Способы устранения диссонанса можно свести к трем основным: 1) изменение одного или нескольких элементов в диссонансных отношениях; 2) добавление новых когнитивных элементов, которые согласуются с уже имеющимися; 3) уменьшение значимости диссонансных отношений. Выяснение

факторов, от которых зависит величина диссонанса, показало, что она определяется прежде всего значимостью данных когнитивных элементов, а не степенью их несоответствия между собой¹.

Действие когнитивного диссонанса в обыденной жизни Л. Фестингер объясняет на примере поведения курильщика: «Так, например, человек, который продолжает курить, зная, что это вредно для его здоровья, может в то же время считать: а) куренье доставляет ему такое удовольствие, что это стоит того; б) вероятность ухудшения здоровья не столь велика, как думают некоторые; в) он не может всегда избегать любых возможных опасных неожиданностей, но тем не менее продолжает жить; г) возможно, что, когда он бросит курить, он прибавит в весе, что столь же плохо для его здоровья. Следовательно, продолжение курения в конце концов согласуется с его представлениями о курении»².

Существованию табакозависимости, как и некоторых других вредных зависимостей, способствует существование целого ряда способов преодоления когнитивного диссонанса, так называемые оправдательные установки. Наиболее значимой является вера в то, что «последствия курения можно компенсировать тщательной заботой о своем здоровье». Далее (по степени важности) следуют установки: курение менее опасно для здоровья, чем чрезмерное употребление алкоголя; если курить умеренно, это не нанесет вреда здоровью; сигареты с пониженным содержанием никотина не наносят большого вреда здоровью; курение вызывает проблемы со здоровьем только в пожилом возрасте. Однако людям не всегда удается оправдать или объяснить такое несоответствие. По той или иной причине попытки добиться соответствия могут потерпеть неудачу. Тогда несоответствие продолжает существовать. При таких обстоятельствах, т. е. при наличии несоответствия, существует психологический дискомфорт³.

Развивая идеи Л. Фестингера, Э. Аронсон выделил три характеристики индивидуальных различий с точки зрения теории диссонанса: 1) люди различаются по своей способности переносить диссонанс. Некоторым из них удастся лучше переносить диссонанс, чем другим; 2) люди различаются по предпочтению различных способов уменьшения диссонанса. Одним легче умалить достоинства источника ин-

---

¹ Фестингер Л. Введение в теорию диссонанса // Современная зарубежная социальная психология : тексты. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 97–100.

² Там же. С. 98.

³ Там же.

формации, чем изменить собственное мнение, другим – наоборот; 3) то, что является диссонансом для одних, может оказаться консонансом для других¹.

Для профилактики табакозависимости важное значение имеет выявление мотива некурения и отказа от него. Оказывается, что доминирующим мотивом некурения является понимание того, что курение вредно для здоровья. Значимыми мотивами отказа от табака выступают следующие: неприятие запаха табачного дыма, принципиальное отвержение зависимости от чего-либо, стремление хорошо выглядеть, позиция «курение не модно».

Для снижения уровня курения ВОЗ предлагает осуществление комплекса мер под названием MPOWER в рамках шести следующих подходов:

1) отслеживание распространенности потребления табака, стратегий предупреждения табакокурения и их эффективности, а также оценка противодействия со стороны табачного лобби;

2) защита людей от табачного дыма, запрет на законодательном уровне курения на рабочих местах и в зонах отдыха;

3) предложение поддержки в целях прекращения употребления табака, создание эффективных служб медицинской и психологической помощи для тех, кто решил отказаться от курения;

4) предупреждение об опасностях, связанных с табаком, в том числе на упаковках табачных изделий;

5) введение запрета рекламы табака на всех видах носителей, включая скрытую рекламу, а также на спонсорство табачных изделий;

6) повышение налоговых ставок на сигареты и другие табачные изделия².

На личном уровне эта антитабачная политика выражается в отказе от курения в собственном доме, на рабочем месте, в присутствии детей; моральной и информационной поддержке близких, принявших решение бросить курить, финансовой помощи при необходимости лечения; разъяснениях, беседах с детьми, подростками, друзьями и близкими, в которых затрагиваются проблемы, возникающие из-за курения; отказе от посещения мероприятий, спонсируемых табачными брендами или связанными с ними компаниями; снижении суммы

---

¹ Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология : тексты. С. 125.

² Всемирная организация здравоохранения. Табак.

семейного и личного бюджета, выделяемой на приобретение табачных изделий; отказе от потребления контрабандного табака и т. п.

Игромания, игровая зависимость, или лудомания (лат. *ludo* – играю + др.-греч. *μανία* – страсть, безумие, влечение), – это, согласно Международному классификатору болезней (МКБ-10), патологическое влечение к азартным играм, заключающееся в частых повторных эпизодах азартной игры, которые доминируют в жизни пациента в ущерб социальным, профессиональным, материальным и семейным ценностям и обязательствам.

Согласно диагностическому и статистическому руководству по психическим расстройствам, разработанному Американской психиатрической ассоциацией, диагноз патологической игровой зависимости следует ставить при наличии пяти и более пунктов из раздела А и одного пункта раздела Б.

Раздел А:

- поглощен игрой, например постоянно возвращается в мыслях к прошлому опыту игр, намеренно отказывается от игры или, наоборот, предвкушает и готовится к реализации очередной возможности сыграть или обдумывает способ достать денежные средства для этого;

- продолжает игру при все возрастающем подъеме ставок, чтобы достичь желаемой остроты ощущений;

- предпринимает неоднократные, но безуспешные попытки контролировать свое пристрастие к игре, играть меньше или совсем прекратить;

- проявляет беспокойство и раздражительность при попытке играть меньше или совсем отказаться от игры;

- играет, чтобы уйти от проблем или снять дисфорию (т. е. болезненно пониженное настроение (антоним эйфории), характеризующееся мрачной раздражительностью, неприязнью к окружающим), в частности чувство беспомощности, вины, тревогу, депрессию;

- возвращается к игре на следующий день после проигрыша, чтобы отыграться (мысль о проигрыше не дает покоя);

- лжет семье, врачу и другим людям, чтобы скрыть степень вовлеченность в игру;

- совершает уголовные преступления (например, подлог, мошенничество, кража, присвоение чужого имущества) с целью обеспечения средств для участия в игре;

- ставит под угрозу и даже готов полностью порвать отношения с близкими людьми, бросить работу или учебу, отказаться от перспективы карьерного роста;

• в ситуации отсутствия денег из-за игры перекладывает решение проблем на других людей.

Раздел Б: игровое поведение не связано с маниакальным эпизодом.

Стадии формирования игровой зависимости:

1) подготовительная стадия (формирование черт восприимчивости к игровому «вирусу», таких как низкая самооценка, нетерпимость к отказам и неодобрению, импульсивность, высокий уровень тревожности и др.);

2) стадия выигрыша (происходит постепенное вовлечение в процесс игры с ощущением веры в успех, который подкрепляется частыми выигрышами);

3) стадия проигрышей (происходит полное погружение в игру, человек начинает постоянно врать, наблюдается изменение личности с нарастанием все большей раздражительности, утомляемости, необщительности);

4) стадия разочарования – отчаяния (накрывает чувство безысходности, происходят эмоциональные срывы, появляются суицидальные мысли и попытки, часто наблюдается уход в себя, злоупотребление алкоголем)¹.

5) стадия безнадежности – игроки теряют надежду на выигрыш, однако продолжают играть ради самой игры².

Другой вариант последовательности фаз так называемого игрового цикла можно представить следующим образом:

1) воздержание – воздержание от игры из-за отсутствия денег, давления микросоциального окружения, подавленности, вызванной очередной игровой неудачей;

2) «автоматические фантазии» – учащение спонтанных фантазий об игре. Игроман проигрывает в своем воображении состояние азарта и предвкушение выигрыша, вытесняет эпизоды проигрышей. Фантазии возникают спонтанно или под влиянием косвенных стимулов;

3) нарастание эмоционального напряжения – в зависимости от индивидуальных особенностей возникает тоскливо-подавленное на-

---

¹ Custer R. L., Graig R. I., Baker S. L. Gambling and addiction. Springfield, 1982.

² Rosenthal R. J. Masochism and Pathological Gambling. March 2015 Psychodynamic Psychiatry 43(1):1-25]. URL: https://www.researchgate.net/publication/273152885_Masochism_and_Pathological_Gambling (date of access: 20.12.2021).

строение или отмечаются раздражительность, тревога. Иногда это настроение сопровождается усилением фантазий об игре. В ряде случаев оно воспринимается пациентом как бессодержательное и даже направленное в сторону от игры и замещается повышением сексуального влечения, интеллектуальными нагрузками;

4) принятие решения играть – решение приходит двумя путями. Первый из них состоит в том, что пациент под влиянием фантазий в «телеграфном стиле» планирует способ реализации своего желания. Это «очень вероятный для выигрыша», по мнению игромана, вариант игрового поведения. Характерен для перехода первой стадии заболевания во вторую. Другой вариант – решение играть приходит сразу после игрового эпизода. В его основе лежит иррациональное убеждение в необходимости отыгаться. Этот механизм характерен для второй и третьей стадий заболевания;

5) вытеснение принятого решения – интенсивность осознаваемого больным желания играть уменьшается, и возникает «иллюзия контроля» над своим поведением. В это время может улучшиться экономический и социальный статус игрока. Сочетание этих условий приводит к тому, что пациент без осознаваемого риска идет навстречу обстоятельствам, провоцирующим игровой срыв (большая сумма денег на руках, прием алкоголя, попытка сыграть для отдыха и т. д.).

6) реализация принятого решения – характеризуется выраженным эмоциональным возбуждением и интенсивными фантазиями о предстоящей игре. Часто игроманы описывают это состояние как «транс», «становишься как зомби». Несмотря на то, что в сознании пациента еще возникают конструктивные возражения, они тут же отменяются иррациональным мышлением. У игрока доминируют ложные представления о возможности контролировать себя. Игра не прекращается, пока не проигрываются все деньги. Затем начинается фаза воздержания и запускается новый цикл.

Особое внимание следует обратить на так называемые ошибки мышления, которые формируют иррациональные установки игроманов. Эти ошибки подразделяются на стратегические, которые обуславливают общее положительное отношение к своей игровой зависимости, и тактические, запускающие и поддерживающие механизм «игрового транс».

К стратегическим ошибкам мышления относятся следующие внутренние убеждения:

- «деньги решают все», в том числе эмоциональные проблемы и проблемы отношений с людьми;

- неуверенность в настоящем и ожидание успеха вследствие выигрыша, представление о возможности уничтожить жизненные неудачи успешной игрой;

- замещение мыслей о контроле над собственными будущими фантазиями о выигрыше.

К тактическим ошибкам мышления относятся:

- вера в выигрышный – «фартовый» – день;
- установка на то, что обязательно должен наступить переломный момент в игре;
- представление о том, что можно вернуть долги только с помощью игры, т. е. отыграть;
- эмоциональная связь только с последним игровым эпизодом при обещании себе никогда не играть;
- убеждение в том, что удастся играть только на часть денег;
- восприятие денег во время игры как фишек или цифр на дисплее;
- представление о ставках как о сделках¹.

Для игроманов характерно злоупотребление алкоголем и потребление наркотиков, более частые случаи разводов и смены рабочего места. Патологической игровой зависимостью чаще страдают мужчины. Третью часть игроманов составляют женщины, у которых эта зависимость развивается быстрее и принимает более тяжелые формы. В отличие от мужчин они подпадают под эту зависимость в более зрелом возрасте и чаще всего из-за личных проблем, от которых пытаются спастись в игре.

Широкое распространение компьютеров вызвало на рубеже XX–XXI вв. вспышку нового вида игровой зависимости – компьютерную зависимость как «неспособность людей контролировать свое использование интернета, приводящая к выраженным страданиям и (или) функциональным нарушениям в повседневной жизни»².

В декабре 2021 г. ВОЗ внесла компьютерную игроманию (увлечение компьютерными и видеоиграми) в Международный классификатор болезней одиннадцатого пересмотра и официально признала ее болезнью. Для ее диагностирования у человека в течение года должны наблюдаться психические признаки игрового расстройства, которое начинает доминировать над другими интересами и негативно

---

¹ *Зайцев В. В., Шайдулина А. Ф.* Как избавиться от пристрастия к азартным играм. СПб. : Нева, 2003. 128 с.

² *Пайс Р.* Следует ли в DSV-V определять «интернет-зависимость» как психическое расстройство? *Psychiatry.* 6 (2): 31–37. С. 47. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2719452/> (дата обращения: 21.12.2021).

влияет на семейные, социальные, образовательные, профессиональные и другие области его жизни.

Американская психиатрическая ассоциация разработала девять критериев для диагностики зависимости от компьютерных игр:

1) пациент много думает об игре, даже если занимается другими делами, и планирует, когда сможет поиграть;

2) возникает чувство беспокойства, раздражительности, злости или грусти при попытке сократить время игры или в ситуациях, когда нет возможности поиграть;

3) появляется желание играть больше времени и использовать для этого более мощный компьютер;

4) пациент понимает, что должен сократить время игры, но не может себя контролировать;

5) наблюдается отказ от других развлечений (хобби, встречи с друзьями) в пользу компьютерных игр;

6) пациент продолжает играть, даже если осознает негативные последствия своей зависимости: плохой сон, опоздание в школу или на работу, слишком большие денежные траты, конфликты с близкими и пренебрежение важными обязанностями;

7) пациент лжет родственникам, друзьям и другим людям о количестве времени, проведенном в игре;

8) игра используется для ухода от решения текущих проблем и эмоциональных состояний;

9) из-за игры есть риск потерять работу, разорвать отношения с близкими или утратить другие возможности.

Предложенный список критикуется некоторыми исследователями. Существуют различные мнения о минимальном количестве из представленных критериев, которые необходимы для диагностики. Разработан ряд других систематизированных критериев диагностики компьютерной зависимости.

Распространение разных видов игровой зависимости среди белорусской молодежи, согласно данным социологических исследований, носит следующий характер. Во-первых, из всех видов такой зависимости с большим отрывом доминирует зависимость от компьютерных игр. Достаточно сказать, что каждый третий молодой человек играет в них практически ежедневно и делает это обычно на домашнем компьютере. Вклад компьютерных клубов в распространение такого рода зависимости при нынешней степени компьютеризации населения является куда менее существенным. Во-вторых, примерно до 5 % молодых людей активно вовлечены в карточные и другие азартные

игры на деньги (1 % играет ежедневно). В-третьих, примерно 2,5 % являются азартными лотерейными игроками, само собой разумеется, играют на деньги (не реже одного раза в неделю). В-четвертых, примерно 1 % являются фанатами игровых автоматов (играют не реже одного раза в неделю). В-пятых, 0,5 % молодых людей, т. е. пять из 1 тыс. чел., являются постоянными посетителями казино. В целом можно говорить о наличии серьезной игровой зависимости примерно у 30 из 1 тыс. молодых людей.

Степень распространения игровой зависимости среди взрослого населения заметно меньше, чем среди молодежи. Выделяются только две группы игроманов: 1) постоянные посетители казино (0,5–0,6 %); 2) любители лотерей, играющие в них практически каждую неделю (2,5 %).

В отношении к азартным играм на деньги сложились следующие оправдательные установки: «сыграю только один раз»; «кому-то повезло, может, повезет и мне»; «наверняка отыграюсь» и др. Степень осведомленности об опасности и последствиях игровой зависимости заметно ниже, чем в ситуации с алкоголем, наркотиками и табакокурением. Очевидно, что распространению игрозависимости способствует эффект группового влияния. Примерно каждый второй игроман находится в обществе таких же игроманов, как и он сам.

Что касается причин формирования разных форм игровой зависимости, то очевидно следующее: во-первых, они носят преимущественно индивидуальный, психический в своей основе, характер; во-вторых, являются универсальными, а не специфическими для жителей какого-либо одного региона, страны. Статистика свидетельствует, что игроманией (лудоманией), или неконтролируемой тягой к азартным играм, сегодня страдает 1–1,5 % населения экономически развитых стран.

Среди причин возникновения игромании чаще упоминают следующие: неудовлетворенность жизнью, обращение к игре как способу ухода от реальных жизненных проблем; дефицит общения, взамен которого у игрока складываются особые отношения с игровым автоматом; наконец, призрачную надежду посредством игры быстро решить свои материальные проблемы. Одновременно нельзя сбрасывать со счета негативное влияние окружающей среды, прежде всего наличие игровой инфраструктуры (казино, игровых автоматов, лотерей, букмекерских контор и т. п.)¹.

---

¹ Рубанов А. В. Девиантное поведение: проблемы и противодействие.

Можно административными методами замедлить темпы развития игровой инфраструктуры или ограничить доступ к отдельным видам игр определенной возрастной границей. Однако, как показывает опыт, такой запретительный подход не дает принципиального решения. Большинство специалистов считают, что поскольку основные причины возникновения игровой зависимости психологические, то и основными методами ее лечения должны быть психотерапевтические и, частично, медикаментозные. В свою очередь, это предполагает предварительное выявление лиц с игровой зависимостью, в том числе посредством создания условий для их добровольного обращения за помощью (по типу групп «анонимных алкоголиков»). Параллельно нужно создавать систему работы с семьями игроков.

Выделяют следующие стадии выздоровления от игровой зависимости:

- 1) кризис – выражены абстинентные проявления, отмечается их постепенная редукция, нормализация сна и физиологических функций;
- 2) восстановление – возобновляются отношения со значимыми людьми, восстанавливаются социальные функции, решаются накопленные проблемы, появляются адекватные эмоциональные реакции;
- 3) рост – отмечается устойчивое снижение интереса к игре, появляется реалистическая оценка ситуации, поведение направлено к достижению обновленных социальных целей¹.

Суицидальное поведение (англ. – *suicidal behaviour*), по определению ВОЗ, относится к типам поведения, включающим мысли о суициде, планирование самоубийства, суицидальные попытки и сам суицид².

Ежегодно в мире самоубийства совершают около 1 млн человек. Мужчины совершают самоубийства в 3–3,5 раза чаще, чем женщины. В странах с высоким уровнем доходов соотношение мужских и женских самоубийств составляет примерно 3,0 : 1,0, в странах со средним и низким уровнем жизни – 1,5 : 1,0. Как среди мужчин, так и среди женщин почти во всех регионах мира чаще всего самоубийства встречаются среди лиц в возрасте от 70 лет и старше³.

---

¹ Custer R. L. Profile of the pathological gambler // Y. Clinical Psychiatry. 1984. Vol. 45. P. 35–38.

² Предотвращение самоубийств: глобальный императив : пер. с англ. Geneva : World health organization, 2014. URL: https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_suicide_report_russian.pdf (дата обращения: 21.12.2021).

³ Там же.

Последователи Э. Дюркгейма, первым выделившего причины и виды самоубийств, расширили его классификацию. Так, М. Хальб-вакс рассматривал три вида самоубийств: искупительные (самообвинение), проклинающие (протестные) и дезиллюзионные (разочарование, неудовлетворенность своим положением). Т. Хилл различал самоубийства импульсивные, апатичные, самоуничижительные и гедонистические, когда по итогам «подведения жизненного баланса» боль превышает удовольствия. Е. Шнайдеман выделял самопорищающую депрессию, фрустрацию, ненависть (гнев), стыд, разрыв родственных и товарищеских связей. Среди других причин суицида упоминают ощущение бессмысленности жизни и отсутствия перспектив, утрату близких людей, чувство ненужности и одиночества, старость, наследственную склонность к суициду, психические расстройства, чрезмерное употребление алкоголя и наркотиков и др.

На основе суммирования данных, полученных различными исследователями, составлен обобщенный психологический портрет суицидента.

Для такого человека характерны как заниженная самооценка, так и высокая потребность в самореализации. Это сензитивный, эмпатичный человек со сниженной способностью переносить боль. Его отличают высокая тревожность и пессимизм, тенденция к самообвинению и склонность к суженному – дихотомическому – мышлению (по принципу: или белое, или черное). Также отмечаются трудности волевого усилия и тенденция ухода от решения проблем.

Внешние и внутренние условия облегчают возникновение суицидального поведения, но не предопределяют его. Действительными причинами, «запускающими» суицид, являются внутренние мотивы.

Нередко суицидальная мотивация имеет форму эмоционального отклика на кризисную ситуацию. Типичными обрушивающимися на личность событиями являются утрата близкого человека, развод или разлука. Потеря работы или здоровья, угроза уголовного наказания или разоблачения также способствуют возникновению суицидального поведения. Иногда подобные реакции следуют за крупными успехами – продвижением по службе, резко возросшей ответственностью, достижением заветной цели.

Нередко подчеркивается тесная связь между суицидом и любовным влечением. Смерть в этом случае может иметь особый смысл для любящего человека – возможность воссоединиться с любимым после смерти или обрести любовь, на которую он тщетно надеялся при жизни. При страстной влюбленности суицидальное поведение

является попыткой восстановить утраченный над собой контроль, снять невыносимое напряжение.

В различных ситуациях могут действовать разные мотивы суицидального поведения: протест, месть, призыв (внимания, помощи), избегание (наказания, страдания), самонаказание, отказ (от существования).

В динамике самоубийства выявляются четыре основных *переживания*, фиксация на которых создает внутренний фон устойчивого аутодеструктивного поведения:

- 1) изоляция (чувство, что тебя никто не понимает, тобой никто не интересуется);
- 2) беспомощность (ощущение, что ты не можешь контролировать жизнь, все не зависит от тебя);
- 3) безнадежность (будущее не предвещает ничего хорошего);
- 4) чувство собственной малозначимости (уязвленное чувство собственного достоинства, низкая самооценка, переживание некомпетентности, стыд за себя)¹.

Стратегии действий (вмешательств), направленные на предупреждение самоубийств:

1) универсальные (*universal*) – ставят целью охватить все население мерами, направленными на улучшение здоровья и сведение к минимуму риска самоубийства путем устранения препятствий к получению помощи, облегчения доступа к поддержке, укрепления защитных процессов, таких как социальная поддержка, и улучшения средовых условий;

2) селективные (*selective*) – обращены к уязвимым группам населения, идентифицируемым на основе таких характеристик, как возраст, пол, род занятий или семейный анамнез, т. е. сведения о состоянии здоровья. Люди, на текущий момент не проявляющие суицидальных наклонностей, могут быть подвержены повышенному риску в биологическом, психологическом или социально-экономическом отношении;

3) индивидуально показанные профилактические (*indicated*) – обращены к отдельным уязвимым индивидам, например, проявляющим ранние признаки суицидального потенциала или совершившим попытку самоубийства².

---

¹ Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2010.

² Предотвращение самоубийств: глобальный императив.

20. АЛКОГОЛИЗМ И НАРКОМАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Алкоголизм (лат. *alcoholismus*) – хроническое заболевание, которое характеризуется сильной зависимостью от алкоголя, т. е. напитков, содержащих этиловый спирт, и проявляется в многократном их употреблении.

Алкоголизм выражается прежде всего в росте доз спиртного, которые требуются для достижения удовлетворения, потере контроля над количеством выпиваемых спиртных напитков, алкогольном абстинентном синдроме, возникающем после длительного употребления спиртного и проявляющемся в вегетативных, неврологических и психических расстройствах, токсическом поражении органов тела.

На протяжении XX–XXI вв. наблюдается устойчивая тенденция увеличения числа больных алкоголизмом. По данным ВОЗ, потребление алкоголя является причиной 3 млн смертей ежегодно. Алкоголь является основным фактором риска преждевременной смертности и инвалидности среди людей в возрасте от 15 до 49 лет, составляя 10 % от всех смертей в этой возрастной группе¹.

Среди нашего населения ситуация усугубляется также моделью потребления алкоголя, в которой преобладают крепкие спиртные напитки; привычкой разового потребления больших доз алкоголя; многообразием питейных традиций и обычаев.

Люди, употребляющие алкоголь, дифференцируются следующим образом:

- умеренно потребляющие алкоголь;
- с начальными признаками алкоголизма, который проявляется в утрате контроля ситуации и дозы, в отдельных случаях – запоев;
- с выраженными признаками алкоголизма, т. е. регулярными запоями, поражением внутренних органов, психическими нарушениями.

На разных стадиях развития алкогольной зависимости часто происходит ее недооценка или самоотрицание больным. Это явление принято называть алкогольной анозогнозией.

Данные социологических исследований в молодежной среде дают основания говорить о том, что с разной степенью частоты слабоал-

---

¹ Global status report on alcohol and health 2018. World Health Organization 2018 [Electronic resource]. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/2744603/9789241565639-eng.pdf?ua=1> (date of access: 18.12.2021).

когольные напитки, среди которых на первом месте находится пиво, употребляет примерно 85–87 % молодых людей, крепкое спиртное – 20–22 %. Регулярно (раз в неделю и чаще) употребляют крепкие спиртные напитки 2,3 % молодых людей в возрасте до 15 лет и 12 % молодых людей в возрасте 18–20 лет. Возрастная группа 15–17-летних юношей и девушек занимает в сравнении с ними среднюю позицию.

Выделяют внутриличностные причины и социальные факторы приобщения к спиртному и наркотикам.

Внутриличностные причины приобщения к спиртному – это (по мере некоторого убывания значимости) отсутствие в жизни цели и серьезных интересов, желание получить удовольствие, поднять настроение, стремление снять стресс, усталость, избавиться от одиночества и скуки. По мере взросления человека действенным фактором употребления спиртных напитков часто становится привычка.

Первостепенную роль в приобщении к спиртному играет отсутствие осмысленной жизненной цели. В связи с этим В. Франкл говорил о таком широко распространенном в наши дни явлении, как экзистенциальный вакуум. Явным проявлением этого вакуума он называл «воскресные неврозы» как такой вид депрессии, «которая охватывает многих при сознании недостатка содержания в своей жизни, когда обрывается натиск недельных занятий и становится очевидна пустота своего существования. Немало случаев самоубийства можно было бы объяснить экзистенциальным вакуумом. Такие широко распространенные явления, как алкоголизм и юношеская преступность, будут непонятны до тех пор, пока мы не обнаружим экзистенциальный вакуум, лежащий в их основе»¹.

Следует отметить также ослабление выражения негативного отношения (иммунитета) части подростков и молодежи к употреблению спиртных напитков. Согласно результатам социологических опросов, это выражается в том, что при ответах на вопрос, как они относятся к своим друзьям, которые употребляют алкоголь, получено больше ответов «отношусь нейтрально» и меньше ответов – «внутренне осуждаю» или «пытаюсь убедить не делать этого». Данная тенденция характерна прежде всего для юношей.

Негативную роль играют личностные установки, оправдывающие употребление спиртного. В основе этих установок лежит стремление

---

¹ Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия. Психология личности : тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 118–126. URL: <http://www.bibliotekar.ru/2-8-42-kriminologiya/54.htm> (дата обращения: 28.12.2021).

преодолеть или хотя бы ослабить когнитивный диссонанс, возникающий в связи с пониманием, пусть порой и недостаточно осознанным, негативных последствий употребления алкоголя.

Наиболее распространенными оправдательными установками в порядке убывания значимости являются следующие: «почти все взрослые употребляют алкоголь – значит, ничего страшного в этом нет»; «алкоголизм развивается через много лет после того, как человек начнет пить»; «употребление слабоалкогольных напитков не может привести к алкоголизму»; «умеренное употребление спиртных напитков способствует формированию антиалкогольного иммунитета»; «физически крепкий человек защищен от действия спиртного» и др.

Главным социальным фактором приобщения к употреблению спиртных напитков состоит в первую очередь в негативном влиянии так называемых дружеских компаний, особенно когда в их состав входят старшие сверстники. Такие компании — это главным образом дворовые и уличные сообщества молодых людей, объединенных прежде всего совместным, как правило, бесцельным, проведением свободного времени. По данным исследований, в них вовлечено примерно 30 % подростков и молодых людей. В 80 % таких компаний с той или иной степенью регулярности происходит распитие легких спиртных напитков, в 60 % – крепких напитков, еще примерно в 20 % компаний употребляются наркотики.

Другим микросоциальным фактором, активно способствующим приобщению к употреблению спиртных напитков, является влияние так называемого семейного стола, который чаще всего накрывается родителями и другими родственниками по поводу разного рода праздников, а на определенной стадии вовлечения в алкогольную зависимость – и независимо от них. Следует упомянуть и попустительское отношение родителей, которые, например, не высказывают своего неодобрения, когда их дети приходят домой в нетрезвом виде, и т. п. Толерантное отношение части родителей значимо коррелирует с началом употребления алкоголя в детском возрасте и со склонностью к дальнейшему злоупотреблению им.

Наркомания (от др.-греч. *νάρκη* – оцепенение, сон и *μανία* – безумие, страсть, влечение) – это патологическое влечение к употреблению наркотических веществ, которое сопровождается психическими, а иногда и соматическими (телесными) расстройствами. Список средств, способных вызвать наркотическую зависимость, является обширным и увеличивается по мере синтеза новых веществ. Еди-

ная конвенция ООН о наркотических средствах (1961 г.) определяет термин «наркотическое средство» буквальным перечислением соответствующих естественных и синтетических веществ¹.

Наркотики подразделяют на легкие (марихуана, спайс, насвай и др.) и тяжелые (героин, метадон, кокаин и т. п.). Считается, что легкие наркотики оказывают меньшее негативное воздействие на здоровье, а формирование зависимости от них происходит более медленно.

По данным Всемирного доклада о наркотиках (2021 г.), в 2020 г. наркотики употребляли 269 млн чел., страдают расстройствами, связанными с употреблением запрещенных наркотиков, 35 млн чел., с ними ежегодно связано 0,5 млн смертей².

В ситуации употребления наркотиков сложно назвать точные цифры тех, кто попал в определенную степень зависимости от них. Прежде всего это связано с тем, что такие люди не всегда идут на контакт, в том числе в ходе социологических исследований. Тем не менее исследования показывают, что на данный момент среди белорусской молодежи регулярно употребляют наркотики как минимум 3–4 % молодых людей, эпизодически – 15–17 %. Психологически зависимым от наркотиков становится, по статистике, 1 человек из 3–4 их попробовавших. На трех юношей приходится одна девушка.

Непосредственное влияние ближайшей социальной микросреды в данном случае слабее, чем в ситуации с формированием зависимости от алкоголя, хотя употребление наркотиков часто начинается и продолжается «за компанию». Также заслуживает повышенного внимания проблема употребления легких наркотиков. Анализ состава наркотических веществ, которые потребляют подростки, позволяет говорить о том, что соотношение употребления легких и тяжелых наркотиков составляет 1,5 : 13,5. Иными словами, доля употребления легких наркотиков заметно больше, чем тяжелых, примерно в 11 раз. На первый взгляд может показаться, что это в некоторой мере смягчает ситуацию. Но уже известен тот факт, что пристрастие к курению,

---

¹ Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. URL: http://market-mg.narod.ru/doc/konvenciya_1961.pdf.

² Всемирный доклад о наркотиках 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wdr2021.html> (дата обращения: 08.12.2021).

например, марихуаны является предпосылкой к употреблению тяжелых (инъекционных) наркотиков, а однократная проба тяжелого наркотика приводит к наркотической зависимости.

Проявление интереса к наркотикам и формирование наркотической зависимости имеют определенное основание. Главная причина первой пробы наркотиков – это любопытство, которое связано прежде всего с интересом к нового рода ощущениям, вызываемым наркотическим опьянением. Сказывается также отсутствие жизненно важных целей и интересов, незаполненность свободного времени.

Существуют в том числе ложные установки, «оправдывающие» употребление наркотиков (по степени некоторого снижения значимости): «употребление некоторых наркотиков повышает творческие способности человека»; «невозможно стать наркоманом, если ты всего лишь раз попробовал наркотик»; «наркомания развивается только при употреблении тяжелых наркотиков»; «прием наркотиков помогает человеку справиться со стрессом»; «человек легко может контролировать количество наркотиков, которые он потребляет» и др.

Вместе с наркоманией распространяется токсикомания. Токсикоманы используют вещества, обладающие определенным одурманивающим или галлюциногенным действием, но официально не причисленные к наркотикам, а следовательно, не запрещенные к свободной продаже. Существенную, часто решающую, роль в их приобретении играет фактор цены. Так, оценивая распространение различных видов девиантного поведения в молодежной среде, наркоманию назвали 60 % ее представителей, токсикоманию – 52 %.

Для предостережения наркозависимости молодежь от чрезмерного пристрастия к спиртному разумно ссылаться на все их негативные последствия. Исследования показали, что особенно эффективными являются такие эмоционально окрашенные аргументы, как вред для здоровья, потеря в состоянии алкогольного опьянения или наркотического одурманивании самоконтроля, чрезмерная агрессивность, внешний вид не контролирующего свое поведение человека. Нецелесообразно отказываться от использования другой схожей информации, например, беспокойство и моральные страдания близких людей, аварии с участием на транспорте из-за вождения в состоянии алкогольного опьянения и т. п.

Опросы на тему отношения к наркомании родителей, особенно к первой наркотической пробе их детей, дают основания говорить о том, что в большинстве случаев родители ее не замечают. В этой ситуации необходимо, во-первых, обучать родителей знанию и выяв-

лению основных признаков наркотического опьянения. Во-вторых, учить их грамотному поведению в ситуации формирования у подростка наркотической зависимости, и в частности, тому, что позитивную роль в такой ситуации играют не прямые разовые запреты, а семейные нормы и ценности, действующие постоянно и выражающиеся в нетерпимом отношении к употреблению алкоголя, наркотиков и табака.

Анализируя данные социологических исследований, можно сделать следующие выводы:

1) с увеличением возраста увеличивается и степень распространения основных вредных привычек (табакокурение, пьянство, наркомания);

2) уровень употребления слабых алкогольных напитков, равный примерно 55 %, фиксируется уже у школьников средних классов в возрасте до 15 лет;

3) первая проба наркотиков также чаще происходит в среднем школьном возрасте;

4) рост примерно в 20 % по курению, употреблению слабоалкогольных и крепких алкогольных напитков происходит при переходе в возрастную группу 15–17-летних;

5) максимум потребления пива также приходится на 15–17 лет.

В отличие от курения, где почти каждый второй, попробовавший сигарету, вскоре от нее отказывается, в случае с алкоголем первая проба является фактором, который в большинстве случаев ведет к дальнейшему приобщению. Ответы на вопрос о том, в каком возрасте произошла первая проба спиртного, позволяют выделить в качестве своеобразного порога 7, 10 и 12 лет, а также наиболее активный период приобщения к спиртному – 14–17 лет.

Говоря о вредных привычках, надо иметь в виду и то, что крайне редко имеют место случаи пристрастия только к одной из них. Чаще встречаются ситуации сочетания, совместного присутствия нескольких вредных привычек. Так, среди употребляющих наркотики: 75,9 % курят, 93,4 % пьют пиво, джин-тоник и т. п., 77,8 % пьют водку, крепленые вина. Среди табакокурящих: 93,6 % пьют пиво, джин-тоник и т. п., 71,3 % пьют водку, крепленые вина, 24,1 % употребляют наркотики. Среди употребляющих крепкие спиртные напитки: 65,8 % курят, 59,8 % пьют пиво, джин-тоник и т. п., 22,8 % употребляют наркотики. Среди употребляющих слабоалкогольные напитки: 52,6 % курят, 59,8 % пьют водку, крепленые вина, 16,9 % употребляют наркотики.

Таким образом, каждая вредная привычка обычно влечет за собой комплекс других пагубных пристрастий. По степени пристрастия к разным вредным привычкам можно сформировать определенную классификацию привычек и определить, какая из них приводит к большей интенсивности проявления других. По этому показателю выделяются две «доминанты». Первая из них – это употребление наркотиков, которому в 93,4 % случаев сопутствует употребление слабоалкогольных напитков; 77,8 % – употребление крепких алкогольных напитков; 75,9 % – курение. Вторая «доминанта» – курение, которое сочетается в 93,6 % случаев с употреблением слабоалкогольных напитков; в 71,3 % – крепких алкогольных напитков и 24,1 % – с употреблением наркотических веществ. Иными словами, роль привычки к сигарете в приобщении к спиртному и наркотикам часто недооценивается. Далее в этом своеобразном рейтинге привычек следует потребление крепких спиртных напитков. Наконец, привычка, которая имеет наименьшее число сопутствующих вредных пристрастий – это употребление слабоалкогольных спиртных напитков.

Таким образом, выделяют группы молодежи для проведения сравнительного поведенческого анализа и выявления характеристик, соответствующих каждой из них: 1) молодежь, не склонная к вредным привычкам; 2) молодежь, не курящая и употребляющая только слабоалкогольные напитки; 3) молодежь, курящая и выпивающая крепкие напитки; 4) молодежь курящая, выпивающая крепкие напитки и употребляющая наркотики.

Поскольку возраст является одним из факторов, влияющих на степень привлечения молодежи к той или иной пагубной привычке, рассмотрим, как эти четыре группы молодежи распределились в трех возрастных группах: до 15 лет, 15–17 лет, 18–20 лет. Первое, на что следует обратить внимание при анализе: представители каждой из четырех выделенных групп присутствуют во всех трех возрастных когортах, но соотношение групп внутри каждой возрастной когорты весьма существенно различается. Так, для среднего школьного возраста (до 15 лет) характерно доминирование первой группы, т. е. ребят, не злоупотребляющих вредными привычками. Вторая группа (не курят, но пьют пиво и другие слабоалкогольные напитки) практически равномерно представлена в каждой возрастной когорте. Третья группа (курение и употребление крепкого алкоголя) в большей степени представлена возрастом от 15 лет и старше, хотя фиксируется и у учеников средних классов. Четвертая группа, отягощенная употреблением наркотических веществ, больше характерна для воз-

раста 18–20 лет, но имеет своих представителей в каждой возрастной когорте.

Изучая характеристики, которые дают подростки членам своих компаний, можно наблюдать, что агрессивное и социально опасное поведение усугубляется по мере перехода из первых групп к последующим. Общеизвестно, что молодые люди, употребляющие крепкий алкоголь и наркотические вещества, ведут себя в большей степени социально опасно. Обращает на себя внимание поведение членов компаний, состоящих из представителей первой и второй групп. Для них ни по одному из проявлений антиобщественного группового поведения не фиксируется нулевой показатель. Можно предположить, что дает о себе знать влияние негативного примера.

Важен для анализа и вопрос: что в большей мере связывает подростка с каждой из компаний? В каждой компании выделяется свой приоритет в определении ценности друзей:

- для подростков без вредных привычек компания – это в большей мере общие взгляды на жизнь;
- для подростков не курящих, но употребляющих слабоалкогольные напитки, – это в большей мере привычка быть вместе;
- для подростков, курящих и употребляющих крепкий алкоголь, а также наркотические вещества, – это в большей мере свобода общения, отсутствие норм и правил, принятых у взрослых.

Есть еще одно основание, которое привлекает к группе и способствует укреплению групповой солидарности, – это чувство защищенности, которое она дает подростку. Установлено, что по мере усугубления пристрастий к вредным привычкам роль компании как определенного защитного элемента усиливается.

Изучая социальное окружение, нельзя обойти вниманием семью. Оказалось, что состав семьи и ее доход не являются основными факторами, порождающими девиации в поведении подростка. Изучалось, как на подростков влияют жизненные проблемы, с которыми сталкиваются их ближайшие родственники. В список заданных в анкете проблемных ситуаций вошли следующие: был жертвой насилия; не работает и не учится; злоупотребляет алкоголем; употребляет наркотики; привлекался к уголовной ответственности; отбывал наказание в местах лишения свободы.

Результаты исследования позволяют сделать два основных вывода. Во-первых, наибольший груз тяжелых жизненных проблем приходится на долю глав семейств (отцов или отчимов), далее следуют братья (сестры) и в наименьшей степени ими отягощены матери

(мачехи). Во-вторых, наибольший груз жизненных проблем ближайших родственников фиксируется у четвертой, самой проблемной, группы подростков. В наилучшей ситуации оказалась первая группа. Иными словами, можно утверждать, что жизненная неустроенность и девиации родителей и ближайших родственников влекут за собой формирование разных, в том числе наиболее тяжелых, форм отклоняющегося поведения у их детей, младших братьев и сестер¹.

В 2010 г. на Всемирной ассамблее здравоохранения была принята Глобальная стратегия по снижению злоупотребления алкоголем. Среди мер, рекомендуемых в докладе, были следующие: ограничение рекламы спиртных напитков; регулирование числа и местоположения точек торговли алкогольными напитками с употреблением напитков по месту продажи или за его пределами, а также дней и часов осуществления розничной продажи; противодействие незаконному и неофициальному производству алкогольных напитков; предупреждение легкого доступа к алкогольным напиткам уязвимых и подвергающихся высокому риску групп населения; повышение розничных цен на спиртные напитки посредством налоговой политики; информирование населения о вреде алкогольных напитков; постепенное снижение допустимых норм содержания алкоголя в крови водителей и др. Отмечается, что особое внимание следует уделять сокращению вреда, причиняемого лицам и группам населения, подвергающимся особому риску в результате вредного употребления алкоголя, например детям, подросткам, женщинам детородного возраста, беременным женщинам, кормящим грудью, коренному населению и другим меньшинствам или группам с низким социально-экономическим статусом»².

В Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., принятой ООН, рекомендуется: 1) учитывать тот факт, что наркомания нередко является результатом нездоровой социальной атмосферы, в которой живут лица, наиболее подверженные опасности злоупотребления наркотическими средствами; 2) принимать все возможные меры для борьбы против распространения незаконного использова-

---

¹ Девиантное поведение молодежи и меры противодействия / В. А. Бобков [и др.]. Минск : Мин. науч.-исслед. ин-т социал.-эконом. и полит. проблем, 2005. 119 с.

² Глобальная стратегия сокращения вредного употребления алкоголя [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения, 2010 г. С. 9. URL: https://www.who.int/substance_abuse/activities/msbabcstrategyru1.pdf?ua (дата обращения: 15.12.2021).

ния наркотических средств; 3) организовывать досуг и другие виды деятельности молодежи с целью обеспечения ее нормального физического и духовного здоровья¹.

Таким образом, следует отметить, что в работе по профилактике и преодолению всех упомянутых выше вредных привычек следует практиковать разъяснение вреда для здоровья употребления алкоголя, наркотиков и табака; обучение эффективным методам избавления от данных вредных привычек, в частности другим способам снятия стресса; объяснение безосновательности тех установок, на основе которых происходит самооправдание употребления указанных вредных веществ; запретительно-ограничительный подход, например к выбору мест курения.

---

¹ Единая конвенция о наркотических средствах.

21. ПОЗИТИВНЫЕ ДЕВИАЦИИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Социальные нормы – это своего рода фундамент, на котором основаны и благодаря которому возможны совместная жизнь людей, стабильность и целостность общества. Отклонения от них чаще имеют негативные последствия. Однако наряду с негативными отклонениями (девиациями) существуют позитивные отклонения, на основе которых происходит прогрессивное обновление социальных норм и общества в целом.

Позитивные девиации – это отклоняющиеся от нормы явления и деятельность личности, которые носят положительный созидательный характер. Принято считать таковыми творчество, креативность, новаторство, талант и гениальность. Позитивные девиации всегда стоят у истоков чего-то совершенно нового, уникального и самобытного. Это способность человека порождать необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем мышления и поведения¹.

Социальное творчество чаще всего происходит в научной, технической и художественной сферах, а в итоге оказывает существенное влияние на все области общественной жизни. Утверждению новых норм поведения в жизненной практике способствует то, что границы между позитивным и негативным девиантным поведением иногда бывают весьма подвижными. То, что недавно отрицалось и осуждалось, может достаточно быстро стать новым образцом поведения. Наглядный тому пример – история моды.

Позитивная девиация – это обычно такое отклоняющееся поведение, которое хотя и воспринимается многими как необычное, но не вызывает неодобрения. Уже это способствует его социальному признанию. К тому же у творческих девиантов есть свой потенциал влияния. Прежде всего он вытекает из уверенности в себе, последовательности, настойчивости, сплоченности. Каналы влияния творческих девиантов на большинство весьма разнообразны. Даже не добившись сначала заметных результатов, их действия могут породить в рядах большинства сомнения в правильности, целесообразности существующего порядка, состояния дел, привычных способов жизни и т. п., заставить более глубоко задуматься над решением, казавшим-

---

¹ *Скиннер Б. Ф.* По ту сторону свободы и достоинства / пер. с англ. А. А. Федорова. Можайск : Оперант, 2015. 189 с.

ся до сих пор единственно верным. Открытое выражение несогласия стимулирует независимость. Оно помогает тем представителям большинства, которые уже начинают сомневаться, но еще находятся под влиянием самоцензуры, преодолеть свои сомнения и перейти на позиции новаторского меньшинства. Этот канал воздействия тем более важен, что за первыми «перебежчиками», следуя их примеру, нередко появляются другие, вызывая в отдельных ситуациях эффект снежной лавины.

Меньшинство может значительно укрепить свои позиции, если сумеет использовать феномен реактивного сопротивления части людей в ответ на любые попытки ограничить их свободу и усилить социальное давление, нивелировать их индивидуальность и отличие от других. Согласно теории реактивного сопротивления Дж. Брема, попытки ограничения свободы выбора и нивелирования индивидуальности людей побуждают их к ответному сопротивлению и более высокой оценке альтернативных действий. Ситуация обостряется и принимает весьма жесткие формы противодействия, когда запретное поведение имеет высокое личностное значение. Сопротивление социальному давлению оказывается более успешным, когда возникает как мгновенный ответ на навязываемые ограничения. Первые проявления сопротивления формируют внутренние установки, которые, влияя на поведение, сами усиливаются под его воздействием.

Рассчитывая на признание своих идей и предложений, инициативному меньшинству также следует помнить, что часто оно происходит в скрытой, латентной форме, т. е. предлагаемые ими идеи воспринимаются и получают одобрение скорее, чем признается авторитет их авторов. Нередко само авторство сознательно замалчивается.

Развивая тему позитивных социальных нововведений, С. Линг предложил теорию «деятельности на грани» (англ. *edgework*, состоящее из сочетания двух слов: *edge* – грань и *work* – деятельность). В ней речь идет об исключительно добровольной сознательной деятельности индивидов, предполагающей риски и неопределенности. Данная теория была предложена на фоне роста популярности экстремальных видов спорта и досуговой деятельности. В дальнейшем этот подход стал применяться для анализа мотивов добровольного принятия риска в профессиональной деятельности. Так, было установлено, что опыт принятия риска, имеющийся у людей, которые работают спасателями, полицейскими, летчиками-испытателями и даже биржевыми брокерами, принципиально схож с практикой

любителей экстремальных видов спорта (альпинизма, дайвинга, скоростных гонок и т. п.).

С. Линг особенно интересовали те экстремальные виды деятельности, где люди вплотную подходят к грани, отделяющей жизнь от смерти, но в действительности ее не переходят, проявляя физические умения и психологические навыки овладения эмоционально-стрессовыми реакциями. Увлечение рискованными видами деятельности компенсирует недостаток переживаний, выходящих за рамки повседневной рутинной жизни, и помогает индивидам максимально реализовать свои физические и интеллектуальные способности. «Поэтому они (*edgeworkers*) утверждают, что бытие на грани – это те моменты, когда они чувствуют себя по-настоящему живыми»¹.

Определенное распространение получает также точка зрения, что многие виды девиантности функциональны, поскольку в результате играют позитивную социальную роль. Так, функции коррупции – упрощение бюрократических процедур, ускорение принятия управленческих решений и др.; функции алко- и наркопотребления – анестезирующая, седативная, интегративная, психостимулирующая, протестная; функция проституции – сохранение моногамного брака и т. п.

---

¹ *Lyng S. Edgework, Risk, and Uncertainty // Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction / ed. J. O. Zinn. Blackwell Publishing Ltd, 2008. P. 106–137. URL: https://www.researchgate.net/publication/230036165_Edgework_Risk_and_Uncertainty (date of access: 08.12.2021).*

22. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ключевую роль в системе мер по предупреждению и преодолению поведения, отклоняющегося от узаконенных норм, занимает внешний *социальный контроль*, т. е. контроль со стороны группы или другой социальной общности, в первую очередь уполномоченных ими институтов и лиц, за соблюдением их членами принятых социальных норм.

Система внешнего социального контроля включает два основных компонента: надзор за поведением и санкции за нарушение социальных норм.

Надзор состоит из формальных и неформальных способов обнаружения нежелательных поступков и поведения. Формальные институты надзора – полиция, служба безопасности, идеологические органы, включая церковь, полиция нравов и т. п. Неформальные институты надзора – контроль со стороны окружающих людей, семьи, малых групп, общественного мнения.

Санкции – это реакция группы на поведение ее членов. По одному критерию они разделяются на позитивные (поощрение) и негативные (наказание); по другому – на неформальные и формальные. На пересечении этих критериев образуются четыре *группы* санкций:

1) позитивные неформальные (например, молчаливое признание, выражение уважения, подчеркивание авторитета, похвалы в устной форме, доброжелательные сплетни и карикатуры);

2) позитивные формальные (например, грамоты, денежное вознаграждение, ценные подарки, ордена и медали, почетные звания, продвижение по службе, памятники);

3) негативные неформальные (например, устное выражение удивления, огорчения или неудовольствия, насмешки, отказ подать руку или поддерживать товарищеские отношения, недоброжелательные сплетни и карикатуры, остракизм);

4) негативные формальные (например, административные и судебные наказания – штраф, арест, тюремное заключение, лишение гражданских прав или гражданства, конфискация имущества, отлучение от церкви, смертная казнь).

Воздействие санкций имеет как прямой, так и косвенный характер (через предостережение).

В системе Т. Парсонса выделены следующие методы социального контроля:

- изоляция с целью отлучения девианта от других людей без попытки реабилитации (тюрьма);
- обособление, ограничивающее контакты с другими людьми, но не изолирующее полностью от общества (помещение в психическую больницу на ограниченный срок);
- реабилитация, означающая подготовку девиантов к возвращению в нормальную жизнь и выполнению своих социальных ролей («анонимные алкоголики», «анонимные наркоманы» и т. п.).

Многоаспектные процессы глоболизирующегося мира включают глобализацию (интернационализацию) различных форм девиантности: преступности, в том числе организованную, проституции (*prostitutes traffic*), наркотизма (*drugs traffic*), терроризма, торговли людьми (*human trafficking*). Согласно социологу Я. И. Гилинскому, «это вполне закономерный процесс, поскольку девиантность и преступность (их структура, масштабы, динамика) зависят от экономических, политических, социальных, демографических и иных факторов. Глобализация девиантных проявлений и является следствием глобализации экономических, социальных, демографических (в частности, оживленная миграция населения), культуральных процессов¹.

Ответной реакцией мирового сообщества на глобализацию девиантных проявлений является глобализация социального контроля над девиантностью: создание и деятельность Интерпола и Европола; разработка и принятие многочисленных международно-правовых актов, направленных на противодействие организованной преступности, наркобизнесу, «отмыванию» денег, терроризму; международно-правовая регламентация условий содержания осужденных в пенитенциарных учреждениях (в том числе так называемые «Минимальные стандарты обращения с заключенными»); распространение идеи и практики *community policing* – партнерских отношений между полицией и «коммюнити» (общины, население по месту жительства); общемировая тенденция отказа от смертной казни и др. Одновременно, пишет Я. И. Гилинский, «исследователи отмечают избирательное усиление репрессивности полиции и уголовной юстиции»².

Неэффективность и неадекватность традиционных карательных мер социального контроля начала осознаваться с середины XX в.

---

¹ Гилинский Я. И. Глобализация и преступность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. № 2 (15). С. 25.

² Там же. С. 26–27.

(«кризис наказания»). Признание неэффективности наказания как единственной реакции на преступления привело к возникновению ювенальной (от лат. *juvenālis* – юношеский и *jūstitia* – правосудие) и восстановительной юстиции.

В ювенальной юстиции как правосудия по делам несовершеннолетних особый упор делается на меры профилактического воздействия по отношению к молодежи. Особенно если речь идет об алкоголизме, о сексуальных отклонениях и других некриминальных формах девиантного поведения. Восстановительная юстиция направлена на удовлетворение претензий потерпевшего за счет виновного лица без процедуры уголовного преследования.

Примером для институционализации восстановительной юстиции является дальневосточный регион, где традиционно доминирует компромиссный путь решения такого рода проблем. Иным является там и отношение к законам. В Японии право по традиции воспринимается не в качестве фактора порядка и символа справедливости, а как орудие, которое использует государство для навязывания своей воли. Человеку в поведении следует руководствоваться не юридическими нормами, а стремлением к гармонии и миру. Согласительные процедуры ценнее правосудия, и конфликты нужно гасить путем посредничества, а не решать правовым путем. В области отношений между частными лицами суды в Японии чаще заняты примирением сторон, а не решением дел по существу. Мировые соглашения предусмотрены уже на досудебной стадии. Наилучший вариант – это не судебное решение, а отказ от иска и любовное соглашение¹.

В качестве альтернативы запретительно-репрессивному подходу к преодолению девиаций используются следующие действия:

1) смягчение наказания «преступников без жертв» (проституция, бродяжничество, гомосексуализм и т. п.) и перенос акцента на профилактические меры снятия или нейтрализации данных форм девиантного поведения;

2) развитие разветвленной системы служб социальной профилактики и реабилитации: подростковой, геронтологической, наркологической, суицидологической и др.;

3) либерализация режима содержания в тюрьмах и колониях, в целом сокращение доли этого вида наказания;

4) отмена смертной казни.

---

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М. : Прогресс, 1988. С. 458–459.

В новой ситуации наряду с внешними формами социального контроля больший акцент делается на формировании самоконтроля и использовании косвенных видов контроля:

- формирование самоконтроля (внутреннего контроля) обеспечивается интериоризацией (личностным принятием) социальных ценностей и норм. Особую роль в формировании самоконтроля играют три механизма: усвоение субъектом оценки его другими людьми; социальное сравнение себя с другими; самоанализ, в частности самоатрибуция (от лат. *attributio* – приписывание), т. е. выяснение и объяснение причин своего поведения;

- контроль, основанный на идентификации с референтной (авторитетной) группой, реализующей в своем поведении социально признанные нормы и правила (например, с известными спортивными клубами или популярными музыкальными группами, демонстрирующими здоровый образ жизни);

- контроль, основанный на расширении доступности привлекательных способов действия, альтернативных делинквентным или аддиктивным (например, экстремальных видов спорта или других форм активного отдыха).

Социологические и статистические исследования показывают, что девиантное поведение молодежи является чаще всего групповым феноменом, и даже в том случае, когда молодой человек совершает индивидуальное правонарушение, он нередко идентифицирует себя с какой-либо группой. Из этих данных следует вывод, что барьеры в социализации так называемых трудных подростков, формирующихся в дворовых и иных компаниях, по мере взросления молодежи и вступления ее в самостоятельную жизнь имеют тенденцию к снижению, вследствие чего в более старших возрастных группах молодежи (20–24 и 25–29 лет) девиаций в поведении становится меньше. Что же касается делинквентных (преступных) группировок, то для них, напротив, характерна тенденция усиления девиантного поведения за счет интенсификации процессов криминализации молодых людей, которые вступили на путь правонарушений.

В дворовых и уличных компаниях в большинстве случаев реализуется стремление подростков самоутвердиться и завоевать авторитет не в глазах взрослых, а в среде своих ровесников. Следовательно, ни отменить, ни запретить формирование дружеских компаний невозможно, но необходимо изучать их особенности, характер и направленность действий. В большинстве случаев для таких компаний характерны достаточно слабые и случайные проявления социальных

отклонений, которые подвержены корректировке и могут быть устранены. Эффективная воспитательная работа с подростками подразумевает понимание воспитателями (родителями, учителями, работниками правоохранительных органов и др.) того, что в дружеских компаниях формирующиеся личности, часто испытывающие кризисные трудности социализации, характерные для подросткового возраста и вступления во взрослую жизнь, находят полное понимание и поддержку своего стремления хорошо выглядеть в глазах сверстников. По данной причине дружеские подростковые компании следует рассматривать и оценивать не как неизбежное зло («дурное влияние улицы»), что свойственно многим взрослым людям, а как важный фактор социализации, тем более, что во многих таких компаниях реализуется стремление поддерживать друзей и помогать друг другу.

В практике воспитательной деятельности с подростками необходимо выяснять и учитывать характер и направленность дружеских компаний, в которых некоторые виды девиантного поведения проявляются эпизодически, и существенно отличающихся от них делинквентных уличных группировок, которые характеризуются противоправными действиями (вымогательство, грабеж, проституция, хулиганство и др.). Особое внимание следует обращать на выявление лидеров дружеских компаний, проводить целенаправленную индивидуальную работу с ними для того, чтобы использовать их влияние на сверстников с целью вовлечения последних в различные формы общественно-полезной деятельности – участие в спортивных секциях, техническом творчестве и т. п.

С профилактической целью полезно практиковать создание специальных служб уличной социальной работы с подростками, вышедшими из-под контроля семьи и школы, включая беспризорных детей. Их задачей является включенное наблюдение за поведением детей, установление с ними прямых контактов и, по возможности, доверительных отношений, оказание возможных мер поддержки. Важными принципами работы данных служб является конфиденциальность, т. е. сохранение секретов детей, и ориентация на долгосрочные постепенные результаты. Уличная социальная работа характеризуется повышенной опасностью, так как часто проводится в темное время суток, в том числе с несовершеннолетними, находящимися в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. В качестве уличных социальных работников лучше всего использовать лиц, близких по возрасту к трудным подросткам, например студентов профильных специальностей.

Таким образом, в целях эффективности социальный контроль должен сочетаться со специальными действиями по профилактике вредных привычек и правонарушений. Они включают меры социально-экономического и административного, лечебно-профилактического и образовательно-воспитательного характера, рациональную организацию свободного времени, активное вовлечение в воспитательный процесс родителей и общественных организаций.

Приведем конкретные меры противодействия различным видам девиаций:

1) необходимо проводить среди девочек и девушек уроки женственности и женской красоты;

2) следует проводить занятия о вреде алкоголизма, наркомании, табакокурения с учащимися непосредственно в учебных заведениях. Ведь такого мнения, как показывают социологические опросы, придерживаются более 90 % самих старшеклассников;

3) поскольку неудовлетворенным остается стремление около 15 % трудных подростков подработать в свободное время, а примерно 10 % подростков и молодых людей из группы риска хотели бы обучаться основам предпринимательской деятельности, необходимо шире использовать студенческие строительные и сельскохозяйственные отряды, летние трудовые лагеря, трудоустройство на временные и сезонные рабочие места, привлекать детей и подростков к работам по благоустройству, содействовать обучению молодых людей основам предпринимательской деятельности;

4) поскольку почти каждый третий представитель группы риска занимается спортом, физическими упражнениями, важно разъяснять несовместимость активной спортивной деятельности, особенно на уровне спорта высших достижений, со склонностью к вредным привычкам, более активно задействовать в воспитательно-профилактической работе авторитет спортивных педагогов;

5) каждый десятый подросток в возрасте 13–14 лет хочет получить военно-спортивную специальность, следовательно, необходимо предоставить ему такую возможность через соответствующие секции, лагеря отдыха и т. п.;

6) особым интересом пользуются у трудных подростков дискотеки и вечера отдыха, поэтому следует использовать их как площадки для антиалкогольной и антинаркотической пропаганды, приводя примеры известных артистов, избавившихся от вредных зависимостей и (или) предостерегающих от них;

7) необходимо проводить регулярные обследования жилого сектора, подъездов, чердаков и подвалов, где нередко собираются группы подростков, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения (так, на обращенный к наркоманам вопрос «Где они обычно делают инъекции наркотических веществ?» – квартиры назвали только 32,5 % опрошенных, однако 51,3 % упомянули подъезд и другие нежилые помещения, еще 10,3 % опрошенных назвали автомобили);

8) следует вести постоянный контроль за соблюдением запрета на продажу спиртных напитков несовершеннолетним подросткам, выявлять нарушителей правил продажи и показательно их наказывать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже отмечалось во введении, в книге представлен широкий спектр основных категорий понятийного аппарата социологической науки и их интерпретация ведущими представителями классической и современной социальной мысли. Однако очевидно, что для максимально точного и разностороннего понимания их идей требуется прямое обращение к авторским текстам. Возможный список авторов этих текстов внушительен и многообразен. В первую очередь это целая плеяда выдающихся социальных мыслителей с древних времен до возникновения социологии как самостоятельной научной дисциплины. Несомненно, сюда относятся основатели социологической науки, чья плодотворная научная деятельность пришлась на XIX в., известные социологи XX в. и современные исследователи.

Приступая к изучению социологической науки, особенно ее теоретических основ, нужно помнить и то, что их полноценное понимание и развитие невозможно без привлечения знаний из смежных научных дисциплин, прежде всего социальной философии, истории, культурологии и психологии. Отцы-основатели социологии были хорошо знакомы с этими науками и активно использовали в своих работах содержащиеся в них эмпирические данные и умозаключения.

Думаем, что знакомство с настоящим изданием подтвердило наши исходные теоретико-методологические установки насчет того, что не создано единственно верной объяснительной теоретической конструкции, которая, во-первых, охватывала бы все многогранные аспекты общественной жизни и деятельности человека; во-вторых, давала бы исчерпывающие ответы на вопросы о функционировании и развитии общества, поведении и социальных действиях людей. Однако знание разнообразных, даже противоречащих одна другой точек зрения необходимо для лучшего понимания происходящих процессов и приближения к научной истине.

Наконец, следует помнить, что современная социологическая наука не может развиваться исключительно в теоретико-методологическом лоне, без обращения к реальным событиям и процессам общественной жизни, их изучения и оценки, сбора эмпирической социологической информации, выработки практических управленческих предложений. В связи с этим весьма своевременно, как представляется, выдвижение идеи социологии публичной сферы, которая должна выйти за рамки строго академической социологической науки и более активно использовать ее наработки для анализа состо-

яния, прогнозирования и решения текущих и глобальных проблем современного общества.

Автор представленного пособия сосредоточил свое внимание на цельном изложении основного материала в рамках рассматриваемого курса, выделяя различия в оценках анализируемых проблем. Что касается читателей, то им, помимо знакомства с материалами издания и текстами первоисточников, требуется самостоятельно размышлять, сопоставить различные точки зрения и осознать эвристическую ценность каждой из них. Полагаем, что данная книга поможет сформировать у будущих профессиональных социологов базовые теоретико-методологические установки для разработки инструментария и проведения самостоятельных социологических исследований. Кроме того, она может быть интересна и полезна всем, кто интересуется актуальными проблемами, тенденциями и перспективами развития современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адлер, А. Индивидуальная психология / А. Адлер // История зарубежной психологии. 30–60-е годы XX века : тексты / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 131–140.

Антониони, М. Антониони об Антониони / М. Антониони ; вступ. ст. В. Е. Баскакова ; сост. и коммент. О. Б. Бобровой. М. : Радуга, 1986. 399 с.

Аренд, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Аренд ; пер. с англ. И. В. Борисова [и др.] ; послесл. Ю. Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.

Аристотель. Политика / Аристотель // Соч. : в 4 т. / пер. и ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.

Аронсон, Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы / Э. Аронсон // Современная зарубежная социальная психология : тексты. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 111–126.

Бальцерович, Л. Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох / Л. Бальцерович ; Ун-т Рос. акад. образования. М. : Наука : УРАО, 1999. 352 с.

Барбер, Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности / Б. Барбер // Американская социология / под общ. ред., предисл. и закл. ст. Т. Парсонса ; сокр. пер. с англ. В. В. Воронина, Е. В. Зиньковского ; ред. и вступ. ст. Г. В. Осипова. М. : Прогресс, 1972. С. 235–247.

Баткин, Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления / Л. М. Баткин. М. : Наука, 1978. 200 с.

Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 390 с.

Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.

Бежар, М. Мгновения в жизни другого. Мемуары / М. Бежар ; пер. с фр. Л. Зонина ; послесл. В. Гаевского. М. : Союзтеатр, 1989. 237 [6] с.

Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Беккер, Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности / Г. Беккер ; пер. с англ. Н. Г. Фархатдинова ; под ред. А. М. Корбута. М. : Элементар. формы, 2018. 272 с.

Беккер, Г. Девиантность как следствие «наклеивания ярлыков» / Г. Беккер // Контексты современности-II : хрестоматия / сост. и ред. С. А. Ерофеева. Казань : Изд-во Каз. гос. ун-та. 2001. С. 145–149.

Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / Д. Белл ; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Академия, 1999. 788 с.

Бергман, И. Бергман о Бергмане : пер. с англ., швед. / И. Бергман ; ред. Ю. А. Козловский. М. : Радуга, 1985. 525 с.

Бергсон, А. Смех / А. Бергсон // Психология эмоций : тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 186–191.

Блумер, Г. Коллективное поведение / Г. Блумер // Американская социологическая мысль : тексты / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 168–215.

Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. и сопровод. ст. С. Зенкина. М. : Рудомино, 1995. 224 с.

Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббель ; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : Прогресс, 1986. Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. 623 с.

Бромлей, Ю. Б. Человек в этнической (национальной) системе / Ю. Б. Бромлей // Вопр. философии. 1988. № 7. С. 42–51.

Василюк, Ф. Е. Психология переживаний (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.

Вейнберг, И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока / И. П. Вейнберг. М. : Наука, 1986. 208 с.

Венсан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли : пер. с фр. / Ж.-П. Венсан ; общ. ред. А. П. Юшкевич, Ф. Х. Кессиди ; предисл. А. П. Юшкевич ; послесл. Ф. Х. Кессиди. М. : Прогресс, 1988. 224 с.

Верди, Д. Избранные письма / Д. Верди ; сост., пер. с итал., вступ. ст. А. Д. Бушен. М. : Музгиз, 1959. 673 с.

Гаал, Д. Ш. Лист / Д. Ш. Гаал ; авториз. пер. с венг. Г. Лейбутина ; предисл. Г. Крауклиса ; муз. ред. и примеч. Г. Шкляревского. М. : Правда, 1986. 413 [2].

Гарр, Т. Р. Почему люди бунтуют / Т. Р. Гарр. СПб. : Питер, 2005. 461 с.

Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс ; пер. с англ. В. Мальшенко [и др.] ; науч. ред. В. А. Ядов ; общ. ред. Л. С. Гурьева, Л. Н. Иосилевич. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.

Гидденс, Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации : пер. с англ. / Э. Гидденс ; 2-е изд. М. : Академ. Проект, 2005. 528 с.

Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс / Соч. : в 2 т. / пер. с англ. А. Гутермана. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–590.

Гофф, Ж. Л. Цивилизация средневекового Запада : пер. с фр. / Ж. Л. Гофф ; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного ; послесл. А. Я. Гуревич. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

Грамши, А. Тюремные тетради // Избр. произведения : в 3 т. / А. Грамши ; пер. с итал. В. С. Бондарчука [и др.] ; предисл. П. Тольятти. М. : Изд-во иностр. лит., 1957–1959. Т. 3. 1959. 565 с.

Грязнова, О. С. Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / О. С. Грязнова ; РАН. М. : 2009. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Avtoreferat/Avtoreferat_GryaznovaOS.pdf. Дата доступа: 15.01.2017.

Гумилев, Л. Н. О термине «этнос» / Л. Н. Гумилев // Докл. географ. о-ва СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 3–17.

Гумилев, Л. Н. Письмо в редакцию «Вопросов философии» / Л. Н. Гумилев // Вопр. философии. 1989. № 5. С. 157–160.

Гуревич, А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. М. : Искусство, 1990. 396 с.

Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид ; пер. с фр. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1988. 496 с.

Де, Боно Э. Рождение новой идеи. О нешаблонном мышлении : пер. с англ. / Боно Э. Де ; под общ. ред. и послесл. О. К. Тихомирова. М. : Прогресс, 1976. 143 с.

Джеймсон, Ф. Постмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймсон // Современная западная социология : хрестоматия / авт.-сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. М. : Тесей, 2008. С. 434–446.

Доклад ВОЗ о глобальной табачной эпидемии, 2021 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/344222/9789240032927-rus.pdf>. Дата доступа: 19.12.2021.

Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. с сокр. А. Н. Ильинского ; под ред. В. А. Базарова. М. : Мысль, 1994. 399, [1] с.

История первобытного общества : в 3 т. / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М. : Наука, 1983. Т. 1 : Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. 432 с.

История первобытного общества : в 3 т. / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М. : Наука, 1986. Т. 2 : Эпоха первобытной родовой общины. 573 с.

Карасев, Д. Ю. Теория революции Чалмерса Джонсона [Электронный ресурс] / Д. Ю. Карасев ; каф. истории и теории социологии социол. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. Режим доступа: <http://m.cyberleninka.ru/article/v/teoriya-revoljutsii-chalmersa-dzhonsona>. Дата доступа: 17.01.2017.

Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под общ. ред. О. И. Шкаратана. М. : Гос. ун-т – Высш. шк. экономики, 2000. 458 с.

Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс ; пер. с нем. ; общ. ред. [перевод] Б. М. Величковского. М. : Прогресс, 1983. 302 с.

Клочков, И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время : очерки / И. С. Клочков. М. : Глав. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1983. 207 с.

Кнабе, Г. С. Древний Рим – история и повседневность : очерки / Г. С. Кнабе. М. : Искусство, 1986. 206 с.

Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории : автобиография / Р. Дж. Коллингвуд ; пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева ; ст. М. А. Киссель. М. : Наука, 1980. 491 с.

Комлев, Ю. Ю. Социология девиантного поведения : учеб. пособие / Ю. Ю. Комлев, Н. Х. Сафиуллин ; под общ. ред. Ю. Ю. Комлева. 2-е изд., перераб. и доп. Казань : Каз. юрид. ин-т МВД России, 2006. 222 с.

Кречмер, Э. Строение тела и характер. Психология индивидуальных различий / Э. Кречмер ; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М. : АСТ : Астрель, 2008.

Крозье, М. Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения / М. Крозье // Свобод. мысль. 1993. № 11. С. 35–43.

Кули, Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль / Ч. Кули ; сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 330–335.

Ламброзо, Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ламброзо ; пер. с итал. Г. Тетюшиновой. М. : Рипол-классик, 2009. 397, [2] с.

Лебон, Г. Психология народов и масс : пер. с фр. / Г. Лебон ; СПб. : Макет, 1995. 314 с.

Левин, Д. Некоторые ключевые проблемы в работах Зиммеля / Д. Левин // Социол. журн. 1994. № 2. С. 61–101.

Лейтес, Н. С. Умственные способности и возраст / Н. С. Лейтес. М. : Педагогика, 1971. 280 с.

Лемерт, Э. Первичное и вторичное отклонения / Э. Лемерт // Контексты современности : хрестоматия / сост. и ред. С. А. Ерофеева. Казань : Изд-во Каз. гос. ун-та. 2001. С. 142–145.

Ленин, В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1967–1981 гг. Т. 41. 1920. С. 1–104.

Линдсей, Г. Творческое и критическое мышление / Г. Линдсей // Общая психология : хрестоматия : учеб. пособие / Г. Линдсей, К. Халл, Р. Томпсон ; сост. Л. Б. Бровина, Т. А. Сергеева. 2-е изд., испр. М. : Флинта : Моск. психол.-соц. ин-т, 2008. С. 115–121.

Лихачев, Д. С. Смех в древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 295 с.

Ломброзо, Ч. Преступный человек / Ч. Ломброзо ; пер. с итал. С. Рапорт, Н. С. Житкова ; предисл. К. Ковешникова. М. : Эксмо : МИДГАРД, 2005. 876, [1] с.

Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») : пер. с нем. / К. Лоренц. М. : Прогресс : Универс, 1994. 272 с.

Лосев, А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. М. : Мысль, 1982. 623 с.

Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман ; пер. с нем. А. Антоновского. М. : Логос. 2004. 232 с.

Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; предисл. В. Ю. Кузнецова. М. : АСТ, 2002. 526 с.

Мид, Дж. Азия / Дж. Мид // Американская социологическая мысль / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 122–128.

Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение / Ч. Р. Миллс ; пер. с англ. О. А. Оберемко ; под общ. ред. и с предисл. Г. С. Батыгина. М. : Nota Bene, 2001. 264 с.

Моляко, В. А. Психология конструкторской деятельности / В. А. Моляко. М. : Машиностроение, 1983. 134 с.

Паркинсон, С. Н. Законы Паркинсона / С. Н. Паркинсон ; пер. с англ. Н. Трауберг. М. : Эксмо, 2007. 464 с.

Петипа, М. Материалы. Воспоминания. Статьи / М. Петипа ; сост. и авт. примеч. А. Нехендзи ; предисл. Ю. Слонимского. Л. : Искусство, Ленингр. отд-ние, 1971. 446 с. : ил.

Пиаже, Ж. Теория Пиаже / Ж. Пиаже // История зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы XX века / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 232–292.

Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти ; пер. с англ. А. А. Дунаева. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

Поппер, К. Нишета историцизма : пер. с англ. [Электронный ресурс] / К. Поппер. М. : Прогресс-ВИА, 1993. Режим доступа: http://royallib.com/book/popper_karl/nishcheta_istoritsizma.html. Дата доступа: 12.01.2017.

Ревалд, Дж. История импрессионизма / Дж. Ревалд ; пер. с англ. П. Мелковой. М. : Республика, 1994. С. 33.

Робер, М.-А. Психология индивида и группы / М.-А. Робер, Ф. Тильман ; пер. с фр. Е. В. Машковой, Е. А. Соколова ; предисл. А. В. Толстых. М. : Прогресс, 1988. 256 с.

Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Р. Роджерс ; пер. с англ. М. М. Исенина ; общ. ред. и предисл. И. И. Исениной. М. : Прогресс : Универс, 1994. 479 [1] с.

Роллан, Р. Жизнь Микеланджело / Р. Роллан. Калининград : Калинингр. книж. изд-во : Янтар. сказ, 2001. 336 с.

Рубанов, А. В. Самоценность жизни или культ средства: ценностная альтернатива / А. В. Рубанов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2021. № 1. С. 4–9.

Рубанов, А. В. Творчество: личность и технологии / А. В. Рубанов // Соц. технологии, исследования. 2019. № 2. С. 33–42.

Рылько, Е. Каким будет капитализм XXI века? [Электронный ресурс] / Е. Рылько. Режим доступа: http://www.sociologos.ru/novosti/Direktor_londonskoj_SHkoly_Ekonomiki_-_sociolog_Krejj_Kalhun_vystupil_s_lekciej. Дата доступа: 12.01.2017.

Рюде, Дж. Народные низы в истории. 1730–1848 / Дж. Рюде ; пер. с англ. Е. Бухарова, О. Зеленина ; предисл. и ред. М. А. Барг. М. : Прогресс, 1984. 320 с.

Сандлер, Дж. Пациент и психоаналитик: основы психоаналитического процесса / Дж. Сандлер, К. Дэр, А. Холдер ; пер. с англ. и предисл. В. Зеленского. М. : Смысл, 2007. 254 с.

Симонов, П. В. Мотивированный мозг / П. В. Симонов ; Акад. наук СССР. Ин-т высш. нерв. деятельности и нейрофизиологии. М. : Наука, 1987. 267, [3] с.

Смелзер, Н. Социология : пер. с англ. / Н. Смелзер ; науч. ред. изд. на рус. яз. В. А. Ядова. М. : Феникс, 1994. 688 с.

Сопутствующие психические заболевания оцениваются у корейских детей и подростков, у которых положительный результат скрининга на интернет-зависимость [Электронный ресурс] / Дж. Х. Ха [и др.] // J. Clin Psychiatry. 2006. № 67. С. 821–826. Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16841632>. Дата доступа: 21.12.2021.

Социология Конта в изложении Ригولاжа / пер. с фр. Н. Лосского. СПб. : Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1898. 406 с.

Спиридонова, В. И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье) / В. И. Спиридонова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФРАН, 1997. 201, [1] с.

Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг ; пер. с англ. Н. Усова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард ; пер. с фр. Ф. Павленкова. М. : Кн. по требованию, 2012. 378 с.

Тард, Г. Общественное мнение и толпа / Г. Тард ; пер. с фр. под ред. П. С. Когана. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1902. 201 с.

Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис ; пер. с нем. Д. В. Складнева. М. : Фонд Университет ; СПб. : Владимир Даль, 2002. 448 с.

Тернер, Дж. Структура социологической теории / Дж. Тернер ; пер. с англ. О. С. Гавриш [и др.] ; общ. ред. и вступ. сл. Г. В. Осипова. М. : Прогресс, 1985. 472 с.

Тили, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Ч. Тили ; пер. с англ. Т. Б. Менской ; предисл. Г. Дерлугьяна. М. : Территория будущего, 2009. 360 с.

Титаренко, Л. Г. Концепция множественности форм модернов в исторической социологии Й. П. Арнасона / Л. Г. Титаренко // Социол. исслед. 2016. № 1. С. 186–190.

Тойнби, А. Дж. Постигание истории : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби ; сост. А. П. Огурцов ; вступ. сл. В. И. Уколова ; закл. сл. Е. Б. Рашковского ; авт. коммент. Д. Э. Хаританович, Н. И. Колышкина. М. : Прогресс, 1991. 736 с.

Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль ; пер. с фр. В. П. Олейник [и др.] ; предисл. Г. Дж. Ласки ; коммент. В. Т. Олейника. М. : Прогресс, 1992. 554 с.

Толстая, С. А. Дневники. 1862–1910 гг. : в 2 т. / С. А. Толстая ; сост., подгот. текста и коммент. Н. И. Азарова [и др.]. М. : Худож. лит., 1978. 627 + 668 с.

Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер ; пер. с англ. Е. Рудневой [и др.] ; науч. ред., предисл. П. С. Гуревича. М. : АСТ, 2002. 557 с.

Тощенко, Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс / Ж. Т. Тощенко // Социол. исслед. 2015. № 6. С. 3–13.

Узнадзе, Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки [Электронный ресурс] / Д. Н. Узнадзе ; Акад. наук Груз. ССР. Ин-т психологии им. Д. Н. Узнадзе. Тбилиси : Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. 210 с. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A3/uznadze-dmitrij-nikolaevich/psihologiya-ustanovki>. Дата доступа: 11.12.2021.

Уорнер, Л. Социальный класс и социальная структура / Л. Уорнер // Янки Сити. Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10–11. С. 42–57.

Февр, Л. Бои за историю : сб. ст. / Л. Февр ; пер. с фр. А. А. Бобович [и др.] ; ст. А. Я. Гуревич ; коммент. Д. Э. Харитоновича. М. : Наука, 1991. 635 с.

Феллини, Ф. Феллини о Феллини : пер. с итал. / Ф. Феллини ; послесл. В. С. Громова ; коммент. Г. Д. Богемского, О. Б. Бобровой М. : Радуга, 1988. 478 с.

Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл ; пер. с англ. и нем., общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева ; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. 368 с.

Франкфорт, Г. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт [и др.] ; пер. с англ. Т. Н. Толстой ; отв. ред., авт. вступ. ст. В. В. Иванов. М. : Глав. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1984. 236 с.

Фрейд, З. «Я» и «Оно» / З. Фрейд // Труды разных лет / пер. с нем., предисл. Б. Р. Нанейшвили, Г. Б. Нанейшвили. Тбилиси : Мерани, 1991. Кн. 1. С. 351–392.

Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм ; пер. с англ. Э. М. Телятниковой. М. : АСТ, 2016. 320 с.

Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас // Моск. лекции и интервью ; Ин-т философии РАН. М. : КАМИ : Academia, 1992. 256 с.

Хайек, Ф. А. Дорога к рабству / Ф. А. Хайек // Вопр. философии. 1990. № 10.

Хейзинга, Й. Осень Средневековья. Исследования форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Й. Хейзинга // Соч. : в 3 т. : пер. с нидерланд. / сост. и пер. Д. В. Сильве-

стров ; вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой ; закл. ст. и науч. коммент. Д. Э. Харитоновича. М. : Наука, 1988. Т. 1. 544 с.

Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность : в 2 т. / Х. Хекхаузен ; пер. с нем. Д. А. Леонтьев [и др.] ; коммент. и предисл. Л. И. Анцыферовой, Б. М. Величковского. М. : Педагогика-пресс, 1986. Т. 1. 408 с.

Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals>. Дата доступа: 10.12.2021.

Чуковский, К. И. Современники. Портреты и этюды / К. И. Чуковский. М. : Молодая гвардия. 1967. 590 с.

Шаляпин, Ф. И. Маска и душа: Мои сорок лет в театрах / Ф. И. Шаляпин ; предисл. Б. Покровского ; коммент. и послесл. Е. Дмитриевского. М. : Союзтеатр, 1989. С. 113–125.

Шацкий, Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий ; пер. с пол. К. В. Душенко, М. И. Леньшиной ; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликова. М. : Прогресс, 1990. 456 с.

Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер ; пер. с нем. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского ; общ. ред. и предисл. В. А. Карпушина. М. : Прогресс, 1973. 343 с.

Шелдон, У. Анализ конституциональных различий по биографическим данным. Психология индивидуальных различий / У. Шелдон ; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М. : АСТ : Астрель, 2008. С. 426–434.

Штаерман, К. Е. От гражданина к подданному / К. Е. Штаерман // Культура древнего Рима : в 2 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова ; Акад. наук СССР. Ин-т всеобщ. истории. М. : Наука, 1985. Т. 1. С. 22–105.

Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с пол. С. М. Червонной ; предисл. Н. Е. Покровского. М. : Логос, 2005. 664 с.

Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. 416 с.

Шубрт, И. Историческая социология Ш. Эйзенштадта – заверченный труд, открытый для вдохновения / И. Шубрт // Социол. исслед. 2014. № 6. С. 13–20.

Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский ; пер. с пол. М. М. Гуренко ; общ. ред. и предисл. А. М. Румянцева. М. : Прогресс, 1969. 240 с.

Эйзенштадт, Ш. Срывы модернизации. Неприкосновенный запас [Электронный ресурс] / Ш. Эйзенштадт. 2010. № 6. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/e4.html>. Дата доступа: 10.01.2017.

Элиас, Н. Понятие фигурации / Н. Элиас // Журн. социологии и соц. антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 62–65.

Якобсон, П. М. Процесс творческой работы изобретателя / П. М. Якобсон ; под ред. и предисл. Ю. К. Милонова ; науч.-исследоват. отд. Центр.

совета Всесоюз. общ-ва изобретателей. М. ; Л. : Изд-во Центр.совета Всесоюз. общ-ва изобретателей, 1934. 135 с.

Ямпольский, И. М. Никколо Паганини / И. М. Ямпольский. М. : Музгиз, 1961. 378 с.

Cohen, A. Delinquent Boys: The Culture of The Gang [Electronic resource] / A. Cohen. N. Y. : Free Press. 1955. Mode of access: <https://archive.org/details/delinquentboyscu00cohe>. Date of access: 13.12.2021.

Custer, R. L. Gambling and addiction / R. L. Custer, R. I. Graig, S. L. Baker. Springfield, 1982.

Custer, R. L. Profile of the pathological gambler / R. L. Custer // I. Clinical Psychiatry. 1984. Vol. 45. P. 35–38.

Davies, J. C. When Men Revolt – and Why. A Reader in Political Violence and Revolution [Electronic resource] / J. C. Davies // The Free Press, 1971. 388 p. Mode of access: <https://archive.org/details/whenmenrevoltwhy0000unse>. Date of access: 14.12.2021.

Frustration and Aggression [Electronic resource] / J. Dollard [et al.]. New Haven, CT, US : Yale University Press. 1939. 228 p. Mode of access: <https://archive.org/details/frustrationaggre00doll>. Date of access: 08.12.2021.

Gagnon, J. Sexual Behavior: Social Sources of Human Sexuality / J. Gagnon, W. Simon. Chicago : Aldine Books, 1973. 316 p.

Giddens, A. The Consequences of Modernity [Electronic resource] / A. Giddens. Cambridge : Polity Press, 1990. 188 p. Mode of access: <https://archive.org/details/consequencesofmo00anth>. Date of access: 14.12.2021.

Gilligan, C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development [Electronic resource] / C. Gilligan. Cambridge, Massachusetts and London : England : Harvard University Press, 1993. 220 p. Mode of access: <https://archive.org/details/indifferentvoic000gill/mode/2up>. Date of access: 10.12.2021.

Gouldner, A. W. Patterns of Industrial Bureaucracy [Electronic resource] / A. W. Gouldner. N. Y. : The Free Press of Glencoe, 1954. Mode of access: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.461008/page/n9/mode/2up>. Date of access: 08.12.2021.

Guilford, J. P. The Nature of Human Intelligence / J. P. Guilford. McGraw-Hill, 1967. 538 p.

Hagen, E. Towards the theory of social change: how economic growth begins / E. Hagen. L. : Homewood : Dorsey Press, 1962. xvii + 557 p.

Hirschi, T. Causes of delinquency [Electronic resource] / T. Hirschi. California : University of California Press, 1969. 332 p. Mode of access: <https://archive.org/details/causesofdelinque000hirs>. Date of access: 08.12.2021.

Homans, G. C. Social Behavior: Its Elementary Forms [Electronic resource] / G. C. Homans. Harvard University Harwart Brace Iovanovich, Inc, 1961. 408 p. Mode of access: https://archive.org/details/socialbehaviorit0000homa_e3x9. Date of access: 08.12.2021.

Kohlberg, L. The Psychology of Moral Development. The Nature and Validity of Moral Stages [Electronic resource] / L. Kohlberg. San Francisco : Harper &

Row Publishes, 1984. 776 p. Mode of access: <https://archive.org/details/psychologyofmora0000kohl/mode/2up>. Date of access: 09.12.2021.

Lenski, G. Human societies: an introduction to macrosociology [Electronic resource] / G. Lenski, J. Lenski. N. Y. : McGraw-Hill Book Company, 1974. 554 p. Mode of access: <https://archive.org/details/humansocietiesin00lens/mode/2up>. Date of access: 08.12.2021.

Mayo, E. The social problems of an industrial civilization [Electronic resource] / E. Mayo. Boston : Division of Research Graduate School of Business Administration Harvard University, 1945. 150 p. Mode of access: https://archive.org/stream/socialproblemsof00mayo/socialproblemsof00mayo_djvu.txt. Date of access: 10.12.2021.

Merton, R. K. Social Research and Practicing Profession [Electronic resource] / R. K. Merton. Cambridge : Abt Books. 1982b. II. 314 p. Mode of access: <https://archive.org/details/socialresearchpr0000mert>. Date of access: 05.12.2021.

Nye, F. I. Family relationships and delinquent behavior / F. I. Nye. N. Y. : Wiley, 1958. 168 p.

Risman, D. The Lonely crowd. The study of american character [Electronic resource] / D. Risman, N. Glaser, R. Danney. N. Y., 1950. 368 p. Mode of access: <https://archive.org/details/lonelycrowdstudy0000ries>. Date of access: 05.12.2021.

Wallas, G. The Art of Thought / G. Wallas. N. Y. : Harcourt Brace, 1926.

Weber, M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre [Elektronische Ressource] / M. Weber. Tübingen JCB Mohr (Paul Siebeck) Erscheinungsdatum, 1922. 596 s. Zugriffsmodus: <https://archive.org/details/gesammelteaufs00webeuoft>. Datum des Zugriffs: 17.12.2021.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

1. Теоретическая социология как научная дисциплина	6
2. Общество как предмет социологической науки	9
2.1. Понятие «общество»	9
2.2. Социальный порядок	14
2.3. Оценки современного общества	35
3. Социологическое понимание личности и социализация	49
3.1. Личностные детерминанты человеческой деятельности	49
3.2. Историческая эволюция мотивов, смыслов и способа жизни людей	58
3.3. Социологические теории личности	69
3.4. Социализация, ее механизмы и этапы	77
4. Социальное взаимодействие, группы и движения	86
4.1. Повседневность. Социальное действие и взаимодействие	86
4.2. Малая группа, организация	92
4.3. Бюрократия и дебюрократизация	102
4.4. Коллективное поведение и социальные движения	111
5. Социальная структура, мобильность, социальные институты	120
5.1. Социальная структура и мобильность	120
5.2. Социальные институты	127
5.3. Нации	131
5.4. Массы и элиты	134
6. Социальное развитие	143
6.1. Социальный эволюционизм	143
6.2. Теория исторических циклов	152
6.3. Новые подходы к объяснению социального развития	164
7. Социальные конфликты и революции	178
7.1. Понятие и причины социальных конфликтов	178
7.2. Социальная справедливость	182
7.3. Основные объяснительные парадигмы социальных конфликтов	186
7.4. Социальные революции и их теоретические интерпретации	189

РАЗДЕЛ II. СОЦИОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

8. Сущность творчества и концепции творческой деятельности.....	200
9. Творческая личность.....	212
10. Особенности биографии творческих личностей	223
11. Индивидуальный творческий процесс	240
12. Коллективное творчество	260
13. Социальное творчество.....	272

РАЗДЕЛ III. СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

14. Социология девиантного поведения как специальная социологическая дисциплина	300
15. Девиантное поведение как предмет междисциплинарных исследований	311
16. Социологические подходы к изучению девиантного поведения.....	320
17. Агрессия и ее объяснения. Насилие в современном обществе	329
18. Преступность и ее социологическое изучение.....	341
19. Аддиктивное поведение: курение, игромания, суицид.....	353
20. Алкоголизм и наркомания как социальное явление	366
21. Позитивные девиации как фактор социального развития.....	376
22. Социальный контроль и профилактика девиантного поведения	379
Заключение	386
Список литературы.....	388

Учебное издание

Рубанов Анатолий Владимирович

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Учебно-методическое пособие

Редактор *Е. В. Демидова*

Художник обложки *А. А. Рабкевич*

Технический редактор *В. П. Явуз*

Компьютерная верстка *Е. В. Анискевич*

Подписано в печать 30.11.2023. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 23,25.
Уч.-изд. л. 24,73. Тираж 60 экз. Заказ 383.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.